

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»

Н.А. Бурмакина

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
ПЕРВОГО ГУБЕРНАТОРА
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ**

*Лингвокогнитивные и прагматические проблемы
лингвоперсонологии*

МОНОГРАФИЯ

Электронное издание

Красноярск
2013

ББК 81.0
Б 912

Рецензенты:

Васильева С.П.,

доктор филологических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева

Ушакова А.П.,

доктор филологических наук, профессор Тюменского
государственного университета

Кузнецова Н.В.,

канд. филол. н., доцент Тюменского государственного университета

Бурмакина Н.А.

Б 912 Языковая личность первого губернатора Енисейской губернии. Лингвокогнитивные и прагматические проблемы лингвоперсонологии: монография [Электронный ресурс] / – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

Работа выполнена в рамках лингвистической персонологии и посвящена исследованию лингвокогнитивного и прагматического уровней языковой личности первого енисейского губернатора Александра Петровича Степанова.

Рассматриваются научные достижения, которые определили современное развитие лингвоперсонологии; характеризуются подходы к изучению языковой личности. Выявлены особенности вербализации концептов «Красота» и «Польза» в индивидуальной языковой картине мира языковой личности А.П. Степанова. Определён состав лексико-семантический полей «Красота» и «Польза» в языке первой половины XIX века. Особое внимание уделяется анализу концептов «Красота» и «Польза», поскольку они связаны с категориями эстетического и утилитарного отражения мира и являются ценностными доминантами русской культуры конца XVIII – первой трети XIX века. Анализируются прецедентные тексты в дискурсе А.П. Степанова, свидетельствующие об особенностях эстетических пристрастий и интеллектуальных предпочтений енисейского губернатора.

Представленный в работе лингвокогнитивный подход изучения творческой языковой личности позволяет сделать объективные выводы о духовных, эстетических и утилитарных ценностях русского этноса, что особенно актуально на современном этапе, так как на рубеже XX – XXI вв. чрезвычайно возрос интерес к проблемам национального характера, мировоззрения отдельной личности.

Для студентов-филологов, аспирантов, магистранов, преподавателей вузов.

Проект 04/12 “Педагогическая магистратура для “Новой школы”

ББК 81.0

ISBN 978-5-85981-619-4

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013

© Бурмакина Н.А., 2013

*Памяти горячо любимых мамы и бабушки –
Тамары Николаевны Демешко
и Клавдии Степановны Штыц (Власовой)*

Крепость и **красота** – одежда ее,
и весело смотрит она на будущее

(Книга Притчей Соломоновых 31:25)

Наибольшая **польза** обыкновенно несёт в себе
и наибольшее величие,
и даже наибольшую **красоту**

(Марк Туллий Цицерон)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1.	
Лингвокогнитивный уровень структуры языковой личности А.П. Степанова	31
1.1. Семантические сети и фреймы как средства представления концептов в картине мира языковой личности	31
1.2. Индивидуальная языковая картина мира и концептосфера личности как объект лингвистического исследования	37
1.3. Эстетическое (прекрасное и безобразное) и утилитарное (полезное и вредное) как ценности в картине мира языковой личности	39
1.3.1. Анализ содержания понятий «красота» и «польза» в энциклопедических источниках	39
1.3.2. Лексико-семантическое поле «Красота» в языковой картине мира русского этноса XIX века (анализ на материале лексикографических источников).....	44
1.3.3. Концепт «Красота» в индивидуальной языковой картине мира А.П. Степанова.....	61
1.3.4. Лексико-семантическое поле «Польза» в языковой картине мира русского этноса XIX века (анализ на материале лексикографических источников).....	95
1.3.5. Концепт «Польза» в индивидуальной языковой картине мира А.П. Степанова.....	107
Выводы	143
Глава 2.	
Прагматический уровень структуры языковой личности А.П. Степанова	146
2.1. Понятие «прецедентный текст» в аспекте теории языковой личности	146

2.2. Прецедентные тексты в дискурсе языковой личности А.П. Степанова	161
Выводы	191
Заключение	192
Литература	198
Словари, энциклопедии	254
Источники прецедентных текстов.....	256
Список условных сокращений и обозначений	259
Приложение I. Очерк жизни и деятельности А.П. Степанова	261
Приложение II. Схемы, раскрывающие характер отношений между рассматриваемыми понятиями	275
Приложение III. Вербализация концепта “Красота”	280
Приложение IV. Вербализация концепта “Польза”	350

ВВЕДЕНИЕ

Разработка теории языковой личности (далее – ЯЛ) относится к числу актуальных задач современного языкознания. Способность и возможность познавать личность через её язык открывают новые горизонты в науке. Постановка проблемы ЯЛ обусловлена формированием антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Сущность **антропоцентризма** – ведущего принципа современного языкознания – заключается в том, что учёный стремится познать мир, воспринимаемый человеком, и человека, воспринимающего мир.

Стоит отметить, что и в предшествующие эпохи изучение языка было непосредственно связано с изучением языка личности, внимание к которому проявляли ещё мыслители Древней Греции. Однако только в XIX – начале XX вв. интерес к субъекту говорящему и слушающему определил научные открытия и знаменовал начальный этап разработки проблемы «язык и личность» [Иванцова, 2002: 3-5].

Впервые идеи изучения языка личности высказаны в работах В. фон Гумбольдта [1984], И.А. Бодуэна де Куртене [1963], Ф. де Соссюра [2004], А.М. Пешковского [1959], Э. Сепира [1993], Э. Бенвениста [2002] и др.

Большой вклад в разработку содержания понятия «языковая личность» внёс В.В. Виноградов, который ввёл данное понятие в научный оборот в работе 1930 года «О художественной прозе» [Виноградов, 1980: 91].

В структуру языковой личности, отражающей себя в творчестве, по В.В. Виноградову, включаются: 1) структура естественного языка («внешние грамматические формы языка»); 2) языковая коллективная практика («формы коллективных субъектов»); 3) индивидуальная картина мира («особенности словесного мышления») [Виноградов, 1971: 108].

Только в конце XX в. лингвоперсонология оформилась как самостоятельная дисциплина. Её методология была соз-

дана в 80-90-е годы XX в. Идеи учёных XIX – начала XX вв. были развиты в трудах Г.И. Богина [1984], Ю.Н. Караулова [1987], Е.В. Иванцовой [2002; 2008, 2010; 2012] и др. С их именами связано создание теории ЯЛ. Е.В. Иванцова под ЯЛ понимает личность в единстве социальных и индивидуальных черт, которые отражены в созданных ею текстах. Она справедливо вкладывает в содержание понятия «ЯЛ» результат воплощения речевой способности и национально-культурные, мировоззренческие установки личности, а не потенциальные речевые способности и собирательные характеристики культурологического плана. При таком анализе дискурс личности признан единственно возможным источником изучения речевой способности интересующей ЯЛ [см.: Иванцова, 2002: 9-10].

Современный этап развития лингвоперсонологии знаменуется созданием научных центров и научно-исследовательских лабораторий. В настоящее время в России проблемой ЯЛ занимаются несколько научных центров, среди которых: *Тверской университет* [Язык, дискурс и личность, 1990; Сухих, 1993; Бабий, 1994 и др.], *Воронежский университет* [Бабушкин, 1997 и др.], *Пермский университет* [Ерофеева, 1992; Малышева, 1998 и др.], *Тюменский университет* [Лютикова, 1999; 2000 и др.]. Значительный вклад в разработку проблемы ЯЛ внесли исследователи *Волгоградского* и *Саратовского университетов* [Барков, 1996; Седов, 1998, 1999; Гуц, 1997; Кочеткова, 1998; Ножкина, 1993; Ягубова, 1993 и др.]. Их учёные объединили свои усилия в познании сложного феномена ЯЛ, выпустив в 1998 г. сборник «Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты» [Языковая личность, 1998]. В русле антропоцентризма лингвистики проводятся изыскания научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» Волгоградского государственного педагогического университета [Красав-

ский, 2001]. Большой вклад в теоретическое и практическое изучение конкретной ЯЛ, на наш взгляд, вносят учёные *Томской диалектологической школы*. Больше двадцати лет объектом их пристального внимания является диалектная ЯЛ В.П. Вершининой, носителя сибирского старожильческого говора. Результаты исследования нашли своё отражение в многочисленных статьях и диссертациях, в которых учёные анализируют лексикон ЯЛ, характер построения текста, особенности языкового сознания [Иванцова, 1994 – 2002], систему жанров информанта [Демешкина, 1994 и др.; Гынгазова, 1998, 2001; Казакова, 2005 и др.], концепты ЯЛ [Гынгазова, 2003 а, 2003 б и др.], эмоционально-экспрессивные средства диалектоносителя [Крапивец, 1996 и др.], сравнения [Волкова, 2004], своеобразии языковой картины мира [Диденко, 2001 и др.], а также синтаксис носителя диалекта [Гынгазова, 2002 и др.]. С реконструкцией ЯЛ диалектоносителей связана также лексикографическая работа томских лингвистов. Примером может служить «Полный словарь диалектной языковой личности» под редакцией Е.В. Иванцовой [2006], «Идиолектный словарь сравнений сибирского сторожила» [Иванцова, 2005] и «Словарь сравнений языковой личности», представленный в приложении к кандидатской диссертации Т.Ф. Волковой [2004].

ЯЛ является объектом лингвоперсонологии, её фундаментальным понятием. Эта отрасль занимается изучением индивидуальной речи, исследует разные грани языка через текст, созданный личностью. Как объект исследования лингвистической персонологии понятие «ЯЛ» является тем стержнем, который организует вокруг себя поле лингвистических исследований, создаёт перспективу развития науки. Исследование сущности ЯЛ, потенциально бесконечной, создаёт возможность глубокого изучения языка. Предметом лингвистической персонологии является «изучение идио-

лектной личности (языка индивидуума) во всём её многообразии и полилектной личности (национального языка в пространстве и времени)» [Нерознак, 1996: 116]. В лингвоперсонологии источниками изучения ЯЛ могут быть художественные тексты мастеров слова [Залогина, 2004 и др.], устные высказывания [Иванцова, 2002; Кочеткова, 1998; Лютикова, 1999; Милованова, 2012; Гынгазова, 2013 и др.], эпистолярные, дневниковые и т.п. тексты [Ножкина, 1993; Орлова, 1997; Черняк, 1993; Бондарчук, 1994; Трофимова, 2002а, 2002б; Иванова, 2009; Руднева, 2009; Косивцова, 2010, 2011 и др.] реальных ЯЛ, результаты ассоциативных экспериментов [Антропова, 1996 и др.].

Для изучения ЯЛ лингвоперсонология использует богатый арсенал исследовательских приёмов, среди которых приёмы наблюдения, интерпретации, сравнения, лингвостатистический приём, приём саморегистрации, личностного опроса, тестирования, интервьюирования с записью на плёнку [Иванцова, 2002; Катышев, 2005 и др.]. В исследованиях, реконструирующих пишущую ЯЛ, применяют анализ статистически достоверных самонаблюдений носителей языка над своей письменной речью, а также анализ личностных документов (писем, дневников, редакционных текстов, художественных произведений) [Жура, 2000; Кулишова, 2001; Менькова, 2005; Парсамова, 2004; Чурилина, 2006 и др.]. Это позволяет ученым продвинуться в познании сущности ЯЛ, которая, несомненно, находит своё яркое выражение в таком феномене, как культура. Система приоритетов, ценностей личности формируется именно под влиянием культуры. Образы культуры, продукты деятельности общества входят в ментальный мир личности, определяют её мировоззрение. Даже неактивная творческая натура может сама входить в культуру, а в некоторых случаях и влиять на неё [Степанов, 1997: 40].

В лингвоперсонологии известны несколько классифи-

каций ЯЛ. В качестве классификационных критериев служат уровень абстракции объекта исследования, проявление творческого начала в языке личности, характер речевой культуры, стратегии и тактики речевого поведения (см. подробнее: [Иванцова, 2002]). В зависимости от уровня абстракции в лингвоперсонологии выделяются такие типы ЯЛ, как:

а) *личность речевая* (представитель человеческого рода), способная воспринимать и воспроизводить произведения речи; такой объект исследования рассматривается в рамках лингводидактики и психолингвистики [Андреева, 2004; Богин, 1984; 1984; Боссонова, 1995; Бубнова, 2004; Викторова, 1997; Ейгер, 1991; Емельянова, 2000; Лысенко, 2006; Языковое образование, 1995 и др.];

б) *личность этноспецифическая* [Сафаров, 1989], *национальная* [Василюк, 2004 и др.], *этносемантическая* [Воркачев, 1997], *совокупная* [Нерознак, 1996]. О ЯЛ как носителе русского национального языка и культуры речь идёт в работах А.А. Котова [1998], Н.А. Максимчук [2002, 2003], Е.В. Милосердовой [1998], В.Д. Черняк [1996], Л.А. Шестак [1997, 2003] и др.; ряд работ посвящён исследованию английской и англоязычной ЯЛ [Жура, 2000 и др.], немецкой ЯЛ [Кузьмина, 2002], китайской ЯЛ [Тихонов, 1998 и др.], вьетнамской ЯЛ [Ле Дык Тху, 2003] и др.;

в) *коммуникативная личность*, способная проявлять свою языковую индивидуальность в различных ситуациях общения [Ерофеева, 1990; Сусов, 1989; Сухих, 1997, 1998 и др.]; так, в концепции языковой (коммуникативной) личности В.И. Карасика особое внимание уделено коммуникативному поведению, которое реализуется в дискурсе (в тексте, который существует в ситуации общения) [Карасик, 2004: 226-364];

г) *ЯЛ персонажей художественных текстов* как модели индивида (ЯЛ персонажей в пьесах А. Островского ана-

лизирует Сун Биньбинь [1998], ЯЛ персонажа в прозе А.П. Чехова рассматривают Л.С. Андреева [2004] и И.В. Трещалина [1998], ЯЛ Левина в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» является объектом исследования А.Ю. Богомолова [2005], ЯЛ главных и второстепенных персонажей произведений Б. Акунина анализирует Н.Н. Менькова [2005]) и др.;

д) конкретная, идиолектная ЯЛ реального мира, отражённая в текстах как индивидуум, представлена в работах многих учёных: Е.Ю. Балакишиевой [1992], О.В. Гужвенко [2003]; В.Д. Лютиковой [1999]; Е.В. Иванцовой [2002] и др.

На современном этапе развития лингвоперсоналогии уделяется большое внимание детальному изучению конкретных ЯЛ. Так, исследователи выделяют типичную, рядовую ЯЛ (стандартную) и творческую ЯЛ (нестандартную). Большое количество работ посвящено исследованию ЯЛ писателя (ЯЛ составителя «Повести временных лет» [Аникин, 2004], ЯЛ А.С. Пушкина [Андреева, 1998; Салимова, 2000 и др.], И.А. Крылова и М.Е. Салтыкова-Щедрина [Маркелова, 1995], С.Т. Аксакова [Кузьмина, 2005], ЯЛ Ф.М. Достоевского [Залогина, 2004], А.П. Чехова [Кудинова, 2000 и др.], К. Бальмонта и И. Северянина [Семеновская, 1999], А. Гайдара [Атросцеко, 1997], Ю. Трифонова [Омарбаева, 2001], В. Набокова [Каракуц-Бородина, 2000 и др.], С. Довлатова [Букирева, 2000], В.М. Шукшина [Халина, 1999]; Б. Гребенщикова [Колчина, 2004], Бориса Акунина [Менькова, 2004]), В.П. Астафьева [Падерина, 2012], в том числе писателя билингва (И. Бродского [Фокин, 1999] и др.); ЯЛ учёного (В.В. Виноградова [Кормилицына, 1997; Федорченко, 2002 и др.], А.Ф. Лосева [Дружинина, 2005], Ю.М. Лотмана [Парсамова, 2004], Хайдеггера [Портнов, 1994]) и др. Реже встречаются работы, исследующие ЯЛ читателя [Мещеряков, 1995], ЯЛ диалектоносителя [Волкова, 2004; Иванцова, 1994 – 2002; Казакова, 2005; Лютикова, 1999; Милованова, 2012], ЯЛ носителя

немецкого народно-разговорного языка Сибири [Костомаров, 2010], *биллингвальную ЯЛ рядового носителя языка* [Андреева, 2004; Винокурова, 1994; Ворожбитова, 1999; Жунусбекова, 2004; Куликов, 2004; Шашлова, 2006 и др.].

Во многих исследованиях специалистов в области лингвоперсонологии предпринят анализ языка *исторических личностей* (ЯЛ исторического и общественно-политического деятеля). Начиная с середины 90-х годов XX в., появляются работы, посвящённые реконструкции ЯЛ таких известных лиц, как Катулл [Пшенина, 2000], Фукидид [Армина, 1994], Иван Грозный [Попова, 2004; Шилина, 2003], А.М. Курбский [Калугин, 1999], Пётр I [Гайнуллина, 1995], Емельян Пугачёв [Позднякова, 1997], князь Б.И. Куракин [Ясинская, 2004] заводчики А.Н. Демидов [Иванова, 2008] Н.А. Демидов [Косивцова, 2010, 2011] и др. Актуальность подобных работ обусловлена стремлением воссоздать относительно целостную ЯКМ выдающихся личностей прошлых эпох, необходимостью глубже познать их внутренний мир. Например, в кандидатской диссертации О.В. Поповой осуществляется комплексное изучение ЯЛ Ивана IV на основе его переписки. Предпринимая коммуникативно-прагматический и стилистический подходы к изучению ЯЛ русского царя, О.В. Попова выявляет специфику его речевого поведения как адресата и адресанта, исходя из традиций эпистолярного жанра и норм русского языка XVI в. [Попова, 2004].

В кандидатской диссертации М.Б. Ясинской через призму «речевого паспорта» (т. е., через «совокупность таких коммуникативных особенностей личности», которые создают её уникальность) рассматривается ЯЛ князя Б.И. Куракина [Ясинская, 2004: 46]. М.Б. Ясинская устанавливает роль лексических заимствований-концептов (актуальных и психоэмоциональных), которые формируют концептосферу языка Б.И. Куракина, определяют специфику его «речевого паспорта» [Ясинская, 2004].

В центре внимания А.В. Косивцовой [2011] аксеологические характеристики заводовладельца Никиты Акинфиевича Демидова благодаря анализу текстовых категорий оценочности, тональности, темпоральности, локальности. Анализ выполнен на материале пятисот трёх писем с 1774 по 1786 годы. Документы являются информативным источником для наблюдения над языковой личностью заводовладельца и особенностями его идиостиля. Интересным с научной точки зрения является анализ двух субъектов речи, которые объективно присутствуют в деловом тексте XVIII в. К ним относится говорящий субъект речи (Демидов), который иницирует коммуникацию, определяет содержание текста, отбор лексико-грамматических средств, и пишущий субъект речи (писец), который проявляет себя в выборе правописных и частично морфологических норм. Жанровые особенности частно-деловых писем определяются также коммуникативными намерениями говорящего – воздействовать на адресата через уведомление и распоряжение. Формуляр письма при этом подвижен. В зависимости от адресата в письмах Н.А. Демидова проявляются средства субъективной оценки, изобразительно-выразительные средства языка.

В современной лингвистике существуют несколько подходов к изучению ЯЛ.

Теоретический подход ярко представлен в работах Ю.Н. Караулова [1987], В.П. Нерознака [1996], В.Д. Лютиковой [1999], Е.В. Иванцовой [2002, 2008, 2010, 2012]. Особый интерес в этом отношении представляет монография Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [1987], в которой выявлена трёхуровневая структура ЯЛ. **Вербально-семантический**, или нулевой, уровень структуры содержит в качестве единиц слова, отношения между которыми организует вербальная сеть и стандартные словосочетания и предложения как стереотипы этого уровня. Единицами первого,

ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО, уровня являются понятия, идеи, концепты, отношения которых регулируют семантические поля, а универсальные (генерализованные) высказывания выступают стереотипами данного уровня. Именно с этого уровня «начинается» ЯЛ, так как здесь прослеживаются индивидуальный выбор единиц и личностное предпочтение [Караулов, 1987: 52-57]. Второй, **МОТИВАЦИОННЫЙ**, уровень личности содержит деятельностно-коммуникативные потребности, отношения которых регулирует коммуникативная сеть, где стереотипами выступают образы прецедентных текстов данной культуры. Деятельностно-коммуникативные потребности личности выявляются в коммуникативной ситуации, в сферах общения личности и доступны анализу лингвиста. На высшем уровне структуры происходит выявление целей и мотивов ЯЛ. Уровни и их единицы неразрывно связаны друг с другом в структуре ЯЛ.

В других работах Ю.Н. Караулов выделяет в структуре ЯЛ вербально-грамматический, когнитивный и прагматический уровни [1989, 2003]. Слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание и т. д. отнесены им к вербально-грамматическому уровню структуры ЯЛ. Единицами когнитивного уровня признаны концепт, генерализованное высказывание (т. е. афоризм, сентенция, поговорка и т. п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ (живая «кинематографическая» картинка), каламбур и др. Эти единицы организуют относительно стабильную картину мира. К единицам прагматического уровня отнесены элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и др. Данные единицы в составе прагматического уровня отражают цели ЯЛ, её активную позицию в мире и, конечно, динамичность картины мира.

В рамках теоретического подхода особо отметим монографию Е.В. Иванцовой. В фокусе внимания исследователя

находится не только структура диалектной ЯЛ, но и методология её изучения. По мнению Е.В. Иванцовой, структура ЯЛ складывается из совокупности трёх составляющих: лексикона, текста, метаязыкового сознания. Идиолексикон ЯЛ анализируется с точки зрения его количественных и качественных особенностей: словарного запаса, соотношения общерусских, просторечных и диалектных элементов; видов системных отношений лексических единиц; идеографической организации лексикона. В рамках текста как структурного компонента выявляются прецедентные тексты фольклорного происхождения и выразительные средства. Е.В. Иванцова анализирует метаязыковое сознание диалектной ЯЛ, выраженное в оценке диалектоносителем своей и чужой речи. Формами метаязыкового сознания служат метатексты (суждения о языке), комментарии относительно речевого этикета [Иванцова, 2002].

Трёхуровневая структура ЯЛ, представленная в трудах Ю.Н. Караулова и Е.В. Иванцовой, положена в основу ряда диссертационных исследований [Антропова, 1996; Кашина, 2000; Попова, 2004; Трещалина, 1998 и др.]. Так, М.В. Антропова расширяет понятие ЯЛ, включив в традиционную трёхуровневую структуру эмоциональный уровень. Для характеристики вербального выражения эмоций как единиц отмеченного уровня исследователь вводит понятия эмоциональных и когнитивных личностных доминант. Под когнитивной доминантой М.В. Антропова понимает «динамическое множество концептов», а под эмоциональной доминантой – «определённую эмоциональную структуру», воплощённую в тексте и связанную с когнитивной доминантой [Антропова, 1996].

С позиции теоретического подхода монография В.Д. Лютиковой охватывает определённый круг проблем, интересующих лингвоперсонологию. К ним относятся анализ стилистической неоднородности идиолекта ЯЛ, выявление ви-

дов лингвокреативной деятельности, специфики языковой рефлексии и характера речевого поведения носителя диалекта. По мнению В.Д. Лютиковой, уровневая модель ЯЛ «не всегда применима для изучения конкретной личности», так как «в индивидуальной речевой ситуации вербальный, когнитивный и прагматический уровни идентифицируются» [Лютикова, 1999: 9]. Мы согласны с В.Д. Лютиковой в том, что «наличие устойчивости и непостоянства языковой личности, испытывающей воздействие различного рода факторов, ещё больше усложняет структуру языковой личности» [Лютикова, 1999: 9]. Однако считаем возможным ориентироваться на трёхуровневую модель ЯЛ Ю.Н. Караулова как на строительную систему, в рамках которой единицы находятся в непосредственной связи.

Социолингвистический подход позволяет исследовать социальные типы людей: английского аристократа [Ивушкина, 1994], современного русского интеллигента [Крысин, 1994], ЯЛ подростка [Гуц, 1997; Титоренко, 2003], ребёнка [Головенкина, 1998; Соколова, 1994 и др.], школьника [Аниськина, 2001; Закирова, 2005, Хрусталева, 2002], студента [Игнатова, 2004; Мухаммад, 2003], публичная ЯЛ [Болотов, 2013; Волкова, 2008] и др. Профессиональная ЯЛ рассмотрена на примере ЯЛ телеведущего [Канчер, 2002 и др.], политика [Мордовин, 2004; Прохорова, 2002; Соколовская, 2002 и др.], референта [Киуру, 1999], переводчика [Шевченко, 2005 и др.], учителя-филолога [Десяева, 1998; Игнатова, 1997; Михеева, 2005; Московская, 2004 и др.], педагога [Григорьева-Голубева, 2001; Юрьева, 2002], психотерапевта [Варфоломеева, 1998] и др.

Психолингвистический подход позволяет установить особенности психики индивида. Его обнаруживаем в работах Л.Х. Головянкиной [1998], Т.И. Ерофеевой, О.В. Марамзиной [1992] и др.

Лингвокогнитивный подход позволяет проникнуть в глубины внутреннего мира человека, определить особенности ментальной составляющей ЯЛ. В этом ключе выполнены работы А.Ю. Богомолова [2005], А.А. Осиповой [2005], М.Б. Ясинской [2004] и др.

Лексикографический подход предполагает фиксацию идеолексикона ЯЛ лексикографическими средствами (см. [Иванцова, 2005; Лютикова, 2000; Тимофеев, 2003; Самотик, 2008]) и др.

В некоторых работах ЯЛ рассматривается с точки зрения *гендерного подхода* [Прокудина, 2003; Табурова, 1999; Черкасова, 2004; Фомин, 2004; Шмутьская, 2003 и др.]; *лингвокультурологического* [Ле Дык Тху, 2003 и др.].

Изучение конкретной ЯЛ нередко осуществляется с помощью *комплексного подхода*, в рамках которого ЯЛ трактуется в единстве проявлений *индивидуального и социального, психологического и социального* [Захарова, 1967; Иванцова, 2002; Седов, 1999; Соколова, 1994 и др.]. При этом учитываются разные аспекты в изучении ЯЛ. Учёные приходят к единому мнению, что личность, в том числе и ЯЛ, многомерна и до конца не познаваема, но, несмотря на всю сложность явления, её можно изучать.

ЯЛ возможно исследовать в разных **аспектах**: в *психополитическом* [Богомолов, 2005]; *национально-культурном и социокультурном аспектах* [Прохоров, 1999]; в *сравнительно-сопоставительном* [Алпана Даш, 1996; Прокудина, 2002], в *аксиологическом* [Крапивец, 2000 и др.]. Идеи *аксиологических* исследований развивает П.А. Катышев, который рассматривает идеально-ценностный характер познавательной активности ЯЛ [Катышев, 2005: 12].

В настоящей работе реализуется лингвокогнитивный подход к исследованию ЯЛ А.П. Степанова. Материалом исследования служат художественные и публицистические тек-

сты, анализ которых позволяет выявить ключевые концепты в ИЯКМ личности.

Объектом нашего исследования является языковая личность первого гражданского губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова (1781 – 1837). Рождённый на стыке двух культурных парадигм – классицизма и сентиментализма – А.П. Степанов в своём многогранном творчестве отразил мировидение людей своего времени. Факты его биографии свидетельствуют, что он в равной степени уделял внимание литературному творчеству и государственной службе. На становление его личности оказали влияние генералиссимус А.В. Суворов, адъютантом которого он являлся, поэт-сентименталист И.И. Дмитриев, ссыльные декабристы, сильную помощь которым он оказывал будучи енисейским губернатором. Это и многое другое определило выбор объекта данного исследования (см. Приложение I).

Предметом настоящего исследования являются способы вербализации ценностных концептов «Красота» и «Полезность» в индивидуальной языковой картине мира (далее – ИЯКМ), которые отражают эстетические и утилитарные представления енисейского губернатора, а также прецедентные тексты как художественные ценности ЯЛ А.П. Степанова.

Источниками исследования послужили следующие разножанровые тексты первого енисейского губернатора (общее количество страниц – 1871):

Этические жанры

1. *Роман*. Степанов А.П. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н.П. Маловым [Текст] : в 4 ч. / А.П. Степанов. – СПб. : Типография Александра Смирдина, 1835. – Ч. 1. – [4], 317 с. – Ч. 2. – [4], 284 с. – Ч. 3. – [4], 251 с. – Ч. 4. – [4], 251 с.

2. *Книга очерков*. Степанов А.П. Енисейская губерния [Текст]: в 2 ч. / А.П. Степанов. – СПб.: Типография Конрада

Вингебера, 1835. – Ч. 1. – [4], II, [2], 7-276. – Ч. II. – [2], II, 139, [2], XIV с., [2] л. ил.

3. *Очерк*. S. Взгляд на физическое положение Минусинского округа енисейской губернии [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. – Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 108-113 пер. сч.

4. *Путешествие*. S. Путешествие в Кяхту из Красноярска [Текст] / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. – Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 1-98 пер. сч.

Лирические жанры

1. *Лирическая поэма*. Суворов, лирическая поэма Александра Степанова [Текст] / А.П. Степанов. – М.: Университетская типография, 1821. – 228 с.

2. *Отрывок из поэмы*. S. Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною (отрывок из поэмы) [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. – Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 83-86 втр. сч.

Лирические жанры

1. *Стихотворение*. Степанов А. Поэзия и Музыка [Текст] / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. – Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 3-17 втр. сч.

2. *Стихотворение*. S. З – у («От страсти Вертер застрелился...») [Текст] / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. – Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 71 втр. сч.

3. *Стихотворение*. Степанов А. Песня (сочинена во время плавания по Енисею в Туруханск) [Текст] / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. – Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 91-92 втр. сч.

Из разножанровых источников с помощью сплошной выборки выделено свыше 600 лексических единиц, вербализующих концепты «Красота» и «Польза» в ИЯКМ ЯЛ, и около 400 знаков, вводящих прецедентные тексты в дискурс А.П. Степанова.

Цитаты из текстов А.П. Степанова и его современников для удобства чтения представлены в современной графике.

Характеристика источников

В романе **«Постоялый двор»** отражены черты биографии автора. Это сочинение А.П. Степанов анонимно опубликовал в 1834 г. в альманахе Сенковского «Библиотека для чтения» как «Записки покойного Горянова, изданные другом его Н.П. Маловым». П.А. Плетнёв и Д.И. Писарев отметили реалистичность в описании быта и нравов. В середине XIX в. А.В. Дружинин счел роман «замечательным произведением, давшим живую картину русской жизни». А.С. Пушкин, сопроводив книгу своим автографом, отправил роман в Сибирь братьям Муравьевым. А. Горшман замечает, что «книгой этой зачитывались, и характерно, что она была в библиотеках А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского и у известных библиофилов» [Горшман, 1991: 80].

«Енисейская губерния» – наиболее известное произведение А.П. Степанова. Оно представляет собой сочинение, в котором собраны различные сведения о Енисейской губернии. В этом двухтомном труде отразились разносторонние интересы А.П. Степанова.

Основу книги очерков составляют отчёты А.П. Степанова, которые он посылал в Петербург после своих поездок по губернии. Исследователи выражают уверенность, что декабристы, пребывавшие в сибирской ссылке, помогали А.П. Степанову в сборе географических и этнографических материалов. Часть сведений были ими преданы через молодого чиновника В.И. Соколовского, который вёл переписку с В.Ф.

Раевским, Н.О. Мозгалевским, минусинской колонией ссыльных и др. Пятидесятичетырёхлетний А.П. Степанов с благоговением посвятил свою книгу «Его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу, самодержцу Всероссийскому» [ЕГ I: 5].

В четырёх главах (или отделениях) первого тома А.П. Степанов повествует о географическом положении, природных условиях Енисейской губернии. Он подробно описывает флору и фауну региона, его ископаемые. Этот материал введён в главу о физической географии региона такими метафорами, как «Царство минералов», «Царство растений», «Царство животных». В главе «Топография» автор рассказывает об учреждении губернии, описывает её округа, народонаселение, положение дорог, путей сообщения и т.д. Отдельную главу А.П. Степанов посвящает характеристике промышленности и торговли губернии, особенностям народных промыслов. Губернатор подчёркивает: «торговля каждой губернии есть основание торговли внешней», призывает купцов быть «деятельными духом» и «основательными умом» [ЕГ I: 276].

Второй том «Енисейской губернии» посвящен характеристике административного положения региона. Автор повествует о полиции, ссыльных, новых поселениях; об особенностях управления инородцами и Приказе Общественного Призрения.

К первой половине XIX в. (времени написания «Енисейской губернии») завершился процесс формирования норм русского литературного языка. В художественных текстах этого времени реализуются возможности двух типов национального языка: литературного языка и живой разговорной речи, а также двух форм устной речи: нормативной, литературной и ненормативной, вневелитарной (диалектной, жаргонной, просторечной). В очерках А.П. Степанова нашёл отражение процесс сближения лексико-семантической си-

стемы русского литературного языка со словарным составом и синтаксисом живой разговорной речи.

В годы правления губернатора А.П. Степанова в различных местах Енисейской губернии укоренялись диалекты первых засельщиков региона. В очерках «Енисейская губерния» А.П. Степанов замечает следующее: *«Наречие жителей губернии Енисейской похоже на ярославское: «о» всегда на выставке. За всем тем, выговор их нежнее и в разговорах более учтивости. Ямщик называет ямщика по имени и отчеству; крестьянка говорит своей подруге «вы» [ЕГ II: 99-100]. Автор обращает внимание и на «самое дурное в устройстве слов» сибиряков, на то, что позднее будет отнесено к особенностям, имеющим широкое распространение во всех русских старожильческих говорах: «вопрос вместо: Что делать? Чего делать? Или Чего будем делать? Ответы на них часто бывают также неправильны; в родительном падеже: В. Чего ей делать? О. Печь хлеба. В. Чего он там найдет? О. Смерти» [ЕГ II: 102]. А.П. Степанов приводит список из 42 локализмов с толкованием их значений: «тойга – дремучий лес; елань – перелесок из чёрного леса; водня – хождение за детьми; болозень – хорошо, что кстати и т.д.» [ЕГ II: 100-101].*

Большой лингвистический интерес представляет зафиксированная в тексте очерков промысловая диалектная лексика. К ней относится большая группа слов, называющих виды охотничьих ловушек: *кулёма, облест, очени, тенёта, остька, плашка, коромысло, клепцы с железными зубами*; слова, называющие приспособления для приманки зверя и птицы (*борга*); слова, называющие некоторые виды животных (*емуранок*, т. е. тушканчик); приспособления для выгона зверя из норы (*хвойник, курево*) и др. А.П. Степанов хорошо осознавал диалектный характер приведённых слов. Поэтому почти во всех случаях он объясняет читателю значение диалектизмов, например: *Медведю приготавливают кулёму, или боль-*

шую западню, куда он попадается <...>. Для медведя натягивают очени, с утверждённым большим ножом, так что, если он коснётся тетивы, коромысло соскакивает – и нож в звере и др. [ЕГ I: 200-202].

В последней главе второго тома представлен «Очерк истории», в котором описаны события общерусской и сибирской истории с 1598 г. Характеризуя состояние Енисейской губернии, А.П. Степанов не обходит стороной случаи злоупотребления и самовластия местных органов. Движимый заботой о людях, он предлагает усилить контроль за деятельностью местных чиновников и увеличить финансирование отдалённых территорий России. Губернатор А.П. Степанов как человек, ревностно исполнявший свои обязанности, видит в проявлениях внимания государства к Сибири «истинную любовь к народу». Такую любовь он называет «потребностью души великой».

Николай I оценил деятельность А.П. Степанова и значимость его труда для истории. Александру Петровичу были возмещены все расходы на издание книги и назначено пожизненное жалование по Министерству юстиции. Петербургская Академия наук удостоила его половины Демидовской премии, которая ежегодно присуждалась за лучшие работы по Уралу и Сибири.

Другие эпические сочинения А.П. Степанова, путевые очерки в трёх письмах **«Путешествие в Кяхту из Красноярска»** и **«Взгляд на физическое положение Минусинского округа енисейской губернии»**, открывают первый и последний выпуск «Енисейского альманаха». «Путешествие» А.П. Степанова было написано в первой трети XIX в., когда эпоха сентиментальных увлечений прошла. Несмотря на это, произведение А.П. Степанова обнаруживает лексико-семантическую и композиционную общность со знаменитыми произведениями жанра путешествий конца XVIII в., в ко-

торых под «чувствительностью», «сентиментальностью» понимали восприимчивость, живой душевный отклик на разные явления действительности.

Способность автора восхищаться добродетелью, сострадать человеческому горю, упиваться красотами природы, мастерством созданных произведений искусства – всё это отличало сочинения А.П. Степанова. Он пытается запечатлеть в слове самые незначительные подробности окружающей жизни, а также вслушивается в движения своей души, размышляет над увиденным и прочитанным.

Внешне жанр сентиментальных путешествий представляет собой беспорядочные записки по поводу увиденного. А.П. Степанов по роду службы ездил по территории Енисейской губернии и бывал за её пределами. Автор-повествователь «Путешествия в Кяхту из Красноярска» проявляет себя с первых страниц как сентиментальный путешественник, как частное лицо, предпринявшее поездку к границе России с Китаем. Енисейский губернатор выбрал традиционную форму записи впечатлений – сочинение в виде трёх писем к *«любезному другу»*. Время написания произведения позволяет квалифицировать выражения *мой друг, вы найдёте, вы снова очутитесь, вы видите, тебе известно, позабыл тебе сказать, скажешь ты мне* и др. как условные, отработанные литературные штампы.

Для «Путешествия» А.П. Степанова характерно подробное воспроизведение внешнего мира – наружности героев, пейзажей, городских и сельских видов, интерьеров и вещей. Изображенный мир подробно детализирован, действия и события раскрывают устойчивый порядок жизни сибиряков. Такая детализация вызвана стремлением автора отобразить национальные особенности, культурно-бытовой и производственный уклад жизни русских и китайцев. В сочинении А.П. Степанова, как и его знаменитого литературного

предшественника, автора «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, отмечаем наличие эмоционально окрашенной лексики (*прекраснейшая*), экспрессивных синтаксических конструкций (анафорические союзы) и метафоричность языка (*все как-то здесь отзывается пустынею*). Примечательно, что в текстах А.П. Степанова часто повторяются лексемы «великолепный», «превосходный», «прелестный», «прекрасный».

За восторженным слогом А.П. Степанова проступает пронизательный, аналитичный наблюдатель, вырисовывается объективная описательно-повествовательная манера личности, отражающей психологические и реальные причинно-следственные закономерности. Взгляд А.П. Степанова устремлён к познанию жизни Восточной Сибири и Китая. Енисейский губернатор был знатоком культуры как Восточной, так и Западной Европы. Однако ценности европейской цивилизации проявляют себя фрагментарно, только в сравнениях, которые высвечивают уникальность восточной культуры. Автор-повествователь «Путешествия в Кяхту из Красноярска» предстаёт противником пошлости и безвкусицы.

Лирическая поэма «**Суворов**» состоит из «Предупреждения», эпитафии (цитата из сочинений Г.Р. Державина) и восьми песней. А.П. Степанов посвятил своё произведение генералиссимусу А.В. Суворову, при котором состоял ординарцем во время военной службы. Енисейский губернатор выступает в лирической поэме как апологет классицизма. Отрывок из поэмы «**Превращение Няяды Менты в мяту Прозерпиною**» опубликован в «Енисейском альманахе на 1828 год». Он воссоздаёт традиционный сюжет античной мифологии.

Стихотворения «**Поэзия и Музыка**», «**З – у**» («От страсти Вертер застрелился...») и «**Песня**» так же, как и отрыв-

вок из поэмы, входят во вторую часть «Енисейского альманаха». В первых двух стихотворениях воплощены прецедентные тексты античной, христианской и славянской мифологии. Последнее стихотворение передаёт впечатления А.П. Степанова от северной природы и от представителей коренного населения Сибири.

Методы и приёмы исследования

В процессе работы мы руководствовались принципами антропоцентризма, системности и функционализма, которые находят широкое применение в современном языкознании.

Основными методами исследования являются *полевой метод, фреймовый анализ, метод контекстуального анализа, метод лингвистического описания, элементы количественного анализа.*

Описательный метод реализуется в приёмах наблюдения, сопоставления, обобщения, типологизации, интроспекции и интерпретации.

Полевой метод применяется для построения семантических полей лексем «красота» и «польза» в русском языке XIX в. и установления деривационных, парадигматических и синтагматических связей данных лексем. Анализ семантических полей проводится с опорой на концепцию Ю.Н. Караулова [1976]. В настоящем исследовании концепты анализируются посредством вербально-семантической сети (см. об этом подробнее: [Караулов, 1987: 171 и дал.; Маркелова, 2004; Ясинская, 2004 и др.]. Мы применяем семантические сети (далее – СС) в качестве наглядного выражения ЛСП «Красота» и «Польза» в русском языке XIX в. и СС и фреймы как графическое средство представления полей концептов в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова.

Содержанием узлов СС являются характеристики концептов. Они сформулированы на основе лексических значений языковых единиц, манифестирующих соответствующую

щие концепты. В нашей работе сложные узлы семантической сети, представляющие характеристики концепта, описываются фреймами. Учитывая идеи предыдущих исследований [Баранов, 2003; Осуга, 1989; Таунсенд, 1990 и др.], мы полагаем, что именно фрейм даёт возможность выявить содержание многомерной структуры.

В анализе ценностных концептов в ИЯКМ А.П. Степанова используются исследовательские процедуры, которые представлены в ряде лингвистических работ, посвященных изучению концептов и их вербализаторов в текстах разных жанров [Замалетдинов, 2004; Осипова, 2005; Мещерякова, 2004; Летуновская, 2005; Сергеева, 2005; Шаталова, 2005 и др.]. В частности, нами последовательно проводится этимологический и семантический анализ слов, представляющих имена концептов.

Контекстуальный анализ используется для того, чтобы выявить особенности функционирования прецедентных текстов в дискурсе А.П. Степанова. Мы исследуем положение знака, вводящего прецедентный текст, в контекстах разных видов (минимальный; развёрнутый биографический, исторический, литературный, социокультурный). Кроме того, контекстуальный анализ привлекается в изучении значимости языковых единиц, представляющих концепт.

Элементы *количественного анализа* позволяют выявить частотность языковых единиц, вербализующих концепты «Красота» и «Польза».

Новизна исследования определяется следующим:

во-первых, вовлекаются в научный оборот письменные памятники, прежде не исследованные лингвистами;

во-вторых, заполняется одна из лакун в истории русского национального языка в результате исследования семантических полей «Красота» и «Польза» в русском языке XIX в.;

в-третьих, концепты «Красота» и «Польза» впервые из-

учаются в картине мира исторической языковой личности XIX в.;

в-четвёртых, отмеченные концепты рассматриваются как две взаимообусловленные ценности на материале текстов разных жанров;

в-пятых, в работе получила дальнейшее развитие методология исследования ИЯКМ;

в-шестых, впервые в практике лингвистического исследования подробно изучаются прецедентные тексты с целью выявления художественных ценностей ЯЛ XIX в.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что её результаты могут послужить дальнейшему развитию теории и практики лингвистической персонологии, внедрению современных методов и подходов к реконструкции и анализу языковой личности. Полученные результаты дают возможность с уверенностью судить о диалектической связи ИЯКМ и концептосферы личности. Представленный в работе лингвокогнитивный подход изучения творческой языковой личности позволяет сделать объективные выводы о духовных, эстетических и утилитарных ценностях русского этноса, что особенно актуально на современном этапе, так как на рубеже XX – XXI вв. чрезвычайно возрос интерес к проблемам национального характера, мировоззрения отдельной личности.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в обобщающих работах по лингвистической персонологии и лингвистической концептологии, истории русского литературного языка, общему языкознанию, на курсах по выбору в вузах гуманитарного профиля. Характеристика личности А.П. Степанова имеет большое культурно-историческое значение. Отдельные фрагменты работы могут найти применение в курсе лингвокраеведения и в лексикографической практике.

Основные положения исследования

1. Индивидуальную языковую картину мира А.П. Степанова ярко репрезентируют концепты «Красота» и «Полеза», которые являются ценностными доминантами русской культуры конца XVIII – первой трети XIX в.

2. В ИЯКМ языковой личности А.П. Степанова категории «эстетическое» и «утилитарное», представленные концептами «Красота» и «Полеза», находятся в сложных взаимоотношениях. С одной стороны, прекрасное и полезное равноправны по своей значимости; с другой, – противопоставлены друг другу. При этом в зависимости от контекста либо красота первостепенна по значимости, либо польза.

3. Концепты «Красота» и «Полеза» квалифицируются нами как аксиологические, поскольку они связаны с категориями эстетического и утилитарного отражения мира.

4. Для А.П. Степанова эстетически значимо гармоничное единство внутренней и внешней красоты человека и природы.

5. «Полеза» как положительная ценность значима для А.П. Степанова в общественно-политическом, экономическом и культурном плане.

6. Религиозная доктрина христианства (совокупность представлений в виде образов, символов) глубоко связана в сознании языковой личности А.П. Степанова с античными мифологическими традициями. Индивидуальную языковую картину мира А.П. Степанова отражают не только христианские и мифологические прецедентные тексты, но прецедентные тексты, источником которых является отечественная и зарубежная художественная литература.

ГЛАВА 1.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.П. СТЕПАНОВА

1.1. Семантические сети и фреймы как средства представления концептов в картине мира языковой личности

Эстетические и утилитарные ценности языковой личности А.П. Степанова выявляем путём анализа концептов «Красота» и «Полезность» в его ИЯКМ. Выбор данных концептов обусловлен их значимостью в ИЯКМ А.П. Степанова; частотностью языковых единиц, вербализующих отмеченные концепты; возможностью посредством их анализа установить особенности восприятия и оценки действительности языковой личностью первой трети XIX в. Кроме того, концепты «Красота» и «Полезность» относятся к числу наиболее значимых в концептосфере русского этноса первой трети XIX в. – периода, который характеризуется борьбой нескольких культурных тенденций: классицизма, сентиментализма, романтизма и зарождающегося реализма.

Основной единицей лингвокогнитивного уровня структуры ЯЛ является концепт как важнейшая в социокультурном отношении вербализованная идея, значимая для личности. В качестве рабочего определения понятия «концепт» в данном исследовании принято следующее: **концепт** – это важное в социокультурном отношении понятие, которое представляет ценность, выраженную средствами языка опре-

делённой личностью (см. аналогичн.: [Шмелёв, 2002, 2004 б]). В отношении **концепта** также нам близка позиция В.И. Карасика, который выделяет ценностное в качестве одного из важнейших измерений концепта [Карасик, 2004: 129].

Научные труды многих современных учёных посвящены исследованию концептов как в национальной культуре [Шмелёв, 2002, 2004 б; Карасик, 2004 и др.], так и в региональной культуре [Гынгазова, 2001, 2003а, 2003 б и др.; Демешкина, 2002 и др.; Фролов, 2005 и др.], в пространстве художественного текста [Осипова, 2005 и др.]. Концепт так же, как и понятие, есть мысленное отражение в форме непосредственного единства общих существенных признаков объектов, явлений, процессов мира (реального или воображаемого). Именем понятия выступает слово или словосочетание. Подтверждение нашей точки зрения находим в работе В.И. Карасика: термин «понятие» представляет собой сгусток рациональной части концепта, т. е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается [Карасик, 2004: 128-129]. Но у концепта, кроме «общих существенных признаков», есть и образные характеристики, ценностные характеристики, различного рода ассоциации и коннотации, исторические оценки.

Концепт способствует исследованию культуры, основанной на системе ценностей, поэтому его центром является ценность (значимость предметов, явлений, действий в их оценках и отношениях к человеку) [Маслова, 2004: 54]. Комментируя модель культуры, предложенную Г. Ховстеде, Л.В. Куликова отмечает, что «невидимый слой культуры сконцентрирован в её ценностном ядре. Именно ценности и нормы определяют поведение людей <...>» [Куликова, 2006: 99-100].

В анализе концептов в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова для нас важным является ценностный элемент. Кроме того, идеи красоты и пользы функционируют в культуре народа и в науч-

ной парадигме как ценности, которые являются категориями эстетического и утилитарного отражения мира (см. Приложение II). В силу этих причин концепты «Красота» и «Польза» квалифицируются нами как ценностные. В определении этого понятия мы апеллируем к исследованиям В.И. Карасика (2004), который рассматривает ценностный концепт в анализе определённых лингвокультур. Мы применяем это понятие к анализу ИЯКМ А.П. Степанова: ценностный концепт – это ценностная доминанта, которая отражает содержание определённой культуры и находит свое языковое воплощение в дискурсе личности. Совокупность ценностных концептов личности формирует индивидуальную языковую ценностную картину мира.

Концепт – сложное ментальное образование, поэтому для его исследования считаем возможным использовать разные средства. Мы описываем сложную структуру ценностных концептов языковой личности средствами семантической сети, в которой некоторые узлы изображаются в виде фреймов. СС пользуются большой популярностью у исследователей как средство умозаключений, как средство представления знаний в компьютерных технологиях [Осуга, 1989 и др.] и лингвистике [Баранов, 2003; Караулов, 1987; Маркелова, 2004; Ясинская, 2004 и др.]. СС использованы нами для графического представления семантических полей «эстетическое», «утилитарное», «ценность» и для выявления внутренней структуры понятий «прекрасное», «безобразное», «польза», «вред» (см. Приложение II). СС применяются также как форма представления концептов «Красота» и «Польза» в концептосфере русского языка XIX в. и картине мира ЯЛ А.П. Степанова.

Суть СС заключается в следующем: всякая СС состоит из элементов двух типов – узлов (или вершин) и дуг, их соединяющих. Узлы представляют как реальные объекты мира, так и сущности (концепты), относящиеся к миру. Графически

узел СС можно изобразить кругом, овалом или прямоугольником, внутри которого написано имя объекта, представленного узлом. Дуги (прямые или кривые линии) отражают отношения между объектами либо концептами. Поэтому каждая дуга должна иметь название, являющееся именем того отношения, которое оно представляет. Самыми распространёнными типами отношений являются такие, как: «быть элементом класса», «иметь», «являться следствием», «иметь значение». Если отношения симметричны (т. е. объекты можно переставить местами), то линия может не иметь стрелок или содержать стрелки в оба конца. Если отношения несимметричные, то используются направленные дуги, которые изображаются в идее стрелок в одну сторону. Если объект или концепт богат отношениями, могут использоваться двойные, тройные, волнистые или прерывистые дуги. Если мы имеем в виду только СС, то внутренняя структура узлов никак не изображается, так как СС явно отображает отношения [Баранов, 2003: 18] между объектами и / или концептами.

Выявленные на основе словарей семантические поля «Красота» и «Польза» являются основой для установления индивидуального отражения концептов «Красота» и «Польза» в ИЯКМ губернатора А.П. Степанова.

Фреймовый анализ применяется для структурирования сложных узлов в семантических сетях, представляющих поля концептов в ИЯКМ А.П. Степанова. Понятие «фрейм» активно используется в современной лингвистике [Баранов, 1991; Ивина, 2003; Кубрякова, 1996; Панасенко, 1994; Чейф, 1983 и др.]. В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, с одной стороны, фрейм определяется традиционно (способ существования знаний в сознании, памяти человека; способ, благодаря которому описывается речь человека в определённой ситуации, а также описанию подвергается сама ситуация); с другой стороны, в силу своей структурности фрейм является моделью представления концепта [Мат-

веева, 2003; Кубрякова, 1996; Кобозева, 2004; Осипова, 2005 и др.]. В теории языковой личности фрейм стал рассматриваться в одном ряду с элементами (единицами) языка мысли [Караулов, 1987: 192]. Мы разделяем позицию М. Минского, идеи которого были продолжены в работах современных лингвистов [Агеева, 1999; Ерохина, 1994; Лобкова, 2000 и др.]. Согласно М. Минскому фрейм не есть система концептов, а только одна из форм её наглядного представления. Фрейм удобен для представления действия, структуры динамического объекта, который меняется, а также фрейм необходим для представления сложного, статического объекта или понятия. Поскольку фреймом можно представить разную информацию, М. Минский утверждает, что фрейм, представляющий структуру некоторых данных, позволяет решать проблему понимания текста [Минский, 1988: 269]. Эти представления о фрейме соотносятся с метким замечанием Ю.Н. Караулова о том, что фрейм определяется как «схема смысловых опор» [Караулов, 1987]. Важным для нашей работы является утверждение Е.Н. Кубряковой, которая отмечает, что фрейм выступает как своеобразная «когнитивная карта слова» [Кубрякова, 1991].

Теория фреймов М. Минского была использована в анализе художественной речи в кандидатской диссертации В.Н. Ерохиной «Структура фрейма “государство” в тезаурусе М.Е. Салтыкова-Щедрина» [Ерохина, 1994]. Фреймы применяются в исследовании авторских метафор [Серёгина, 2000]. Е.В. Лобкова рассматривает в сопоставительном аспекте образ любви, структурированный с помощью фрейма, в русском языке и в прозе И.А. Бунина [Лобкова, 2000]. И.А. Тарасова осуществляет анализ фрейма “искусство” для сопоставления художественных идиостилей И. Анненского и Г. Иванова [Тарасова, 2004]. К фреймовому анализу представления концепта «Смерть» в творчестве В.П. Астафьева обращается в кандидатской диссертации А.А. Осипова [2005].

Выявляя структуру фрейма, мы используем понятие «слот» [Баранов, 2003; Осуга, 1989; Таунсенд, 1990 и др.]. Слоты – это характеристики ситуации (или в нашем случае – характеристики концепта), которая описывается фреймом. Фрейм содержит субфреймы и отсылки к другим фреймам, а его слоты, имеющие имя и содержание, оказываются связанными между собой определёнными семантическими отношениями [Баранов, 2003: 16-17]. В лингвистическом исследовании важно выявить: 1) количество слотов во фрейме; 2) собственно значения, которые являются заполнителями слотов; 3) языковые единицы, которые формируют основные и дополнительные значения, семы, выражающие смысл концепта; 4) количество употреблений отмеченных языковых единиц в сочинениях А.П. Степанова; 5) тексты, в которых зафиксированы соответствующие языковые единицы; 6) особенности синтагматических связей языковых единиц, вербализующих концепт в сочинениях А.П. Степанова. Кроме того, в процессе анализа мы указываем, в каких формах (эксплицитных или имплицитных) представлен (вербализован) концепт.

В своей работе мы исходим из того, что фрейм служит формой представления концепта. Концепт может быть описан группой взаимосвязанных фреймов, совокупность которых создаёт иерархию, где фреймы связаны родовидовыми отношениями. Каждому фрейму присваивается имя, которое должно быть единственным во всей фреймовой системе (например, фрейм “Выгода” или фрейм “Красота искусства и творческой деятельности личности”). Выявляя различия в содержании понятий «фрейм» и «толкование», А.Н. Баранов отмечает, что «толкование содержит только лингвистически релевантную информацию о плане содержания слова, а фрейм, во-первых, необязательно привязан к слову, и, во-вторых, включает всю релевантную для данной проблемной ситуации информацию, в том числе и экстралингвистиче-

скую (знания о мире)» [Баранов, 2003: 17]. Поэтому использование фрейма для представления концепта позволяет выявить характер понимания А.П. Степановым пользы и красоты.

Раскрывая содержание концептов «Красота» и «Польза», мы учитываем знания о мире ЯЛ А.П. Степанова. Структура знаний о мире и их взаимосвязь с семантикой слов (элементом знаний), отражающих концепт, позволяют дать объективный анализ фрагмента ИЯКМ А.П. Степанова. В анализе картины мира ЯЛ мы устанавливаем индивидуальный внеязыковой опыт ЯЛ А.П. Степанова, который оказал влияние на проявление концептов «Красота» и «Польза».

1.2. Индивидуальная языковая картина мира и концептосфера личности как объект лингвистического исследования

Современная лингвистическая наука уделяет большое внимание исследованию понятия «индивидуальная языковая картина мира». Вопрос о ИЯКМ относится к числу наиболее актуальных в лингвоперсонологии, когнитологии, лингвокультурологии. Это подтверждается наличием большого числа работ, посвящённых исследованию данного феномена [Арутюнова, 1997; Караулов, 1976; Чурилина, 2006; Шведова, 1999 и др.].

Проблема ИЯКМ в современной лингвистике изучалась на разном материале:

1) на материале художественных текстов: ИЯКМ А.А. Ахматовой [Маслова, 2004]; А.Н. Толстого [Агонен, 2005]; омского поэта Тимофея Белозерова [Бутакова, 2000]; М. Горького [Борисова, 2001]; Арсения Тарковского [Черкасова, 1992: 58]; томского поэта Загвоздина [Кустова, 2005б]; В.П. Астафьева [Осипова, 2005]; нижегородского писателя Н.И. Кочина [Абрамова, 2005] и др.; ИЯКМ героя литературного произведения [Богомолов, 2005 и др.];

2) на материале деловых и эпистолярных памятников прошлых эпох: ИЯКМ Ивана Грозного [Попова, 2004 и др.], князя Куракина [Ясинская, 2004] и др.;

3) на материале диалектных картотек: ИЯКМ диалектной ЯЛ [Волкова, 2004; Гынгазова, 2003 а, 2003 б и др.; Крапивец, 2000; Тингаева, 2005 и др.].

Под **индивидуальной языковой картиной мира**, вслед за В.А. Масловой, мы понимаем модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определённый исторический период [Маслова, 2004: 41-43].

Следует отметить, что ИЯКМ имеет конкретную форму своего выражения в индивидуальной концептосфере. Под концептосферой понимается иерархия (множество) концептов. Термин **«концептосфера»** обязан своим появлением в науке Д.С. Лихачеву, который связывал с ним систему концептов нации, созданную благодаря вкладу отдельных носителей языка [Лихачёв, 1993; 1997]. В современной русистике признают существование концептосферы индивидуума, отдельных социальных групп [Попова, 2003 и др.; Рудакова, 2005; Фесенко, 2005; Кустова, 2005 а, 2005 б и др.; Маслова, 2004; Новосельцева, 2002 и др.]. Мы не склонны говорить об индивидуальной концептосфере без относительно от того, какую картину мира (далее – КМ) она выражает, так как концептосфера личности является конкретным воплощением (формой) индивидуальной КМ.

Поскольку концептосфера соотносится с какой-либо КМ, то мы считаем, что любая КМ представлена своей концептосферой как системой концептов. Мы утверждаем, что абстрактная форма ИЯКМ – концептосфера личности – это истинная, неискажённая (сущностная) форма представления КМ индивидуума. Концептосфера личности меньше подвержена стандартизации, чем национальная концептосфера [Попова, Стернин, 2000: 28-29]. Концептосфера лично-

сти, как и концептосфера нации, может быть выражена языковыми средствами, которые имеют свои семемы и семы. Для лингвистики важно «описывать семантические <...> признаки, определяющие специфику той или иной концептосферы» [Карасик, 2004: 130]. Вслед за А.Д. Шмелёвым, мы утверждаем, что «значение <...> лексических единиц <...> включает в себя лингвоспецифические конфигурации идей» [Шмелёв, 2002: 12].

В процессе исследования сочинений А.П. Степанова было установлено, что наибольшей частотностью (количеством употреблений) в его дискурсе обладают лексемы, вербализующие понятия: *красота* / *безобразия* (420); *польза* / *вред* (254); *государь* (132); *вера* (138); *истина* / *правда* (178); *добро* / *зло* (170); *жизнь* / *смерть* (170); *дух* (145); *душа* (143); *тело* (110); *любовь* / *ненависть* (140); *долг* (140); *образование* (75); *путешествие* (75); *счастье* (70); *дружба* (60); *ответственность* (69); *пространство* (58); *свой* / *чужой* (55); *воспитание* (55); *страсть* (48); *надежда* (43); *страдание* (40) и др. Далее будут рассмотрены концепты «Красота» и «Польза» как наиболее значимые в ИЯКМ А.П. Степанова.

1.3. Эстетическое (прекрасное и безобразное) и утилитарное (полезное и вредное) как ценности в картине мира языковой личности

1.3.1. Анализ содержания понятий «красота» и «польза» в энциклопедических источниках

Как отмечает Ю.С. Степанов, анализ концепта можно «начать с определения “встречаемостей” слова (его дистрибуции)» [Степанов, 2004: 82]. Другой путь анализа («сразу с категорий» [Степанов, 2004: 82]) связан с выявлением родовидовых отношений интересующего концепта, с поиском методологических оснований исследования и выявлением сущности названных понятий. Этот путь определяет направление

нашего исследования и позволяет выявить взаимосвязь концептов в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова. Нелингвистические источники, задавая вектор исследования, устраняют трудности в анализе лексикографических источников. Лингвистические словари содержат логические круги, при которых лексемы, входящие в семантическое поле, определяются через самих себя.

Для полноты и объективности анализа концептов «Красота» и «Полеза» в структуре языковой личности А.П. Степанова, определим содержание категорий «утилитарное», «эстетическое», «ценность». Представляя во всей полноте онтологию понятий «прекрасное» и «полезное», которые являются ценностями для исследуемой языковой личности, раскроем сущность их связей друг с другом и с такими антиподами, как «безобразное» и «вредное».

Для того чтобы установить иерархию отношений понятий, мы обращаемся к энциклопедическим словарям, справочникам и монографиям, в которых достаточно полно представлены общие существенные признаки интересующих понятий.

ЦЕННОСТЬ – «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлечённостью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях. Различают материальные, общественно-политические и духовные ценности; положительные и отрицательные ценности» [СЭС, 1989: 1487].

КРАСОТА – «одна из важнейших категорий эстетики, которая наряду с категорией прекрасного отражает такие эстетические свойства предметов и явлений действительности, как гармоничность, совершенство, упорядоченность.

Так же, как и термин «прекрасное», термин красота может быть применён, например, к оценке внешнего или внутреннего облика человека, его поступка, содержания и формы произведения искусства и т.д.» [КСЭ, 1983: 79].

ПОЛЬЗА – «ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов, действий или явлений в их отношении к чьим-либо интересам; в более строгом смысле – характеристика средств, годных для достижения заданной цели. С точки зрения аксиологии, польза, как и другие ценности практического сознания (успех, эффективность, целесообразность, преимущество и т.п.), представляет собой относительную ценность, в отличие от абсолютных, или высших ценностей – добра, прекрасного, истины, совершенства. Моральным сознанием понятие «польза» соотносится с понятием добра» [СЭТ, 1989: 257].

Анализ содержания словарных статей интересующих нас понятий, выявленных в ряде словарей и монографий, привёл нас к некоторым заключениям. Прекрасное и безобразное, польза и вред – это формы восприятия и оценки мира. В дальнейшем будет показано, как они отражены в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова.

Эстетические категории **«прекрасное» / «безобразное»** являются антиподами в отношении одного и того же субъекта, который отражает мир в понятиях «прекрасное» / «безобразное». Эстетическая оценка мира, осуществляемая субъектом в отмеченных понятиях, имеет отношение к одной и той же ситуации или к одному и тому же объекту. Если прекрасное как эстетическое отражение реального или воображаемого мира вызывает у человека чувство эстетического наслаждения, то безобразное вызывает чувство эстетического отвращения. Прекрасное выражает эстетический идеал, оказывает стимулирующее действие на способности человека. Безобразное выражает противоположность эстетическому идеалу, является отрицательной формой эстетического освоения

мира, подавляет созидательные и познавательные способности человека. В эстетической оценке, выраженной через категории прекрасного и безобразного возможно указание на конкретную ситуацию, в которой проявляется смысл названных категорий, но понятия прекрасного и безобразного также выражают объективные основы красоты и безобразия. Субъективные основы, содержащиеся в эстетических категориях, выражаются в особенностях восприятия, в оценке, в отношении к объективным основам прекрасного или безобразного (См. Схема № 3 в Приложении II).

На основе данных энциклопедических источников [СЭС, 1989; СЭТ, 1989 и др.]. Выявим характер связей категорий практического сознания «**польза**» и «**вред**». Однозначный смысл философских категорий «польза» и «вред» раскрывается только в конкретном контексте, где ситуация полностью описана, ясны все её условия. В содержании понятий «польза» / «вред» и в их реализации всегда содержатся следующие указания: вредное / полезное для кого и при каких обстоятельствах. Таким образом, польза способствует реализации чьих-то интересов, вызывает у человека удовлетворение от деятельности, тем самым стимулирует созидательную и познавательную деятельность и является положительной формой практического (утилитарного) отражения мира. Вред же мешает реализации чьих-то интересов, вызывает у человека неудовлетворение от деятельности, тем самым подавляет созидательную и познавательную способность и является отрицательной формой практического (утилитарного) отражения мира (См. Схема № 4 в Приложении II).

Прекрасное и безобразное являются формами эстетического отражения мира, а польза и вред являются формами практического (утилитарного) отражения мира в сознании личности. Эстетическое и практическое (утилитарное) определяются как формы отражения реального и воображаемого мира. Через эти формы личность осуществляет оценку мира,

как реального, так и ирреального (См. Схема № 5 в Приложении II).

Проясним соотношение понятий «прекрасное / красота», «безобразное / безобразие», «полезное / польза», «вредное / вред». Как известно, теоретическое осмысление мета-категории «эстетическое» происходило благодаря категории «прекрасное», которая в свою очередь нередко отождествлялась с понятием «красота». В истории эстетики осуществлялись попытки разведения понятий «прекрасное» и «красота». Согласно такой позиции красота признаётся «более узкой по значению эстетической категорией, она раскрывает и оценивает лишь отдельные стороны конкретных эстетических свойств предметов и явлений, тогда как термин «прекрасное» может быть употреблён и для эстетической оценки предмета и явления в целом» [КСЭ, 1983: 79-80].

В настоящем исследовании «прекрасное» и «красота» как эстетические категории отождествляются (о смысловом совпадении понятий «прекрасное» и «красота» как см. таже [КСЭ, 1983: 79]). Необходимо заметить, что вводимые далее понятия «красота внешняя» и «красота внутренняя» являются видами по отношению родовому понятию «красота» (см. схему № 5 в Приложении II).

Поиск философских оснований исследования концептов в картине мира ЯЛ А.П. Степанова приводит нас к необходимости вскрытия сложных взаимоотношений между категориями «эстетическое» и «утилитарное». Как известно, сложились два противоположных представления о взаимосвязи прекрасного как формы эстетического познания мира и полезного как формы утилитарного (практического) познания. Выделяют две теоретические модели соотношения разных форм отражения мира в сознании человека: *тождество прекрасного и полезного* и *противопоставленность прекрасного полезному* [Борев, 1988: 38-44].

Данные утверждения отражают противоречивость де-

тельности личности, в которой совмещаются утилитарные и эстетические установки. Эстетическое восприятие и оценка явлений действительности, с одной стороны, не зависит от утилитарных оценок, но с другой стороны, эстетическая оценка конкретных явлений основана на человеческом опыте и практике. «В понятии “полезное” фиксируется не только жизненная необходимость данного предмета», – утверждает доктор филологических наук Ю.Б. Боров, – «но и ориентированность сознания на использование этого предмета для удовлетворения утилитарных и бытовых потребностей» [Боров, 1988: 41]. На начальных этапах развития общества эстетическое выражалось только в форме полезного. Но по мере развития общественных интересов и удовлетворения практических нужд человечество становилось способным наслаждаться прекрасным.

В теоретических работах отмечено, что понятие «польза» опосредованно связано с эстетической оценкой конкретных явлений действительности [Боров, 1988]. Мы считаем целесообразным определить, насколько концепт «польза» связан с семантическим узлом «сущностная красота», который манифестирует концепт «Красота». Для анализа лингвокогнитивного уровня структуры языковой личности А.П. Степанова важно установить, находит ли эта, несомненно, опосредованная связь своё выражение в картине мира первого енисейского губернатора.

1.3.2. Лексико-семантическое поле «Красота» в языковой картине мира русского этноса XIX века (анализ на материале лексикографических источников)

Концепт «Красота» неоднократно становился предметом изучения лингвистов [Арутюнова, 2004; Дементьева, 2002; Демьянков, 2004; Шмелёв, 2004 а и др.]. Их работы отличают целостное представление о концепте в рамках определённых национальных культур и исторических эпох. Исследуя названный концепт, учёные определяют характер отражения в языке

эстетических категорий «красота», «прекрасное», «совершенство», «гармония»; отмечают, какими языковыми средствами репрезентирован концепт; в чем заключается своеобразие данного концепта в национальных и в индивидуальных картинах мира, в том числе и в художественных картинах мира; как соотносится концепт «Красота» с концептами «Любовь», «Добро», «Истина».

Вопрос о выделении основных видов красоты представлен в работе Н.Д. Арутюновой, которая отмечает в античной эстетической концепции единство таких составляющих, как красивое, доброе, полезное, совершенное [Арутюнова, 2004: 10]. Таким образом, единство эстетической, этической и утилитарной оценки было характерно для человечества ещё на заре его развития. Для нашего исследования важна идея Н.Д. Арутюновой о связи эстетической оценки с нравственностью и пользой. Эта связь «естественно возникает в антропоцентрическом мире, в котором человек является и объектом, и субъектом оценки» [Арутюнова, 2004: 9]. Однако наличие этической и утилитарной оценок, связанных с понятием прекрасного, привело к противопоставлению внутренней и внешней красоты, эстетического и утилитарного [Арутюнова, 2004: 26-27]. Соотношение внешней и внутренней красоты исследует А.Л. Леонтьева [ЛАЯ, 2004: 545-561]. Анализ эстетических оценок внешнего облика человека представлен в работах Г.Е. Крейдлин [ЛАЯ, 2004: 415-427], И.И. Макеевой [ЛАЯ, 2004: 428-437], Т.А. Михайловой [ЛАЯ, 2004: 437-445], И.Ф. Рагозиной [ЛАЯ, 2004: 446-457], Н.И. Сукаленко [ЛАЯ, 2004: 458-470], Е.В. Урысон [ЛАЯ, 2004: 471-486].

Исследованию концепта «Красота» в ИЯКМ мастеров художественного слова посвящены работы таких исследователей, как А.Г. Грек [ЛАЯ, 2004: 321-334], В.П. Григорьев [ЛАЯ, 2004: 335-355], Л.Г. Панова [ЛАЯ, 2004: 369-388], И.А. Тарасова [ЛАЯ, 2004: 388-396], Л.Л. Шестакова [ЛАЯ, 2004: 397-414], Е.В. Севрюгина [2003]. Так, в диссертации Е.В. Севрюгиной

[2003] выделены взаимосвязанные значения концепта «Красота» в лирике Ф.И. Тютчева и У. Вордсворта, представлена смысловая и ассоциативная связь концептов «Любовь» и «Красота». Особенности воплощения образа «положительно прекрасного человека» в творчестве Ф.М. Достоевского и Мориака посвящена работа И.Ф. Рагозиной [ЛАЯ, 2004: 446-457].

Синхронический подход к исследованию концепта предложен в работах В.З. Демьянкова [2004], Н.В. Летуновской [2005], В.А. Матвеевко [ЛАЯ, 2004: 64-78], Ю.В. Мещеряковой [2004] и др. Авторами рассматриваются лексические и синтаксические способы вербализации концепта «Красота». В отдельных работах уделено внимание вербализации концепта «Красота» в русском языке [Федотова, 1999; Дементьева, 2002; Шмелёв, 2004]; английском языке [Баженова, 2005]; немецком языке [Арская, 2002]; во французском аргю (Э.М. Бергговская) [ЛАЯ, 2004: 136-142]; в испанской разговорной речи (Н.Г. Мед) [ЛАЯ, 2004: 251-259]. Ряд изысканий посвящён исследованию концепта в русской ЯКМ [Шмелёв, 2004 а]; (А. Зализняк, А.Д. Шмелёв) [ЛАЯ, 2004: 209-230]; (И.Б. Левонтина) [ЛАЯ, 2004: 231-250]. Т.Б. Банкова выявляет эстетические и этические аспекты категории «красивое» в сибирском говоре [Банкова, 1996].

Диахронический подход в анализе концепта «Красота» реализован в работах Л.П. Клименко и В.И. Постоваловой. В исследовании Л.П. Клименко представлена лексико-семантическая характеристика понятия «красота» в сакральных текстах в X – XI вв. [2000]. Работа В.И. Постоваловой направлена на исследование концепта «Красота» в европейской духовной культуре с античности до наших дней [ЛАЯ, 2004: 105-107]. В рамках диахронического подхода выполнены также статьи Г.П. Первушиной [2005 и др.].

Ряд работ посвящён *сопоставительному анализу* концепта «Красота». Можно выделить два направления подобных исследований:

1) сопоставление воплощений концепта «Красота» в разных языках: в английском и русском (Ю.В. Мещерякова) [2004]; (А.В. Демущкая) [ЛАЯ, 2004: 162-168]; в русском и американском варианте английского (И.Е. Белякова) [2007]; в немецком и русском (Н.В. Летуновская) [2005]; во французском и русском (Т.И. Смолярова) [ЛАЯ, 2004: 671-676]; в английском, русском и кабардино-черкесском (М.А. Шарданова) [2006]; в английском и немецком (Е.Б. Яковенко) [ЛАЯ, 2004: 129-135];

2) сопоставление концепта «Красота» с концептами «Истина», «Добро» (Н.Д. Арутюнова [2004]; Е.М. Верещагин [ЛАЯ, 2004: 37-52]; В.И. Гаврилова [ЛАЯ, 2004: 53-63]; В.А. Матвеев [ЛАЯ, 2004: 64-78]; В.И. Постовалова [ЛАЯ, 2004: 79-110]; Л.И. Щеголева [ЛАЯ, 2004: 122-128]; Е.В. Севрюгина [2003]; О.В. Хабарова [2006]); с концептами «Добро», «Зло», «Внешность», «Природа», «Искусство», «Здоровье», «Душа», «Ум», «Полезьа» и «Мораль» (Ю.В. Мещерякова) [2004].

Особое внимание обращает на себя работа Н.Д. Арутюновой, в которой истина, добро и красота названы «триадой великих ценностей», «членами великой Триады» [Арутюнова, 2004: 5, 9], источником богообщения и богопознания (И.В. Гаврилова) [ЛАЯ, 2004: 58-63]. Связь ценностных категорий Добра – Истины – Красоты как лингвокультурное концептуальное триединство является объектом диссертационного исследования О.В. Хабаровой [2006]. Автор рассматривает части триединства в качестве компонентов концептуального пространства «Прекрасное» на материале памятников древнерусской письменности XI – XIV вв. Функционально-семантический, контекстуальный и концептуальный анализ позволяет автору реконструировать систему аксиологических констант древнерусской картины мира [Хабарова, 2006: 7-8].

Этимология лексемы «красота» не раз становилась объектом исследования [Фасмер II: 367; Черных I: 440 и др.]. В частности, П.Я. Черных приводит три версии этимологии русского

слова «красота»: во-первых, слово может быть родственно др.-исл. *hrosa* – ‘хвалиться’ и нов.-исл. *hros* – ‘слава’; во-вторых, лит. *grozis* ‘красота’, *grazus* ‘красивый’; в-третьих, лит. *krosnis* и латыш. *krasns* – ‘печь’, поскольку значение интересующего нас слова «могло возникнуть не просто из значения слова “пламя”, не по цвету огня, а <...> в связи с тем, что “крада” первоначально значило ‘жертвенный огонь’» [Черных I: 440]. **Этимологический** анализ лексем с опорой на приведённые точки зрения представлен в нескольких диссертациях (см. подробнее: [Летуновская, 2005; Хабарова, 2006] и др.). Трудности этимологического анализа концепта «Красота» отмечены в статье В.З. Демьянкова «Пленительная красота» [2004]. По мнению исследователя, сложность этимологизирования связана с тем, что «концепт красоты напоминает табуированные понятия», это приводит к вариативности основ со значением ‘красота’ [Демьянков, 2004: 169]. Он полагает, что лексема «красота» относится к этимологически тёмным лексемам.

В древнерусский период слова «красота» и «краса» функционировали в двух значениях: ‘украшение’ и ‘красота, краса’ [СДСЯ, 1899: 338]. Памятники письменности XII в. впервые фиксируют такой оттенок значения слова «красота», как ‘то, что нужно, полезно, земные блага’. С этим оттенком данная лексема функционирует вплоть до XVII в.

В старорусский период в семантике лексемы «красота» отмечаются некоторые изменения: объём лексического значения расширяется, появляются новые ЛСВ: а) ‘красота, прелесть’; б) ‘тонкость, остроумие’; в) ‘великолепие’; г) ‘драгоценности, наряды’; д) ‘тот, что (тот, кто) является гордостью чего-л.’; е) ‘то, что красиво, прекрасное’. Церковно-славянские памятники письменности XV в. также фиксируют у слова «красота» значение ‘радость, наслаждение’. В памятнике XV в. «Похвальное слово преподобному Сергию, написанное Епифанием» отмечается устойчивое сочетание «царствие красоты» в значении ‘царствие небесное’ [СлРЯ XI – XVII, вып. 8: 23].

В русском языке XVIII в. у слова «красота» основным значением является ‘совокупность качеств, дающих представление о красивом, прекрасном’. В этот период слово начинает употребляться в форме мн. ч. (‘о красивых местах, пейзаже’; ‘прелести’) по отношению к природе и человеку. В сочинениях XVIII в. встречаются устойчивые сочетания «в красоте своей (явиться) показаться», «придать, подать красоту (чему)», «в полной красоте», «во цвете красоты своей», «красота души», «красота душевная, духовная».

В произведениях XVIII в. лексема «красота» употребляется и в других значениях: ‘то, что отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства (языка, стиля, литературы, произведений искусства)’; ‘украшение, гордость кого-, чего-л.’. Слово «красота» в данном значении использовалось при характеристике человека. Отметим также функционирование лексемы «красота» с оттенком ‘самый лучший, самое лучшее среди кого-, чего-л.’. В XVIII столетии в результате метонимического переноса у слова «красота» появляется значение ‘красавица’. В этот же период возникает устойчивое сочетание «девичья красота». Со второй половины XVII в. в памятниках русского языка начинает фиксироваться дериват «красивый» [СлРЯ XVIII, вып. 10: 243-244].

На основе данных словарей отметим ЛСВ полисеманта «красота» в русском языке XIX в.: 1) ‘свойство прекрасного или совокупность качеств, которые представляют собой единство внешнего и внутреннего’: *гений чистой **красоты*** [СЯзП II: 395]; 2) ‘красивая внешность, красивый внешний вид’: *пой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица, при **красоте** таковой, и петь ты мастерица, ведь ты б у нас была царь-птица!* [СЯзК: 266]; 3) ‘то, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства [мн.ч.]’: *Он (Ломоносов) понял истинный источник русского языка и **красоты** онаго: вот его главная услуга* [СЯзП II: 396] || ‘то, что

нравится, привлекает в женщине [мн.ч.]’: *стыдно вам замечать чужие **красоты**, у вас у самого такая красавица* [СЯЗП II: 396]; 4) ‘красивая женщина, красавица’: *Слыву я девою жестоккой, Неумолимой **красотой*** [СЯЗП II: 396]; [САР 2, 1814: 386; Даль II: 186; СЯЗК: 265; СЯЗП II: 395]. Этимологически первичное слово «краса» в русском языке XIX в. имело некоторые семантические различия со словом «красота»: 1) ‘красота’ (во 2 значении): *Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная **краса*** [СЯЗП II: 389]; 2) ‘то, что нравится, привлекает [мн.ч.]’: *Как милы тёмные **красы** Ночей роскошного Востока!* [СЯЗП II: 389] || ‘то, что нравится, привлекает в женщине [мн.ч.]’: *Час от часу пленённый боле **Красами** Ольги молодой, Владимир сладостной неволе Предался полною душой* [СЯЗП II: 389]; 3) ‘украшение чего-н., то, чем можно гордиться [в значении сказуемого или приложения; кого, чего]’: *Не правла ли, что мы **краса** долины всей? Что нами древо так пышно и кудряво* [СЯЗК: 265]; 4) ‘красавица’: *О Делия драгая! Спеши, моя **краса*** [СЯЗП II: 389]; [САР 2, 1814: 385; Даль II: 185; СЯЗК: 266; СЯЗП II: 389].

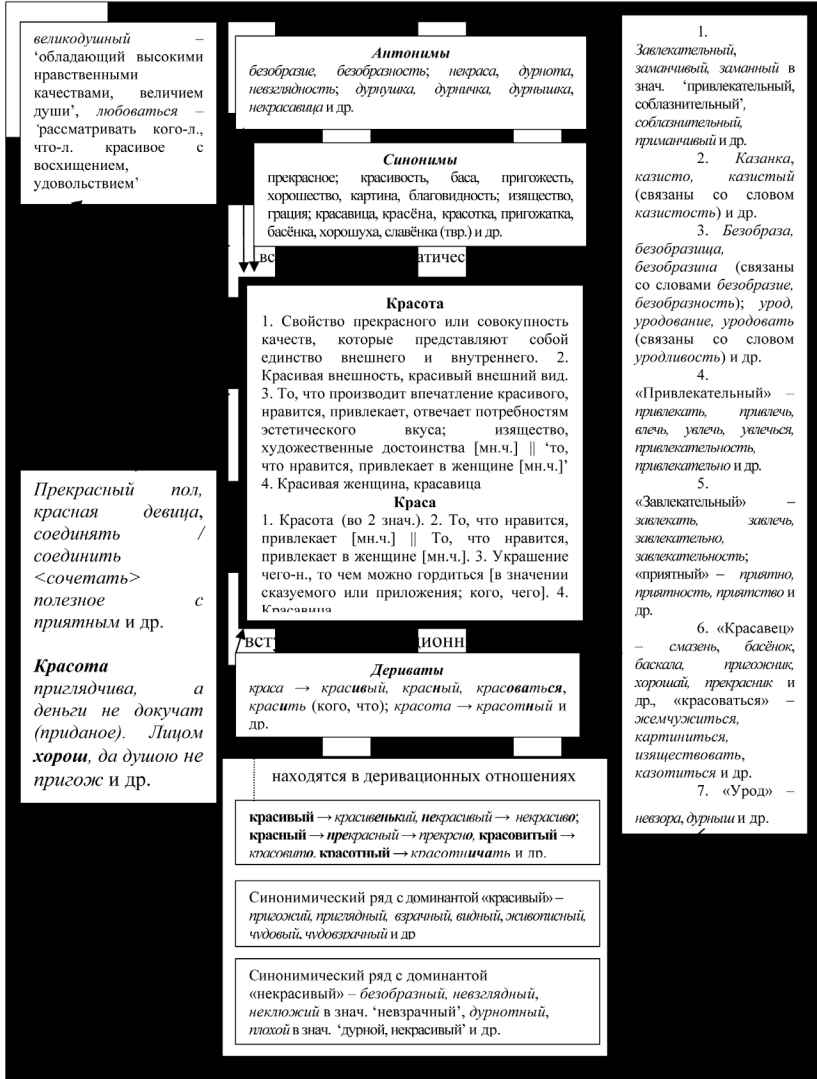
Перспективу ЛСП «Красота» создаёт родовое имя, с помощью которого можно уточнить основное значение слова «красота». Анализ энциклопедических источников дал основание установить, что понятие «эстетическая ценность» является родовым для понятия «красота» [СЭС, 1990: 1487; КСЭ, 1983: 79, 121 и др.]. Основным значением слова «красота» является следующее: ‘эстетическая ценность, которая представляет собой единство внешних и внутренних качеств’.

Сопоставление сем слов, включённых с ЛСП «Красота» в русском языке XIX в., позволило выявить единицы, которые связаны системными отношениями: 1) парадигматическими; 2) деривационными; 3) деривационно-ассоциативными; 4) ассоциативными.

Структуру ЛСП «Красота» в русском языке XIX в. представим в виде схемы (см. схему № 1).

Схема № 1.

Лексико-семантическое поле «Красота»
в русском языке XIX века,
представленное семантической сетью

В работе определён состав и структура ЛСП «Красота» в русском языке первой половины XIX в. Данное ЛСП насчитывает около пятисот лексических единиц. В **ядерную** зону ЛСП входят слова «краса» и «красота» в отмеченных выше значениях (см. ЛСВ имени поля на стр. 43-44).

В **околоядерную** зону ЛСП «Красота» входят:

1. Синонимы и варианты всех ЛСВ имени поля: ЛСВ-1 ‘свойство прекрасного или совокупность качеств, которые представляют собой единство внешнего и внутреннего’: *прекрасное* – ‘то, что является воплощением художественной и духовной красоты [в знач. сущ.]’. ЛСВ-2 ‘красивая внешность, красивый внешний вид’: *красивость* – ‘внешняя красота чего, кого-л., свойство красивого’: *Не мы листы ль **красивостью** своей Плясать сюда пастушек привлекаем?* [СЯЗК: 265], *красовитость* – ‘свойство красивого, нарядность’ [Даль II: 186], *баса, басина, басота* – ‘внешняя красота, казистость’: *бася (басина, басота) приглядится, а ум пригодится* [Даль I: 52], *пригожестъ, пригожество, хорошество, хоросьво, хорости, взрачность, прекраса* – ‘всё, что красиво, изящно, прекрасно на вид’, *прелестъ* – ‘красота, миловидность’, *смазливостъ* – ‘пригожество лица’ [Даль IV: 230], *миловидность* – ‘соединение пригожества, простоты и красоты во внешности’ [Даль II: 327], *живописность, картина* – ‘красивый вид природы’: *Везде передо мной подвижные **картины**: Здесь вижу двух озёр лазурные равнины...* [СЯЗП II: 303], *благолепие* – ‘внешняя красота, великолепие, богатое убранство, украшение’ [Даль I: 92], *благоличие* – ‘благовидность, красивая внешность, красота, особ. о человеке’ [Даль I: 92], *благовидность, угожество* – ‘красота’ [Даль IV: 467], *чудотворность* – ‘красота’ [Даль IV: 612]. ЛСВ-3 ‘то, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства [мн.ч.]’: *изящество* – ‘красота, отвлечённое значение к *изящность*’: ***изящество** – это союз истины и до-*

бра [Даль II: 39], *изящность* – ‘свойство, качество, принадлежность всего, что изящно’: *изящность работы этой вещи замечательна* [Даль II: 39], *великолепие* – ‘соединение красоты и величия, роскошное богатство в изящном виде’: *Её (Екатерины) великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали* [СЯЗП I: 232], *грация* – ‘о поэтическом искусстве, исполненном прелести и изящества’: *После Джульетты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий Шекспировской грации, Меркутио <...> есть замечательнейшее лицо из всей трагедии* [СЯЗП I: 542]. ЛСВ-4 ‘красивая женщина, красавица’: *красавица, красёна, красёнушка, красуля, красулька, красава, красавка, красавушка, красавочка, красовитка, красуха, красотка, красоточка, краля, раскрасавица, пригожайка, пригожатка, пригожница* – ‘та, что любит свою красотой’ [Даль III: 408], *басёнка, басиха, басунья, басана, басена, басуля* – ‘щеголиха, та, что щеголяет нарядами’ [Даль I: 52], *прекрасница* – ‘красава в дурном значении’ [Даль III: 393], *прелестная* – ‘форма ж. р. в знач. сущ. *женщина*’: *И вот уж шёпот слышу сладкой, – С крыльца прелестная сошла, Чуть-чуть дыша* [СЯЗП III: 689], *грация* – ‘красавица, красивая женщина, девушка’, *хороиуха, хороиайка, хорошава, хорошавка, хорошавочка, хорошуля, хорошулька, хорошутка, хорошуточка* – ‘ласкат. красивая девочка’ [Даль IV: 562], *славёнка (твр.), славнуха (арх.)* – ‘прославленная красавица’, *славутница* – ‘девушка-щеголиха’ [Даль IV: 215].

2. Антонимы всех ЛСВ имени поля: ЛСВ-1: *безобразность, безобразие* – ‘то, что производит отталкивающее неприглядное впечатление от общего вида кого, чего-л.’: *Страшась своего безобразия он носил на лице сетку* [СЯЗП I: 87]. ЛСВ-2: *некраса, дурнота* – ‘безобразие, некрасивость’ [Даль I: 502], *невзглядность* – ‘внешняя некрасивость чего-л.’, *невзрачность, неказистость, непривлекательность, некрасивость, непригожесть, уродливость, уродство* – ‘то, что указывает на наличие какого-л. физического недостатка в лице,

фигуре и т.п. человека или нарушение, искажение пропорций, составных частей в каком-л. сооружении, создании и т.п.», *отвратительность*. ЛСВ-4: *дурнушка, дурничка, дурнышка, некрасавица*.

3. Словообразовательные дериваты имени поля: *краса* → *красивый, красный, красоваться, красить* (кого, что); *красота* → *красотный*.

К границе между околядерной и периферийной зонами нами отнесены:

1. Языковые единицы, находящиеся в деривационных отношениях с дериватами имени поля и друг с другом, среди них:

1) отыменные дериваты: а) наименование лица → наименование лица (*красавец* → ***раскрасавец, красавчик, краснобай*** → *краснобайка*); б) наименование лица → наименование действия (*краснобай* → *краснобаить*); в) наименование лица → наименование признака (*краснобай* → *краснобайливый*); г) наименование лица → наименование признака, принадлежащего лицу (*красавец* → *красавин* – ‘притяж прил. к *красавец*’, *красавцев* – ‘притяж прил. к *красавец*’, *красавчик* → *красавчиков* – ‘притяж прил. к *красавчик*’); д) наименование признака предмета → наименование лица (*красивый* → *красик, красавец*); е) наименование признака → наименование признака с модификационным значением (*красивый* → *красивенький, прекрасный, красный* → ***прекрасный*** → ***распрекрасный***); ё) наименование признака → наименование признака с противоположным значением (*красивый* → ***некрасивый***); ж) наименование признака → наименование отвлечённого признака (*красовитый* → ***красовитость, красноречивый*** → ***красноречивость***); з) наименование признака → наименование действия (*красивый* → *красиветь, красовитый* → ***красовитничать***, *красотный* → ***красотничать***); и) наименование признака предмета → наименование признака действия (*красивый* → *красиво, некрасивый* → ***некрасиво, пре-***

красный → *прекрасно*, *красноречивый* → *красноречиво*, *красовитый* → *красовито*, *украсистый* → *украсисто*, *украсилывый* → *украсливо*); к) наименования признака предмета, образованные сложением основ (*прекрасный* + *душа* → *прекраснодушный*; *красный* + *речь* → *красноречивый*);

2) отглагольные дериваты: а) производные существительные со значением отвлечённого действия (*украсить* → *украшение*: *нет украшения супротив природной красоты* [Даль IV: 484], *прикрашивать* → *прикрашиваније*, *прикрасить* → *прикрашеније* *приукрашать* → *приукрашеније*, *красотничать* → *красотничаније*, *красовитничать* → *красовитничаније*, *красоваться* → *красованије*); б) производные существительные со значением процесса (*украсить* → *украшеније*, *украш*, *украша* – ‘всё, что красит, украшает’: *Ты, девушка, всего села украса!* [Даль IV: 484], *прикрасить* → *прикрас-ø*, *прикраса*, *прикрас-ø-ы* – ‘то, что прикрашивает рассказ или повествование’: *тут прикрас не нужно, была бы вещь в дело годна* [Даль IV: 420], *приукрашить* → *приукраш-ø*, *приукраша*, *разукрашить* → *разукраш-ø*, *разукраша* – ‘прикраса, украшение’ [Даль IV: 53]); в) производные существительные со значением процесса, осложнённые стилистической окраской (*прикрасить* → *прикраска*, *прикрасок*, *приукрашить* → *приукрашка*, *разукрашить* → *разукрашка*); г) производные существительные со значением ‘производитель действия, названного производящей основой’ (*разукрашать* → *разукрашатель* → *разукрашательница*, *прикрашать* → *прикрашатель* → *прикрашательница* – ‘тот, кто старается украсить свою речь прикрасами’ [Даль III: 420]); д) производные прилагательные с усилительным значением (*украсить* → *украсистый*, *украсчивый*, *украсливый* – ‘красивый, украшающий’: *украсистый парень*, *украсчивое дерево* [Даль IV: 485]); е) производные глаголы с модификационным значением (*красоваться* → *украсоваться*, *накрасоваться*, *закрасоваться*, *покрасоваться*, *красить* → *украсить*, *украситься*,

прикрасить, украшать, прикрашать, прикрашивать, украсить → *приукрасить, приукраситься, разукрасить, разукраситься*, украшать → *украшаться, разукрашать, разукрашиваться, разукрашиваться, приукрашать, приукрашаться*).

2. Синонимический ряд с доминантой «красивый» – *прекрасный, распрекрасный, красный, красовидный, украсистый, украсчивый, украсливый, красовитый, казистый, казистенький* – ‘видный, красивый’: *барышня казистенькая* [Даль II: 74], *баской (басый, басий, басистый)* – ‘красивый, красный, видный, изящный’: *басенька девочка, ей бы парня баского* [Даль I: 52], *пригожий, пригоженький, приглядный, взрачный, видный, живописный, благолепный, благоличный, благоцветный* – ‘успокаивающий угодным цветом и красотой’ [Даль I: 95], *великолепный, превосходный, славнецкий* – ‘сиб. славнейший, прекраснейший’ [Даль IV: 215], *хороший (хоровитый), хорошенький, хорошавый* – ‘пригожий, видный, статный’, *смазливый, смазливенький, миловидный, милый (милой), миленький* – ‘миловидный, приятный на вид, хорошенький, грациозный’, *милоликий, милолицый, привлекательный* – ‘приятный на вид, заманчивый, очаровательный’, *приятный* – ‘привлекательный, нравящийся внешне’, *роскошный* – ‘к роскоши относящийся, прекрасный, изящный’: *роскошная природа* [Даль IV: 104], *изящный, грациозный, прелестный, дивный* – ‘прекрасный, восхитительный, прелестный’, *чудный* – ‘вызывающий восхищение, дивный, прекрасный’, *чудесный* – ‘вызывающий восхищение, чудный, дивный’, *чудовый* – ‘превосходный, прекрасный’, *чудовзрачный* – ‘дивно красивый’: *чудовзрачные виды* [Даль IV: 612], *очаровательный* – ‘чарующий, пленительный, обольстительный’, *обаятельный* – ‘очаровательный, волшебный’: *у певицы обаятельный голос* [Даль II: 567], *обворожительный, пленительный, обольстительный, прельстительный, симпатичный* и др.

3. Синонимический ряд с доминантой «некрасивый» – *безобразный, уродливый, уродистый, ужасный* – ‘крайне

уродливый, вызывающий своим видом отвращение’, *отвратительный, страшный* – ‘крайне уродливый, отвратительный’, *страшолудный, гнусный* – ‘безобразный, уродливый внешне’, *непригожий, неказистый, невзрачный, невзорный, невидный, невзглядный, неключий* – ‘невзрачный’, *нехороший* – ‘некрасивый, неприятный на вид’, *дурной* – ‘нескладный, некрасивый, безобразный’, *дурнотный, плохой* – ‘дурной, некрасивый’, *неудобный* – ‘такой, который не нравится’, *чудовищный* – ‘страшный, уродливый в нравственном отношении поступок человека’: **чудовищное зверство человека** [Даль IV: 612], *непривлекательный, неприглядный, неприятный* – ‘непривлекательный, не нравящийся внешне’, *гадкий, скверный, плюгавый* – ‘гадкий, отвратительный, скверный, невзрачный’ и др.

Периферийную зону ЛСП «Красота» образуют лексические единицы, которые вступают в деривационные, синонимические и антонимические отношения с лексическими единицами околядерной зоны.

1. Синонимические ряды, близкие по значению синонимическому ряду с доминантой «красивый»: *завлекательный, заманчивый, заманный* – ‘привлекательный, соблазнительный’, *соблазнительный, обаятельный, приманчивый; приятный* – ‘такой, который нравится’: **приятная погода, вкус, запах, теплота, прохлада, голос; приятные вести, надежды, обещания** [Даль III: 466], *нравный, понравный* – ‘приятный, угодный’, *угодный* – ‘такой, который нравится’ и др.

2. Лексические единицы, связанные деривационными и ассоциативно-деривационными отношениями с синонимами имени поля и друг с другом: *казанка* – ‘красивый, видный человек’, *казисто, казистый, казаться* – ‘нравиться, быть по нраву кому-н.’ [Даль II: 73] (связаны со словом *казистость*); *живописный, живописно* (связаны со словом *живописность*); *баской, баско* – ‘очень красиво’: *на басу и глядеть баско* [Даль I: 52] (связаны со словом *баса*); *благотепный,*

благолепно (связаны со словом *благолепие*); *изящный, изящно* (связаны со словами *изящность, изящество*); *хороший, хорошишь* – ‘красить, украшать напоказ’: *Маменька дочку хорошишь* [Даль IV: 562], *хорошеть, похорошеть* – ‘становиться лучше, краше, пригоже’ (связаны со словами *хорошество, хорошево, хорости*); *прельстить, прелестный, прелестно, прелесть* в значении ‘приятная привлекательная особенность женской красоты [мн. ч.]’: *Посмотришь: зеркало докладывать ей стало, что каждый день, а что-нибудь из прелестей её лихое время крало* [СЯзК: 428] (связаны со словом *прелесть* – ‘красота, миловидность’); *великолепный, великолепно* (связаны со словом *великолепие*); *грациозный, грациозно, грациозность* (связаны со словом *грация*); *красовиткин, красавицын, красавичий, красоткин, красавкин* – притяж. прил. к сущ. *красовитка, красавица, красотка* и др.

3. Лексические единицы, связанные деривационными отношениями с антонимами имени поля и друг с другом: *безобразица* – ‘недостаток красоты, уродливость, безвкусие’ [Даль I: 67], *безобразя, безобразица, безобразина* – ‘некрасивый, уродливый, неизящный внешне’: *этот малый такой безобразя, что годится только в пугала* [Даль I: 67], *безобразно, безобразить, обезобразить* (связаны со словами *безобразие, безобразность*); *урод, уродина, уродливо, уродить, уродовать, уродование, уродователь, уродовательница, уродоваться* (связаны со словом *уродливость, уродство*); *отвратительный, отвратительно* (связаны со словом *отвратительность*); *невзглядный, невзглядно* (связаны со словом *невзглядность*); *невзрачный, невзрачно* (связаны со словом *невзрачность*); *неказистый, неказисто* (связаны со словом *неказистость*); *некрасивый, некрасиво* (связаны со словом *некрасивость*); *дурноватость* – ‘принадлежность дурноватого’, *дурнеть* – ‘становиться дурным, более о внешности, лице’ [Даль I: 502-503], *дурной* (связаны со словом *дурнота*) и др.

4. Лексические единицы, находящиеся в деривационных отношениях с членами синонимического ряда с доминантой «красивый»: «привлекательный» – *привлекать, привлечь, влечь, увлечь, увлечься, привлекательность, привлекательно*; «роскошный» – *роскошь* – ‘изящество, обилие прекрасного, богатство и полнота’: ***роскошь природы; роскошь отделки*** [Даль IV: 104], *роскошно*; «очаровательный», «чарующий» – *чары, чаровать, зачаровать, зачаровывать, чарующе, чаровать, причаровать, причаровывать, очаровывать, очаровать* – ‘подчинить, покорить своему обаянию’, *очароваться, очарование* – ‘то, что очаровывает, обольщает, пленяет’, *очаровательность, очаровательно*; «дивный» – *диво* – ‘чудо, удивительная вещь или явление’, *дивно* – ‘удивительно, чудесно»; «чудный» – *чудо* – ‘предмет, явление, действие, поражающее, вызывающее удивление своей необычностью (великолепием, красотой и т.п.)’, «благовидный» – *благовидно*: ***благовидно одетый человек*** [Даль I: 91] и др.

5. Лексические единицы, находящиеся в деривационных отношениях с членами синонимических рядов «завлекательный», «приятный»: «завлекательный» – *завлекать, завлечь, завлекательно, завлекательность*; «обаятельный» – *обаять, обаяние, обаятель, обаятельница, обаятельно*; «приятный» – *приятно, приятность, приятноство* – ‘свойство приятного, состояние внушающего приятное; удовольствие, наслаждение, услада’: ***приятность погоды; приятность чувства спокойной совести*** [Даль III: 466]; «нравный» – *нравно, нравность, нравиться, понравить, понравиться* и др.

6. Семантические и семантико-стилистические синонимы дериватов околоядерной зоны и зоны, расположенной на границе околоядерной и периферийной: «красавец» – *смазень* – ‘внешне привлекательный, нарядно одетый человек’: ***Смазень*** – *щеголёк, смазливый, напомаженный, нарумянен-*

ный [Даль IV: 230], *басёнок* – ‘красавец’, *баскала*, *баскалыга*, *басалай*, *басила*, *басун* – ‘тот, кто красуется, старается прельщать’ [Даль I: 52], *пригожник* – ‘тот, кто любит свою красотой’, *хорошай* – ‘красавец, щёголь’, *прекрасник* – ‘прелестник, щёголь’ [Даль III: 393]; «красоваться» – *пригожничать* – ‘привлекать к себе внимание, любоваться своей наружностью’, *жемчужиться* – ‘чрезвычайно красоваться, выставляя себя на показ’: *Жемчужиться* – о девице: *спесиво красоваться, непомерно дорожа собой* [Даль I: 532], *картиниться* – ‘вести себя жеманно, стараясь показать себя с выгодной стороны’: *Картиниться* – *хорошеться*, *рисоваться* ... [Даль II: 94], *изяществовать* – ‘красоваться изящностью’, *басть* (*басать*) – ‘красоваться, наряжаться, щеголять’, *забасить* – ‘начать щеголять, наряжаться’, *баситься* – ‘наряжаться, щеголять’, *баскалиться* (*баскалычиться*) – ‘красоваться, кокетничать’, *избаситься*, *пробасить* – ‘истратить деньги на щегольство’, *прибаситься*, *подбаситься* – ‘принарядиться’ [Даль I: 52], *щеголять* (*щегольнуть*) – ‘красоваться, выставляя что-н. на показ’, *казотиться* – ‘красоваться’ [Даль II: 74], *хорошиться* – ‘красоваться’ и др.

7. Синонимы дериватов периферийной зоны: «безобразить» – *уродовать*, *портить*, *искажать*; «урод» – *невзора* – ‘тот, кто некрасив’: ну, даром, что *невзора*, а *работник* [Даль II: 505], *дурныш* – ‘дурной собою, невидный, некрасивый человек’, *страхолюд*, *страхопуд* – ‘очень некрасивый человек’, *чудище*, *чудовище* – ‘нравственный урод, изверг’, *выродок* – ‘уродливый телом и душой человек’ и др.

8. Устойчивые сочетания: *во всей красе* – ‘в полном блеске и великолепии’ [СЯзК: 262], *красная девица* (фольклорное обозначение молодой красавицы перешло в литературную речь в XVIII в., словосочетание стало фразеологизмом в XIX в. [РусФраз, 2005: 177]); *прекрасный пол* – ‘женщины’ [СЯзП III: 686] (фразеологизм является калькой с французского, возник из «Случайных размышлений» Р. Бойля

[РусФраз, 2005: 549]); *соединять / соединить (сочетать) полезное с приятным* – ‘сочетать пользу с удовольствием’ (калька с латинского, восходит к «Посланию к пизонам» Горация, где сочетание имеет смысл ‘гармоничное сочетание красивой формы с благонравным содержанием’ [РусФраз, 2005: 551]; *в рожу (на рожу, с рожки) счастлив* – ‘красавец’ [Даль IV: 371] и др.

9. Паремии с единицами ЛСП: *Красота приглядлива, а деньги не докучат (приданое). Красота и глупость часто бывают купно. Ученье красота, а неученье сухота. Коли спишь, красавица, почивай; а не спишь, на спрос отвечай! С собой красава, да не по красаве слава. Не родись ни умён, ни красив, родись счастлив. Девка хороша, да слава нехороша. Лицом хорош, да душою не пригож* и др.

10. Лексические единицы, которые вербализуют другие ЛСП: «Моральные качества», «Благо / добро», «Искусство» и др., но связаны своими дифференциальными значениями с ЛСП «Красота» (*великодушный* – ‘обладающий высокими нравственными качествами, величию души’, *величавый* – ‘величественный, торжественный (о внешнем виде, облике кого-л., чего-н.)’ [СЯЗП I:], *любоваться* – ‘рассматривать кого-л., что-л. красивое с восхищением, удовольствием’: *всякой Ларчиком прекрасным любовался* [СЯЗК: 427] и др.).

Анализ ЛСП «Красота», который осуществлялся с опорой на этимологические, исторические, толковые словари, словари языка писателей, показал, что в языке русского этноса идея красоты имеет большое значение, является ценностной категорией, в которой отразились эстетические представления носителей языка.

1.3.3. Концепт «Красота» в индивидуальной языковой картине мира А.П. Степанова

Концепт «Красота» выражен в тексте А.П. Степанова как эксплицитно, так и имплицитно. **Эксплицитное** выражение концепта «красота» представлено в следующих

узлах семантической сети поля концепта: “Красота”, “Красота внутреннего мира человека, его морального облика”, “Внешняя красота явлений действительности, внешняя красота человека”, “Красота искусства и творческой деятельности личности”, “Безобразие”.

Имплицитный способ выражения концепта отражён в таких узлах семантической сети, как “Красота цвета” (“Цвета красоты”), “Приятность”, “Идея красоты, реализованная в прецедентных текстах”, “Смежные концепты”. Последний узел представлен контекстами с лексемами других полей концептов. Отразим данную структуру на схеме № 2.

Схема № 2.

Семантическая сеть, представляющая поле ценностного концепта “Красота” в индивидуальной языковой картине мира А.П. Степанова

Мы последовательно описываем эксплицитно выраженные узлы семантической сети в виде фреймов. Такой подход обусловлен тем, что данные узлы являются наиболее сложными в структурном отношении. Опираясь на принятую иерархию во фреймовой системе, мы выявляем суперфрейм «Красота» и фреймы, названия которых соответствуют названиям узлов семантической сети. Структура суперфрейма и фреймов состоит из слотов, которые отражают характеристики концепта «Красота» в ИЯКМ А.П. Степанова. У каждого слота есть набор основных и дополнительных значений, которые соотносятся со значениями языковых единиц, вербализующих концепт.

Поле концепта представлено узлами семантической сети. К эксплицитно выраженному узлу “Красота”, который мы рассматриваем в виде суперфрейма, отнесена полисемантическая лексема «красота». В структуру суперфрейма входят все значения лексем, вербализующей ценностный концепт в ИЯКМ А.П. Степанова. Значения лексем «красота» составляют содержание слотов (слот № 1 «Внешнее и внутреннее выражение прекрасного», слот № 2 «Внешне выраженная красота»).

Структура суперфрейма “Красота”

Количество слотов	2
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Внешнее и внутреннее выражение прекрасного.</i>	1. Единство внутренней и внешней красоты человека. 2. Небесная красота, озарившая лицо человека.
Слот 2. <i>Внешне выраженная красота.</i>	1. Красивая внешность, красивый внешний вид. 2. То, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства [мн.ч.]. 3. Красивая женщина, красавица.

В сочинении А.П. Степанова выявлены все четыре значения лексемы «красота» (около 200 употреблений), которые определены по лексикографическим источникам в анализе ЛСП «Красота» в языке XIX в. (см. стр. 43-44).

Рассмотрим реализацию значения лексемы «красота» в произведениях А.П. Степанова в рамках двух слотов. Содержание слота № 1 отражено в значении ‘единство внутренней и внешней красоты человека’ (3 употребления). В романе «Постоялый двор» при описании танцующих на балу А.П. Степанов размышляет: *Не так ли проходят четы брачныя по паркету жизни? Не так ли сталкивает их случай? Не так ли в нравственном и физическом отношении **красота** сливается с **красотою**; **красота** мешается с **уродством** <...>* [ПД III: 99-100].

Вторым значением слота №1 является ‘небесная красота, озарившая лицо человека’: *когда под сводами храма раздалась торжественная хвала Господу (благодарственный молебен после таинства венчания – Н.Б.), она пришла в такой божественный восторг, что все черты лица ея изменились в **красоту** неизъяснимую; она сама, казалось, вмещала в себе ангелов, архангелов, херувимов и серафимов* [ПД III: 247].

В контекстах, отнесённых к слоту № 2 «Внешне выраженная красота», лексема «красота» употребляется в 3 значениях (см. «Структура суперфрейма “Красота”»). Частотным является функционирование лексемы в значении ‘красивая внешность, красивый внешний вид’ (около 100 употреблений): ***красота** весьма нужна для любви и др.: нет ничего милее смотреть на супругов, одарённых **красотою*** [ПД IV: 136-137].

В раскрытии смысла концепта «Красота», вербализуемого лексемой «красота» в значении ‘красивая внешность’ (слот № 2), важен следующий контекст: *Согласен с господами артистами и очень верю, что <...> рука, **удобная** об-*

хватывать толстое древко заступа, **красивее**, потому что пропорцию более способствует преднамерениям природы; потому же верю, что составляют **красоту** и переносица широкая, и большой разрез рта; верю также, что маленькая груди имеют отличную **красоту** <...> однако же известны ли артистам в точности сии преднамерения с их разделением и подразделениями? Ежели ои, удовлетворят меня ответом <...>, тогда поверю я, что артистам известно в полной мере таинство преднамерения [ПД IV: 88-89]. В отмеченном контексте А.П. Степанов выражает сомнение относительно утверждений специалистов, признающих функциональное назначение красоты, её зависимость от прагматических установок, которые ставят эстетические оценки внешности человека в зависимость от утилитарных.

В структуру слота № 2 входят два других значения лексемы «красота», функционирование которых не является частотным в дискурсе А.П. Степанова:

1) 'то, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства [мн.ч.]' (ЛСВ-3): *Не думайте однако же, чтоб она не умела различать **красот** <...>* [ПД III: 131]; *она любовь, науки, лиру, / И все в Природе **красоты** / Одна в себе самой вмещает* [ПМ: 18]. А.П. Степанов наслаждается природной внешней красотой и способностью окружать себя тем, что нравится: *город (Петербург – Н.Б.) изменился **красотами*** [ПД IV: 68]; *она искала его (необыкновенное – Н.Б.) в **красотах** и могуществе натуры* [ПД IV: 220];

2) 'красивая женщина, красавица' (ЛСВ-4): (Княжна – Н.Б.) *погружена в науки; чего, однако же, вовсе не заметно. Я видел девственную **красоту** во всём её блеске* [ПД II: 264]; *образец **красоты** небесной... Житель неземной в пределах мира... Гармония Бога и натуры...* [ПД III: 176].

Ценностный концепт «Красота» актуализирован в сочинениях А.П. Степанова лексически и грамматически. Лексический способ выражен в определяемых словах к имени концепта (около 50 употреблений): *красоту неизъяснимую, при настоящей красоте, образцовой красоте* и др. Синтаксический способ выражен следующими конструкциями: гл. + сущ. в Вин. п.; гл. + сущ. в Тв. п.; гл. + сущ. П. п. В 27 конструкциях существительное «красота» находится в объектном значении. Частотным является беспредложное управление, где существительное употребляется в единственном числе (*одарённых красотой, ровняться красотой, черты изменились в красоту, славятся красотой, природа в дикой красоте*), реже – во множественном (*собрание красот, под властью красот*). В сочинениях А.П. Степанова существительное «красота» чаще уточняется прилагательными, реже – местоимениями. Употребляя прилагательные, енисейский губернатор актуализирует многообразные виды красоты *дикая, девственная, возвышенная, увядающая, небесная* и др.

Более чем в 10 конструкциях лексема «красота» имеет субъектное значение: *красота всем нужна, красота не дана в удаль, красота определяется по пропорции* и др. Не частотны сочинительные конструкции (10 употреблений): *люблю вкус и красоту, красотой и нежностью, красота и приятность, ужас и красы* и др. Данная синтагматическая связь выражает значимость для личности таких понятий, как «приятность», «вкус», «нежность», «польза», а также «физическая сила» и «ужас». Последнее понятие отмечено в связи с высокой степенью эстетического потрясения, которое испытывает автор при виде грозы или в момент прослушивания музыкального произведения, передающего в звуке состояние природы: *пускай гроза, / Бушуй грозно на вершине / Альпийских гор, в огнях зарниц / Красу и ужас*

образует [ПМ: 20]. Лексическая и грамматическая репрезентация лексемы «красота» в сочинениях А.П. Степанова свидетельствует о значимости для енисейского губернатора такой положительной ценности, как «красота».

Своеобразие концептуализации красоты в произведениях А.П. Степанова отражено в схеме № 3.

Схема № 3.

Положительная форма эстетического отражения мира в ИЯКМ языковой личности А.П. Степанова

Перейдём к рассмотрению внутренней структуры (в виде фрейма) узла семантической сети “Красота внутреннего мира человека, его морального облика”. Предлагаемый для рассмотрения фрейм № 1 имеет четыре слота.

Фрейм 1. “Красота внутреннего мира человека, его морального облика”

Количество слотов	4
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Развитое эстетическое сознание и эстетический вкус человека</i>	1. Красота эстетических переживаний человека

Слот 2. <i>Красота интеллектуального, духовного мира человека</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Интеллектуальная и моральная красота человека, проступающая во внешней привлекательности. 2. Красота взаимоотношений молодых девушек
Слот 3. <i>Красота поступка, поведения, деятельности человека</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Красота деятельности. 2. Красота публичной жизни. 3. Красота ритуала. 4. Красота поступка
Слот 4. <i>Противоречивая красота человека</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Противоречивая привлекающая красота мужчины. 2. Противоречивая отталкивающая красота женщины

В структуру данного фрейма входят лексемы: *великолепный* – 10, *прекрасный* – 29, *изящный* – 6, *превосходный* – 10, *прелестный* – 8, *прелесть* – 6, *милый* – 4, *украсить* – 1. Семантика данных лексем определяется контекстом и синтагматическими связями, которые позволяют выявить сему ‘красота внутреннего мира человека’: *познания украсили ум обширными сведениями; прекрасная жена; прекрасная хозяйка; прекрасная и кроткая девица; прелести ума; прекрасная сцена* и др. Подавляющее большинство составляют словосочетания, которые выражают атрибутивный характер: *дух истинного изящества; неизъяснимою прелестью; превосходный, прекрасный, великодушный поступок; превосходную душу* и др.). Специфику данного фрейма создают лексемы, которые раскрывают содержание внутреннего мира человека: *великодушный, чистый, невинный, добродетельный, душевный, духовный, благородный*.

У фрейма “Красота внутреннего мира человека, его морального облика” мы выделяем слот № 1 “*Развитое эстетическое сознание и эстетический вкус человека*”. Для А.П. Степанова характерны философские размышления о сущно-

сти прекрасного и о внутренней красоте человека: *По степени приближения к чистейшему началу, к Божественному разумению; есть возможность постигать единственно дух истинного изящества* [ПД IV: 249]. Для А.П. Степанова важна красота эстетических переживаний человека: *спеши наслаждаться своею эстетическою природою, своим эстетическим искусством* [ПД III: 130-131].

Слот № 2 “Красота интеллектуального, духовного мира человека” выделен в структуре фрейма, так как А.П. Степанов обращает внимание на интеллектуальную и моральную красоту человека, как мужчины, так и женщины: **Прекрасный** человек ... искусный в своём деле, добрый и благородный [ПД IV: 197]; *В ней соединены прелести ума, души и тела, и всё это так свежо, так невинно!* [ПД III: 179]; (Княжна – Н.Б.) **прелестна** во всех отношениях. Она была душою общества [ПД IV: 170]; он женился на **прекрасной, кроткой** девице [ПД II: 166]; *Эта прекрасная женщина с чистою душою и твёрдыми правилами* [ПД II: 20].

В описании внешней красоты девушки, молодого или зрелого мужчины внутренняя красота проступает через внешнюю: *Горючий агат и самый сапфир небес, конечно, уступят цвету ея глаз, через которыя отражается в полном блеске светлая, непорочная, пламенная душа ея: всё, всё можно прочесть в них; только надобно уметь читать их магический язык* [ПД IV: 90]; *Мы застали у него (хозяина дома – Н.Б.) молодого человека, с приятным лицом и сколько можно заметить в последствии из разговоров, с светлым умом и правильною образованностию* [ПД II: 66]; **превосходный** человек с большими сведениями, твёрдым умом и весьма добрым сердцем [ПД II: 33]; **превосходный** сын [ПД II: 212].

А.П. Степанов признаёт красивыми взаимоотношения молодых девушек: *Какая восхитительная картина: объятие двух молодых девиц! Я разумею не такое, где участвует притворство или какое-нибудь приличие; но в котором*

нежится, без всякой примеси, одна только взаимная привязанность души [ПД III: 105]. Мужчины, наблюдающие за прелестной группой женщин, отмечают внешние проявления женской дружбы: *облекают его* (чувство – Н.Б.) *неизъяснимую прелестью* [ПД IV: 12]. Для А.П. Степанова важным является единство внутренней и внешней красоты, что составляет сущностную красоту человека.

Слот № 3 “*Красота поступка, поведения, деятельности человека*” реализуется в таких значениях, как: ‘красота деятельности’: *самоядь, юраки, остяки, тунгусы, якуты, татары, казаки, старожилые крестьяне – все они вместе и отдельно являются в прекрасном свете своего усердия к престолу и правительству* [ЕГ II: 181]; ‘красота публичной жизни’: *Параша узнала весь ослепительный блеск обществ* [ПД II: 48]; ‘красота ритуала’: *великолепные похороны через три дни совершились* [ПД II: 57]; ‘красота поступка’ (жертвенность): *Превосходный, прекрасный, великодушный поступок!* (о поступке дворового Петрушки, который взял на себя вину женщины, разбившей господскую мраморную вазу – Н.Б.) [ПД II: 156]; *Я был свидетелем прекрасной сцены* (княжна подала милостыню крестьянкам, которые, обратившись к церкви, сотворили молитву за княжну – Н.Б.) [ПД II: 157].

В сочинениях А.П. Степанова отмечаем контексты, в которых раскрывается противоречие между внешней красотой и внутренним безобразием. Такой образ может как отталкивать, так и привлекать. Поэтому мы выделяем слот № 4 “*Противоречивая красота человека*”, содержание которого представлено в двух значениях ‘противоречивая привлекающая красота человека’ и ‘противоречивая отталкивающая красота человека’. Противоречие между внешней некрасивостью и внутренней красотой раскрывается в величии морального облика человека, как правило, пожилого: *Он так стар, так отвратителен лицом, что его пора в лоскутный ряд.* <...>

*Чем бросать старика с **отвертительным** лицом, лучше его оборотить наизнанку. Посмотри-ка его с этой стороны! Ты увидишь **превосходную душу*** [ПД II: 10-11].

А.П. Степанов обращает внимание на отталкивающий моральный облик внешне привлекательной девушки: *Она – **прелесть!** <...> Жена, его Дарья, конечно, **прекрасная** женщина лицом, но поведением...её нельзя назвать примерной* [ПД IV: 159]. Для А.П. Степанова характерно свойственное русской ЯКМ представление о красоте внутренней и красоте внешней. Как для представителя русского этноса, для него характерна приоритетность духовной красоты человека: *Всякая наружность перед внутренностью – мелочь. Всякое наружное достоинство перед умом и душою ничтожны. Дворянин без добродетелей и талантов, хуже всякого крестьянина, который в трудах добывает себе пищу и содержит господина и государство <...>, однако же, наружность много значит <...> Мы игрушки мира, дети наружности* [ПД II: 115-116].

Такова специфика эстетической оценки в русской лингвокультуре. Духовные ценности главенствуют над материальными, красота внешняя противопоставляется внутренней, внешнее уродство – внутренней красоте. Однако «номинативная плотность внешней красоты превосходит соответствующий показатель красоты внутренней» [Мещерякова, 2004: 204]. Действительно, в дискурсе А.П. Степанова преобладают контексты, в которых раскрывается чувственно воспринимаемая красота мира. Чаще встречаются примеры, где раскрывается моральная нечистоплотность, при этом отмечается внешняя привлекательность человека. Примеров, в которых выявляется душевное богатство и внешняя неприглядность, гораздо меньше.

С помощью фрейма представим внутреннюю структуру узла семантической сети “Внешняя красота явлений действительности, внешняя красота человека”. Он имеет два слота.

Фрейм № 2. “Внешняя красота явлений действительности, внешняя красота человека”

Количество слотов	2
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Красота, воспринимаемая зрительно</i>	<p>1. Красота неодушевлённых предметов и явлений:</p> <p>а) нерукотворная, естественная красота природы в целом, красота земли определённой местности, поселений, небосвода, времён года, времени суток, водоёмов, равнины, долины, лугов, деревьев, утёсов, льда;</p> <p>б) рукотворная, искусственная красота селения, городка, домов, строений, убранства помещений, предметов быта, одежды, обуви, тканей, оружия, кулинарного блюда, средств передвижения.</p> <p>2. Красота цвета: а) красота природной цветовой гаммы; б) красота цвета предметов, изготовленных человеком.</p> <p>3. Целостно воспринимаемая красота одушевлённых предметов: нерукотворная, естественная красота человека, животных, птиц, рыб, насекомых.</p> <p>4. Внешняя красота, воплощённая в образе мифологического персонажа.</p> <p>5. Красота движений: а) природная красота движений; б) красота танца, красота движений военных.</p>
Слот 2. <i>Красота, воспринимаемая на слух</i>	<p>1. Красота звуков, издаваемых живыми существами (красота звучащей речи человека, птицы).</p> <p>2. Красота звуков, издаваемых неодушевлёнными предметами: а) красота естественных звуков (красота журчащей воды); б) красота звуков колокола.</p>

Слот № 1 “*Красота, воспринимаемая зрительно*” включает большое количество языковых единиц: *красивый* – 28, *красивенький* – 2, *красиво* – 6, *красоваться* – 2, *прекрасный* – 82, *прекрасно* – 4, *красный* – 1, *блистательный* – 1, *превосходный* – 18, *эстетический* – 2, *великолепие* – 5, *великолепный* – 17, *величественный* – 3, *прелесть* – 9, *прелестный* – 10,

прелестно – 6, *приятный* – 2, *приятность* – 3, *очарование* – 2, *очаровательный* – 3, *очарованный* – 2, *очарованность* – 2, *живописный* – 4, *живописно* – 5, *видный* – 3, *пригожий* – 1, *чудесный* – 3, *чудный* – 4, *восхитительный* – 1, *привлекательный* – 3, *обворожить* – 2, *обворожительный* – 3, *щеголеватый* – 4, *щегольской* – 1, *щеголеватость* – 2, *изыскательный* – 1, *милый* – 1, *смазливенький* – 1 и др. Частотность употребления данных единиц в дискурсе А.П. Степанова достаточно велика по сравнению с частотностью языковых единиц других семантических узлов. Состав фрейма определяют прилагательные (более 200 употреблений). Лексические единицы, включённые в структуру данного фрейма, часто входят в словосочетания, которые имеют атрибутивный характер (около 200 употреблений): *разнообразная очаровательность*, *щеголеватый стан*, *пленительная противоположность*, *величественная картина*, *прелестные ирисы*, *смазливенькая поселючка*, *прелести свои* и др. Менее частотной является связь примыкания (более 20 употреблений): *<навесы> прелестно горят*, *<бор> живописно свешивается*, *<туман> красиво союзнится*, *<танцевальное действие> было пленительнее* и др. Синтаксическая актуализация лексем определяется связью с формами глагола. Определяющим являются конструкции с сильным управлением (около 20 употреблений), в которых лексемы имеют объектное значение: *замечаю гармонию <в словах>*, *придаёт <месту> очаровательность*, *отличает щеголеватость <движений>*, *<красота природы> составляет прелесть*, *надобно видеть эту прелесть* и др. В таких конструкциях лексема «прелесть» часто реализуется в форме множественного числа (около 10 употреблений): *выказывающая прелести*, *<глаза> разбегаются на прелести*, *<алмазы> придадут <более> прелестей* и др. Синтаксический способ актуализации проявляется также во включении лексических единиц с семой ‘красота’ в предикативные конструкции (бо-

лее 10 употреблений): *очарование существует, прелесть делается <неприятною>, налимь чудесные, наружность пленяет <умы>, виды прелестны, взварцы щегольские* и др.

Интересно соотнести количественные подсчёты (237 языковые единицы выражают слот “Красота, воспринимаемая зрительно”) с высказываниями А.П. Степанова о восприятии внешнего вида: *Наружность, как знает всякой, обманчива. Лучшие прежде, чем делать какое-нибудь заключение, исследовать предмет основательнее <...>* [ЕГ I: 35]; *наружность обманчива! одни только соотношения могут удостоверить в истине* [ПД II: 216]. Высказывание дано перед описанием сибирских рек, в частности Енисея, вода которого приятна и здорова, несмотря на то, что омывает различные горные породы и должна быть жёсткой и вредной.

Несмотря на значимость для А.П. Степанова внутренней красоты, он способен замечать внешнюю красоту человека и любоваться ею: *Нельзя **налюбоваться** осанкою и всею наружностью веселых оленов* [ЕГ II: 162]. В сочинениях А.П. Степанова встречаются философские рассуждения о ценности внешней красоты: *Наружность **пленяет** умы, или не озарённые познанием, или имеющие высокое понятие о вещах. На тех, которые не постигают внутреннего и управляются одними физическими чувствами, конечно, много делает влияния наружность; но тем, котрым известны все соотношения вещей, **находят в наружности выгоду** устроенных обществ, необходимость для поддержания внутреннего, оболочку государственности, силу политического тяготения* [ПД III: 2].

По степени естественности в картине мира А.П. Степанова выделяются красота нерукотворная и красота рукотворная. Эти разновидности красоты являются признаками концепта «Красота» в концептосфере языковой личности. Среди объектов, отражающих естественную красоту, находится

человек, природа в целом, животные, растения, природные временные отрезки, суточные промежутки, отдельные явления природы (туман, небо, светила), местность, равнины, долины, луга, водоёмы, реки, берега реки, минералы, селения, красота которых определяется местоположением. А.П. Степанов обращает внимание на красоту предметов, созданных руками человека. Значение слова № 1 'красота рукотворная, искусственная' представлено контекстами, в которых описана красота городов, селений, домов, предметов быта, украшений, одежды, тканей, военных предметов, кулинарных блюд, средств передвижения, созданных человеком. Как наблюдательный человек, А.П. Степанов замечает красоту живой природы, красоту диких и домашних животных: *горностаи... прекрасные белые зверьки* [ЕГ I: 104]; *достал прекрасного английского жеребёнка* [ПД III: 209]; *наипрекраснейший сукруру* [ЕГ I: 93]; *прекраснейший турпан* [ЕГ I: 92]; красоту рыб: *караси и налимы чудесные* [ЕГ I: 89]; насекомых: ... *мошки кусаки <...> Увеличенная в микроскоп, является в виде простой мухи, но с красивейшей наружностью* [ЕГ I: 86-87]; растений: *Долины украшены превосходнейшими растениями* [МО: 111]; *прекрасное произведение древности, что за дубы!* [ПД IV: 178]; леса: *бор, который так живописно свешивается над крутыми берегами Оки* [ПД II: 277]. Красота нерукотворная, естественная проявляется в красоте природы в целом, в красоте родной земли: *желала видеть великолепную дикую природу этого края* (Сибирь – Н.Б.) [ПД IV: 127]; *Минусинский край есть один из наипрекраснейших во всей Сибири* [МО: 108]; смешение красивейших даров природы составляет неизъяснимую прелесть [ЕГ I: 83]. А.П. Степанов любит красоту поселений: *Все изменились в той же степени, как прекрасное село Абаканское* [ЕГ I: 33]; небосводов: *Светлое небо Востока так же прекрасно, как небо Италии* [ЕГ I: 65]; красотой времён года:

выехал я на санях в один из тех **прекрасных** весенних дней [Пут.: 95-96]. Он замечает неповторимую красоту окружающего его внешнего мира: **прекраснейшее** утро жаркаго лета [ПД, II: 45]. Притягательность заключена в красоте водоёмов: **прекраснейшия** воды [ЕГ I: 108]; в красоте равнины, долины: **простирается превосходнейшая равнина** [ЕГ I: 38]; в красоте лугов: **расстилаются от гор луга прекрасные** [ЕГ I: 38]; в красоте утёса: **Утесы гор составляют великолепную ротонду** [ЕГ I: 37]; в красоте льда: **пристраиваются и сени к зимовью из прекрасных продолговатых** кубов льда [ЕГ II: 157]. Для А.П. Степанова характерен художественный взгляд на окружающий мир. Его восхищает красота природной цветовой гаммы и красота цвета предметов, изготовленных человеком. Привлекательной А.П. Степанову кажется красота цвета перьев птиц, красота цвета минералов: **восхищался прелестнейшими** цветами его перьев [ЕГ I: 96]; (Скала Чёрная сопка – Н.Б.) **оканчивается на вершине протяженной горизонтальной скалой, рогового камня, коричневого цвета, принимающего прекрасную политуру.** <...> [ЕГ I: 56].

Фреймовая структура узла семантической сети “Внешняя красота явлений действительности, внешняя красота человека” позволили выявить индивидуальное воплощение фрагмента концепта «Красота» в ИЯКМ А.П. Степанова. По мнению енисейского губернатора, мастерство произведений искусства, их великолепие и величие выше, чем результаты творения природы. Но искусшённого А.П. Степанова природа Сибири поразила до такой степени, что её великолепие он сравнивает с произведениями искусства: *Енисей <...> имеет отличительную черту по всему пространству своего течения; это великия террасы или возвышения, более похожая на произведения искусства, нежели природы* [ЕГ I: 36]; *Все цепи, которые обнимает взор, имеют равные вершины и все одеты хвойным лесом. Правильное их располо-*

*жение, различная зелень, смешанная с дикими цветами утесов; резкая близь и мерцающая даль; тень и свет, меняющиеся от обращения земли – все придает месту сему в течение дня **разнообразную очаровательность**, которую довершает гора Борус, как **мастерская черта художника в величественной картине** его [ЕГ I: 39].*

А.П. Степанов смотрит на красоты природы как художественно одарённый человек. Его описание разлива озера на северо-востоке Енисейской губернии передаёт восхищённый взгляд художника и поэта: *В первом (разливе – Н.Б.) всё живо, покойно и светло. Прозрачная зелень кустарников; леса лиственничные, в которых тень гнездится только по корням деревьев; вершины гор с их смелыми скалами, отуманенными отдалённостью; гладкая поверхность вод почти необозримых, которые лежат как зеркало у подножия амфитеатра, образованного рукою природы с **удивительным великолепием** и со всею **правильностью** – всё это вместе составляет **изящное целое**, и если бы оно дышало на полотне, я сказал бы, что мягкость кисти и тёплый тон картины довершают искусство художника. Я не видал подобного места в Швейцарии. Это **истинный** образец улыбающийся, девственной природы для живописца, поэта и садовника [ЕГ I: 28].* Поэтическое впечатление формируют сочетания *прозрачная зелень, тень гнездится, отуманенными отдалённостью, рукою природы.* В приведённом контексте экспликаторами концепта являются лексемы «правильность» и «изящное», которые представляют свойства красоты, и лексемы «великолепие», «удивительный» (передают очарованность природой), лексема «истинный» (передает глубину чувственных впечатлений от красоты природы).

Даже повседневный крестьянский быт А.П. Степанов воспринимает как живописец: *Здесь много картинного, много мелочных, но подручных удобств жизни по крестьянскому*

быту. Разбросанные **опрятные** домики с тесовыми крышами, между ними купы деревьев, группы рогатого скота и лошадей, там и сям одетые **опрятно** женщины <...> все это может служить **прекрасным образцом** для живописца, который желал бы изобразить сельское счастье и живость сельской промышленности [ЕГ II: 161].

А.П. Степанов часто отмечает творческое начало природы: Там, недалеко против впадения речки Чёрной, возвышается отдалённая от берега ущелиями четверугольная башня, омываемая у подножия со всех сторон пенистыми струями. <...> Всё это много повредилось от времени, <...> карниз в некоторых местах обрушился, купол порос мхом, **прекрасною** зеленью и багряными ягодами эфедры. Древняя башня сия есть не что иное, как игра природы [ЕГ I: 23]. А.П. Степанов повторяет словосочетание «игра природы» относительно ещё одного естественного творения: За селением Аешинным является древнее здание, стоящее на трех уступах над озером. К главному корпусу примыкает четверугольный навильон с куполом; а сзади его продолговатая пристройка с полукруглым фронтоном и готической кровлею. Древность облекла все здание дерном, густою зеленью, сквозь которую просвечивает красная масса его. <...> Все это игра природы в утесах красного шифера, подернутых дерном и стоящих над солеными водами [ЕГ I: 26].

А.П. Степанов не перестаёт восхищаться созидательной деятельностью природы: ещё немного вперёд и ему (путнику – Н.Б.) представится узкий канал, **образованный** самой природой [ЕГ I: 28]; **искуснее** природа обрабатывает в недрах земли камни и минералы, водою или огнём [ПД II: 6].

А.П. Степанов, светский человек XIX в., подобно древнерусским книжникам, называет уникальные творения природы «чудными». Однако енисейский губернатор, именуя необычные явления природы чудом, попадая под их очарова-

ние, пытается снять с них покров тайны. Он убеждён, что необыкновенное можно постичь с помощью науки: *Между селением Батени и Усть-Эр-бою, близ горы Черемуховской находится очень замечательное место: дорога видимо спускается вниз; давно уже лошади и вся упряжка понижаются приметно против коляски. Остановитесь и взгляните назад, – и вы увидите ясно, что от самых задних колес вашей коляски дорога точно также спускается вниз как и перед лошадьми. Признаюсь, я не мог сам постигнуть тайну этой оптики и не успел ни записать подробно окрестностей сего места, ни снять с него некоторые виды, чтобы способствовать другим к разгадке; скажу только, что очарование существует во всякое время дня; впрочем, очень вероятно, что кто-нибудь мне скажет: а ларчик просто отпирался [ЕГ I: 26].*

Воспринимая красоту природы, А.П. Степанов улавливает контраст прелести и неприятного неудобства: *равнина и дорога поросли бесчисленным множеством прелестных бледно-фиолетовых и белых ирис; но эта прелесть, так точно, как и всякая в свете, не вовремя и неуместна, делается неприятною. Густая кустистая трава сих ирис так же тверда, как обыкновенные кочки, корень их расплзается очень скоро на большое пространство и портит дорогу и самые улицы в селениях [ЕГ I: 27].* Человек для А.П. Степанова – неотъемлемая часть прекрасной природы. В описании красивой внешности енисейский губернатор нередко использует биоморфные метафоры и сравнения: *Катенева пришла. Стройная, свежая, она похожа была на лилею после дождя. За нею Картукова: роза в распугалке [ПД III: 34]; Катенева сидела между ними (малютками – Н.Б.). Они точно пчёлы облепили весь цветок [ПД III: 76].* Особого любования заслуживает зрелая женщина: *Теперь она похожа на левкой в полной зрелости с раскинутыми до невозможности ле-*

песточками, и как этот пышный цветок, томясь, некоторое время, засыпанный песком в стеклянном сосуде, сохраняет надолго, освобождаясь из заключения своего, и яркий колер, и щеголеватую форму; так и она в самой старости, истомлённая бедами и горем, сохранит ещё остатки своей красоты [ПД IV: 188]; Княжна имеет глаза, которых орбиты обрисовываются как миндаль [ПД IV: 90].

Среди великолепия первозданной природы А.П. Степанов замечает красоту, созданную руками человека: *строения прекрасного [Пут.: 4]; много прекрасных домов [Пут.: 37]; в прекрасно убранных залах [ПД IV: 87]; накупили прекрасного приданого [ПД III: 175]; обширная квартира с прекрасною мебелью [ПД II: 48]; мальчик в прекрасной одежде [ПД III: 223]; в превосходных ружья [ПД IV: 22]; Барка! Прекрасная! Чудная барка! <...> увидел <...> красивую барку [ПД IV: 85]; превосходная гондола [ПД IV: 138-139].* Воспринимаемая красоты природы, как художник, А.П. Степанов размышляет о возможных преобразованиях подвластной человеку местности. Его мысли о прекрасном начале в природе связаны с мечтами о благополучной жизни людей и целого государства, которое может направлять свои силы на благоустройство Сибири. А.П. Степанов находит опору своих мечтаний в красоте природы Енисейской губернии, которая отличается обширными пространствами, разнообразием флоры и фауны, силой и мощью, привлекательностью и приятностью нерукотворных объектов: *Осмеливаюсь главу сию кончить сравнением: пространство земли, мной описанное, с народонаселением в настоящее время есть недоконченная картина. На первом плане все имеет надлежащее расположение, все имеет уже формы, тень и свет, только недостает живости, блеска, колорита. За первым планом картины в светлом сумраке выказываются какие-то сливающиеся образы, но глубь ее, но даль... там нет еще ни малейшей чер-*

ты художника. Кто знает, какой зародыши хранится в мыслях его? Что скрывается в будущем? <...> Нет **красивых** светлых господских домиков <...> Нет **великолепных** палат <...> навесов, которые так **прелестно** горят при заре вечерней <...> Нет этих **блесков** в природе дикой – нет облика в картине! [ЕГ I: 57].

Значение ‘красота рукотворная искусственная’ выражается в немногочисленных контекстах. Во-первых, А.П. Степанов замечает красоту молодой женщины, невесты, которая желает украсить себя чужими бриллиантами в день свадьбы. Такое стремление оценивается отрицательно как украшательство, которое противоречит чистоте таинства венчания: *неужели ты думаешь, что алмазы придадут более **прелестей** тебе в глазах жениха?* [ПД III: 88].

Значение слота № 1 ‘внешняя красота, воплощённая в образе мифологического персонажа’ реализовано в двух контекстах и является результатом эстетического воображения личности. Красота конкретно-чувственного образа является источником познания сущностной красоты искусства и красоты реального мира: *Плутон, <...> взоры его встречают **прекрасную** Наяду Менту, дочь Коцита <...>* [ПНММ: 83]; ***Прелестные** груди* (Наяды – Н.Б.) *покрылись листьями* [ПНММ: 86]; *Как Паллада и Соспита / Уступили ей* (Афродите – Н.Б.) *красой* ... [ПМ: 11].

В слот “Красота, воспринимаемая зрительно” входит также значение ‘красота движений’. А.П. Степанов различает красоту движений человека и животных: *Ровная, быстрая рысь, рога делают бег лани **весьма красивым*** [ЕГ I: 85]. В сочинениях енисейского губернатора отмечена красота движений человека во время увеселений и военных парадов: *надобно видеть **щеголеватость** их движений, бойкость в оборотах, смывку, россыпь <...> Командир – картина!* [ПД II: 266].

Слот № 2 “Красота, воспринимаемая на слух” включает языковые единицы, характеризующие звуки: *гармония* – 1, *красиво* – 1, *прекраснейший* – 1, *прелестный* – 2, *привлекательный* – 1, *приятный* – 2, *усладительно* – 1. Содержание рассматриваемого слота отражено в двух значениях ‘красота звуков, издаваемых живыми существами’ и ‘красота звуков, издаваемых неодушевлёнными предметами’. Первое значение связано со звучащей естественной красотой, которая проявляется в речи отдельного человека, как мужчины, так и женщины: *замечаю в словах его особенную гармонию* [Пут.: 49]; *сказал он прекраснейшим выговором* [ПД III: 231]; *Умея бегло и красиво говорить и писать по-французски* [ПД II: 36]; *Оно (слово «желаю» во время венчания – Н.Б.) выражено было таким прелестным звуком, с таким упоением чувств, что слёзы нежнейшей признательности выкатились из глаз воина (жениха – Н.Б.)* [ПД III: 247]. Особого внимания со стороны А.П. Степанова заслужила красота речи сибиряков: *Образчик этот показывает учтивость и мягкость в обращении простого народа, но вообще разговор сибиряков и даже рассказ их правилен, приятен, чист* [ЕГ II: 173]. Однократно отмечена красота соловьиного пения: *вдруг послышался голос привлекательный соловья; он щёлкает, как говорил Державин, крутит, поводит, журчит и стонет в голосах* [ПД IV: 189].

Второе значение слота № 2 ‘красота звуков, издаваемых неодушевлёнными предметами’ представлено оттенками: а) ‘красота естественных звуков’; б) ‘красота звуков колокола’. А.П. Степанов улавливает красоту природных звуков: *с приятным журчанием водою* [Пут.: 96] и звуков, связанных с мастерством человека: *как усладительно зазвучит скоро призывный колокол к молитве полунощной! Как радостно огласится воскресение Спасителя мира!* [ПД II: 281].

Экспликацию узла семантической сети “Красота искусства и творческой деятельности личности” представим фреймовой структурой.

Фрейм 3.

“Красота искусства и творческой деятельности личности ”

Количество слотов	2
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Красота видов искусства</i>	1. Красота театра. 2. Красота музыки
Слот 2. <i>Красота произведений искусства и архитектуры</i>	1. Красота архитектурного произведения. 2. Красота живописного полотна. 3. Красота литературного текста. 4. Красота культового предмета. 5. Красота ювелирных украшений

В состав фрейма входят следующие лексемы: *изящное* – 2, *блистательный* – 1, *очаровательный* – 1, *очарование* – 2, *красивый* – 1, *приятный* – 2, *прекрасный* – 1, *превосходный* – 1, *прелестный* – 1, *великолепный* – 1, *дивный* – 1, *искусный* – 1, *восхищение* – 1, *чудеса* – 1, *красиво* – 1, *нежно* – 1, *плавно* – 1. Они вступают в различные синтаксические отношения со словами, тематически связанными с искусством, духовной культурой. Девять словосочетаний имеют атрибутивный характер (*дивную картину* и др.), шесть конструкций представляют связь управления (*чувства к изящному*, *<талант> наводит очарование*, *<карикатура> имеет очарование* и др.), две – связь примыкания (*красиво отделана*, *<флейта> нежно*, *плавно выражала*) и две конструкции имеют агентивный характер (*дар <поэзии> блистателен*, *слова очаровательны*).

Слот № 1 “Красота видов искусства” реализован в двух значениях, которые отражают эстетические пристрастия А.П. Степанова: *я не вывожу её никуда, кроме театра, в избираемая мною пьесы, согласитесь, что хо-*

рошая сцена развивает понятия и чувства к изящному [ПД II: 274]; *я слышал артистов, которые удивляли глупоким искусством...* (о Паганини – Н.Б.), *Он творит чудеса!* (восхищение о красоте и совершенстве игры – Н.Б.); (его искусство – Н.Б.) *ввергло меня в восхищение, которого не могу вам изъяснить* [ПД IV: 63-64].

Слот 2 “Красота произведений искусства и архитектуры” выражен в 5 значениях: ‘красота архитектурного произведения’: *Между ними (домами главной улицы Воскресенской – Н.Б.) по местам возвышаются дома каменные и два из них прекрасной архитектуры*; ‘красота живописного полотна’: *скоро надеюсь ...видеть дивную картину руссаго артиста, которой ожидают из Италии* [ПД IV: 65]; *выписывал красиво отделанные гравюры, произведения литографии* [ПД II: 172]; ‘красота литературного текста’: (слова песни – Н.Б.) *были также очаровательны, как в песнях Мерзлякова, Дельвига. Но кто сообщил им душу? Автора не было в гондоле – это Шебаров* [ПД IV: 139]; ‘красота культового предмета (или постройки)’, в восприятии которого главенствует не духовный религиозный смысл, а художественная значимость произведения: *При моих глазах выкопано одно (зеркало из кургана на территории Енисейской губернии, которое применялось в религиозном обряде освещения воды – Н.Б.), <...> с превосходным барельефом* [ЕГ I: 28]; *В Туруханске недавно построена новая деревянная церковь по красивому фасаду* [ЕГ I: 48]; ‘красота ювелирных украшений’: *прелестное изумрудное кольцо <...>* [ПД II: 119] и др.

Представление А.П. Степанова о единстве в жизни человека и в искусстве как внутренней, так и внешней красоты заключено в высказывании о связи конкретно-чувственной и сущностной сторон произведений искусства: *наружность, по моему мнению, необходима в поли-*

тическом государстве для народа. Храмы и дворцы должны быть великолепнейшей архитектуры, чтоб возбуждать чувства к уважению, чтоб посредничать между гражданским обществом и святынею и властью земною [ПД II: 11-117].

Анализ лексических единиц, вербализующих концепт «Красота» позволяет сделать вывод о том, что для А.П. Степанова было характерно разделение типов красоты на активную и пассивную. Активный тип красоты репрезентируют прилагательные *пленительный, очаровательный, привлекательный, прелестный, обворожительный, чарующий*; глаголы *пленять, очаровать, привлекать, прельщать, обвораживать*. Активная красота предполагает, что предмет привлекает внимание, чарует (взор) (см. аналогич.: [Демьянков, 2004: 170]). В сочинениях А.П. Степанова отмечено подавляющее большинство лексем, представляющих активный тип красоты (61 употребление). Пассивный тип красоты выражен только в прилагательном «видный» (3 употребления). А.П. Степановым не используются прилагательные *благовидный, благообразный, видный, благозрачный, взористый, взрачный, доброзрачный, подзористый, узористый, чудозрачный, позорный* (позорная девка – ‘красивая девушка’). Вслед за В.З. Демьянковым мы выделяем три эквивалента красоты: *пленительность, очарование, прелесть*.

Как известно, концепт представлен в значениях слов двух базовых разновидностей, которые соответствуют категориям эстетики – прекрасное и безобразное [Мещерякова, 2004: 203]. Далее будет рассмотрен эксплицитно выраженный узел семантической сети “Безобразие”. Он содержит не более ста языковых единиц, которые вербализуют противоположное понятие красоты. Фреймовая структура узла представлена следующим образом.

Фрейм “Безобразие”

Количество слотов	3
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Безобразия внутреннего мира человека, его морального облика</i>	1. Безобразия интеллектуального, морального мира человека. 2. Безобразия поступка, поведения, деятельности человека.
Слот 2. <i>Внешне выраженные безобразия явлений действительности</i>	1. <u>Безобразия, воспринимаемое зрительно</u> <i>Безобразия одушевлённых предметов:</i> безобразия внешности мужчины, птицы, насекомого (безобразия нерукотворное, естественное). <i>Безобразия неодушевлённых предметов и явлений:</i> безобразия ландшафта, горы (безобразия нерукотворное, естественное); безобразия головного убора, одежды, дома, беседки, конверта (безобразия рукотворное, искусственное). 2. <u>Безобразия, воспринимаемое на слух</u> а) безобразия звуков, издаваемых живыми существами (человеком, птицей, животным); б) безобразия звуков, издаваемых неживыми существами (ветром).
Слот 3. <i>Безобразия искусства и творческой деятельности личности</i>	1. Концепция безобразия и красоты в искусстве. 2. Безобразия произведений искусства

Структура фрейма включает 17 лексем: *безобразия* – 2, *чудовище* – 2, *урод* – 1, *уродливость* – 1, *уродец* – 1, *ужас* – 5, *гадость* – 1, *гнусность* – 1, *безобразный* – 3, *ужасный* – 5, *ужаснейший* – 2, *уродливый* – 3, *изуродованный* – 1, *отвратительный* – 4, *страшный* – 4, *неприятнейший* – 1. Лексемы данного фрейма чаще входят в атрибутивные (*ужаснейший рёв*, *человек чудовище*, *уродливых беседок* и др.) и предикативные (*тулуп безобразен*, *дома уродливы*, *безобразия заменяется*, *уродец слушал* и др.) конструкции. Конструкции с объ-

ектными отношениями встречаются реже: *появилось чудовище, <не могут> заменить уродливости, поражает в отвратительном* и др.

Содержание слота № 1 “Безобразие внутреннего мира человека, его морального облика” актуализируют два значения: 1) ‘безобразие интеллектуального, морального мира человека’ (безобразие ужасных заблуждений): (Князь Таракутов – Н.Б.) *так худ, как его душа <...> имел ум весьма расчётливый* [ПД IV: 107]; *Ежели же грамота кажется необходимой для того только, чтобы читать Священное Писание, то кому так же неизвестны те ужасные заблуждения, которые могут извлекаться из самых Божественных вещей, без истинно просвещенных руководителей?* [ЕГ I: 64]; *ужасныя мысли* (о возможном отравлении невинных людей – Н.Б.) [ПД III: 159] и 2) ‘безобразие поступка, поведения, деятельности человека’: *Случаются ужасы на этом свете <...>. Он убил его обухом топора <...>, злодей сжёг невестку живую. Какая лютовость, гадость, безумие!; Уведомить о своём браке сестру, по-моему, значит насмешка над нею; лютая насмешка; ругательство над её привязанностью; обида кровная для всего семейства. Выпусти до капли всю кровь этого отродия ужасных убийц* (убийца в моральном смысле – Н.Б.) [ПД II: 195]. Кроме того, А.П. Степанов признаёт безобразность наименования: *От страшного имени Сибири выступает градом пот на висках его* [ПД IV: 237].

Слот № 2 “Внешне выажненное безобразие явлений действительности” отражает своё содержание в двух значениях (‘безобразии, воспринимаемое зрительно’ и ‘безобразии, воспринимаемое на слух’). Безобразие (одушевлённых и неодушевлённых предметов), воспринимаемое зрительно может быть как естественным, так и искусственным. Значение ‘безобразие нерукотворное, естественное’ отражено во внешнем уродстве человека, птицы, насекомого: *Уродец слушал и ел.*

[ЕГ II: 156]; *зубы-жемчуг не могут заменить **общей уродливости** в очерке лица [ЕГ II: 167]; ...вместо колонны стоял человек **чудовище ростом**. <...>.. Он был **страшен: ужас** овладел мною; но сердце влекло меня к **ужасу**. <...> но гибкий, тонкий стан и ловкое **приятное** движение смягчали чувство **ужаса**, изменяя его в то ощущение, которое рождается при взгляде на **изящное** [ПД IV: 228-229]; коксун <...>, с **уродливым** клёвом или, лучше сказать, **пастью** [ЕГ I: 92]; Оно (озеро – Н.Б.) **наполнено отвратительными** вшами, которые, так сказать, кишат в нем [ЕГ I: 48-49].*

Значение слота № 2 ‘безобразие рукотворное, искусственное’ выражено однократно: *увидя себя **изуродованного** пылью и следами пальцев, бросился вон из комнаты [ПД III: 232]. Чувство эстетического отвращения у А.П. Степанова вызывают **гроза** <...> **ужасная** [ПД III: 232]; **дурной** воздух <...>, **гнилые** воды, **ветхие** строения **ветхое**. Всё это он наблюдает в Туруханске «одном из **неприятнейших** селений» [ЕГ I: 48-49]. Будучи человеком тонкого эстетического вкуса А.П. Степанов как «**чрезвычайно уродливые**» воспринимает кички «**смазливенких поселяночек**» [ПД III: 14]. «**Сделанный из овчины тулуп**», кажется ему, «**довольно безобразным**» [ЕГ I: 96]; по его мнению, «**одежда людей частных есть решительное уродство, насмешка над благородною осанкою мужчин!**» [ПД III: 130].*

Второе значение слота № 2 ‘безобразие, воспринимаемое на слух’ отражено в двух дополнительных значениях: а) ‘безобразие звуков, издаваемых живыми существами’ (человеком, птицей, животным): ***ужаснейший** рёв поражает их слух. <...> Тораторин кричал **ужаснейшим** образом [ПД III: 186]; **чернеет она** (морская сорока – Н.Б.) **в воздухе и наполняет его ужасным** криком [ЕГ I: 95]; **Отвратительный визг и писк** (умирающей крысы – Н.Б.) [ПД III: 160] и б) ‘безобразие звуков, издаваемых неживыми существами’ (ветром): *ветер продолжал гудеть **ужаснейшим** образом [ПД III: 161].**

Содержание слота № 3 “Безобразия искусства и творческой деятельности личности ” репрезентировано в двух значениях: 1) ‘концепция безобразия и красоты в искусстве’: Оно (искусство – Н.Б.) поражает в **приятном и отвратительном** через точное сходство с истиною..., всякое худое имеет своё хорошее [ПД IV: 112] и 2) ‘безобразия произведений искусства’ (значение отражено в неприглядности статуй культовых сооружений): *Взошед на двор, мне представилась <...> два **престрашной величины** льва, сделанные из глины и выкрашенные зелёною краскою – там преддверие ведущее в храмы* [Пут.: 43-44]. А.П. Степанов замечает неэстетический характер театрализованного действия с неожиданным и пугающим появлением человека: *наконец появилось **чудовище**, которое с быстротою понеслось на зрителей и разрушилось у ног княжны с шумом и густым дымом. <> когда дым исчез, перед княжною стоял Шебаров. Фантасмагорическое его действие возбудило **ужас** и удивление* [ПД IV: 140].

Вербализация понятия, противоположного понятию «красота», определяется лексемами, которые не имеют в своей основе корень безобраз-. Особенности репрезентации представлены в схеме № 4.

Нередко в сочинениях А.П. Степанова идея красоты выражается имплицитно: *Там, под небом чистым, безоблачным, в знойные дни лета, дикая пустыня, является оживотворённою крылатыми жителями её. Всё в движении между почвою земли и пространством воздушным, где теряется зрение. Синицы весенняя, желтоголовая; <...> гоняются за разноцветными кузнечиками, плавают друг за другом <...> над ними стоят в воздухе с распущенными пепельно-голубыми крыльями, быстроглазые красноногие чеглоки* [ЕГ I: 101]. Подобные текстовые ситуации эстетического оценивания являются значимыми в сочинениях А.П. Степанова, они характеризуют его наблюдательность, развитый эстетический вкус.

Схема № 4.

Отрицательная форма эстетического отражения мира в ИЯКМ языковой личности А.П. Степанова

Узел семантической сети “Красота цвета” богато представлен колоративной лексикой, которая опосредованно связана с концептом «Красота». В сочинениях А.П. Степанова отмечаем более 200 лексем с колоративной семантикой. В оценке красоты человека преобладает белый, розовый и чёрный цвет: *лицо её чисто и бело, как яркий воск; глаза сомкнуты, как у сонной* [ПД II: 57]; *она приставила перстик к жемчужным зубкам* [ПД IV: 24]; *В нынешних казачках нельзя отыскать быстроглазых чернобровых обитательниц Дона* [ЕГ II: 171]. В характеристике цветовой гаммы окружающей природы наблюдается большее разнообразие: *дятлы: большой чёрный с красным на голове пятном, пепельный с крыльями оливкового цвета и очень малый серый с чёрными пятнами. <...> Ореховка, <...>, кофейного цвета с белыми ячаистыми пятнами. <...> Желна палевая с чёрными крыльями. Клесты <...> разноцветные: все малиновые, с жёлтым, с белым, с чёрным* [ЕГ I: 97] и т.п.

Узел семантической сети “Приятность” представлен языковыми единицами, которые имеют модальное значение (*нра-*

виться, любоваться, восхищаться, наслаждаться) (около 200 употреблений). Данные слова придают положительную эмоциональную оценку высказыванию. Отмеченные языковые единицы имеют общую сему – ‘доставлять удовольствие при созерцании’. Объектами действительности, к которым отнесена такая оценка, выступают подробности в описании танцев, китайского кушанья, берега реки, пустынной жизни, любовных наслаждений и др. При этом созерцание видимых объектов доставляет автору непосредственное чувственно воспринимаемое удовольствие: *люблю смотреть, когда веселятся, танцуют невзначай. <...> Любуюсь <...> и припоминаю старое. <...> я любил только смотреть. <...> замечать ... любимое занятие [ПД II: 21-22]; спустился на Селенгу, любовался прекраснейшими ея берегами [Пут.: 27-28].*

В структуру данного узла входят лексемы (*приятность, приятный, приятно*), которые раскрывают приятность вкусовых, обонятельных, тактильных ощущений и ментальных предпочтений, опосредованно связанных с концептом «Красота». Этот узел семантической сети отличает высокая частотность контекстов с отмеченными лексемами (около трёхсот): *наслаждаться приятностию пустынной жизни [Пут.: 30]; разговор о приятностях деревенской жизни [ПД IV: 21]; Стол кончился приятно и весело [ПД II: 97]; Мне приятно... быть с вами в переписке [ПД II: 275]; Нам приятны вещи ..., служащая чему-нибудь памятником [ПД II: 122]; Светлая, углекислая вода его (минерального источника – Н.Б.) имеет вкус приятно освежающий [ЕГ I: 50]* и др.

В сочинениях А.П. Степанова находим обоснование целесообразности выделения данного узла семантической сети в представлении концепта «Красота»: *иные <...> никак не могут понять, что можно угощать зрение, слух, обоняние и осязание. Они, кажется, не признают другого чувства, кроме вкуса [ПД III: 105].*

Нередко имплицитное выражение концепта «Красота»

проявляется в контекстах, содержащих прецедентные тексты. Частотность данных контекстов (более 100) послужила причиной выделения узла семантической сети “Идея красоты, реализованная в прецедентных текстах”. Так, красота цвета реки имплицитно выражена посредством знака (конструкции *пленительный тон картин Вернета*): *Почти всегда зеленоватый цвет Енисея и струи, подернутые пеной, сообщают ему пленительный тон картин Вернета. Я говорил уже, что вода его здорова и приятна, однако же, советовал бы осенью для употребления процеживать ее через песок и мелкий булыжник* [ЕГ I: 56] и др.

Знаки, вводящие прецедентные тексты (*Пушкин, Орфей, Шиге-Муни, древние греки и римляне, Пракситель, Фалконет, Мартос*), устанавливают ассоциативную связь с источником и реализуют идею красоты. Оценка красоты произведений искусства ориентирована на античные образцы: *Формы не имеют никакой правильности новых времён и изящества древних греков и римлян* [Пут.: 63]. А.П. Степанов имплицитно выражает содержание облагораживающей красоты (в сочетании *римляне республиканцы*). Он убеждён в том, что внешняя красота знаков отличия является продолжением высокой идеи, отражением возвышенного чувства или благородства личности: *наружные знаки необходимы при разных образах правления, в различных веках и не только в религиях, но в самом атеизме. Римляне республиканцы раздавали почётные кольца воинам; учредили различные венцы для отличившихся и подали первый повод к изобретению наград, наружным знакам за доблести. Вначале между христианами изобретение знаков имело условием братство, дружбу, общину; но впоследствии условие сие переменялось на памятники доблестных подвигов...* [ПД II: 121] и др.

Уточняя функцию имени «Пушкин» в дискурсе А.П. Степанова, приведём следующий контекст: <...> *Ежели бы я был живописец, или твой любимый Пушкин, то, может быть, имел бы силы сообщить понятие о том явлении, кото-*

рое мгновенно озарило меня, о парчовых наматах покрывающих горы, о берилловых кристаллах льдин, разбросанных колоссальными штурфами по трещинам озера; о том радужном перламутре, который покрывал всю поверхность Байкала; но я не в состоянии в сём случае совершенно удовлетворить тебя... [Пут.: 25-26]. В форме обращения к любезному другу А.П. Степанов передаёт своё восхищение красотами природы. Словосочетание «любимый Пушкин» с именем поэта вводит все произведения о красоте природы, написанные непревзойдённым мастером художественного слова до 1828 года (время публикации сочинения А.П. Степанова в «Енисейском альманахе»). Енисейский губернатор обращается к имени Пушкина с тем, чтобы явственнее передать восторг от созерцания природных явлений, который сам не в силах выразить словом. Конечно, кому, как не Пушкину его воплотить?! Идея красоты ассоциативно выражена и усилена в ведённой номинации «живописец», которая актуализирует эстетическую оценку наблюдаемых автором творцов, воскрешает в памяти живописные полотна известных ему художников и выражает сожаление о невозможности самому воссоздать зримую красоту. В эстетической оценке чувственно воспринимаемой действительности для А.П. Степанова важны такие признаки, как «чистота», «прозрачность», «свет», «яркая цветовая гамма». Они выражены в ряде выражений приведённого контекста: *свет утра... по всему пространству; на ...прозрачном, необозримом помосте; как в зеркале; чистейший кристалл; рубиновая поверхность; появлении солнца; луч его блеснул ...и распростёрся ... по гладкой поверхности; запылала; озарило; о парчовых наматах; о берилловых кристаллах льдин; о ...радужном перламутре.*

Языковые единицы, актуализирующие концепт «Красота», также устанавливают ассоциативную связь со смежными концептами – «Образование», «Религия», «Искусство», «Моральные качества» (благодаря языковым средствам, которые вербализуют отмеченные концепты).

Связь концепта «Красота» и «Образование» отмечена в 10 контекстах: *Эстетическая только образованность соглашает неумеренное влечение к наружности и ожесточённое к ней презрение. Она уравнивает аналогию внутреннего с наружным; устраивает между ними гармонию и совокупляет законы изящества видимой и невидимой натуры* [ПД III: 3] и др.

Более частотны контексты (около 20), где эстетические оценки связаны с религиозными: *Она (мать – Н.Б.) не могла и не умела перелить в неё (дочь – Н.Б.) истинного света религии; а потому всё стремление дочери её обращено было к Идеалам временной жизни* [ПД IV: 220]; *продолжая беспрестанно и постоянно возвышаться духом к милосердию Предвечнаго, она пришла в положение несравненно изящнейшее против прежняго. Характер сделался светлым: она познала цену истинного спокойствия* [ПД III: 78] и др.

Около 30 контекстов вербализуют связь концептов «Красота» и «Любовь»: *Любовь, любовь – подруга красоты! Я уверен, что все вы будете согласны со мною* [ПД IV: 136]; *красота души есть единственная подруга любви. Дедова <...> полагает, что красота весьма нужна для любви* [ПД IV: 136] и др.

В сочинениях А.П. Степанова также встречаются контексты, в которых имплицитно выражается противоположное понятие красоты – «безобразие». Однако таких контекстов насчитывается не более 50: *как отвратительно должно быть для неё прикосновение его сиятельства* [ПД II: 210]; *достигаете ли неприятность вашего прикосновения* (молодой человек случайно прикоснулся к девушке – Н.Б.) [ПД II: 210]; и др.

Представление концепта средствами семантической сети и фреймовой системы позволило выявить эксплицитные и имплицитные способы выражения концепта «Красота» в ИЯКМ ЯЛ. Несмотря на частотность контекстов, представленных во фрейме «Чувственная красота явлений дей-

ствительности, внешняя красота человека”, необходимо отметить, что во внешних проявлениях красоты реальной и воображаемой действительности А.П. Степанов видел внутреннюю, сущностную красоту мира. Для него несомненна осознанность и ответственность человека в постижении внутреннего нравственного или абстрактного содержания внешних проявлений красоты.

1.3.4. Лексико-семантическое поле «Польза» в языковой картине мира русского этноса XIX века (анализ на материале лексикографических источников)

Концепт «Польза» относится к наименее изученным объектам когнитивной лингвистики. Частично его рассматривает Н.Д. Арутюнова при анализе типов эстетической, этической и утилитарной оценок [Арутюнова, 2004]. Семантические процессы в ЛСП утилитарной оценки «польза / вред» представлены И.В. Хорошуновой [2002]. В настоящем исследовании данный концепт и вербализующая его лексема «польза» исследуются на историческом материале.

По мнению М. Фасмера, лексема «польза» общеславянского происхождения. Она образована из формы ро – и *l̥ga [Фасмер III: 321]. П.Я Черных полагает, что русское слово «польза» было заимствовано из старославянского языка: из *roľga, от корня *l̥g -, связанного с общеславянским l̥gъkъ (> рус. лёгкий) и l̥gota (> рус. льгота). Старшее значение, видимо, – ‘облегчение’ [Черных II: 55].

В древнерусский период лексема «польза» функционировала в двух формах: женского рода «польза» и среднего рода «пользиі». Обе зафиксированы в «Остромировом Евангелии» в значении ‘польза’ [СДСЯ, 1899: 600]. С отмеченным значением связаны устойчивые сочетания, зафиксированные в языке XI в., «пользу взятии», «на пользу створити (о ком-либо)» – ‘почувствовать расположение к кому-либо’. С XII в. вплоть до XVII в. слово «польза» функционирует с оттенком значения ‘то, что имеет пользу для души; душеполезное’. С отмечен-

ным оттенком значения слово входит в состав устойчивых сочетаний «польза душевная, духовная, польза души».

Исторические словари в русском языке XIV – XVII вв. отмечают его как многозначное:

1. Польза, благо; положительный результат, успех. С данным значением лексема функционирует в текстах церковно-славянской письменности. В текстах XIV – XVII вв. зафиксированы устойчивые сочетания «к пользе, на пользу» в значении ‘во благо, на пользу’; «кая польза» – ‘зачем, какая нужда, что за интерес’.

2. (Материальная) выгода; интересы. Данное значение начинает фиксироваться в старорусский период в текстах церковно-славянской письменности и вскоре становится устойчивым в русском национальном языке. В XVII в. лексема в представленном значении употребляется в устойчивом сочетании «на пользу (кому-либо)».

3. Расположение. Слово «польза» с таким значением ставится авторами Словаря русского языка XI – XVII вв. под сомнение, поскольку в картотеке ДРС имеется лишь одна фиксация слова «польза» со значением ‘расположение’ [СлРЯ XIV – XVII, вып. 16: 284].

Язык XIX в. в общих чертах унаследовал семантическую структуру лексемы «польза». Лексикографы XIX в. отмечают у неё следующие значения: 1) ‘выгода, прибыль’; 2) ‘барыш, нажива’; 3) ‘прок’; 4) ‘помощь, подспорье’; 5) ‘улучшение’; 6) ‘облегчение, льгота’ [САР 2: 1463; Даль III: 267].

Словари, отражающие лексику первой половины XIX в., также фиксируют лексему в значении ‘выгода, положительный результат’ и ‘прибыль, барыш’ [СЯЗК: 407]. Авторы Словаря языка А.С. Пушкина отражают появление в русском языке XIX в. новых оттенков значений у слова «польза»: ‘не-что благотворное’. Анализ употреблений слова и дефиниций, предложенных специалистами, позволяет сделать вывод о перегруппировке сем в составе семем. На первое место выдвигается

гается архисема 'благотворное': *Для пользы и красоты; принесла мало пользы; принесшая истинную пользу*. Сема 'выгода' уходит на второй план и фиксируется лексикографами как оттенок значения: *Барыш себе иль пользу родным да выгадать* [СЯЗП III: 522].

В русском литературном языке первой трети XIX в. лексема «польза» начинает использоваться в значении 'интересы, нужды': *Государственная польза; вредить его пользе; общественная польза* [СЯЗП III: 522]. Сема 'нужды' в составе лексического значения лексемы «польза» отмечается впервые авторами Словаря языка А.С. Пушкина. Сопоставляя контексты XI, XV, XVI вв. с контекстами художественных произведений XIX в., в которых слово «польза» употребляется в значении 'интересы, нужды', мы приходим к выводу, что слово «польза» расширяет свою лексическую сочетаемость. Оно начинает употребляться с прилагательными типа «общественный», «гражданский», «государственный» (в предыдущий период более частотны были сочетания «своя польза», «духовная польза»).

Различия в иерархии значений существительного «польза» по данным разных словарей обусловлены динамикой семантической структуры слова, факторами культурно-исторического, общественно-политического характера и точкой зрения составителей конкретного словаря. Так, для языка XI – XVI вв. актуальным было широкое толкование слова «польза». На первый план выделялись семы 'благо', 'душа'. В языке XVIII – первой половины XIX вв. значимым являлись семы 'материальное', 'выгода', 'прибыль', 'барыш', 'нажива', 'прок', 'толк'.

На основании данных словарей представим ЛСВ имени поля. По нашим наблюдениям, полисемант «польза» в языке XIX в. насчитывает 6 значений: 1) 'хороший, положительный результат, благотворное для кого-, чего-н. воздействие':... *нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы* [СЯЗК: 407]; 2) 'выгода, прибыль': *Вы сколько пользы принесли?* [СЯЗК: 407]; 3)

‘барыш, нажива’: *Но как та Бочка ни громка, А польза в ней не так, как в первой, велика* [СЯзК: 407]; 4) ‘прок’: *От лекарского снадобья польги мало* [Даль III: 267]; 5) ‘интересы, нужды’: *государственная польза требует его возвышения* [СЯзП III: 522]; 6) ‘помощь, подспорье’: *Сохе грамота не польга* [Даль III: 267]; [САР 2, 1814: 1436; Даль III: 267; СЯзК: 407; СЯзП III: 522].

Ю.Н. Караулов отмечает, что слово с любым количеством значений может возглавить семантическое поле, но только в том случае, если у него легко выделяется общее значение [Караулов, 1976: 124, 130-131]. У слова «польза» общим значением является ‘хороший, положительный результат, благотворное для кого-, чего-н. воздействие’. Данное значение вступает в имплицативные отношения с другими ЛСВ, которые тесно связаны друг с другом. Анализ иерархии значений лексем в разные периоды развития русского языка продемонстрировал тесную деривационно-ассоциативную связь значений полисеманта «польза».

С целью ориентирования поля «Польза» нами были предприняты попытки найти родовое имя. Анализ энциклопедических источников дал возможность установить, что по отношению к понятию «польза» родовым является понятие «утилитарная ценность» [СЭТ, 1989: 257-259 и др.]. Родовое понятие позволяет уточнить основное значение слова «польза» – ‘утилитарная ценность, которая имеет желательный, положительный результат, идеально и материально выраженный’.

В результате сопоставления сем слов, входящих в ЛСП «Польза», с семами имени поля выявляем набор лексических единиц, которые занимают определённое положение в модели ЛСП «Польза». В структуру поля включены такие единицы, которые тесно связаны деривационными, парадигматическими и синтагматическими отношениями с именем поля «Польза». В состав данного ЛСП входят около трёхсот лексических

единиц. Графическое изображение ЛСП «Польза» представим в схеме № 5.

В ядерную зону ЛСП «Польза» входит лексема «польза» и её ЛСВ, отмеченные выше (см. на стр. 89-90). Как показал анализ отношений между ЛСВ, основным типом развития семантики слова «польза» является сужение лексического значения.

В околоядерную зону ЛСП «Польза» входят:

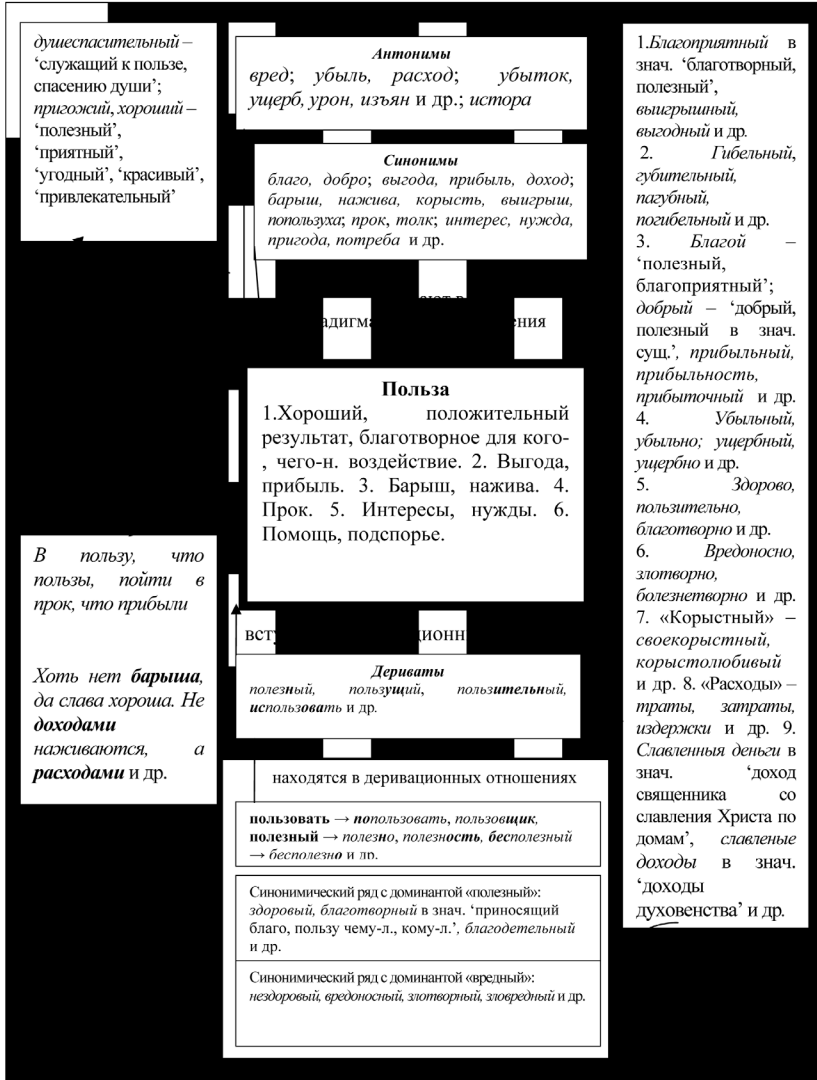
1. Синонимы и варианты ЛСВ имени поля: ЛСВ-1: *благо* – ‘то, что приносит удовлетворение, счастье, радость; всё доброе и полезное’: *Как райских благ не пожелать?* [СЯЗП I: 117], *добро* – ‘всё хорошее, положительное и полезное’: *Живу в довольстве и добре, И ем и пью на серебре* [СЯЗК: 187]. Синонимичность слов «благо» и «добро» связана с древнейшими представлениями человека о добре: оно отражало идею ценного и полезного в их неразрывном единстве: «добро» в духовном значении ‘благо, что честно, полезно, всё, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина’ [Даль I: 443]: *Добро делай, никого не бойся* [Даль II: 267]. Слово «благо» выступает как идеально выраженная сущность, синонимом которой является «добро». При этом добро понимается как счастье или то, что сопутствует счастью, что отвечает потребностям людей [СЯЗП I: 116-117; Даль I: 90, 443, II: 413-414]. В языке XIX в. отражено не только представление этноса о том, что добро связано с пользой, но и представление о противоположности пользы и добра: *Всё добро* (т. е. ‘то, что хорошо, положительно, полезно’) *да не всякому на пользу* [Даль III: 413-414]. Для этого периода развития русского языка характерно понимание добра и блага как идеальных, положительных ценностей, которые противопоставлены утилитарным ценностям: *рассуждать они пустились вдвоём О всякой всячине: о их собачьей службе, О худе, о добре, и наконец о дружбе* [СЯЗК: 187].

ЛСВ-2: *выгода* – ‘материально выраженная польза личного или общественного характера, которая извлечена из какой-

либо деятельности или каких-либо обстоятельств': *Всяк споры затевает О выгоде своей* [СЯзК: 150], *прибыль* – 'материальная выгода, получаемая от какого-либо рода деятельности: в денежных и торговых оборотах': *Много ли на очистку прибыли?* [Даль III: 400], *доход* – 'прибыль от деятельности, получаемая с имущества, вотчины, завода, имений, предприятий и т.п.': *Кроме жалования <...> нет у меня постоянного дохода* [СЯзП I: 704], *приход* – 'прибыль, всё, что поступило вновь, чем увеличена наличность': *Жить не по приходу* [Даль III: 457]. ЛСВ-3: *барыш* – 'прибыль, полученная от торгово-денежных операций': *Окончили торги и делят барыши* [СЯзК: 91], *нажива* – 'барыш, корысть, вид прибыли в торговых делах': *Тут будет нажив, нажива* [Даль II: 414], *корысть* – 'барыш, нажива, пожива, то есть, та прибыль, которая получена в честной торговле': *Без корысти торговать нельзя* [Даль II: 171], *выигрыш* – 'барыш в торговом обороте': *Выигрыш с проигрышем на одних санях ездят (торг.)* [Даль I: 291], *попользуха* – 'пск. прибыль, выгода, польза, барыш' [Даль III: 302]. ЛСВ-4: *прок* – 'выгода, польза': *Бедный Глинка работает как батрак, а проку всё нет* [СЯзП III: 820], *толк* – 'польза, прок': *В кухарке толку Довольно мало: <...> вечно всё пересолит* [СЯзП IV: 528]. ЛСВ-5: *интерес* – 'стремление, которое обуславливает активность в достижении какой-л. пользы': *в фортеции умышляется злодействие противное казённому интересу* [СЯзП II: 233], *нужда* – 'надобность, необходимость, реализация которой связана с чьими-то интересами для получения какой-либо пользы': *Нужда в деньгах заставила баронов и епископов продавать вассалам права* [СЯзП II: 892], *потреба* – 'потребность, надобность, такая нужда, которая находит своё выражение в бытовой сфере и приводит к реализации чьих-либо интересов': *<...> употреблены его ключницею на разные домашние потребности* [СЯзП III: 606], *потребность* – 'потреба, нужда, надобность', *надобность, пригода, угодь, угода, годность*.

Схема № 5.

Лексико-семантическое поле «Польза»
в русском языке XIX века,
представленное семантической сетью

2. Антонимы ЛСВ имени поля: ЛСВ-1: *вред* – ‘нежелательный отрицательный результат; последствия всякого повреждения, вещественного и нравственного, всякое нарушение прав личности и собственности, законное и незаконное’: *Ешь сытно, **вреды** не будет* [Даль I: 260]. ЛСВ-2: *убыль* – ‘умаленье, уменьшенье, убавка, упадок’: *На ярмарке оказалась **прибыль** по привозу, а **убыль** по **прибыли*** [Даль IV: 459], *расход* – ‘издержка, трата, потребление’: *Держи **расход** по **приходу*** [Даль IV: 80]. ЛСВ-3: *убыток* – ‘изъян, потеря, ущерб’: *Будь друг, да без **убытку*** [Даль IV: 459], *ущерб*: *Натуга в **ущерб** здоровью* [Даль IV: 530], *урон*: *На этом обороте купцы понесли **урон*** [Даль IV: 509], *изъян* – ‘ущерб, убыток, наклад’: *Рост (барыш) с **изъяном** на одном полозу ездят* [Даль II: 39], *наклад* – ‘убыток, ущерб, особенно в торговле’: *Малый **барыш** лучше большего **наклада*** [Даль II: 423], *трата* – ‘изъян, убыток, наклад, потеря’ [Даль III: 426], *истора* – ‘трата, убыток’: ***Истора** дешева, да **корысть** дорога* [Даль II: 59], *прОтор, протОра, прОторь, прОтори* – ‘издержки, расходы, убытки, изъян, особенно издержки судебные’: *Взыскивать **протори** и **убытки** по делу* [Даль III: 518] и др. ЛСВ-4: диал. *истора* в значении ‘расход’: *В затеях не прок, а **истора*** [Даль III: 492].

3. Дериваты имени поля: *полезный, пользующий* – ‘о зелье: весьма полезный, исцеляющий’, *пользительный* – ‘приносящий пользу (в 1 знач.)’: *попынковая настоечка самая **пользительная*** [Даль III: 267], *пользовать* ‘приносить пользу; дать больному то, что приносит пользу (в 1 знач.)’, *пользоваться* – ‘обращать в свою пользу (в 1 знач.), употреблять для своей надобности; извлекать пользу (во 2 знач.), выгоду из чего-л.’: ***пользуйся** добрым советом; кто не **пользуется** доходшиками?* [Даль III: 267], *использовать* – ‘употреблять с пользой (в 1 знач.)’ [Даль II: 56].

К границе между околядерной и периферийной зонами нами отнесены:

1. Языковые единицы, находящиеся в деривационных отношениях с дериватами имени поля и друг с другом: а) **пользовать** → *попользовать, пользовицик*, б) **использовать** → *использованије, использоваться*, в) **полезный** – *полезно, полезность, бесполезный* → *бесполезно, бесполезность, небесполезный* → *небесполезно*, г) **пользоваться** – *попользоваться, пользователь, пользованије, воспользоваться*.

2. Синонимический ряд с доминантой «полезный»: *здоровый* – ‘такой, который полезен для здоровья’, *пользительный, небесполезный, благотворный* – ‘приносящий благо, пользу чему-л., кому-л.’, *благодетельный* – ‘такой, который своими действиями приносит благо, пользу’, *потребный* – ‘полезный, добрый, благой’ [Даль III: 358].

3. Синонимический ряд с доминантой «вредный»: *нездоровый, вредоносный, небезвредный, злотворный, зловредный, болезнетворный, бесполезный, ненужный, никчёмный, лишний, излишний, напрасный, зряшный, пустой, тщетный* и др.

К периферии ЛСП «Польза» относятся:

1. Единицы синонимического ряда, близкие по значению лексеме «полезный»: *благоприятный* – ‘благотворный, полезный’, *благопотребный* – ‘полезный для доброго дела, весьма нужный, необходимый’ [Даль I: 93], *благодетельный* – ‘полезный, творящий, приносящий добро’ [Даль I: 92], *благотворный* – ‘полезный, рождающий добро’ [Даль I: 94], *выигрышной* – ‘такой, который, связан с выигрышем как барышом’ [Даль I: 291], *выгодный, безвыгодный, удобный, подходящий, добрительный*.

2. Единицы синонимического ряда, близкие по значению слову «вредный»: *гибельный, губительный, пагубный, погубительный* и др.

3. Лексические единицы, находящиеся в деривационных отношениях с синонимами имени поля и друг с другом: *благой* – ‘полезный, благоприятный’; *благодать* – ‘нечто чрез-

вычайно выгодное, удобное', благополучие, благоприобретение, благорассмотрение, благоучреждение, благодетельство, благодетельность, благотворность [Даль I: 90-96]; добрый – 'добрый, полезный в знач. сущ.' [СЯЗК: 188]; прибыльный, пирбыльной, прибыльность; прибыточный, прибыток, с прибылью; нажитки, наживной, наживать; корыстность, корыстный, корыстоватый; потребный, потреблять; доходный, доходность, доходшико; приходный, приходорасходный, приходорасходчик, приходорасходчица; выгодность, выгодно, с выгодой; потребность, потреблять; барышник, барышничать, барышевать; выигрывать, выиграть – 'получить прибыль, барыш, выгоду' [Даль I: 291]; интересный – 'корыстный', интересант – 'своекорыстный человек, оберегающий только свои выгоды' [Даль II: 47]; нажиточный, нажить, наживать, наживанье, нажитьё, нажиток, нажитки, наживное [Даль II: 413-414] и др.

4. Лексические единицы, которые находятся в деривационных отношениях с антонимами имени поля и друг с другом: убыльный, убыльно; ущербный, ущербность, ущербно; убыточный, убыточность, убыточно; расходы, расходовать, расходоваться, расходный; накладный, накладно; вредить, вредиться, вредословить, вредный, вредительный, вредоносный, вредотворный, вреждение, вредоносность, вредотворность, вредословие – 'вредная, безнравственная беседа' [Даль I: 260], вредитель (вредчик, вредун), вредительница (вредуха), вредно; изъятый, изъять, изъяться; тратить, тратиться, потратный, потратно; протОрный – 'изъятый, накладный, убыточный', проторицки, проторищица – 'введший кого-л. в изъян, протор, в убыток, истору' [Даль III: 518] и др.

5. Дериваты членов синонимического ряда с доминантой «полезный»: «здоровый» → здорово, «полезный» → пользительно, «благотворный» → благотворно, благотворность,

благоворить; «благодетельный» → *благодетельно, благодетельность* и др.

6. Дериваты членов синонимического ряда с доминантой «вредный»: «вредоносный» → *вредоносно, вредоносность*; «злотворный» → *злотворно, злотворность*; «болезнетворный» → *болезнетворно, болезнетворность* и др.

7. Синонимы дериватов околядерной зоны: «корыстный» – *своекорыстный, корыстолюбивый*; «использовать» – *употребить / употреблять, применить / применять, потребить / потреблять, приложить / прилагать, извлечь / извлекать пользу, найти / находить применение, деть / девать, пустить / пускать в ход*; «использоваться» – *употребляться, применяться, находить применение, пойти / идти в ход / в дело*.

8. Синонимы дериватов периферийной зоны: «вредить» – *причинять / делать зло, причинять / наносить вред / ущерб, делать неприятность, пакостить, пакостничать, гадить, вредно отражаться, зловредничать*; «расход» – *трата, затрата, перевод, потребление*; «расходы» – *траты, затраты, издержки*; «расходовать» – *потреблять, тратить, затрачивать, проживать, растрачивать*; «расходо-ваться» – *тратиться, затрачиваться, потребляться, растрачиваться*.

9. Гипонимы слова «доход» в значении ‘материальная польза, прибыль’: *славенныя деньги* – ‘доход священника со славления Христа по домам’, *славенные доходы* – ‘доходы духовенства, получаемые за хождение по праздникам с крестом’, *славеное* – ‘сиб. сбор с прихожан духовенством под Рождество Христово’ [Даль IV: 215], *валовой доход* – ‘доход без зачёта расхода и издержек на заведение’, *чистый доход* – ‘меньшая часть валового дохода, настоящий, истинный доход, остающийся за вычетом из валового расхода’ [Даль I: 486].

10. Устойчивые сочетания, фразеологизмы: *в пользу* – 1) ‘за, в поддержку, в защиту [кого, чего]’: *в пользу аристократии*; 2) ‘для, ради, в интересах [кого, чего]’: *в пользу истины*; ‘в чью пользу’: *в мою вы пользу рассудите*; 3) ‘на пользу, во благо’: *употребить оное в пользу*; ‘в пользу кому, на благо кого’: *в пользу инвалидам* [СЯзП III: 522]; *что пользы* – ‘зачем, какая нужда, что за интерес’: *Что пользы, если Моцарт будет жив* [СЯзП III: 522]; *пойти в прок* – ‘на пользу, в пользу’: *не в прок пошли науки* <...> [СЯзП III: 820]; *что прибыли, какая прибыль* – ‘что за смысл, какая надобность, выгода’: *Что прибыли соваться в воду, Сначала не спросившись броду* <...> ?; *какая им от того прибыль?* [СЯзП III: 709].

11. Паремии: *Глупому дитяти не в ползу богатство. Дай срок – будет прок! Хоть нет барыша, да слава хороша. Не до барыша, была бы слава хороша. Что барыша, коль обидел гольша (нагиша). Не доходами наживаются, а расходами. Корысть соблазняет. Судье то полезно, что в рот полезло. Убыток учит нажить прибыль* и др.

12. Языковые единицы, вербализующие другие семантические поля, однако системно связанные с единицами поля «Польза». Так, в составе производных лексемы «польза» содержится слово «душеполезный». Оно не входит в состав оклоядерной зоны, но принадлежит к периферии ЛСП «Польза», так как образовано от двух основ: душ- и полезн-. Первая основа слова устанавливает связь ЛСП «Польза» с ЛСП «Душа». Синонимом прилагательного «душеполезный» является прилагательное «душеспасительный» в значении ‘служащий к пользе, спасению души’ [Даль I: 506]. В ходе исследования установлена связь ЛСП «Польза», ЛСП «Спасение» и ЛСП «Красота». Об этой связи свидетельствует наличие на периферии ЛСП «Польза» таких лексем, как *пригожий, хороший*, которые имеют в своём составе семы ‘полезный’, ‘приятный’, ‘удобный’, ‘красивый’, ‘привлекательный’.

Границы ЛСП «Польза» на всей их протяженности пронизываемы. Об этом свидетельствует тот факт, что в его периферийную зону входят языковые единицы, которые служат средством вербализации других семантических полей (ЛСП «Душа», «Красота», «Торговля» и др.). Языковые данные позволяют утверждать, что понятие пользы (для Отечества, семьи, отдельной личности), вопреки мнению об иррациональности русского характера, было актуальным для этноса в XIX столетии. Анализ концепта в концептосфере творческой языковой личности поможет подтвердить или опровергнуть наше утверждение.

1.3.5. Концепт «Польза» в индивидуальной языковой картине мира А.П. Степанова

Русскими философами и историками (В.О. Ключевским, В.С. Соловьёвым, Н.А. Бердяевым и др.) не раз отмечалась такая черта русского этноса, как иррациональность, созерцательность, доминирование духовных интересов над материальными. Не раз декларировалась мысль о том, что для среднестатистического русского красота важнее пользы, совесть главнее закона, душа значимее тела.

Рассмотрим средства репрезентации концепта «Польза» в сочинениях разных жанров А.П. Степанова, которые позволяют сделать вывод о степени значимости пользы для его личности. Концепт «Польза» выбран для анализа не случайно. Для русских государственных деятелей, каковым, безусловно, является первый енисейский губернатор А.П. Степанов, служение отечеству было высочайшим смыслом жизни, и служение отечеству осознавалось как сохранение и приумножение его духовных и материальных богатств. Уже это позволяет предположить, что концепт «Польза» можно отнести к числу ценностных концептов, актуальных не только для данной личности, но и для других представителей дворянства и для этноса в целом. Анализ текстов А.П. Степанова

ва показал, что лексические единицы ЛСП «Польза», выявленные в языке XIX в., весьма частотны дискурсе енисейского губернатора.

В сознании русского человека XIX в. польза существовала в двух ипостасях: 1) то, что приносит пользу в духовной сфере; 2) то, что приносит пользу в материальной сфере. В языке эти ипостаси вербализуются в словах *благо* и *выгода*, *прибыль*, *доход*, *барыш*, *корысть* и др. В ЯКМ русского этноса XIX в. *благо*, имеющее как материальное, так и нематериальное проявление, является главным ориентиром человеческой деятельности и удовлетворяет основные жизненные потребности: *Благо* (в значении ‘хорошо, полезно’) *уповать на Господа* [Даль I: 90]; *Удались от зла и сотвори благо*, – *говорил поп попадье* [СЯзП I: 116]. В отличие от *блага*, *выгода* есть чаще всего материально выраженная польза, которая извлекается из каких-либо обстоятельств и может иметь своё проявление в соответствующих *доходах* (*они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю* [СЯзП I: 418-419]) или *прибыли* от какого-либо рода деятельности (*От этого промысла прибыли не будет* [Даль III: 400]), например, в торгово-денежных операциях (*Не лучшие ль <...> табачный торг завести И снискивать в труде себе барыш и честь* [СЯзП I: 64]).

Анализ показал, что поле концепта в ИЯКМ А.П. Степанова содержит такие семантические узлы, как “Польза”, “Благо”, “Выгода”, “Вред”. Отмеченные узлы соотносятся с эксплицитным способом выражения ценностного концепта «Польза». Имплицитный способ репрезентации концепта в ИЯКМ А.П. Степанова отражён в таких семантических узлах, как “Языковые единицы, создающие текстовую ситуацию утилитарного оценивания” и “Языковые единицы, вербализующие смежные концепты”. Отразим поле концепта «Польза» на схеме № 7.

Схема № 7.

Семантическая сеть, представляющая поле ценностного концепта “Полезьа” в индивидуальной языковой картине мира А.П. Степанова

В узел семантической сети “Полезьа”, представляемый нами в виде суперфрейма “Полезьа”, входит не только полисемантическая лексема «польза» в её основном и дифференциальных значениях, но и синоним имени концепта (*интерес*). Лексема «польза», одноимённая концепту «Полезьа» в ИЯКМ А.П. Степанова, и её синоним «интерес» отражены в 49 употреблениях. В перечень употреблений входит лексема «польза» в составе метафоры (*искра пользы ... разгорается ... и пылает*) и в составе устойчивого сочетания (*в пользу*).

Структура суперфрейма “Полезьа”

Количество слотов	4
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Идеально выраженная польза</i>	Ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный: а) для отечества и соотечественников; б) для самодержавия; в) для науки, отечественной истории и русской нации; г) для Енисейской губернии; д) для города Красноярска; е) для здоровья (остяков).
Слот 2. <i>Материально выраженная польза</i>	Польза как выгода: а) польза от фабричного производства для общества и казны; б) польза от деятельности человека для производства и общества; в) материальная польза от дружеских, миролюбивых отношений; г) польза от животного для человека.
Слот 3. <i>Польза как прибыль</i>	Материально выраженная польза для общественных отношений: а) польза для казны, промышленности; б) польза для конкретных людей.
Слот 4. <i>Польза как прок, смысл</i>	«Польза» в значении ‘прок’ (т. е. толк, смысл обширных сведений).

Признаки концепта *материально выраженная польза, идеально выраженная польза, польза как прибыль, польза как прок, смысл* в суперфрейме «Польза» являются слотами, содержание которых выражается в значениях, например: *польза как выгода для кого/чего, польза как выгода исходит от кого/чего.*

Концепт «Польза» относится к категории ценностных, анализировать которые помогает учёт широких контекстов их реализаций. В сочинениях А.П. Степанова лексема «польза» реализована 44 раза. Как уже отмечалось, полисемант «польза» в языке XIX в. насчитывает 6 значений. В сочинениях А.П. Степанова выявлены 4 из них: ‘ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный’; ‘выгода, прибыль’; ‘барыш, нажива’; ‘прок’.

Слово «польза» в основном своём значении ‘ценность,

которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный' зафиксировано 21 раз. Дифференциальные значения, которые выражены лексико-семантическими вариантами (ЛСВ-2 – 'выгода, прибыль', ЛСВ-3 – 'барыш, нажива', ЛСВ-4 – 'прок') выявлены в 33 реализациях. ЛСВ-5 – 'интересы, нужды', ЛСВ-6 – 'помощь, подспорье' не реализованы в сочинениях А.П. Степанова.

В рассматриваемых контекстах, отнесённых к слоту № 1 "Идеально выраженная польза", лексема «польза» употребляется в основном значении 'ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный'. В контекстах наряду с основным значением актуальными оказываются семы 'благо' и 'государство', а также 'спокойствие, стабильность' и 'любовь'. Языковое окружение лексемы «польза» указывает, для кого / чего и к кому / чему относится рассматриваемая ценность: а) для отечества и соотечественников; б) для самодержавия; в) для науки, отечественной истории и русской нации; г) для Енисейской губернии; д) для города Красноярска; е) для здоровья (остяков).

А. ПОЛЬЗА ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА И СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ. Словосочетание «пользу отечеству» трижды встречается в сочинениях А.П. Степанова. Это словосочетание вступает в синтагматические отношения с причастием «приносящий» и глаголом «доставить», которые требуют постановки существительного в винительном падеже – «пользу»: <за границу ходим, чтобы> «бить наших неприятелей...; или для того, чтоб ...принудить к действию, приносящему **пользу отечеству**, или отвлечь от нападения на другия союзныя державы, которых союз доставляет **пользу** и тишину **отечеству** [ПД II: 113]; Доставили ли отечеству ... **пользу** и величие?» [ПД II: 112]. В данных контекстах лексема «польза» с семой 'благо' определяется эффективностью действий во внешнеполитических отношениях: за границу, бить наших

неприятелей, отвлечь от нападения на другия союзныя державы, союз доставляет.

Слово «польза» в одном контексте входит в ряд однородных членов с существительным «тишина» («мир, покой, согласие и лад; отсутствие тревоги» [Даль IV: 407]), в другом контексте – с существительным «величие» («превосходство в духовном или нравственном отношении»: *Величие дел человеческих ничтожно перед величием Божеских дел* [Даль I: 176]). В сочинении А.П. Степанова существительное «величие», однородное имени поля, имеет сему «превосходство», а также реализует семы «деятельность», «активность». При этом величие России зависит от активности граждан страны, которые своей деятельностью на пользу (благо) отечества вызывают признание России как державы, достойной поклонения. Побуждение к активности выражено в вопросительном предложении: *Доставили ли отечеству ... пользу и величие?* [ПД II: 112]. По А.П. Степанову, спокойствие и стабильность внутри страны и на её границах, активность во внешней политике приносят пользу отечеству, то есть составляют его благо: *Но ссора между Томском и Красноярском едва не поведила пользе общественной* [ЕГ II: 190].

В предыдущих контекстах имя поля являлось объектным дополнением и употреблялось в форме винительного падежа, что отражает синтагматическую связь слова «польза» с формами глагола. В последующих контекстах лексема «польза» в форме дательного падежа вступает в синтагматические отношения с глаголом «способствовать», в значении которого присутствует сема «польза» и с глаголом «споспешествовать», который является синонимом глагола «способствовать»: <...> *благоразумный человек способствует со всем усердием пользе отечества, единственно из любви к нему и приверженности к государю, не имея в виду никаких наград; но как награды есть знаки Царской признательности к доблестям под-*

данных; то и не могут они быть не уважаемы... [ПД II: 124].

Б. **ПОЛЬЗА ДЛЯ САМОДЕРЖАВИЯ.** Данное значение слова №1 *“Идеально выраженная польза”* реализуется в параграфе «Благо самодержавия» «Енисейской губернии»: *Одна только самодержавная власть через общую, от нее происходящую, как радиусы администрации, может иметь силу согласовать к общей и частной пользе законы различных стран и действовать под различной формой, с одинаковым направлением и одинаковой быстротой во всех концах государства* [ЕГ II: 116]. Лексема «польза» определяется прилагательными «общий» и «частный». Семантика глагола «согласовать» («соразмерять, приводить в порядок» [Даль IV: 258]) определяет единство противоположных по значению приведённых прилагательных. Польза исходит от согласованного выполнения законов, созданных самодержавной властью.

В. **ПОЛЬЗА ДЛЯ МИРА, НАУКИ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И РУССКОЙ НАЦИИ.** Отмеченное значение слова № 1 раскрывается в ниже приведённом контексте, где существительное «польза» в форме винительного падежа вступает в предложное управление с глаголом «посвящали» («отдать, обречь, предназначить для особой цели» [Даль III: 331]): *<...> многие иностранные путешественники <...> с особой страстью к познаниям, несмотря на труды или жестокость климата, бодрственно посвящали себя на пользу света, каждый по своим занятиям* [ЕГ II: 44-45].

Г. **ПОЛЬЗА ДЛЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ.** В нижеследующем контексте слово «польза» употребляется два раза: в первом словосочетании лексема определяется причастием «приносимой», во втором – прилагательным «истинной». В словосочетании «пользе края» слово «польза», являясь главным членом, определяет направленность «истинной пользы», которая есть благо для края: *<...> нужно увеличить*

народонаселение в Енисейской губернии, <...> людьми, <...> которые могли бы приносимой пользой пополнять лишения, встречаемые земледельцами. Мысль сия разовьет другую о естественном расположении губернии к фабрикам, заводам, мануфактурам. Учреждение их в большом размере могло бы открыть и новый источник к сбыту хлеба и восстановить денежное кругообращение. Мысли сии очень правдоподобны и предположения соответствуют, кажется, истинной пользе края [ЕГ II: 99]. В первом употреблении имени поля «приносимой пользой» семантика причастия «приносимой» ('доставляемой, сообщаемой') определяет семантику лексемы «польза» – 'выгода'. Польза исходит от населения. Доставляемая польза заключается в том, что приток населения даст возможность земледельцам сбывать хлеб и обеспечит их достаток. Прилагательное «истинный» в значении 'истину составляющий; правдивый, справедливый, несомненный, неложный; верный, точный, прямой, подлинный, настоящий' имеет общие семы с формой «правдоподобны» ('правд-', 'истин-'). Согласно паремии *свет плоти – солнце, свет духа – истина* [Даль II: 60]. Исходя из этого, *истинная польза края* есть духовная польза, *благо во образе* (т. е. доступное понятию). Этому благу способствуют *мысли <...> правдоподобны и предположения*, а также организация конкретной деятельности: *увеличить народонаселение в Енисейской губернии, учреждение их* (фабрик, мануфактур, заводов – Н.Б.) *в большом размере.*

Д. **ПОЛЬЗА ДЛЯ ГОРОДА.** В данной группе примеров, отнесённых к значению слота №1, мы видим, что польза исходит от деятельности должностных лиц. В одном контексте польза проистекает от изменений в проекте, которые были сделаны архитектором (*преимущественно к пользе и красоте города*), в другом контексте – от результатов действий чиновника, которые привели к обустройству города (*Все заклю-*

чает в себе не изобилие, не блеск, но **пользу**). Такие результаты труда внешне и приятны, и полезны для глаз. Данные примеры будут рассмотрены подробнее в рамках узла семантической сети “Смежные концепты”.

Е. **ПОЛЬЗА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ**. Данное значение слота №1 обнаруживаем в следующем контексте: *С жадностью бросаются они (остяки – Н.Б.) на рыбу и пожирают ее сырую. Не одна страсть к этой пище возбуждает в них столь сильное побуждение, но **величайшая польза**. <...> едва начинают употреблять сырую рыбу, как получают мгновенное облегчение и совершенно оживотворяются до осени [ЕГ II: 153-154].* Лексема «польза» в этом случае является субъектом действия и определяется прилагательным в превосходной степени «величайшая».

Анализ реализации лексемы «польза» в основном значении ‘ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный’ завершим контекстом, в котором сложно переплетены семы ‘благо’, ‘государство’ (в словосочетаниях «с пользой государственной» и «на пользу жителей») и ‘выгода’ (в словосочетании «собственную пользу»): *Я вижу их (жителей Енисейской губернии – Н.Б.) на этом пространстве, как группу младенцев, играющих на помосте Ватикана в Риме. <...> Я обнимаю их промышленность, торговлю и прибыли, но, взвешивая **их собственную пользу с пользой государственною**, нахожу, что вся **выгода** склоняется на пользу жителей, а не казны, которая, получая несколько более миллиона, употребляет половину на расходы [ЕГ II: 193].*

Рассматриваемые в структуре суперфрейма «Польза» слоты *польза как выгода; польза как прибыль, польза как прок, смысл* определяются по характеристикам, которые соотнесены со значениями лексемы «польза».

По характеру реализации языковых единиц слот № 2

“Материально выраженная польза” является частотным в сочинениях А.П. Степанова (около 20 употреблений). Его содержание реализуется в значении ‘польза как выгода’. У значения выявлены следующие оттенки:

а) польза от фабричного производства для общества, для казны: *В селении Тельминском находятся многия фабрики и заводы, <...> всегда продолжалось какое-либо производство, доставляющее более или менее пользы, смотря по обстоятельствам и надзору [Пут.: 5]; <...> позволено учреждать всякия фабрики сообразно пользе казённой [Пут.: 5] и др.;*

б) польза от деятельности человека для производства и общества: *он (подполковник Соколовский – Н.Б.) так хорошо умел изложить своё мнение начальству, что фабрику со всем имуществом велено передать из Коммисариата в ведение Генерал-Губернатора Пестеля; что послужило действительно к её совершенной пользе [Пут.: 11]; <...> При сем пламенном усердии своём к пользе вверенной ему части, он пользуется счастьем служить под начальством Генерал-Губернатора... [Пут.: 18]; Пороками признают они то, что в человеке производит зло осязтимое, добродетелью ту пользу, которую человек приносит [ЕГ II: 152]. В последнем отмеченном контексте концепт «Польза» “мерцает смыслами”. Реализованное в данном контексте значение слова польза как выгода осложнено семами ‘добро’, ‘благо’, ‘выгода’;*

в) материальная польза от дружеских, миролюбивых отношений: *Истинная дружба весьма редка между всеми людьми. <...> Где есть корысть, где её больше, там и дружбы менее; она бывает действительно между двух лиц, у которых совершенное во всём равенство и нет в цели общей какой-нибудь пользы, кроме любви [ПД II: 187-188]; <...> маленькие воеводы были вовсе безопасны для правительства, и хотя прижимали диких, воровали, но не грабили: ибо соб-*

ственная польза состояла в том, чтоб не ожесточать слишком неприятеля [ЕГ II: 185] и др.;

г) польза, которую приносят животные: *Едва ли какой зверь доставляет пользы в сём крае более серны* [ЕГ I: 106]; (лани – Н.Б.) *доставляя величайшую пользу всей северной Сибири, слыли до сих пор под чужим именем...* [ЕГ I: 84].

Слот № 3 “*Польза как прибыль*” реализован в значении ‘материально выраженная польза’, которое имеет следующие оттенки:

а) польза для казны, промышленности: *бумажная сия фабрика есть значительная, по предполагаемой от нее пользе в будущем...* [ЕГ I: 98];

б) польза для конкретных людей: *Лебеди, по крайней мере, доставляют пользу русским промышленникам, которые употребляют для себя или выпускают по малости в продажу* [ЕГ I: 95]; <...> *работники* <...> *извлекают пользу из разнообразных предметов и обстоятельств, недоступных в других местах, как то: из содержания заимок, сенокоса, рубки леса и дров* <...> [ЕГ II: 102].

Одно употребление реализует содержание слота № 4 “*Польза как прок*” в значении ‘толк, смысл обширных сведений’: *Круг сведений европейских крестьян несравненно обширнее в сравнении с сибирскими* <...> *но вся обширность их сведений не включает в себе никакой пользы, ибо неправильное понятие о большом количестве предметов, которые им встречались, составляет до того чудовищную смесь в уме их, что они даже затрудняются передавать идеи свои словами* [ЕГ II: 174].

Анализ синтагматических связей имени концепта в сочинениях А.П. Степанова является важным компонентом структуры данных суперфрейма “Польза”. Существительное «польза» синтаксически связано с прилагательными, причастиями и однократно с местоимением. Используя определе-

ния при существительном, А.П. Степанов акцентирует внимание на разновидностях понятия «польза», которое вступает в определённые отношения с другими понятиями. Прилагательные *общественная, государственная, казённая, личная, собственная* актуализируют взаимосвязь противопоставленных понятий «общественное» – «личное». Причастие *приносимая* вносит нейтральную характеристику концепта «Польза», а местоимение *никакой* создаёт отрицательную семантику, констатирует отсутствие пользы. Прилагательные *величайшая, совершенная, истинная*, входя в языковое окружение существительного «польза», актуализируют сему 'благо'. Таким образом, в концепте «Польза» реализуется ценностная составляющая: в ИЯКМ А.П. Степанова концепт «польза» является тем феноменом, значимость которого очевидна в жизни общества и личности.

Синтаксические способы концептуализации концепта «Польза» проявляются, в частности, в следующих конструкциях: гл. + сущ. в Вин. п.; гл. + сущ. в Дат. п.; прил. + сущ. в Дат. п. В подавляющем числе контекстов лексема «польза» выступала в объектном значении. Только в двух контекстах имя поля «польза» имеет значение субъекта: *Не одна страсть к этой пище возбуждает в них столь сильное побуждение, но величайшая польза* [ЕГ I: 153] (т. е. величайшая польза рождает сильное побуждение); *собственная польза состояла в том, чтоб не ожесточать слишком неприятеля* [ЕГ II: 185].

Из 14 именных словосочетаний в десяти существительное «польза» является главным членом (*пользу отечеству* – употреблено 5 раз, *на пользу жителей, на пользу света, польза от казаков, к пользе ... части, по пользе в будущем*); в четырёх – зависимым (*искра пользы, сил для пользы, <при усердии> к пользе, заманчивость... по пользе*).

Из 23 глагольных словосочетаний наряду с частотным

(18 раз) беспредложным управлением, встречаются случаи предложного управления (5 раз): *приносящему пользе, доставляет пользе, доставили пользе, способствует пользе, взвешивая пользе, склоняется на пользе, признают пользе, согласовать к ... пользе, споспешествовать пользе, посвящали на пользе, пополнять пользой, споспешествуют пользе, служащими к пользе, заключают пользе, не ищите ... пользы, доставлять пользе* – употреблено 4 раза, *послужило ... к пользе, извлекают пользе, не заключает пользы, не повредила пользе*. Как зависимый компонент, слово «польза» встречается в частотных словосочетаниях глагольно-падежного управления.

Отмечается единичное сочетание предлога с существительным «польза» в дательном падеже: *поступить сообразно пользе*. Однократно проявляется связь лексемы «польза» с придаточным определительным: *Труды имеют заманчивость... по той пользе, которую приносят* [ЕГ I: 153]. Также однократно словосочетание *значительная по ... пользе*, где главное слово прилагательное, зависимое – существительное «польза». Синтагматические связи слова «польза» обусловлены нелингвистическими связями объектов реальной действительности. Именно они отражают содержание мысли в предложении. Связь слов в предложении также обусловлена лингвистическими закономерностями – смысловое согласование слов в предложении определяется наличием общих сем (компонентов) в значениях слов, составляющих предложение.

Фреймовая структура узла семантической сети «Польза» позволила выявить индивидуальное воплощение фрагмента концепта «Польза» в ИЯКМ А.П. Степанова. Особенности актуализации пользы в сочинениях енисейского губернатора отразим в схеме № 8 «Положительная форма практического (утилитарного) отражения мира в ИЯКМ языковой личности А.П. Степанова».

Схема № 8.

**Положительная форма практического (утилитарного)
отражения мира в ИЯКМ
языковой личности А.П. Степанова**

Особый интерес для исследования поля концепта представляют узлы семантической сети “Благо” и “Выгода”, в состав которых входит большее число языковых единиц, вербализующих концепт. В своём анализе мы учитывали особенности контекстуального употребления, которое позволяет определить, какая сема является актуальной для данной языковой единицы, какой признак концепта *нематериально выраженная польза* или *материально выраженная польза* реализует единица.

В очередной эксплицитно выраженный узел семантической сети “Благо” входят 2 лексемы «благо» (20 употреблений), «благоприобретённое» (1 употребление). Данный узел семантической сети, как и предыдущий, мы представляем средствами фреймовой системы.

Структура фрейма «Благо»

Количество слотов	11
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Нематериально выраженная польза</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Лексема «благо» и её синоним «добро» в значении 'идеально выраженная польза'. 2. Лексема «благо» в составе сложных слов. 3. Лексемы с процессуальной семой 'совершать действия, приносящие нематериальную пользу'. 4. Лексемы, имеющие сему 'такой, который имеет нематериальную пользу'. 5. Существительное «употребление» в значении 'использование чего-либо'.

В сочинениях А.П. Степанова лексема «благо» с семой 'идеально выраженная польза' входит в словосочетания, которые носят атрибутивный характер. Отмечаемые словосочетания имеют следующие значения:

а) атрибутивно-количественные (*общего блага*);

б) атрибутивно-объектные (*благо человека, благо самодержавия*);

в) атрибутивно-качественные (*возможного блага, благо необходимое, государственному благу* и др. см. в Приложении IV): *<...> самодержавное управление похоже на то, которым управляется вселенная. <...> люди, не могли никогда достигать возможного блага под законами демократии* [ПД II: 70];

г) атрибутивно-притяжательные (*собственное благо, о благе их, о благе общественном, о благе всех и каждого*): *император <...> печётся о благе всех и каждого; но сам ценный властитель, в полной мере сего слова, пользуется ли тою свободою, как государи Англии, Франции, Швеции? Ах! нет; все минуты жизни его посвящены быстрой деятельности, которая пылает как солнце* [ПД IV: 68]. В романе и очерках А.П. Степанова нередко идёт речь об императоре, который сам себе не принадлежит, живёт **на пользу** госу-

дарству и подданным, о благе самодержавия, которое составляет **пользу** для человечества и **вреде** демократии в лице нового строя во Франции. Ключевым в раскрытии семы 'идеально выраженная польза' является существительное «спокойствие» (*спокойствие есть благо* – сочетание рассмотрено ниже) и его дериват «спокойный» (*доставляет подданным все способы к спокойному существованию; люблю спокойный дух религии, спокойный дух самодержавия, спокойный дух народности*).

В анализируемых контекстах с лексемой «благо» представлены отношения предмета к предмету, выраженные родительным присубстантивным. Как известно, в родительном присубстантивном выделяют такое значение, как родительный принадлежности: *благо человека, благо самодержавия, для блага обывателей, состояние для блага: Губернское управление Енисейской губернии образовано для того, чтоб сблизить надзор и доставить жителям сего края скорейшее удовлетворение в их надобностях. Из сего выходит, что Красноярск, по своим бедным, недостаточным доходам, поставлен в страдательное состояние для блага обывателей Енисейской губернии* [ЕГ II: 118]. В этом контексте благо для жителей Енисейской губернии исходит от доходов Красноярска.

Значение родительного объекта выражено в словосочетании *выгоду для ... блага: Правда ли, что есть люди, которые делают зло не для того только, что увлекаются мщенем, не для того только, чтоб извлечь какую-нибудь выгоду для себя или для общаго блага* [ПД IV: 53]. В сочетании «извлечь ... выгоду ... для общаго блага» актуализирована сема 'достижение пользы для группы людей при условии единства материальных и духовных благ'.

Лексема «благо» в сочинениях А.П. Степанова вступает также в синтаксические объектные отношения (*желая блага,*

достигать блага, соответствовать благу, доставляет благо, обнимать благо, печётся о благе, твердят о благе, поставлен для блага и др. (контексты см. в Приложении IV).

Однократно лексема «благо» входит в предикативную основу и вступает в агентивные отношения: *спокойствие есть единственное благо человека* [ЕГ II: 110].

В сочинениях А.П. Степанова благо как особый вид пользы исходит от самодержца, царицы, от управленцев городом. Благо направлено на отдельную личность, на группу лиц, подданных и на самодержавную власть. По А.П. Степанову, благо самодержавия заключается в разумной деятельности на пользу обществу и власти. Благо выражается в таких разновидностях, как материальное благо и духовное благо. У А.П. Степанова эти проявления блага составляют единство. Эти мысли отражены в следующем фрагменте: *Представя себе всю площадь Государства Российского, <...> приходишь <...> в недоумение о возможности существовать подобной империи <...>. Кто все это содержит и хранит? <...> Но каким образом при сих разнообразных постановлениях существует возможность соблюдать гармонию управления? Одна только самодержавная власть <...>* [ЕГ II: 116].

В произведениях А.П. Степанова лексема «благо» часто встречается в составе сложных слов. Чаще – в формах со значением признака (*спрашивается у всех **благомыслящих** людей; лица, посвящающие себя торговле, пренебрегали **благоразумной** осторожностью; познакомились с **благородной** предприимчивостью, осталось после покойного мужа **благоприобретённое** имение* и др. (подробные контексты см. в Приложении IV).

Однократно корень благ- употребляется в составе существительного (*благосостояние*) и наречия (*благоразумно*): *Они (разряды – Н.Б.) установлены не по сословиям, исключая купечество, но по степени хозяйственного **благососто-***

яния [ЕГ: 150]; *манчелы уважают женщин и любят их более нежно и **благоразумно**, чем страстно, ибо их удовольствие и **выгоду** предпочитают своим* [ЕГ II: 155]. Синоним лексемы «благо» – слово «добро» – встречается один раз, когда А.П. Степанов рассуждает о моральных законах бродячих народностей: *признают <...> **добродетелью** ту **пользу**, которую человек приносит* [ЕГ II: 152].

Содержание слота “Нематериально выраженная польза” актуализировано в следующих глагольных лексемах, имеющих процессуальную сему (***пользуются** такою же древностью, **пользовались** учением жрецов, понятиями **пользуются** бродячие народы, **пользующееся** всеми средствами к достижению цели, **пользовался** явными почестями* и др. (подробные контексты см. в Приложении IV).

Содержание рассматриваемого слота реже выражается в лексемах, имеющих сему ‘такой, который имеет нематериальную пользу’ (*любовь к отечеству – вспышка весьма полезная; откровенность не всегда полезна; в религии находила полезное учреждение политических обществ* и др. (см. контексты, включающие данные выражения, в Приложении IV): *Я даже не могу согласиться, чтобы грамота могла быть **полезной** для преступников: познание здешнего мира не часто ли обращают во зло?* [ЕГ I: 64]. Кроме того, значение слота раскрывает существительное «употребление» в значении ‘использование чего-либо’: *науки сами по себе не имеют ничего вредного; а всё дело в образе их **употребления*** [ПД II: С.133].

Рассмотренная структура семантической сети с помощью фрейма “Благо” позволяет утверждать особую значимость пользы как блага в ИЯКМ А.П. Степанова.

Эксплицитно выраженный узел семантической сети “Выгода” также представляем средствами фрейма “Выгода”, который обладает двумя слотами “Материально выраженная выгода”, “Идеально выраженная выгода”.

Слот № 1 “*Материально выраженная выгода*” объединяет 14 лексем: «выгода» (18 употреблений), «полезный» (8 употреблений), «выгодный» (6 употреблений), «пользоваться» (11 употреблений), «употреблять» (12 употреблений), «пользуясь» (3 употребления), «употребя» (1 употребление), «прибыль» (10 употреблений), «прибыток» (5 употреблений), «избыток» (1 употребление), «прибылые» (1 употребление); «барыш» (4 употребления), «корысть» (2 употребления); «доход» в 23 употреблениях.

Структура фрейма “Выгода”

Количество слотов	2
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Материально выраженная выгода</i>	1. Денежно выраженная материальная выгода: а) от торгово-промышленной деятельности; б) от производственной и хозяйственной деятельности общества, человека. 2. Материальная польза, не выраженная в денежной форме.
Слот 2 <i>Идеально выраженная выгода</i>	Такой, который приносит или составляет духовную, моральную выгоду.

В сочинениях А.П. Степанова лексема «выгода» с семой ‘материально выраженная польза’ вступает в синтаксические объектные отношения, для которых характерно сильное управление:

а) контексты, в которых существительное «выгода» употребляется в форме вин. п. мн. ч (*доставляет выгоды, извлекал выгоды, узнать выгоды, выгоды каждого* и др. (конкретные контексты см. подробнее в Приложении IV);

б) контексты, в которых существительное «выгода» употребляется в форме вин. п. ед. ч (<*огороды*> *составляют выгоду, приносит <более> выгоды*).

В дискурсе А.П. Степанова лексема «выгода» в качестве

субъекта действия дважды входит в предикативную основу (*выгоды оболщали, выгода склоняется*): *Нельзя также думать, чтоб здешних язычников **оболщали** какие-нибудь выгоды: жители привыкли наблюдать большую терпимость и не оказывать ни преимущества христианам, ни презрения неверующим* [ЕГ II: 148].

У слота № 1 “*Материально выраженная выгода*” выявляются следующие значения:

а) денежно выраженная материальная польза (*пользуясь многочисленными средствами промышленности; пользуется достаточно избытком; закупщики пользуются слабостями; пользуется своими земскими повинностями; пользоваться пособием; пользоваться доходом; не должен пользоваться ничем; доставить выгоды торговле* и др. (контексты см. в Приложении IV);

б) материальная польза, не выраженная в деньгах: *пользуясь произведениями природы; пользуются проходом зверя; пользуется хлебопашеством; пользоваться мелкой дичью; полезнейшее домашнее животное; природа собрала всё полезное; травы полезные* и др. (контексты см. в Приложении IV).

Для большинства контекстов актуальной является дифференциальная сема ‘материально выраженная польза в денежной форме’: *приносит более выгод, доставить выгоды торговле, выгода склоняется, окидываю выгоду, всевозможные выгоды* и др. (контексты см. в Приложении IV).

Содержание рассматриваемого слота реализует не только группа дериватов имени концепта, но и синонимы глагола «пользоваться», а именно: глаголы «употреблять», «потреблять». Они имеют значения:

а) ‘польза, выраженная в денежной форме’ (*употребляется произведений для общих работ суммой на 5.175 рублей, употребить барыш на поправку дома, употребляют на по-*

купку нового товара, приличнее употреблять капитал денежный и др. (контексты см. в Приложении IV);

б) 'материальная польза, не выраженная в денежной форме' (употребляется крупа ячная; употребляются на своих заводах как работники; употребляют себя на дело; не употребляются под ярмо; употреблять поваренную соль с умеренностью и др. (контексты см. в Приложении IV).

К рассматриваемой группе лексем, имеющих общую сему 'материально выраженная польза', примыкают единицы (6 употреблений) с семой 'такой, который приносит или составляет материальную выгоду': *выгодное местоположение; положение не слишком выгодное; кирпич выгоднее для постройки; нет выгоднее крытых домов; выгодное супружество; два селения выгодны* и др.

В сочинениях А.П. Степанова прибыль отражает характер конкретных доходов производства или частного лица, поэтому для лексемы «прибыль» актуальными являются атрибутивные отношения с прилагательным «большая» (*большой прибыли*): <...> *Заводы, впрочем, не приносят большой прибыли ни мещанам, ни купцам, ибо от всех 29, которые находятся в городах Енисейской губернии, не очищается дохода более 3.000 рублей* [ЕГ I: 102].

Лексема «прибыль» дважды употреблена в словосочетании с местоимением «та» (*ту прибыль*): <...> *если бы татары и буряты Восточной Сибири, подобно киргизам и башкирам, любили собственных коней своих, а не ту прибыль, которую от них получают, то верно бы кони сии не уступили ни силой, ни быстротой, ни огнем, ни гордостью башкирским и киргизским, представляющим остаток породы древнемонгольской* [ЕГ I: 82].

Чаще лексемы «прибыль» и «прибыток» вступают в объектные отношения в составе беспредложного управления (*любили прибыль, определить прибыль, представить при-*

быль, не приносят прибыли, доставляя прибыли, принося прибыль <купцам>, определить прибыль, скрывать прибыль, платя <часть> прибыль) и др.: *Разумеется, что нет никакой возможности **определить прибыль** каждого лица* [ЕГ I: 101].

Лексемы «прибыль» и «избыток» однократно встречаются в составе предложного управления (*лежат на прибыли, <скудость> обратилась в избыток*): *Я не говорю уже о харче, содержаниях малолетних детей. Я полагаю даже, что как сии предметы, так вообще относительно до содержания всего дома, могут лежать на **прибыли**, получаемой от скотоводства, огородов и трудов женского пола...* [ЕГ I: 109]; *преступники, составляющие работников сей фабрики, страшные некогда проходящим караванам, обратились ныне в кротких фабричных людей, а угнетающая их скудость не только в совершенное довольство, но даже в самый **избыток*** [Пут.: 19].

В романе «Постоялый двор» А.П. Степанов также употребляет паремию *прибыль в убыток*: *Это значит ... **прибыль в убыток*** (о строительстве загона – Н.Б.) [ПД II: 92].

Сему ‘материально выраженная выгода’ содержит лексема «избыток», которая является синонимом лексемы «прибыток». В приведённом контексте существительное «избыток» зависит от деривата имени поля «пользоваться»: *Она (Енисейская губерния – Н.Б.) имеет вполне богатство положительное и **пользуется** достаточно **избытком** относительным* [ЕГ I: 109].

В анализируемой группе чаще представлены лексемы с предметным значением, только один раз реализована лексема, имеющая грамматическую сему ‘признак’ – «прибылые» в значении ‘те, которые приносят прибыль’: *выстроить можно прекрасное помещение для **прибылых** лошадей и коляски* [ПД II: 92].

В сочинениях А.П. Степанова сему 'материально выраженная выгода' актуализируют ключевые слова «торговля», «прикупить», «продать» и «доход».

Содержание слота № 1 отражает единицу с предметным значением – «барыш». Её синоним «нажива» и его дериваты не употребляются в сочинениях А.П. Степанова. Однако синоним «корысть» реализует сему 'нематериальная выгода' и его дериваты «корыстолюбивый», «корыстолюбива», «бескорыстный», «бескорыстная», «бескорыстнее» соотносятся с ЛСП «Моральные качества», которое обнаруживает связь с языковыми единицами ЛСП «Красота»: *Эта любовь (между родителями и детьми – Н.Б.) <...> менее чиста перед бескорыстным чувством дружбы, которое облагораживает людей и может единственно облагородить любовь между родителями и детьми* [ПД II: 187-188].

Лексема «барыш» в значении 'польза, коммерческая прибыль' реализована в глагольном управлении. В трёх употреблениях выражена дифференциальная сема 'честный барыш' (*получить барыш, иметь из барышей, употребля свой барыш*): *крестьянин <...> должен будет употребить (потратить – Н.Б.) за 37 работников <...> употребив (потратив – Н.Б.) на работников <...> – получит барыша 1 руб. 99 коп. Хлебопашец, выруча капитал свой, находится еще в необходимости из барышей, т. е. из 1 руб. 99 коп., иметь следующие расходы...<...> откуда возьмет он, употребля свой барыш, т. е. 1 руб. 99 коп., откуда возьмет на пополнение необходимого расхода для взноса государственных податей?* [ЕГ I: 108 – 109].

Сему 'честный барыш' формируют такие сочетания, как *выруча капитал свой, находится еще в необходимости ... возьмет на пополнение необходимого расхода для взноса государственных податей.*

В одном из контекстов, где употребляется лексема «ба-

рыш», актуализирована сема ‘нечестный барыш’, так как торговые отношения с иноземцами построены на невежестве и обмане (*возьмёт барыша*): *Здесь открывается большая разница между истинной добычей и продажей, но все это потому, что неверны показания как продавцов, так и покупателей.* <...> <...> *цена определительная только в первых руках, делается непостоянной в руках купечества. Я уверен, что купец туземный от черной лисицы мало возьмет **барыша*** [ЕГ I: 100]. Сема ‘нечестный барыш’ актуализирована в контексте сочетаниями *большая разница между истинной добычей и продажей; неверны показания, как продавцов, так и покупателей.* Во всех употреблениях реализация дифференциальных сем определяется в контексте.

Лексема «**доход**» (в слоте № 1) имеет значение ‘некоммерческая прибыль’ (дериваты лексемы не употребляются в сочинениях А.П. Степнова). В сочинениях А.П. Степнова доход получается от различной деятельности частного лица, от имения, от промышленности, доход или доходы могут принадлежать как крестьянам, так и всей губернии, приказу общественного призрения. Эти отношения определяют форму слова «доход» в предложении. Чаще всего лексема употребляется в форме родительного падежа единственного числа, однократно в форме множественного числа (*по результату дохода, по возвышенности доходов, для определения дохода, приносит дохода, имеет дохода, сличения дохода*) и др.: *Для удобнейшего сличения **дохода** от промышленности и **расхода** по разным обязанностям, помещаю то и другое вместе* [ЕГ I: 107].

Реже используется форма винительного падежа ед. ч. (однократно – форма мн. ч.) существительного «доход» (*приносит доход, извлекается доход, превышают доходы*): *Из сего выходит, что **расходы** превышают его* (хлебопашца – Н.Б.) **доходы** [ЕГ I: 110].

Три раза формы «доход / доходы» употреблялись с существительными в значении родительного принадлежности (*доход губернии, доходы губернии, доходы приказа*).

В ряде контекстов слово «доход» вступает в атрибутивные отношения, раскрывая следующие частные значения:

а) атрибутивно-качественные (*доходы определительные; постоянный доход; <неопределительные> случайные доходы, большие доходы*);

б) атрибутивно-количественные (*доходы все, все [доходы], доход 5584 рубли, доход в сто процентов*);

в) атрибутивно-притяжательные (*их доходов, его доходы, собственными доходами, с доходами дяди, с доходами <знаменитых> богачей* и др. (см. в Приложении IV).

В сочинениях А.П. Степанова форма множественного числа «доходы» два раза употреблялась в значении субъекта в предикативной основе (*доходы должны потребляться, доходы могли возрастать*): *Мне кажется, что **доходы** определительные постоянные и определительные, но в количестве непостоянные должны все **потребляться** на священный подвиг милосердия и быть масштабом содержания существующих заведений...* [ЕГ II: 130]. В приведённых выше контекстах актуализируется сема 'валовой доход'.

В произведениях А.П. Степанова встречаются контексты, в которых лексемы «доход», «приход» употребляются со своими антонимом «расход» (*баланс прихода и расхода, для определения прихода и расхода и чистого дохода, для сличения дохода и расхода, расходы превышают доходы*): *Из сего видно, что по восьмилетней сложности ежегодный **приход** состоит из 1.838.574 руб. 78 3/4 к., **расход** из 800.286 руб. 76 1/3 к.* [ЕГ II: 130].

Только в двух контекстах реализована сема 'чистый доход': *Заводы, впрочем, не приносят большой <...> не очищается **дохода** более 3.000 рублей* [ЕГ I: 102]; *Для точнейшего*

определения **прихода и расхода и чистого дохода** принимаю восьмилетнюю сложность... [ЕГ II: 130].

В ряде случаев трудно определить, какой признак концепта является ведущим в контексте. Бесспорно, что частотную группу составляют лексемы, вербализующие содержание слота “*Материально выраженная польза*”.

Для ЯЛ А.П. Степанова было характерно употребление слова «выгода» не только в значении ‘материально выраженная польза’, но и в значении ‘нечто душеполезное’. Это значение определило состав слота № 2 “*Идеально выраженная выгода*” (см. таблицу «Структура фрейма “Выгода”»), в который входят 7 лексем: «выгода» (5 употреблений), «употребление» (2 употребления), «полезный» (8 употреблений), «выгодный» (5 употреблений), «пользоваться» (7 употреблений), «пользуясь» (2 употребления), «выгодно» (2 употребления): *возвышеннее выгоды, извлечь выгоду для общего блага, истинных выгод, выгоду имела*: О! *Ежели бы вы знали, какую она **выгоду имела!*** <...> (Учитель – Н.Б.) *ставил главный план ученью, в котором существенной целью служила бессмертная истина. Он приступил к зданию на твёрдых основаниях религии; <...> науки сами по себе не имеют ничего вредного; а всё дело в образе их употребления* [ПД II: 133].

Ряд лексем (5 употреблений) составляют группу, имеющую общую сему ‘идеально выраженная выгода’ и дополнительную сему ‘такой, который приносит или составляет духовную, моральную выгоду’ (*придумал для себя повыгоднее, занимает выгодную позицию, выставляю выгодныя стороны дурнаго*): <...> *я придумал для себя **повыгоднее**: оставил хлопоты и суеты; пусть делают, что хотят!* [ПД II: 92-93].

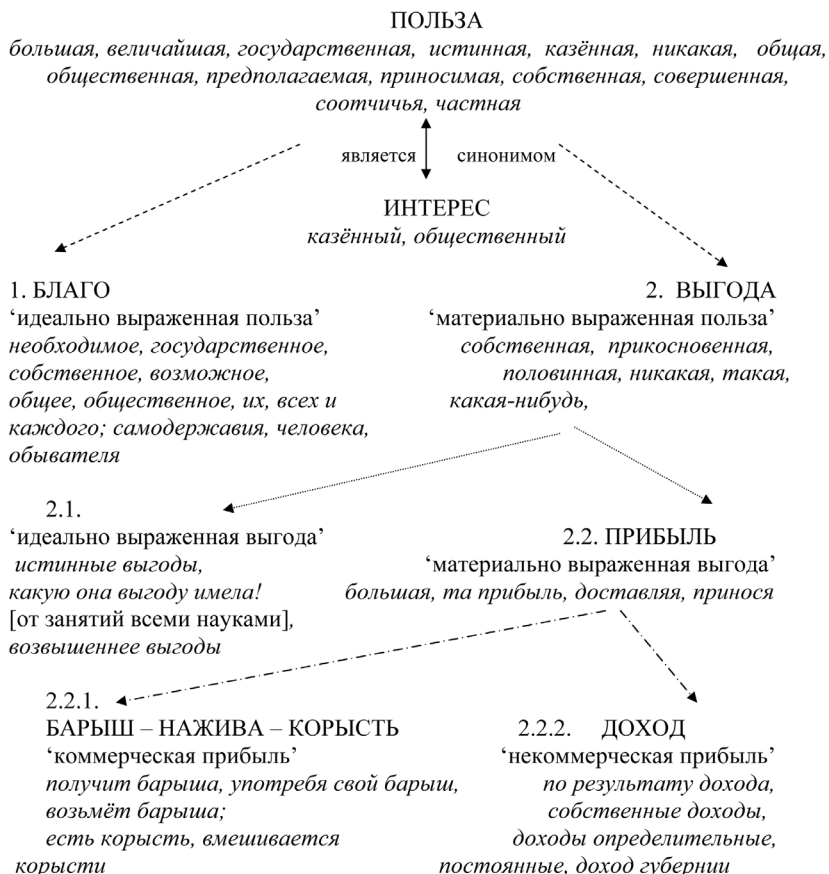
К группе рассматриваемых лексем примыкает наречие «выгодно», имеющее значение ‘обстоятельство, которое выгодно’ (*хороший отпечаток – выгодно, мнение о Париже не выгодно*): *На святках гадают <...> Падают спи-*

ною на снег: *хороший отпечаток – выгодно, не совсем – плохо* [ЕГ II: 180].

Отношения узлов (“Полезьа”, “Благо”, “Выгода”) семантической сети изобразим детальнее (схема № 9). Состав и структура данной сети обусловлена семантической иерархией языковых единиц в поле концепта «Полезьа».

Схема № 9.

Отношения узлов семантической сети поля концепта «Полезьа»

Завершая рассмотрение эксплицитного способа вербализации концепта, остановимся на узле семантической сети “Вред”, также представив его с помощью фрейма “Вред”. Его структуру составляют языковые единицы, семантика которых отражает отрицательную форму практического (утилитарного) освоения мира. К таким единицам относятся: антоним имени поля – существительное «вред» (3 употребления), его синонимы – существительные «ущерб» (2 употребления), «расход» (5 употреблений), «убыток» (2 употребления), «потеря» (1 употребление), прилагательные «вредный» (7 употреблений), «вредоносный» (1 употребление), глаголы «вредить» (2 употребления), «повредить» (1 употребление), «погубить» (1 употребление), «вредно» (3 употребления).

Структура фрейма “Вред”

Количество слотов	3
Имена слотов	Содержание слотов
Слот 1. <i>Материально и идеально выраженный вред</i>	1. Вред, исходящий от группы лиц для граждан и государства. 2. Вред от самовластия воевод для государства.
Слот 2. <i>Материально выраженный вред</i>	1. То, что включает в себе материально выраженный вред (вред от несбалансированности цен на хлеб для казны, общества и государства). 2. Такой, который имеет материально выраженный вред. 3. Делать то, что приносит материально выраженный вред. 4. Признак признака или признак действия, который включает в себе материальный вред.
Слот 3. <i>Идеально выраженный вред</i>	1. Отрицательный результат, исходящий от низких моральных качеств личности для других людей. 2. Такой, который имеет морально и духовно выраженный вред.

Фрейм “Вред” имеет слот № 1 “*Материально и идеально выраженный вред*”, содержание которого определя-

ет одно из значений ‘вред, исходящий от группы лиц для граждан игосударства’. Чаще всего негативные действия заданы системой управления и направлены на простых граждан. Злоупотребления, которые испытывают на себе крестьяне, татары и другие жители Сибири, оцениваются А.П. Степановым как важный общественный или важный государственный вред.

По мнению енисейского губернатора, вред исходит от красноярского купечества, которое закабалило крестьян и татар. А.П. Степанов не видит явного вреда в закрытии ярмарки, в свободной коммерции иногородних крестьян. Енисейский губернатор справедливо признаёт вредом закабаление людей, такой результат действий является отрицательным и для государства, так как в основе кабалы лежит незаконность (*причина заключала в себе вред*). По А.П. Степанову, что незаконно, то не может быть полезно. Поэтому не подкреплённые документально государством задолженности были уничтожены: *Красноярское купечество полагает свой упадок, во-первых, от уничтожения Енисейской ярмарки, во-вторых, от уничтожения кабалы, через которую порабощали себе татар и крестьян и, наконец, в-третьих, свободной коммерции иногородних крестьян на праве купцов. <...> но спрашивается у всех благомыслящих людей: можно ли пенять на дурные успехи последствий, ежели самая причина заключала в себе **вред**? Спрашивается у торгового человека с высшим образованием: может ли **правильная** коммерция допустить, чтоб основанием ее была незаконность? И чтобы лица, посвящающие себя торговле, пренебрегали **благоразумной осторожностью**?* [ЕГ I: 113].

Самовластие воевод в период завоевания Сибири также расценивается А.П. Степановым как вред для государства: *Воеводы эти были самовластные. Ссорились между собой за орды завоеванные: каждый приписывал победы себе,*

чтобы иметь право собирать дани и пользоваться при сборе. <...> они попускались правительством, может быть, от того, что в самовластии одного воеводы в странах отдаленных предполагалось не только сильнейшее злоупотребление, но и важный государственный вред [ЕГ II: 185].

Содержание слота № 2 “*Материально выраженный вред*” составляет значение ‘то, что включает в себе материально выраженный вред’. Отрицательный результат исходит от несбалансированности цен на хлеб с ценами на другие товары. Это обстоятельство разрушает капиталы крестьян, которые не могут реализовать свои «необходимые потребности», а, следовательно, по справедливому мнению А.П. Степанова, не могут быть полезны для казны и для общества.

Средствами концептуализации слова «вред» являются прилагательные «общественный», «важный», «государственный». Семантика слова также определяется более широким контекстом, в котором проясняется сущность вреда: *откуда возьмет он (хлебопашец – Н.Б.), <...> для взноса государственных податей? <...> подати легли уже на капитале крестьян. **Важный общественный вред!** которому, кажется, не иначе можно пособить, как через приведение в равновесие цены на хлеб и **необходимых потребностей** хлебопашца, <...> чтобы поселянин имел возможность **существовать для общества и казны*** [ЕГ I: 108-110].

Так, в последнем контексте истоки вреда находятся в ценах на хлеб и огромных расходах крестьянина. Своё отношение к такой несправедливости А.П. Степанов выражает средствами анафоры, риторического вопроса. Эти средства подготавливают риторическое восклицание с антонимом имени концепта. Выразив своё отношение к проблеме, А.П. Степанов предлагает вариант её решения: соблюдать единство личного, общественного и казённого интереса для того, *чтобы поселянин имел возможность существовать для общества и казны*. Подобные мысли уже находи-

ли своё выражение в произведениях А.П. Степанова (см. суперфрейм “Польза”).

В сочинениях А.П. Степанова встречается ряд синонимичных лексем для антонима «вред»: «ущерб» (*зло состоит в ущербе для казны, что предполагает ущерб*), «расход» (для сличения расхода, баланс расхода, пополнение необходимого расхода, [ежегодный] расход [состоит], [казна] употребляет половину [денег] на расходы), «убыток» (*прибыль в убыток, всё это сопряжено с убытком*), «потеря» (*выпускают из виду важнейшую потерю*). Подавляющее число названных лексем реализуют сему ‘материально выраженный вред’: *Воровство наказывается или телесно, или пенею, вообще все то, что предполагает ущерб, влечет за собою пеню* [ЕГ II: 170]; (казна – Н.Б.) *употребляет половину на расходы* [ЕГ II: 193]; ... *всё это* (материальная помощь молодой паре крестьян – Н.Б.) *сопряжено с убытком* [ПД IV: 155] и др. Только в одном контексте реализуется две семы ‘нематериально выраженный вред’ и ‘материально выраженный вред’: *Такая хозяйственность* (трата казны на расходы и рост личной выгоды граждан – Н.Б.) *не может не удивлять мелочных счетчиков, подобных тем, которые <...> выпускают между тем из виду важнейшую потерю* [ЕГ II: 194].

Часто в контекстах с лексемами, имеющими сему ‘материально выраженный вред’, употребляется существительное «зло» или корень «зло-» в составе сложных слов: *Одно только зло состоит в ущербе казны, ибо содержание в тюрьме беглецов и их пересылка лежат на ее суммах, но это зло есть уже необходимое, каких много в свете, это зло по хозяйственной части.* [ЕГ II: 122]; *Разумеется, правительство сделало все, что можно для предупреждения зла <...> злоупотребление торговли столь же вредно для государства, как и ее стеснение* [ЕГ I: 112-113].

Значение слота ‘такой, который имеет материально вы-

раженный вред' чаще реализует прилагательное «вредный»: <...> *Нет другого средства избавиться от сей **вредной** неприятности* (песчаной бури – Н.Б.), *как переселяться к подножию горы Афонтовой* [ЕГ I: 60].

Значение 'делать то, что приносит материальный вред' представлено в глаголе «вредить»: *Болезнь <...> есть общая всему скоту по обстоятельствам, которые **вредят** каждому* [ЕГ I: 81]; *умственные занятия более **вредят** составу физическому* [ПД II: 209]; *может быть неудовольствие и **повредишь** делу* [ПД IV: 31].

Последним значением слота № 2 является 'признак действия или признак признака, который включает в себе материальный вред': ***Вредно...** намочить ноги; **вредно** высушить на них обувь* [ПД IV: 233] и др.

Содержание слота № 3 "*Идеально выраженный вред*" вербализовано лексемами «вред» и «вредоносный». В сочинениях А.П. Степанова антоним имени выражается эксплицитно в лексеме «вред» в тех случаях, когда отрицательный, нежелательный результат исходит от низких моральных качеств личности (надменности и хвастовства): *нет ничего хуже невежества, когда человек не сознаётся в нём. В таком случае всеми поступками его руководствуют надменность и хвастовство, которые дают ему толчки на пути и заставляют иногда толкать других, **наносить вред** и обвинять их же в вине своей* [ПД II: 69]. Значение 'такой, который имеет морально или духовно выраженный вред' также отражает содержание слота № 3: *...староста не очень аккуратный человек; можно сказать **вредоносный*** [ПД IV: 158 и др.].

Особенности вербализации понятия, противоположного пользе, отражено в схеме № 10 «Отрицательная форма практического (утилитарного) отражения мира в ИЯКМ языковой личности А.П. Степанова».

Схема № 10.

**Отрицательная форма практического (утилитарного)
отражения мира в ИЯКМ
языковой личности А.П. Степанова**

В сочинениях А.П. Степанова концепт «Польза» имеет как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Почти в 50 контекстах семантика концепта выражена имплицитно (контексты см. в Приложении IV). В связи с этим применительно к нашему исследованию можно говорить о текстовой ситуации утилитарного оценивания. Это происходит тогда, когда содержание концепта «Польза» как утилитарной ценности выражено в тексте смутно и формально не представлено лексемой «польза», её синонимом или гипонимами. Имплицитно выраженные смыслы заключены в узел семантической сети **“Языковые единицы, создающие текстовую ситуацию утилитарного оценивания”**. Такие языковые единицы выявляются из конкретного контекста, они являются опосредованно связанными с концептом «Польза»: *Сбыт приобретений, получаемых от всяких отраслей промышленности, есть результат народного богатства. Приступаю к извлечению общего итога всей суммы <...> от промышленности Енисейской губернии, продолжая иметь в виду, по необходимости, официальные сведения* [ЕГ II: 99]. В приведённом контексте

лаконично выражена мысль о единстве пользы государственной и народной, о пользе для народа и о благе народа, которое создаётся государством, регулирующим экономическое развитие. Актуализаторами имплицитного выражения концепта в этом контексте являются такие языковые единицы, как *сбыт приобретений, промышленность, народное богатство*.

В рамках одного контекста могут сталкиваться разные значения, даже одна конкретная реализация концепта может быть полисемантична, мерцать смыслами, так что уловить доминирующее значение очень трудно. В связи с чем считаем справедливым утверждение Г.Н. Ивановой-Лукьяновой о создаваемой автором текстовой ситуации, в которой объединяются явные и скрытые представления о семантике слова, где все значения полисеманта выявляются друг через друга [Иванова-Лукьянова, 2003: 114]. Поэтому, исследуя ценностный концепт «Польза» в ИЯКМ личности, позволяющий выявить особенности мировоззрения А.П. Степанова, не всегда можно чётко и однозначно определить семантику его имплицитной реализации. Значение языковых объектов, актуализирующих концепт, могут быть зыбкими и неопределёнными. Основное значение может затемняться дифференциальными: *одна только правильная торговля может возвысить и капитал, и собственное достоинство* (о преобразованиях купечества – Н.Б.) [ЕГ II: 106]. В этом контексте имплицитное выражение концепта связано с лексемами «торговля», «возвысить», «капитал», которые актуализируют сему 'прибыль'. Однако контекст отражает афористичность высказывания о пользе личной и общественной, которая, если будет осознана купечеством, может способствовать общественному благу. Таким образом, значимыми становятся дифференциальные семы 'благо' и 'польза'.

Нередко имплицитное выражение концепта связано с актуализацией сем 'материальная выгода' и 'вред': *Никаких особенных средств к размножению, заводские лошади*

истощаются. Может быть, приобретение жеребцов другой породы могло бы улучшить табуны татарские, может быть, – но к чему это? В таком случае переменится совершенно порода удалых коней монгольских, а ее надобно поддерживать, возвысить, что и действительно исполнилось бы при лучшей внимательности татар к образу размножения, в который должны входить большая разборчивость и постоянное наблюдение, как водится у арапов [ЕГ II: 82]. В этом контексте материальная выгода от деятельности рачительного хозяина проявляется в таких языковых средствах, улучшить, надобно поддерживать, возвысить, лучшей внимательности, большая разборчивость, постоянное наблюдение. Вред от невнимательности и безразличия в разведении, точнее поддержании достойного образа жизни лошадей, связан с сочетаниями никаких особенных средств к размножению, переменится совершенно порода, лошади истощаются.

Обратимся к имплицитному способу выражения концепта, рассмотрев узел семантической сети “**Смежные концепты**”. Данный узел включает в себя контексты, в которых осуществляется связь концептов «Польза» и «Красота»; «Польза» и «Закон», «Самодержавие». Концепт «Польза» связывается с концептами «Закон» и «Самодержавие» в тех контекстах, где однократно употреблены единицы с приставкой бес- и частицей «не», местоимением «ничего» (*не слишком выгодное, не вредное, не имеют ничего вредного, бесполезным останавливаться на предположениях*): <...> *мы постигаем, однако же, что существует закон, которым управляется всё в правильном, строгом, непоколебимом порядке; <...> находится существо, которое управляет всем одно, законодательно и исполнительно; и потому одно, что бытие двух равносильных с творческим свойством было бы вовсе бесполезно; и потому одно, что в двух равносильных предполагается уже могущество сильнейшего* [ПД II: 70].

Для нашего анализа особенно важна сочетаемость лек-

сем «польза» и «красота». Связь этих лексем прослеживается в работе В.А. Матвиенко. Автор отмечает, что лексем «польза» и «красота» встречаются в сочинительной конструкции. По замечанию В.А. Матвиенко, семантическое равноправие лексем в контексте уточнено указанием «причинной зависимости: Божье творение красиво по причине целесообразности и пользы», т. е. «красота и польза как ценности сопоставляются», однако «польза ставится выше красоты» [ЛАЯ, 2004: 75].

В сочинениях А.П. Степанова также встречаются контексты, в которых осуществляется связь концептов «Польза» и «Красота»: *на фабрике всё полезное соединяется с прекрасным* [Пут.: 19]; *План Красноярска утверждён Государем Императором в 1828 году со многими изменениями против проекта, служащими преимущественно к пользе и красоте города* [ЕГ II: 57-58]; *Все заключает в себе не изобилие, не блеск, но пользу и приятность для глаз. Красноярск обязан сим деятельному и благородному председателю губернского правления* [ЕГ II, 1835: 61].

Такие положительные результаты труда полезны (т. е. составляют благо, имеют материально и идеально выраженную пользу) и внешне приятны для глаз. Для А.П.Степанова красота и польза являются ценностями, сопоставление которых выражено в сочинительных конструкциях (*польза и красота, польза и приятность*). Данная синтагматическая особенность является показателем того, что красота не первостепенна, но равноправна по значимости пользе. В приведённых контекстах дополнительными средствами актуализации концептов являются словосочетания *превосходный чертеж, помещения чрезвычайно удобные, всё украшено обсадами*.

Приведённые контексты подтверждают, что для А.П. Степанова деятельность человека, направленная на преобразование повседневной жизни по законам красоты, так же важна, как полезная деятельность на благо государства и его подданных.

Выводы по 1 главе

Система концептов в ИЯКМ представляет собой множество взаимосвязанных концептов, находящихся в определённых отношениях. На формирование ИЯКМ личности А.П. Степанова повлияли такие факторы, как социальный статус, возраст, профессия / род занятий, пол, национальность ИЯКМ А.П. Степанова является итогом этапа познания, она представляет лаконичное, концентрированное выражение сущности мира в различных формах его отражения. Сущность напрямую не выражается в чувственно воспринимаемых формах, а выражается в понятиях через их общие признаки, в идеях и концепциях через систему взглядов.

По частотности употребления вербализованных единиц в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова преобладают концепты «Красота» и «Польза», что послужило одним из поводов остановиться на них подробно. Исследование концепта в концептосфере ЯЛ выводит анализ на уровень воссоздания ИЯКМ личности. Очерчивая рамки мира, человек извлекает знания из базы правил (т. е. из области памяти). Получая знания, человек постигает их смысл благодаря окружающей среде. Несомненно, что активность влияния среды, её сфера действия обусловлены (определяются) широтой интересов человека, объёмом уже имеющихся знаний личности. Получение и накопление знаний связано с потребностью личности к познанию мира.

Для установления и обоснования связи концептов «Красота» и «Польза» были определены логико-методологические основы категорий «красота» и «польза», то есть выявлена их сущность, найдено общее родовое понятие – «ценность». Для личности енисейского губернатора фрагменты концептосферы, которыми признаны концепты «Красота» и «Польза», являются ценностными, культурными доминантами. Установленные по энциклопедическим

источникам, философским словарям и справочникам связи интересующих нас понятий учтены в анализе ЛСП «Красота» и «Полезьа» в русском языке XIX в. Данные ЛСП послужили основой для анализа вербализации концептов «Красота» и «Полезьа» в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова. На материале сочинений А.П. Степанова установлены поля исследуемых концептов и сопоставлены с ЛСП в русском языке XIX в. В поле концептов в ИЯКМ ЯЛ узлами являются «Красота», «Красота внутреннего мира человека, его морального облика», «Внешняя красота явлений действительности, внешняя красота человека», «Красота искусства и творческой деятельности личности», «Безобразиe»; «Полезьа», «Благо», «Выгода», «Вред». В содержание узлов включены выявленные в лингвистических словарях языковые единицы, которые находят своё отражение в сочинениях А.П. Степанова.

Для А.П. Степанова эстетически значимым было гармоническое единство внутренней и внешней красоты человека и природы, о чём свидетельствует состав поля концепта «Красота». Для него как представителя русского этноса характерна приоритетность духовной красоты человека. В его эстетической оценке главенствуют духовные ценности над материальными, что проявляется в противопоставлении красоты внешней и внутренней, внешнего уродства и внутреннего безобразия. В процессе работы установлено, что эстетическое восприятие А.П. Степанова свободно от утилитарной направленности. В дискурсе А.П. Степанова преобладают контексты, в которых раскрывается чувственно воспринимаемая красота мира. Чаще встречаются примеры, где раскрывается моральная нечистоплотность, при этом отмечается внешняя привлекательность человека. Примеров, в которых выявляются душевное богатство и внешняя неприглядность, гораздо меньше. Однако в дискурсе А.П. Степанова чаще всего отмечаются контексты,

где подчёркивается единство внешней и внутренней красоты человека. В ИЯКМ А.П. Степанова концепт «Красота» репрезентирован преобладающими формами прилагательного (53 %), существительного (28 %), наречия (19 %) и глагола (2 %).

Анализ концепта «Польза» в ЯКМ языковой личности показал, что в реализации утилитарной ценности «польза» и её противоположности всегда содержатся указания на то, для кого / чего и при каких обстоятельствах нечто является вредным / полезным. В репрезентации концепта преобладают прилагательные (41 %), часто используются существительные (34 %), реже встречаются глаголы (18 %) и наречия (7 %). Настоящий языковой материал через контекст актуализирует понятийную составляющую ценностного концепта «Польза» и указывает, что польза способствует реализации общечеловеческих, государственных, групповых, региональных или личных интересов. Анализ контекстов с языковыми единицами, вербализующими концепт, позволяет утверждать, что польза вызывает у человека, группы лиц, правительства удовлетворение от деятельности, она стимулирует созидательную и познавательную деятельность личности, общества, государства на благо края, социальной группы, на благо природы или человека. В сочинениях А.П. Степанова вредом признано то, что подавляет личность, интересы целого общественного слоя людей, граждан, живущих в определённой местности. Угнетение жизни подданных в государстве расценивается А.П. Степановым как неудовлетворительная деятельность органов управления, злоупотребления власти на местах. В этом он видит важный государственный вред, который мешает реализации общественных и государственных интересов. Вред подрывает созидательную деятельность, свидетельствует об отсутствии у людей любви к своей отчизне.

ГЛАВА 2.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.П. СТЕПАНОВА

2.1 Понятие «прецедентный текст» в аспекте теории языковой личности

Понятия «прецедентный текст» (далее – ПТ) рассматривается в работах таких ученых, как Ю.Н. Караулов; Е.В. Иванцова; Ю.А. Сорокин, И.М. Михалёва; В.Д. Лютикова; Ю.Е. Прохоров; В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова; А.Е. Супрун и др.

Введённое Ю.Н. Карауловым понятие прецедентного текста явилось предметом научной дискуссии, которая состоялась в 1989 году в Институте русского языка РАН [Феномен, 1998: 27]. С этого времени появляется серия лингвистических работ, в которых рассматривается проблема прецедентности. В середине 90-х годов XX в. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова [1999 и др.] вводят понятие «прецедентное высказывание», осмысление которого будет продолжено Д.Б. Гудковым [1999] и Ю.Е. Прохоровым [2004]. Особая роль в современной трактовке прецедентных текстов и прецедентности должна быть отведена исследованиям Д.Б. Гудкова и Ю.Е. Прохорова [Гудков, 1996, 1999; Прохоров, 2004 и др.]. В 1996 году Д.Б. Гудков включает в научный оборот понятие прецедентного имени, а Ю.Е. Прохоров – прецедентного прагморелекса. Особое значение в истории изучения прецедентности

имеют работы В.В. Красных [2003 и др.], в которых были введены понятия прецедентного феномена и прецедентной ситуации.

В современной лингвистике понятие «прецедентный текст» и категория «прецедентность» соотносятся как частное и общее. Прецедентность – трудно определяемое в широкое понятие. Попытки его определения были сделаны в работе Д.Б. Гудкова: «прецедентность – это такая специфика отношений, когда за А однозначно следует Б», «последовательность развёртывания текста», «нечто существовавшее и / или существующее в реальности» [Гудков, 1999: 58]. В докторской диссертации И.В. Крюковой «Рекламное имя: от изобретения до прецедентности» прецедентность рекламного имени складывается из таких признаков, как частотность употребления, обращение к прецедентной ситуации, к рекламным текстам. Категория «прецедентность» вводится в научный оборот через аксиоматическое определение, без указания родовых и видовых признаков, но с помощью указания свойств, уровней. Среди свойств выделяются воспроизводимость образцовых фактов, значимость таких фактов для общества. Категория «прецедентность» является общей для всех проявлений прецедентов. К ним относятся «образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленные в речи определёнными *вербальными* (курсив. – Н.Б.) сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создаётся заново, но воспроизводится» [Гудков, 1999: 27]. Данное расширенное понимание прецедентов позволяет выделить в них такие единицы, как (1) языковые клише и штампы разного уровня, (2) стереотипы, (3) фрейм-структуры, (4) прецедентные феномены (особая группа прецедентов) [Гудков, 1999; Красных, 2003 и др.].

Учёные выделяют несколько уровней прецедентности: 1) индивидуальный уровень прецедентности (автоуровень);

2) социумный уровень прецедентности; 3) национальный уровень прецедентности; 4) универсальный уровень прецедентности [Гудков, 1999; Прохоров, 2004 и др.]. Уровни прецедентности обусловлены разными уровнями сознания личности, среди которых уровень проявления сознания личности как индивидуума; как члена определённого социума (семейного, конфессионального, профессионального и др.); как члена национально-культурного сообщества; как члена человеческого рода. В результате выделенных уровней сознания можно заключить, что:

1) уровню проявления сознания личности как индивидуума соответствует индивидуальный уровень прецедентности (автоуровень);

2) уровню сознания личности как члена определённого социума соответствует социумный уровень прецедентности;

3) уровню сознания личности как члена национально-культурного сообщества – национальный уровень прецедентности;

4) уровню сознания личности как члена человеческого рода – универсальный уровень прецедентности.

Среди прецедентных феноменов выделяют такие виды, как автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные. Данные виды прецедентных феноменов соотносимы с типами коммуникативных пространств, представленными в монографии Ю.Е. Прохорова (планетарное коммуникативное пространство, социумное коммуникативное пространство, национально-культурное коммуникативное пространство, корпоративное коммуникативное пространство, личностное коммуникативное пространство) [Прохоров, 2004: 134-143]. Уникальность прецедентных феноменов заключается в том, что они образуют вербальную и вербализуемую группу феноменов, которые соотносятся с национальным уровнем пре-

цедентности. Учёные, входящие в группу «Текст и коммуникация» (Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных), рассматривают прецедентные феномены, которые относятся только к национальному уровню прецедентности. К таким прецедентным феноменам относят прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя.

В концепции Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных под прецедентным текстом (далее – ПТ) одним из вербализуемых феноменов понимают «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Гудков, 1999: 28; Красных, 2003: 172]. В.В. Красных отмечает, что ПТ редко запоминаются целиком (исключения составляют детские стишки, анекдоты, тексты песен, рекламы). Чаще всего ПТ хранятся в когнитивной базе в виде инварианта своего восприятия в сжатой форме. Воспроизведение ПТ возможно описательно или через апелляцию к прецедентным высказываниям (далее – ПВ), прецедентным именам (далее – ПИ) [Красных, 2003: 190].

Кроме ПТ, к сложному знаку относят и ПВ, которое, будучи так же, как и прецедентный текст, законченной единицей, может быть, а может и не быть предикативной. Если к числу ПТ в этой классификации принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы и т.п., то к числу ПВ отнесены пословицы, цитаты в виде фрагментов текста, названия произведения и высказывания (высказываний) из текста. (Ср.: В.Я. Шабес выделяет среди ПВ социальные, коллективные, индивидуальные [Шабес, 1989]).

При определении прецедентной ситуации (далее – ПС) как некой «эталонной», «идеальной» ситуации с имеющимися коннотациями, исследователи приводят в качестве при-

мера ситуацию предательства Иудой Христа, где поцелуй Иуды, 30 сребреников являются символами ПС, а имя Иуды – именем-символом. ПС, как и ПТ, составляет группу прецедентных феноменов, поддающихся вербализации.

Последнее понятие в рассматриваемой типологии – прецедентное имя. Данный прецедентный феномен представлен именем собственным, которое своим происхождением обязано известному тексту или ситуации. В этом смысле отмеченное в ПС имя Иуды является ПИ. ПВ и ПИ отнесены в группу вербальных прецедентных феноменов. Как видим, границы между прецедентными феноменами не являются непроходимыми, они признаются зыбкими, создавая возможность в реальной речевой практике одному прецедентному феномену перетекать в другой, последующему актуализироваться благодаря предшествующему [Гудков, 1999; Красных, 2003]. «Обращение к прецедентному тексту и прецедентной ситуации происходит, как правило, через их символы, в роли которых обычно выступают прецедентное высказывание и прецедентное имя, – заключает Д.Б. Гудков, – а сами прецедентный текст и прецедентная ситуация являются феноменами скорее собственно когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранятся в сознании носителей языка в виде инвариантов восприятия» [Гудков, 1999: 29].

Современная концепция прецедентных феноменов, развиваемая в трудах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных, обусловлена идеями Ю.Н. Караулова, который понимал под ПТ такие тексты, которые, во-первых, значимы «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении», во-вторых, такие, которые имеют «сверхличностный характер, то есть хорошо известны широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников»; и, в-третьих, такие тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной язы-

ковой личности» [Караулов, 1987: 216]. По замечанию В.В. Красных, модификация данного определения Ю.Н. Караулова позволяет отнести к прецедентным феноменам такие, которые хорошо известны «всем представителям национально-лингво-культурного сообщества»; актуальны «в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане» и постоянно возобновляемы «в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных, 2003: 170].

Несмотря на обилие работ по проблеме прецедентности, многие вопросы всё ещё остаются дискуссионными. К числу наиболее актуальных относятся:

1) проблема соотносимости понятия прецедента и прецедентного текста, синонимичности терминов «прецедент», «прецедентный текст», «прецедентный знак»;

2) проблема статуса невербальных явлений в теории прецедентности; правомерность широкого понимания прецедентного текста;

3) проблема источников исследования прецедентных феноменов (признают ли в качестве источников прецедентных текстов только художественную литературу или относят профессиональную литературу, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения и т.д.);

4) проблема правомерности отнесения ПИ, ПВ к прецедентным феноменам, вводящим прецедентные тексты и / или ситуации;

5) проблема критериев, положенных в основу типологии прецедентных текстов.

Для рассмотрения намеченных проблем введём необходимые дефиниции терминов.

1. Проблема соотносимости понятия прецедента и прецедентного текста, синонимичности терминов «прецедент», «прецедентный текст», «прецедентный знак».

У термина «текст» существует достаточно много определений. Полисемантичесность термина обусловлена тем, что феномен текста рассматривают с разных позиций: а) лингвистических (синтаксических, семантических, стилистических) [Гальперин, 1981; Горшков, 2001; Кайда, 2004; Лингвистика, 1978; Лингвистика, 1981; Лингвистика, 1987; Лингвистические, 1989; Лингвистические, 1991; Москальская, 1981; Николаева, 2003; Одинцов, 2004; Солганик, 2003; Тураева, 1986 и др.];

б) психолингвистических [Белянин, 1988; Выготский, 1986; Гальперин, 1981, 2004; Дридзе, 1976 а, 1976 б; Жинкин, 1958, 1982; Зимняя, 1979; Леонтьев, 1959, 1979; Лурия, 1998; Общение, 1989; Сорокин, 1979, 1988 и др.];

в) коммуникативно-стилистических [Анисимова, 1988; Болотнова, 1992; Жеребков, 1985; Каменская, 1990; Сидоров, 1986, 1987 и др.];

г) культурологических, этносемантических, аксиологических и эстетических [Бахтин, 1979; Лотман, 1992 и др.];

д) семиотических [Барт, 1994; Зарецкая, 2001; Красных, 1998; Лотман, 1970, 1994; Успенский, 2000 и др.].

Если исходить из того, что текст есть любая форма коммуникации, любая «осмысленная последовательность знаковых единиц, основным свойством которой являются связность и цельность», то обряд, танец, ритуал, музыкальное произведение, географическую карту, произведение театрального и изобразительного искусства, радио-, кино-, телеинформацию также можно признать текстом [Хализев, 2000: 408-409; Зарецкая, 2001: 299]. Итак, текст есть сложное явление процесса коммуникации. Он принадлежит как языковой, так и внеязыковой реальности, которая отражает индивидуальный мир языковой личности, жизнь отдельных культур и исторических эпох.

В настоящем исследовании мы придерживаемся ком-

плексного подхода к тексту. Учитываются следующие аспекты: семиотический (отграниченность текста, семантическая организация, существование в дискурсе, структурность, выраженность языковыми знаками); этносемантический и культурологический (текст как средство передачи информации, результат познания личностью действительности); психолингвистический (текст как феномен речевой деятельности, способ отражения действительности); лингвотекстологический (текст как структурно-семантическое единство, обладающее завершённостью, жанровой и стилевой разновидностью; целенаправленностью и прагматической установкой); коммуникативно-стилистический («текст как продукт», «имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность»).

Несомненно, что понятие прецедентного текста включает в себя характеристики собственно текста и прецедента. Как отмечено в ряде источников, «прецедент» (от лат. *praecedens*, род. п. *praecedentis* – предшествующий) – «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [СЭС, 1990: 1068; СЛО, 1999: 586].

Прецедент трактуется как эталонное явление, которое служит своеобразным ориентиром, маяком, давая возможность личности опираться на известный пример, факт и воспроизводить его в своей деятельности, в том числе и речевой. Такое значение прецедента реализовано в кандидатской диссертации А.А. Евтюгиной. Она достаточно широко трактует понятие «текст» и «прецедентный текст» (от интонации до имени собственного). А.А. Евтюгина выделяет такие виды прецедентов, как: 1) имя персонажа литературно-художественного произведения, мифологического персонажа, героя фольклора, имя учёного; 2) имя автора произведения искусства или литературы; 3) название литературно-

художественного произведения; 4) цитату из вербального текста; 5) крылатое выражение [Евтюгина, 1995: 5]. Заметим, что отмеченные в работе А.А. Евтюгиной прецеденты названы Ю.Н. Карауловым способами ввода прецедентного текста, знаками, вводящими прецедентный текст, но не самими прецедентными текстами [Караулов, 1987: 218, 221]. Обзор исследований показывает, что прецедент и прецедентный текст – это феномены разного уровня соотносимые как общее и частное. Прецедент – это эталонное явление, которое служит ориентиром, даёт возможность личности, опираясь на известный факт, воспроизводить его в своей деятельности. Прецедентный текст – это такой значимый и неоднократно воспроизводимый текст, обращение к которому отражает мировоззрение личности и позволяет определить её прагматические установки.

В работе А.А. Евтюгиной термин «прецедент» идентичен термину «прецедентный знак». Кроме того, исследователь употребляет термин «прецедент» и «прецедентный текст» как синонимичные: «В. Высоцкий использует два типа прецедентов – вербальные и невербальные. Невербальный (музыкальный) прецедентный текст выступает в различных линейных разновидностях: интонация, мотив, музыкальная фраза (выражение), музыкальная цитата» [Евтюгина, 1995: 7]. В работе А.А. Евтюгиной расширенное понимание прецедентного текста обусловлено чертами идиостиля В. Высоцкого. А.А. Евтюгина отмечает, что «использование Высоцким двух типов прецедентных знаков (словесных и музыкальных) во взаимодействии – принципиальная идиостилевая особенность песенной поэзии В. Высоцкого» [Евтюгина, 1995: 7]. Исследователь идиостиля В. Высоцкого определяет «прецедентный текст как культурный знак», узнаваемый читателем, а прецедентный знак – как такой знак, за которым «стоит известный текст и культурный фон, общий для автора

и адресата» [Евтюгина, 1995: 8]. Подобное синонимическое употребление терминов не встречено нами в других работах по данной проблематике. Мы полагаем, что синонимия терминов «прецедент», «прецедентный текст», «прецедентный знак» является избыточной.

2. Проблема статуса невербальных явлений в теории прецедентности; правомерность широкого понимания прецедентного текста.

Ю.Н. Караулов отмечает реинтерпретируемость как такое свойство прецедентных текстов, которое позволяет им покидать исконные словесные формы и трансформироваться в других видах искусства и в других жанрах. Следует отметить, что в раскрытии содержания понятия «прецедентный текст» Ю.Н. Караулов указывает на неоднократную возобновляемость прецедентных текстов в дискурсе языковой личности, но не утверждает, что такой феномен должен быть только вербальным [Караулов, 1987: 216]. На реинтерпретируемость (многократную повторяемость) прецедентных текстов указывает также Е.А. Баженова. Кроме того, она отмечает такие признаки прецедентных текстов, как автосемантическая и дейктичность. Прецедентные тексты (смысловые блоки речевого произведения) относятся к одному из проявлений интертекстуальности, «актуализирующих значимую для автора фоновую информацию и апеллирующих к “культурной памяти” читателя» [Баженова, 2003: 107].

Узкое понимание текста и прецедентного текста реализуется в работах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Ю.Е. Прохорова, которые разрабатывают концепцию вербальных прецедентных феноменов. Также признание текста как вербального феномена характерно для работы Ю.А. Сорокина и И.М. Михалёвой [Сорокин, 1993: 104]. Так, невербальные факты, явления, эталоны (например, «Троица» А.Рублёва) Ю.Е. Прохоров не относит к прецедентным фе-

номенам, а именует фигурами действительности, которые могут стать источником создания прецедентных феноменов [Прохоров, 2004: 156]. Учёный описывает переход фигуры действительности в одну из фигур коммуникации (дискурс). Такое «перевоплощение» происходит в тот момент, когда знаменитая икона А. Рублёва упоминается в восклицании «Ну прямо «Троица» Рублёва!» и выступает как «мета ситуации» в значении ‘сосредоточенность кого-либо’.

Таким образом, по мнению Ю.Е. Прохорова, прецедентным феноменом становится сама конструкция, высказывание в рамках дискурса как фигуры коммуникации. Прообразом, исходным пунктом для выявленного прецедентного феномена явилась икона А. Рублёва. За прецедентным феноменом, выраженным в виде словосочетания «Троица» Рублёва», стоит явление (факт, ситуация), которое служит прототипом по отношению ко всем подобным явлениям (фактам, ситуациям), поскольку от данного явления берёт своё начало «мета в виде прецедентного феномена» [Прохоров, 2004: 157]. К прецедентным текстам применимо как широкое, так и узкое понимание. Однако в настоящей работе мы рассматриваем лишь вербальные прецедентные тексты.

3. Проблема источников исследования прецедентных феноменов (признают ли в качестве источников прецедентных текстов только художественную литературу или же относят к ним конфессиональную литературу, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения и т.д.).

В русистике намечены два противоположных взгляда на то, что считать источниками прецедентных текстов. С точки зрения Ю.А. Сорокина и И.М. Михалёвой, корпус прецедентных текстов составляет художественная литература. Эта позиция обусловлена определением, которое дано исследователями прецедентным текстам как средствам «когнитивно-эмотивной фокусировки смысловой массы художественно-

го текста», которые свидетельствуют о «способах художественной “обработки” актуальных для нас вопросов и проблем» [Сорокин, 1993: 113]. Противоположная позиция отражена в работах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных, которые рассматривают в качестве источников прецедентных текстов не только художественную литературу, но и публицистические тексты, тексты рекламы, а также пословицы как прецедентные высказывания, отграничивая их от фразеологизмов. Более того, в диахроническом аспекте исследователи предполагают, что за фразеологизмами стоит прецедентная ситуация [Захаренко, 1997: 109]. При таком подходе объектом исследования прецедентных феноменов служат спонтанные, импровизационные тексты [Красных, 2003: 228].

Мы полагаем, что источниками прецедентных текстов может быть (1) конфессиональная литература; (2) произведения УНТ и мифы народов мира; (3) художественная литература; (4) публицистические тексты известных общественно-политических деятелей; (5) тексты популярных песен; (6) фразы из кинофильмов и телепередач; (7) рекламные слоганы.

Анализ прецедентных текстов, использованных языковой личностью, позволяет выявить культурный уровень личности, принадлежность к определённой эпохе, охарактеризовать специфику эстетического восприятия мира и замысел созданного произведения, а также определить систему ценностей личности. Учёные отмечают значимость прецедентных текстов для изучения прагматических установок личности [Сугонаяева, 2000; Иванцова, 2002: 196-205]. Так, кандидатская диссертация Л.П. Дядечко посвящена исследованию прецедентных текстов в творчестве В. Катаева. В качестве источников ПТ выступают цитаты-реминисценции из произведений мировой классики [Дядечко, 1989]. В работах В.Д. Лютиковой и Е.В. Иванцовой рассматриваются особенности ис-

пользования фольклорных ПТ в речи диалектоносителей. В 1995 году А.А. Евтюгина в своей кандидатской диссертации осмысливает стилевой феномен творчества В. Высоцкого, выявляет «принципы отбора, комбинирования, использования прецедентных текстов» [Евтюгина, 1995: 4]. При этом ПТ признаётся единицей лингвокультурологического анализа идиостиля. Воронцова анализирует реминисценции как способы существования ПТ в СМИ [Воронцова, 2003].

4. Проблема правомерности отнесения прецедентных имён, прецедентных высказываний к прецедентным феноменам, вводящим прецедентные тексты и / или ситуации.

Как было уже отмечено, с точки зрения концепции прецедентных феноменов, имя (именование), высказывание и даже цитация, аллюзия и реминисценция [Прохоров, 2004] являются прецедентными.

Заметим, что Ю.Н. Караулов не относил высказывание и имя к прецедентам, он рассматривал прецедентные тексты, к которым языковая личность неоднократно обращается в своём дискурсе, прибегая к разным типам использования (номинативно-семиотическому, образно-семиотическому, референтному и т.д.) [Караулов, 1987: 221-231] и к разным способам ввода. К таким знакам, вводящим прецедентный текст, Ю.Н. Караулов причисляет заглавие произведения или цитату из него, имя персонажа или имя автора [Караулов, 1987: 218-219].

В своём исследовании прецедентных текстов в произведениях А.П. Степанова мы опираемся на положения Ю.Н. Караулова относительно способов существования и обращения прецедентных текстов, способов их ввода и набора разнообразных функций.

По Ю.Н. Караулову, прецедентный текст может быть использован по-разному: (1) целиком, что происходит достаточ-

но редко; (2) в сжатом, свёрнутом виде: (а) пересказом, фрагментом, (б) намёком (то есть семиотически) [Караулов, 1987: 218]. Остановимся на намёке, последнем виде использования прецедентных текстов, соотнеся его с понятием аллюзии и реминисценции. Термин «аллюзия» заимствован из латинского (*allusio* – «намёк», «шутка»). Как отмечает А.И. Горшков, аллюзия («намёк посредством упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения или какого-либо эпизода из него и т.п.») и реминисценция («употребление какого-либо слова, словосочетания, предложения в расчёте на то, что оно вызовет воспоминание о том или ином историческом факте, мифе, литературном произведении») «воспринимаются как довольно сходные явления» [Горшков, 2001: 83-84]. Поэтому мы предполагаем, что аллюзию и реминисценцию можно трактовать как средства введения семиотического способа обращения прецедентных текстов.

Прецедентный текст, вводимый личностью, может быть «источником определённых эмоциональных переживаний, либо как источник сходных ситуаций, либо как образец для подражания или антиобразец» [Караулов, 1987: 219]. Кроме того, прецедентный текст может привлекать своими эстетическими (содержательными или формальными) характеристиками или созвучной с текстом языковой личности проблематикой.

5. Проблема критериев, положенных в основу типологии прецедентных текстов.

Мы считаем, что типология прецедентных текстов возможна на основании учёта следующих критериев: на основании источников, на основании способов ввода, на основании способов отражения прецедентных текстов (эксплицитный и имплицитный), на основании уровней реализации интертекстуальных смыслов.

В своём исследовании мы анализируем вербальные прецедентные тексты как единицы лингвокогнитивного уровня языковой личности А.П. Степанова, которые, будучи образцовыми фактами, служат эталоном для фактов подобного рода. Под *прецедентным текстом* понимаем распространённые, неоднократно воспроизводимые и значимые для личности тексты, знание которых отражает определённый культурный уровень личности и позволяет говорить о её мировидении. Прецедентные тексты как единицы структуры языковой личности вводятся в её дискурс тремя способами: номинативным, референтным способами и цитированием. Цитирование понимается достаточно широко. К нему мы относим собственно цитату как точное воспроизведение фрагмента текста-источника, а также аллюзию и реминисценцию как средства введения семиотического способа функционирования прецедентного текста. Как отмечал Ю.Н. Караулов, именно семиотический способ обращения к тексту «даётся намёком, отсылкой, признаком» [Караулов, 1987: 217].

Цитата, аллюзия и реминисценция могут быть выражены в таких формах, как (1) имя (персонажа, автора или исторического деятеля); (2) высказывание, имеющее или не имеющее характер генерализованного высказывания; (3) заглавие произведения; (4) в форме ссылки на авторитет как способ аргументации. Наряду с цитированием нами отмечен номинативно-семиотический, образно-семиотический и референтный способы (по Ю.Н. Караулову) введения прецедентного текста в дискурс языковой личности. Таким образом, прецедентный текст опосредованно представлен в дискурсе языковой личности. Формы проявления референтного способа и цитирования являются средством, актуализирующим прецедентные тексты. Источники прецедентных текстов являются художественными ценностями, к которым А.П. Степанов обращается в своих сочинениях.

2.2. Прецедентные тексты в дискурсе языковой личности А.П. Степанова

Языковая личность А.П. Степанова проявляет свои ценностные установки и эстетические вкусы, обращаясь к различным прецедентным текстам. Во-первых, источниками прецедентных текстов в сочинениях А.П. Степанова являются мифы, которые в дописьменную эпоху в древнем мифологическом сознании не имели хронологического воплощения, линейного развёртывания. В архаическом мире мифу была свойственна недискретность, слитность, цикличность, изоморфность и ритуальная закреплённость [Мифы II: 58]. С развитием письменных культур архаичные мифологические тексты претерпевают значительные изменения, превращаясь в систему историй о богах и героях. Енисейский губернатор А.П. Степанов воспринимал мифопоэтическое пространство древнего человека через тексты, в которых античные авторы трансформировали мифы дописьменной эпохи, подчиняя их хронологическому порядку. Тексты Гесиода, Овидия, Аполлония Родосского, Ферекида, Платона, в которых воплощены мифы древних, мы относим к прецедентным и называем античными мифологическими прецедентными текстами. Источники этих текстов – мифы – мы относим к прецедентам в широком смысле слова.

В литературе XIX в. мифологические тексты являлись универсальной системой образов и придавали смысловой орнамент поэзии. Христианские тексты (конфессиональная литература) также служили источником творческой обработки литераторов. Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Е.М. Мелетинский отмечают, что в начале XIX в. внимание к христианским текстам как к мифологическим «свидетельствует о глубоко зашедшем процессе секуляризации сознания» [Мифы II: 61]. Христианская мифология занимает особое место в творчестве А.П. Степанова. Религиозная доктрина христианства, со-

вокупность представлений в виде образов, символов глубоко связана в сознании ЯЛ А.П. Степанова с античными мифологическими традициями. Ценностную картину мира ЯЛ А.П. Степанова раскрывают не только христианские и мифологические ПТ, но ПТ, источником которых является отечественная и зарубежная художественная литература.

ПТ как проявление принадлежности к определённом культурному уровню является средством преобразования и формирования дополнительных смыслов в дискурсе ЯЛ. Он служит элементом сразу двух текстов: исконного источника и преобразующего этот культурный знак в свой. В дискурсе А.П. Степанова ПТ являются теми ценностями, которые выражают жизненно важные для личности и общества проблемы, устанавливают связь между культурными эпохами. Также исследование ПТ способствует выявлению особенностей индивидуального характера, образа действий личности.

Ориентируясь на предложенные Ю.Н. Карауловым типы реализации прецедентных текстов (номинативно-семиотический и образно-семиотический, референтный, цитирование), мы рассматриваем использование прецедентных текстов в рамках такого критерия, как способы отражения ПТ (эксплицитные и имплицитные). А.П. Степанов использует различные способы ввода прецедентных текстов в ткань своих сочинений. Кроме прямого и скрытого цитирования, он нередко обращается к номинативному способу ввода прецедентных текстов.

Прямое цитирование является эксплицитным способом отражения ПТ. Скрытое цитирование, номинативный и референтный типы реализации ПТ соотносимы с имплицитным способом отражения ПТ. Скрытое цитирование (трансформированная цитата из текста-источника) как форма обращения к ПТ актуализируется намёком (аллюзией) и импульсом

к воспоминанию о тексте (реминисценцией). Аллюзия и реминисценция апеллируют к тексту-источнику, прецедентно-му как для читающего, так и для пишущего. Узнавание ПТ осуществляется благодаря таким языковым средствам, как заглавие произведения или ключевое слово, относящееся к разряду нарицательных существительных.

По нашему мнению, актуализатором номинативного способа является аллюзия (намёк). Под номинативным способом понимается ввод имён персонажей или авторов широко известных, значимых в социокультурном отношении текстов. Узнавание прецедентного текста, введённого номинативным способом, осуществляется благодаря таким языковым средствам, как имя собственное или ключевое слово, относящееся к разряду нарицательных существительных.

Представим способы отражения ПТ: эксплицитные, выраженные точным цитированием, и имплицитные, скрытые в текстовой ткани. Знаки, вводящие ПТ (имена автора, персонажа, заглавие текста, цитата из него) актуализируют интертекстуальные смыслы, уровни реализации которых будут представлены ниже.

К эксплицитному способу отражения ПТ относим следующие основные приёмы, воплощённые в сочинениях А.П. Степанова: точный фрагмент текста (прямое цитирование); цитата в функции эпиграфа; высказывание, близкое к генерализованному.

Точный фрагмент текста (цитата) представляет собой высказывание с указанием на источник. При этом введённый фрагмент текста-источника органично входит в авторский текст и служит средством аргументации языковой личности. Такое цитирование находим в сочинении «Суворов, лирическая поэма»: И н и ч т о ж е н о в о п о д с о л н ц е м . И ж е в о з г л а г о л е т и р е ч е т : с е с и е н о в о е с т ь ; у ж е б ы с т ь в в е щ е х б ы в ш и х п р е ж д е н а с (Эклес.

Гл. 1.) [Сув.: 6]. Цитата из «Книги Екклесиаста, или Проповедника» предваряет текст поэмы А.П. Степанова. Автор оформляет цитату разрядкой. Данный фрагмент библейского текста помогает А.П. Степанову вписать своё произведение в литературный контекст, объяснить обращение к вечным нравственно-этическим темам. *Песнь моя далека от того, чтоб нарушать нравственность*, – пишет автор в «Предупреждении» к поэме, – *Она стремится доставить удовольствие, которое составляет важную цель человеческой жизни, если основано на невинности и благородстве. Может быть, живое изображение любимца Русского народа и воинов доставит соотечественникам моим сие удовольствие. Может быть, новость песни прибавит цветок очарования* [Сув.: 7].

В свой текст «Предупреждения» к поэме «Суворов» А.П. Степанов вводит переводы текстов Пиндара и Вергилия в виде сносок. Цитатой из «Буколик» Вергилия А.П. Степанов словно обращается к подрастающему поколению, которое должно знать о заслугах отцов: *Но когда ты будешь в силах читать великия деяния Героев и заслуги твоего отца, и разбирать истинныя добродетели: то поля покروются уже златыми жатвами; пурпурный виноград заменит кустарник дикой, и кора дубов источать будет росе подобный мед* (*Publ. Virg. Bucolica, Ecloga IV*). [Сув.: 7]. В добродетельных заслугах отцов А.П. Степанов видит залог нравственного воспитания молодёжи: *Мы видим уже начало великих предприятий и надеемся, что дети нынешняго поколения будут наслаждаться в полной мере успехами* [Сув.: 7]. Текст Пиндара вводится следующим образом: *Пиндар говорит: Хвалите вино старое и цветы песен новых* [Сув.: 8]. Эта цитата входит в диалогические отношения с приведённой выше библейской цитатой их «Книги Екклесиаста»: *И н и ч т о ж е н о в о п о д с о л н ц е м* (Эклес. Гл. 1.). А.П. Степанов отда-

ёт должное библейской мудрости, однако, приступая к повествованию о герое, вдохновляется поэтическим высказыванием античного автора. Кроме того, точные фрагменты текстов (более ста) из произведений учёных (Паллас, Гмелин, Фишер и др.), известных современникам А.П. Степанова, являются средствами создания полемичности, позволяют енисейскому губернатору дать аналитические обзоры в книге очерков «Енисейская губерния» [ЕГ I: 36, 44-45 и др.].

Эпиграф как приём эксплицитного способа реализации межтекстовых связей отмечен нами в трёх сочинениях А.П. Степанова. Лирическую поэму «Суворов» предваряет эпиграф из Г.Р. Державина: *Вихрь полунощный, летит Богатырь! / Тьма от чела, с посвиста пыль, / Молнии от взоров бегут впереди, / Дубы грядою лежат позади. / Ступит на горы, – горы трещат; / Ляжет на воды, – воды кипят; / Граду коснется, – град упадет; / Башни рукою за облак кидает* [Сув.: 2]. Книга очерков «Енисейская губерния» сопровождается эпиграфом, который вводит «Панегирик» Плиния: *Нет никого, кто бы не мыслил, что тебе известно всякое действие, направленное ко благу в отдалёнейших областях. Полезно, Цезарь, и усладительно для их правителей иметь в виду столь великую награду, которая обеспечивает в том, что их беспристрастие и усердие будут известны Императору и удостоены его благоволением* (Plin. min. Panegyric. Imp. Traian.) [ЕГ I: 5]. Текст античного автора, несомненно, обладает такими чертами как торжественность и величавость, которые привнесены в книгу очерков енисейского губернатора. «Панегирик» Плиния проникнут благоговейным отношением к императору. Подобные чувства любви и преданности испытывал А.П. Степанов к российскому самодержцу, служение которому он считал своим долгом. Как в цитируемом фрагменте «Панегирика», А.П. Степанов был тем *правителем*, который устремлял свои действия *ко благу*

в отдалённых областях вверенной ему губернии. Ярким доказательством *беспристрастия* и *усердия* нового губернатора явилась его плодотворная деятельность на благо Енисейской губернии, а, следовательно, всего государства и императора. Глубинный смысл цитаты был развит в основном тексте «Енисейской губернии»: *Царю природному, Самодержавному, нельзя не любить своего государства; ибо Он и оно неразделимы. Какие виды может Он иметь на последнее, как не благо?* [ЕГ I: 19]; *Через подражание божеству, сообщившему волю мыслящей твари, государи русские отличают себя не только терпимостью вер, но самых гражданских законов государств, которые вручены их скипетру* [ЕГ I: 116].

Как и Плиний, А.П. Степанов видел *великую награду* за труды свои в *благоволении* императора, расположение которого *полезно и усладительно* для верного подданного: *труды составляют обязанность каждого чиновника, а самое существо дела остается в надлежащем порядке: намерение правительства выполнено* [ЕГ I: 122]; *Енисейская губерния есть живой памятник отеческой попечительности и высокой доблести российских государей* [ЕГ I: 194].

Цитата из «Панегирика» продолжает оригинальный курс А.П. Степанова. Мысли эпитафия находят своё развитие не только в тексте «Енисейской губернии», но и в романе «Постоялый двор»: *благоразумный человек способствует со всем усердием пользе отечества, единственно из любви к нему и приверженности к государю, не имея в виду никаких наград; но как награды есть знаки царской признательности к доблестям подданных; то и не могут они быть не уважаемы* [ПД II: 124]. Эпитафии из отечественной и зарубежной литературы предвзвывают части к роману «Постоялый двор». Они призваны отразить интеллектуальные, любовные, духовные, религиозные и нравственные поиски двух главных героинь романа, одна из которых (Катерина Михайловна Ка-

тенева – Долинская) переживает религиозный фанатизм, находит семейное счастье с любимым мужем и сыном, приходит к душевной гармонии. Её нравственное возрождение знаменует эпиграф третьей части романа: *Невидимкою рукою, / Сквозь ревуция валы, / Сквозь одеты бездны мглою / И горящия скалы / Мощный вёл меня хранитель! / Вдруг – всё стихло, мрак исчез! / Вижу райскую обитель.* Жуковский [ПД III].

Другая героиня, княжна Анна Серпуховская, как и Катерина Катенева – Долинская, красивая молодая девушка, получила блестящее образование. Однако система образования, которая была выстроена матерью, не была продумана для неокрепшей души, не учитывала необходимости в серьёзном нравственном воспитании. Она развивала только остроту ума, жажду к познанию внешнего мира, но не внутреннего. Даже религиозность княжны была скорее поверхностной, чем глубокой. Поэтому, обуреваемая страстями, любовными фантазиями, в минуты душевных потрясений она не могла найти опоры ни в себе, ни в религии, ни в любви близких: она отказывается от своего огромного состояния, оставляет безутешную мать и бросается в пучину порока, связывая свою жизнь с убийцей – каторжанином. Её нравственное падение предварено эпиграфом последней части романа: *И от тебя щит Божий отклонился, / И адская тебя схватила сеть!* Шиллер пер<евод> Ж<уковского> [ПД IV].

Рассмотрим **высказывание, близкое к генерализованному** – последний приём эксплицитного способа отражения прецедентных текстов. В стихотворении «Поэзия и Музыка» обнаруживаем такое высказывание, которое вводит текст «Библии»: *да будет свет! Бог рек* [ПМ: 4]. (Ср. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 1, 3]). В стихотворении А.П. Степанова читаем: *Но дух порядка возстает; / С небес: да будет свет! Бог / рек, / И бысть. Согласие грядет / В хаос, и мира зиждет век* [ПМ: 4]. В этих

строках первый ветхозаветный день творения явился вершиной божественной силы. Творчество последующих дней стало свидетельством силы бога.

К **имплицитному** способу отражения ПТ относим **скрытую цитату**, формой выражения которой является аллюзия и реминисценция. В стихотворном послании «З – у» находим скрытое цитирование (аллюзию): *От страсти Вертер застрелился, / Сошёл с ума великий Тасс; / А ты, рождённый для проказ, / От сумасшествия влюбился!* [З – у: 71]. Имя литературного героя Вертера вводит текст сентиментального романа Иоганна Вольфганга Гёте «Страдания юного Вертера». Также А.П. Степановым упоминается и имя итальянского поэта эпохи Возрождения и барокко Торквато Тассо (1544 – 1595), личности с трагической судьбой. Данные имена составляют референтный способ введения прецедентных текстов. Однако по отношению к адресату послания эти имена входят в антиреферентную группу, что подчёркнуто противопоставлением с союзом «а», придающим шуточный оттенок посланию: *от страсти ... застрелился, сошёл с ума ..., а ты ... от сумасшествия влюбился* [З – у: 71].

Заглавие стихотворения А.П. Степанова «Поэзия и Музыка» можно причислить к форме выражения скрытой цитаты, актуализированной благодаря реминисценции, которая относит читателя к античной диалоговой традиции, продолженной в поэзии XIX в. Так, в произведениях А.С. Пушкина, любимого поэта А.П. Степанова, встречаем заглавия «Разговор книгопродавца с поэтом», «Поэт и толпа». Содержание текста А.П. Степанова составляет полемику двух видов искусств. Спор представлен аллегорическими образами, имеющими метафорическую природу. Другой пример скрытой цитаты, актуализатором которой явилась реминисценция, находим в первых строках стихотворения «Поэзия и Музыка». На вопрос Поэзии о причинах главенства Музыка разворачи-

вает космогоническую картину, языковые средства которой вводят текст Лукреция «О природе вещей» (Лукреций, 1946). В тексте А.П. Степанова отмечаем: *Дает мне древность право, честь! / Бессмертна силою своею, / Я есть сопутница Творца; / Я вечность существом имею; / Я без начала и конца* [ПМ: 3].

Строки «*Я вечность существом имею; / Я без начала и конца*» восходят к первым стихам «Книги Священного Писания»: «В начале сотворил Бог небо и землю» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 1, 1]. «В начале» – значит до возникновение точки отсчёта времени, поскольку раньше была только вечность. Это значение библейского текста актуализировано в стихотворении А.П. Степанова словом «вечность» и стихом «*Я без начала и конца*», также словом «прежде» (см. последующий контекст). Отмеченные актуализаторы прецедентного текста позволяют реализовать авторский замысел: возвеличить первообраз Музыки, существовавшей вечно, до образования времени. Благодаря прецедентному тексту автор воссоздаёт образ Музыки, наделяя её вечной сущностью.

В последующих строках языковые единицы, апеллируя к прецедентному тексту, выступают в функции знаков-актуализаторов, а также средств, создающих индивидуально-авторскую космогоническую картину, в которой образ Музыки несёт божественную силу Творца: *В вечном пространстве прежде лежало, / Мраком покрыто света начало; / Вместе сливались огонь и вода; / Глыбы земные, камней гряда, / В безднах эфира быстро носились; / Солнцы во мраке с шумом толпились; / Царствовал холод гордо близ них* [ПМ: 3].

Эти строки фрагментарно воссоздают библейское сотворение земли – видимого мира. В приведённом контексте стих «*мраком покрыто света начало*», слова «*вода*», «*безднах*», «*мраке*», «*носились*» служат импульсом к воспоминанию «Первой книги Моисеева» (ср. «Земля же была безвид-

на и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 1, 2]). Согласно тексту «Бытия» хаос, или неустроенное вещество, называемое «бездною», считается необозримым и ничем неограниченным пространством (ср. «*В вечном пространстве прежде лежало ... света начало*» [ПМ: 3]). Хаос как водообразное или парообразное вещество называется также «водою». «Тьма над бездною» означает погружение хаотической массы во мраке (ср. «*Мраком покрыто света начало*», «*В безднах эфира быстро носились; / Солнцы во мраке с шумом толпились*» [ПМ: 3]). В стихотворении А.П. Степанова слово «носились» относится к стихам «*Глыбы земная, камней гряда, / В безднах эфира*». «Эфир» в поэтическом смысле – «простор, пространство вселенной». Таким образом, в мрачных, лишённых света просторах вселенной беспорядочно двигались «глыбы» и «камни» как неустроенное вещество. В библейском тексте («Дух божий носился над водою» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 1, 2]) в глаголе «носился» отражено божественное творчество, сообщающее веществу жизненную силу, необходимую для его образования и развития. У А.П. Степанова глагол «носились» связан с существительными «глыбы», «каменной». Но он не связан с сочетанием «дух божий», поэтому глагол «носились» не содержит сему 'сообщать божественное творчество', но выражает сему 'беспорядочно двигаться'.

Другой пример скрытого цитирования восходит к утверждению установившегося порядка в тексте «Бытия»: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 1, 31]; «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 2, 2]. Эти строки отмечают завершение истории творения и образования мира, которому Бог предоставил возможность жить и разви-

ваться по установленному закону. Библейские строки актуализированы в сочинении А.П. Степанова реминисценцией: *Мира и веков начало / Стройность миру даровало / Промыслом благим, чудесным, / Чтоб согласиём небесным / Все творить и оживлять* [ПМ: 4]. Стихи «Промыслом благим, чудесным, / Чтоб согласиём небесным / Всё творить оживлять» обращены к библейскому «Промыслу Божию», то есть, заботе Бога о мире, способности давать необходимое своему созданию. Установленные богом законы или законы природы трансформированы автором в законы искусств, выражаемые в поэтическом и музыкальном творчестве. В тексте А.П. Степанова Музыка не просто создание Творца, она «сопутница», которая «совечна миру Богу». Слово «спутница» является актуализатором, тем культурным знаком, который раскрывает культурный уровень А.П. Степанова, знатока античной мифологии. Приведём один из примеров: *Как Венера – Афродита, / Плод первенства золотой / Получила от Париса, / С смертным в дружестве была / И в объятиях Адониса / Сладострастие пила...* [ПМ: 7].

Возвышение образа Музыки как спутницы вызывает ассоциации с античными сюжетами. Так, Адонис был возлюбленным Афродиты (Овидий «Метаморфозы» X 300-524, 708-739). Бог любви Эрот является созданием Афродиты и её хитроумным спутником (Аполлоний Родосский «Аргонавтика» III 111-159). У Платона в диалоге «Пир» Эрот трактуется как демон, спутник Афродиты, в котором выражено вечное стремление к прекрасному (203 b-e). У Ферекида (6 в. до н. э.) Зевс, создавая мир, превратился в Эрота, который представлен как всевластная мировая сила [Мифы II: 668].

Благодаря прецедентным текстам образная диалогичность приобретает наивысшую торжественность. В обращении к античным текстам проявляется стремление автора обрести гармонию и воплотить её в художественном произведе-

нии. Но образами Поэзии и Музыки А.П. Степанов передаёт ощущение временной отдалённости от «колыбели человечества»: *Та музыка не ты была; / Та с древним миром умерла. / Не ты совечна Богу, миру; / Гармония – ещё не ты* [ПМ: 9]. В заключительном монологе Поэзии скрытое цитирование вводит прецедентные тексты, актуализатором которых являются сочетания слов «к святому лику Вседержителя миров», «Владыку / ... Буду славить и хвалить» (ср. «И буду вам Отцем, и вы будите Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель» [Книги Нового Завета. Второе послание к коринфянам святого апостола Павла, 6, 18]). В сочинении А.П. Степанова находим: *Я лечу к святому лику / Вседержителя миров; / И Владык земных Владыку / С хорами его духов, / В стройных арфах и органах / Буду славить и хвалить...* [ПМ: 14]. Прецедентный текст вводится с целью демонстрации связи человека с богом через посредство искусства, которое, наряду с «хорами его духов», то есть духами бестелесными (ангелами), вестниками бога, способно устремить человека к совершенству. Согласно «Первой книге Моисеева» бог сотворил святых ангелов, когда ещё не было ни мира, ни человека [Книги Ветхого Завета. Бытие]. Бог одарил их высшими силами и способностями, в своём совершенстве они исполняют волю бога. Христианские канонические представления А.П. Степанов вводит в свой художественный мир для того, чтобы продемонстрировать сопричастность Музыки к высшим силам: *Я смягчу сердца в тиранах, / Научу людей любить; / И святые веры сыну / Устремленну к небесам. / В горню воспаря долину, / Я отверзу рая храм* [ПМ: 14].

В двух приведённых контекстах можно усмотреть связь с библейскими текстами о всемогуществе бога («...Я Бог всемогущий; ходи предо мною и будь непорочен» [Книги Ветхого Завета. Бытие, 17, 1]; «Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово» [Святое Благовествование от Луки, 1, 37];

«... блаженный единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в непреступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь» [Книги Нового Завета. Первое послание к Тимофею святого апостола Павла, 6, 15-16]). А.П. Степанов мифологизирует Поэзию и Музыку, в этом процессе цитирование как способ введения прецедентных текстов играет значительную роль, являясь средством создания образов и способом аргументации автора. Нами установлено, что с помощью цитирования А.П. Степанов мог обращаться к более чем двумстам прецедентным текстам.

В дискурсе А.П. Степанова прецедентные тексты, введённые номинативным способом, служат средством создания образов и способом аргументации автора. Нами выявлены более двухсот имён, среди них подавляющее большинство (более 100) составляют имена из сюжетов античной и скандинавской мифологии, европейской и азиатской истории и науки (около 100) и только 10 христианских имени. Нами отмечено, что А.П. Степанов неоднократно включает в свои сочинения имена учёных, сочинения которых были известны и значимы образованному кругу его современников. Такие имена, как Петр Симон Паллас (1741-1811), Г.И. Спасский (1783-1864), Александр Фридрих фон Гумбольдт (1769-1859), Абулгази Бахадурхан (1603-1663) и др.

Анализ показал, что христианские прецедентные тексты, введённые именами, служат для А.П. Степанова источником создания образов (*Пророк, Пастырь вдохновенный, Давид-пророк*). Средством аргументации значимости образа Поэзии является имя Давида, вводящего ветхозаветные тексты («Первая книга Царств» 16, 14-23; «Третья книга Царств» 2, 11; «Первая книга Паралипоменон» 10-29). Вводя имя Давида-пророка в монолог Поэзии, А.П. Степанов акту-

ализирует только одно свойство образа: способность пением успокаивать царя Саула, когда того тревожил злой дух. Давид же был не только искусным поэтом, но и музыкантом.

Другим наименованием, вводящим прецедентный текст с целью создания величественности образа Музыки, является наименование «*Пастырь*». В мифопоэтической картине пастырь мыслится как защитник, путеводитель, мессия, патриарх (ср. «Пастырь Израиля! Внемли; водящий, как овец, Иосифа, восседающий на херувимах, яви себя» [«Ветхий Завет. Псалтырь» 79, 2]; «Итак, опять Иисус сказал им: истинно говорю вам, что я дверь овцам <...> Я пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец ...» [«Новый Завет. Евангелие от Иоанна» 10, 1-16]; «Новый Завет. Послание к евреям» 13, 20; «Новый Завет. Евангелие от Луки» 2, 8-20 и др.). В греческой мифологии пастырем (пастухом) выступает Аполлон. Пастырь может быть поэтом, музыкантом, певцом, который изобретает поэтические и музыкальные формы. Пастух Давид, ставший царём, певец-гуслиар, которому приписывают составление псалмов. В стихотворение А.П. Степанова имя «Пастырь» введено с эпитетом «вдохновенный», что даёт основание предполагать слияние двух групп текстов: античных и библейских. В дискурс А.П. Степанова включено наименование «*Пророк*». Пророк – избранник Бога, открывающий Его волю и смысл событий – становится средством введения книг Ветхого и Нового завета: *Пророку страшен свет без грома! / Искусство – казнь уродству злому / Лучом изящности своей* [ПМ: 10]; *Давид-Пророк – ещё в живых* [ПМ: 13].

По утверждению Ю.Н. Караулова, «имя персонажа прецедентного текста обладает потенциальной метафоричностью в большей степени, чем имя конкретного исторического лица» [Караулов, 1987: 228]. А.П. Степанов усиливает начальную метафоричность имён героев ПТ ведением пе-

рифраз (*Латоны сын ужасный – Аполлон, Фригийский сатир – Марсий, мать Амура – Венера*); эпитетов (*Пегас, гордый, крылатый*); метафор (*мои сыны по всей вселенной, Аврорина слеза*).

Отметим случай ввода прецедентных текстов (Павсаний «Описание Эллады», VIII 3, 14; Апулей «Метаморфозы», IV 35) с целью воплощения традиционной сюжетной линии (миф о расправе Персефоны над соперницей, возлюбленной своего супруга Аида). А.П. Степанов вводит имя *Прозерпина* – римский аналог греческого имени *Персефона*. Другими именами, вводящими отмеченные прецедентные тексты, являются *Наяда* (родовое наименование нимф источников, ручьёв и родников), *Мента* (одна из Наяд, известная также под именем Кокитида) и *царь Аид*. Имя *Кокида* напрямую не внесено А.П. Степановым, но соотнесено с именем реки царства мёртвых *Коцит*, или *Кокит*: *исчадье Коцита!* [ПНММ: 84]. Названные имена выполняют образно-семиотическую функцию в отрывке из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною».

А.П. Степанов постоянно апеллирует к прецедентным текстам как средству аргументации образа Музыка, которая раскрывает себя как повелительница. Продолжая воспевать значимость Музыка, автор вводит в её монолог имя музыканта и певца Орфея, который волшебным даром воздействовал на саму природу. Как известно, этот мифологический герой родился во Фракии, он был сыном речного бога Эагра. Известно также, что в некоторых греческих городах отца Орфея именовали Аполлоном. В стихотворении А.П.Степанова читаем: *Звуки слышатся Орфея, – /Важный лавр к нему идёт /И ведёт с собой богатых /Листьем и вином друзей, /И стремится с собой пернатых, / И влечёт с собой зверей* [ПМ: 6]. А.П. Степанов обращает внимание на разные древние мифы, воспеты античными авторами, в силу своего развитого эсте-

тического вкуса. Античные мифы можно классифицировать следующим образом: **А.** Мифы с героической тематикой. Они введёны именами «Зевс», «Этна», «гиганты» (Гомер «Одиссея», VII 59; Эсхил «Прикованный Прометей», 351-372). В стихотворении «Поэзия и Музыка» читаем: *Он поет: как Зевс во гневе / На гигантов бросил гром, / И как Этна в страшном зеве / Проглотила их потом...* [ПМ: 7]. **Б.** Мифы о рождении Афродиты. Они включены в дискурс А.П. Степанова наименованиями «*мать Амура*» (римский вариант Афродиты) и «*пенистые валы*», которые обращают автора к таким прецедентным текстам, как «Гомеровские гимны», поэма римского поэта Лукреция «О природе вещей» (I 1-13), «Энеида» Вергилия: *Как из пенистых валов / Океана голубого / Мать Амура пред богов / В светлом образе предстала* [ПМ: 7]. Енисейский губернатор использует версию Гесиода о рождении Афродиты из морской пены, поэтизируя любвеобильность богини. **В.** Мифы с любовной тематикой, в которых поэтизируется сладострастность Афродиты.

А.П. Степанов особенно часто обращается к последним двум мотивам. Его излюбленный образ – Афродита: *Как Олимп ей скиптр вручил, / Чтоб сердцами обладала, / Чтоб богиню весь мир читил* [ПМ: 8]. Под именем «Олимп» подразумеваются боги, обитающие на горе в Фессалии. Мифы о споре трёх богинь и о суде Париса, который признал красоту Афродиты, включены А.П. Степановым с целью иллюстрации могущества певца, вдохновлённого Музыкой (Гомер «Илиада», XXIV 25-30; Еврипид «Андромаха», 274-308; Еврипид «Троянки», 924-931): *Как Паллада и Соспита / Уступили ей красой; / Как Венера – Афродита, / Плод первенства золотой / Получила от Париса...* [ПМ: 8]. А.П. Степанов употребляет имя «Соспита» вместо «Гера». Имя «Паллада» образовано от имени упавшего с неба изображения – палладия – богини Афины. Миф о любви Афродиты к Адонису, введённый име-

нем собственным и аллюзией любви «сладострастие пила», венчает великолепное пение Тимотея (Аполлодор «Библиотека», III 14, 4; Овидий «Метаморфозы», X 300-524, 708-739; Антонин Либерал «Превращения», XXIV).

После завершения рассказа о пении Тимотея Музыка продолжает свою аргументацию собственной значимости и божественной силы, чему служат имена Фемия и Пенелопы, вводящие текст Гомера («Одиссея», VIII 47): *Захочу – любви кумиру / Положу страстям предел: / Струны Фемия златая / В Пенелопином уме / Умершвяли мысли злыя* (С. 8). Имена Эгиста, Клитемнестры и певца Демодока служат средством введения прецедентного текста Эсхила «Агамемнон» (855-1576): *Эгисту в адской тьме / Соблазнительного рока / Можно ль было-бы успеть? / Без убийства Демодока / Клитемнестрою владеть?* [ПМ: 8].

История верной жены Пенелопы и обольщения Эгистом жены Агамемнона важны для А.П. Степанова в силу своей общеизвестности. Однако не Пенелопа, не Клитемнестра и не Эгист интересуют автора. Ему важны упоминаемые в античных сюжетах образы певцов-музыкантов, которые своим даром врачевали души.

Следующий пример включения прецедентных текстов в стихотворение связан с введением трёх имён: Александра Великого, его возлюбленной Таисы и греческого музыканта Тимотея, который игрой на лире возбуждал страсть царя к Таисе или к войне, от чего Александр в восторге хватался за оружие (Ср. стихотворение Г.Р. Державина «Соловей» [Державин, 1987]). В стихотворении «Поэзия и Музыка» читаем: *Захочу – и вдруг душою / Буду Царской управлять / Александром Тимотею / Укажу повелевать. <...> Царь хватает мечь булатный; / В нем кипит героя кровь: / Он спешит на подвиг ратный! / Но певец воспел любовь, / Память времени золотого. <...> Тимотей оставил лиру; / Царь с Таи-*

сой обомлел! [ПМ: 7, 8]. В полемику Поэзии и Музыки включены имена Аполлона, Марсия, перифрастические имена «Латоны сын ужасный» (Латона – римский эквивалент имени Лето, образ богини-матери Аполлона) и «Фригийский Сатир» (демон плодородия в свите Диониса, родом из Фригии). Эти имена вводят текст Павсания «Описание Эллады» (24, 1) и «Ватиканские метаморфозы» (I 125, II 115), в которых повествуется о том, что Марсий подбирает брошенную Афиной флейту (свирель) и достигает в игре на ней высокого мастерства. Став виртуозом, он из гордости вызывает на состязание Аполлона, который побеждает в игре на кифаре (лире) и сдирает с Марсия кожу. История древнейшего божества Марсия, культ которого был вытеснен Аполлоном, включена автором в аргументацию образа Музыки для доказательства её главенства: *Музыка. // Не я ль свои благоденья / Уже с начала мира лью? / Не я-ли в храмах птиц пою? / Свирелью Марсиас несчастный / Давно уже людей пленял, / Когда Латоны сын ужасный / С златою лирою предстал. // Поэзия. // В руках Фригийского Сатира / Когда свирель была, / Она к нему народ влекла; / Но возгремела звучна лира, / И выпала свирель из рук. / Не думай мстью Аполлона, / Свирепством Марсиаса мук, / Искать постыднаго урона / Во славе истинной моей!* [ПМ: 10].

В монологе Поэзии художественно значимы наименования «Герой», «Поэт», «Царь», «Олимп». А.П. Степанов возводит Образ Поэзии к античности. Этому способствует упоминание имени «Олимп»: *Моя гремит потомству лира. <...> / В струнах ея глагол живет, / Глагол, Олимпом вдохновленной. / Она одушевляет прах; / Над нею лучь небесный света. / Она Героя и Поэта / Безсмертными творит в веках.* [ПМ: 17]. Имя «Олимп» – место обитания греческих богов – создаёт метафору античной культуры, вдохновляющей последующие поколения поэтов и музыкантов. Наименова-

нием «Царь» (в монологах Поэзии и Музыки) введён один из центральных мифологических образов. В эпосе Гомера царь – питомец Зевса – царя богов. Слово «Герой» введено с прописной буквы. Это наименование апеллирует ко всем мифологическим потомкам божеств и смертных людей. Так, в «Илиаде» Гомера герой – храбрый воин, в «Одиссее» – благородный человек, имеющий славных предков. Кроме того, в стихотворении слово «герой» персонифицировано в именах *Амфиона* и *Орфея*. Эти герои, владеющие магией слова и ритма, высоким мастерством строителя, есть проявления позднего греческого героизма. Именно они введены именами собственными, так как являются ключевыми в художественной системе А.П. Степанова.

В монологе Музыки упоминаются имена *Зефира*, *Пегаса* и *Перуна*. Енисейский губернатор дважды употребляет имя «*Зефир*» с различной семантической нагрузкой. В отрывке из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною» имя собственное в значении нарицательного выступает в функции средства, создающего элегический пейзаж. *Зефир* – грозный бог западного ветра (Гесиод «Теогония», 378-380); сын зари Эос представлен у А.П. Степанова как нежный, мягкий ветер. Эти представления соотносятся с текстом Апулея «Метаморфозы»(IV 35). Воспроизводя версию Апулея, А.П. Степанов использует имя собственное «*Зефир*» как средство создания тропа (в функции антономазии) в стихотворении «Поэзия и Музыка». В этой же функции реализовано имя *Пегаса*, крылатого коня, который ударом копыта выбил на Геликоне, горе муз, источник Гиппокрену (Павсаний «Описание Эллады», IX 31, 3), воды которого даруют поэту вдохновение (Овидий «Метаморфозы», V 254-259).

В стихотворении А.П. Степанова обнаружено метафорическое сравнение поэта с пчелой, которое восходит к древнегреческой и римской традиции. Поэзия и мёд – символы поэ-

тического творчества. Несмотря на непримиримость образов Поэзии и Музыки, в мифологической традиции поэтический и музыкальный дар неотделимы. Эту взаимосвязь устанавливает ключевое слово «мёд». В.Н. Торопов отмечает, что «в античной традиции складывается образ поэта-пчелы и поэзии-мёда (у Платона, Горация и т.д.), позднее с пчелой сравнивают поэта Даниил Заточник, П. Ронсар»; «в Греции со времён Пиндара складывается представление о поэзии как о мудрости, *мёд поэзии* скандинавской мифологии даёт мудрость и поэтическое вдохновение» [Мифы II: 327, 328]. В «Младшей Эдде» мёд поэзии – священный напиток, который дарован поэтам. Этот древний образ введён косвенно в заключительный монолог Музыки в форме реминисценции. Мы предполагаем, что А.П. Степанову были известны не только греко-римские мифологические традиции, но и скандинавские. Средством единения образов Поэзии и Музыки являются имена-образы «*лира*» и «*поэты*», о «*светлом бессмертии*» которых восторженно провозглашено в монологе Музыки. Введённые имена обращены к мифологическим текстам, к античной традиции, в которой поэт является хранителем обожествлённой памяти, он создаёт мир в текстовом воплощении [Мифы II: 327]. В мифопоэтической традиции, к которой, несомненно, восходит текст А.П. Степанова, *Поэт* и *Певец* воссоздают единый образ особого, необычного видения мира, способности воплощать мир в слове и музыке. Отсюда мифы об Орфее, который своим искусством заволаживал живую и неживую природу. Божественное и человеческое органично сливается в поэте-певце. Его призвание считается божественным, а дар – чудесным. Поэтому А.П. Степанов включает в стихотворение имя Демодока, который «дар песней приял от богов» (Гомер «Одиссея», VIII 47). Имя Демодока вводит прецедентный текст Гомера. В соответствии с традициями культурного фона в произведении А.П. Степа-

нова поэтический мир сопряжён с нетекстовым миром, созданным Творцом.

Воссоздавая образ Музыки, А.П. Степанов обращается к мифологическим именам как первообразам. В них он находит точку опоры. Для А.П. Степанова традиции классической античности является источником европейской истории, в них заключено начало культурных архетипов, к которым литератор XIX в. прибегает для решения стилистических задач.

Как отмечалось выше, интертекстуальные смыслы актуализированы знаками, вводящими ПТ. Именно смыслы, которые заключены в ПТ, обладают для языковой личности ценностью. Авторские сочинения открыты для воплощения широкого спектра интертекстуальных смыслов – от преемственности до конфронтации. С нашей точки зрения, каждый спектр интертекстуальных смыслов в сочинениях А.П. Степанова имеет свои уровни реализации, среди которых рассмотрим следующие:

1. Уровни реализации смысловой преемственности.

1.1. Дополнение как смысловая перспектива, заданная новым текстом исходному, предшествующему тексту или образу.

В лирической поэме «Суворов» в сильной позиции (в начале текста) находятся введённые А.П. Степановым **заглавия** произведений Гомера, Вергилия и Платона (даны без кавычек), а также имя «Аристотель»: *Илиада, Одиссея, Энеида и жестокий Аристотель у меня перед глазами – нет! Это не Поэма эпическая* [Сув.: 5]. Знаки, отражающие ПТ, входят в антиреферентную группу, которая определяет жанровую и эстетическую противопоставленность авторского текста. К антиреферентной группе другого плана (морально-этическая противопоставленность) примыкает фрагмент, вводящий имя римского философа Платона: *Песнь моя не включает в себе высокой нравственности. Ах! Сколько видим*

новых книг, достойных «Республики» платоновой, и лучшие ли от того мир нравственный? [Сув.: 5].

1.2. Актуализация отдельных, избранных фрагментов, чёткое выделение основного смысла, смыслового ядра и его периферии, фоновых смыслов.

А.П. Степанов был убеждён, что формирование личности человека складывается под влиянием искусств. Для аргументации всепоглощающей силы Музыка и Поэзии енисейский губернатор обращается к мифологическим текстам, текстам античных авторов, актуализаторами которых являются имена собственные. А.П. Степанов использует приём трансформации текста-источника, подчиняя его своему замыслу: *Захочу, – и строю грады. / Заиграет Амфион, – / И гранитные громады, / Исполняя струн закон, / Стройно делятся, ложатся, / Равновесие хранят; / Там столпы из них рождаются, / Там большие своды врат; / И от звуков мусикийских / Стены Фивски возросли* [ПМ: 6]. Упоминание имени героя *Амфион* и употребление словосочетания «стены *Фивски*» вводят мифологический текст о братьях-близнецах – Зете и Амфионе, сыновьях Зевса. Братья получили власть в Фивах по велению Зевса и совместно стали возводить городские стены. Зет обладал физической силой, поэтому носил и складывал огромные камни. Амфион же игрой на лире, подаренной ему Гермесом, заставлял камни ложиться в необходимое место (Гомер «Одиссея», XI 260-265; Павсаний «Описание Эллады», IX 5, 6-8). Зет и Амфион почитались в Фивах как местные герои, которые служили примером двух принципов отношения к жизни: деятельного и созерцательного. Трансформируя известный миф, А.П. Степанов сознательно устраняет образ Зета, так как ему нужно продемонстрировать значимость игры на лире. Подобным образом поступали некоторые художники XVII-XVIII веков, которые изображали рост стен Фив под звуки лиры Амфиона. Этот сюжет был распростра-

нён и в итальянском музыкально-драматическом искусстве [Мифы I: 72-73], которое, вполне возможно, было известно А.П. Степанову. Он неоднократно бывал в Европе, слушал и созерцал произведения итальянских мастеров. Енисейский губернатор, вводя имя одного *Амфиона*, словно подчёркивает созерцательный принцип отношения к жизни.

В этом же контексте обнаруживаем намёк на другое мифологическое имя – «Мусагет»: *и от звуков мусикийских / стены Фивски возросли* (С. 6). Словосочетание «от звуков мусикийских» восходит к имени Аполлона «Мусагет» – водитель муз («Гомеровские гимны», III 450-452).

2. Переходный уровень реализации разнонаправленных интертекстуальных смыслов – сочетание смысловой преемственности и смысловой конфронтации.

В отрывке из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною» отмечен случай двойной функциональной нагрузки наименования фурий. Имя этих богинь встречается в римских мифологических текстах. В монологах Прозерпины актуализировано назначение фурий – приносить наказание за грехи. Прозерпина причисляет Менту к богиням мести и угрызений совести: *Кто дал тебе силу, о Фурий подруга! / ничтожной красою морочить богов? / У грозной богини похитить супруга? / От мысли столь странной волнуется кровь!* [ПНММ: 84]. Вводом в текст слова «фурии» А.П. Степанов актуализирует неистовство богинь мести, а, следовательно, и любовную дерзость Наяды. Но последующие строки позволяют установить связь фурий с Прозерпиной, а не с Ментой: *«Кто дал тебе силу унижить презреньем / Меня, Прозерпину?» И Мента с смиреньем, / Потупивши взоры, сказала: «любовь!» / «Так будь-же на веки с любовью своею: / <...> Измучься в желаньях ты жизнью сею!»* [ПНММ: 85]. Таким образом, наименование фурий в риторическом обращении к Наяде усиливает грозный образ мстительной Прозерпины.

3. Уровни реализации смысловой конфронтации – смысловая трансформация исходного текста, его фрагмента или образа в соответствии с замыслом языковой личности автора.

В дискурсе А.П. Степанова текст «Ветхого Завета» вводится в форме скрытого цитирования, актуализированного реминисценцией, как средство демонстрации неизбежного порядка (ср. Книги Ветхого Завета. Бытие, 1,10, 14, 15, 17, 18; Быт., 1, 31). В стихотворении «Поэзия и Музыка» отмечаем: *Упали каменья, / И ветр возшумел. / Воздушны владенья / Царь света одел / Златыми лучами / Порфиры своей. / С большими морями / Сошелся ручей, / Что тихо в долине / Зеленой журчит...* [ПМ: 4]. А.П. Степанов трансформирует ветхозаветные дни (периоды) творения, не упомянув о создании живых существ, в том числе и о человеке. Это связано с художественным замыслом: центральными образами произведения являются искусства (поэзия и музыка).

В строках стихотворения «Поэзия и Музыка» отмечаем скрытое цитирование, выраженное анафорой, в которой обнаруживаем отзвуки текста оды Г.Р. Державина, её источником явилась лирика псалмопевцев. В сочинении А.П. Степанова читаем: *Я есть сопутница Творца; / Я вечность существом имею; / Я без начала и конца. / <...> Я к творчеству веду чертогу / Людей приятнейшим путём; / Я их способность образую, / Я верность мужеству дарую...* [ПМ: 4, 6]. Ср.: *Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайня степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна Божества; / Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я чевь – я Бог!* [Державин, 1987: 31].

Если Г.Р. Державин запечатлел в оде самосознание христианина, возвеличил мыслящего человека через сопричастность его к Богу, то А.П. Степанов возвысил образ Музыки, созданной Творцом. Енисейский губернатор утвердил

благотворность такого божественного влияния на человека, а также ввёл основное представление христианской теологии: идею творца как абсолютной благодати, имеющего причину в себе самом, по отношению к которому все существа и вещи являются созданием [Мифы II: 599].

В дискурсе А.П. Степанова соотносятся имена *Амфиона* и *Орфея*. Автор трансформирует ту часть мифа об Орфее, которая касается взаимоотношений Орфея и Диониса, имя которого введёно в текст перифразой «Важный лавр» и символами-аллюзиями (листья, вино, пернатые, звери). Согласно тексту-источнику, Орфей не почитал Диониса. Величайшим богом он считал Гелиоса, которого назвал Аполлоном. По одной мифологической версии, за непочтение Дионис наслал на Орфея менад (Псевдо-Эратосфеи «Превращение в звёзды», 24). По версии Овидия, Орфея растерзали вакханки, за что были превращены Дионисом в дубовые деревья (Овидий «Метаморфозы», XI 67-84). В тексте А.П. Степанова образы Диониса и Орфея гармоничны. Автор устраняет традиционное звучание источника и творит свою мифопоэтическую картину, которая подчинена его творческому замыслу – единению всех во имя Музыки. Именами героев создаётся референтная группа *Амфион – Орфей – Дионис*. А.П. Степанов деформирует функции персонажей, обновляя сюжетную линию для создания восторженной эмоциональной тональности.

Енисейский губернатор мифологизирует процесс создания Музыки и Поэзии, в формировании образов которых используются отмеченные прецедентные тексты. Поэтический спор, в котором каждый из видов искусства доказывает своё превосходство, сопричастность к Творцу, есть «вербализованная версия» [Караулов, 1987: 257] раздумий самого автора о значимости для него как для представителя человечества поэзии и музыки. Он размышляет о влиянии двух ис-

кусств на формирование личности, о единстве и гармонии музыкального и поэтического начала в развитии эстетического вкуса человека. Для личности А.П. Степанова была важна сопричастность к этим двум началам. Для него как человека, тонко чувствующего и способного по достоинству оценить произведения искусства, обращение к этой поэтической теме не является случайным. А.П. Степанов мифологизирует поэзию и музыку, в этом процессе ПТ играют значительную роль, являясь средством создания образов и способом аргументации автора.

Прибегая к античным и библейским образам, енисейский губернатор, с одной стороны, сохраняет традиционное содержание культурных знаков (миф о расправе Персефоны над соперницей, возлюбленной своего супруга Аида в отрывке из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною»), с другой стороны, подвергает их структурно-семантической трансформации (лирическая поэма «Суворов», стихотворение «Поэзия и Музыка»).

А.П. Степанов продолжает поэтическую традицию обращения к образам греко-римской античности и христианской культуры. Поэтические пространства античности и христианства стали источником формирования языковой картины мира А.П. Степанова. «Мифология, подобно отсечённой голове Орфея, продолжает петь даже после смерти, и пение её доносится издалека», – справедливо заметил К. Кереньи [Юнг, 1997: 15]. Енисейского губернатора А.П. Степанова как цивилизованного человека XIX в. питала мировая европейская культура, которую взрастила греческая цивилизация. Для подтверждения этой мысли обратимся к авторитету Андре Боннара. Исследователь заметил, что «именно этот примитивный, легковёрный и жестокий народ изобрёл одновременно и как бы в едином порыве... <...> изобрёл цивилизацию – нашу с вами цивилизацию»

[Боннар, 1994: 27]. Ср.: в «Путешествии в Кяхту из Красноярска» А.П.Степанов сравнивает образы бурятской веры с культурой греков: ...*Шиге-муни* (основатель веры бурят) *имел дело с народом грубым, как Орфей с греками...* [Пут.: 93-94].

Поскольку культура «включает в себя ориентацию на идеал, формируемый средствами литературы, искусства» [Маслова, 2004: 8], то для А.П. Степанова как представителя элитарной культуры XIX века образы, символы греческой цивилизации явились средством формирования его языковой картины мира. Греческая цивилизация представляла собой органичный сплав изобретений и открытий, которые охраняли жизнь человека, давали ему возможность творить, наслаждаться жизнью в искусстве. «Человек и мир в представлении греческой цивилизации, – отмечает А. Боннар, – являются отражением один другого – это зеркала, поставленные друг против друга и взаимно читающие один в другом» [Боннар, 1994: 47]. Естественно, что античное поэтическое творчество явилось источником вдохновения для последующих поколений литераторов, к числу которых принадлежит и А.П. Степанов.

Антропоцентричность греческого искусства находит своё отражение в сочинениях енисейского губернатора, человека высокой культуры. А.П. Степанова интересовал человек и плоды его творчества как в области науки, искусства, так и в сфере государственной деятельности. Обратим внимание на поэтические предпочтения А.П. Степанова. Губернатор А.П. Степанов апеллирует в литературном творчестве не столько к гражданской тематике и соответствующим образам, сколько воспекает триумф искусств и любовных наслаждений. Примером тому служат стихотворение «Поэзия и Музыка», отрывок из поэмы «Превращение Няяды Менты в мяту Прозерпиною», стихотворное послание «З – у» («От

страсти Вертер застрелился...»). Поэтика классицизма находит своё отражение в его лирической поэме «Суворов». В ней ярко проявляются гражданские мотивы.

Если обратиться к истории литературного процесса, то можно отметить постоянное проникновение мифологии в литературу. Причём каждая из эпох в истории искусства по-своему прочитывала мифологический материал, подчиняя древнее повествование развитию исторического времени, устраняя циклическую природу мифа. Уже греческие классики основательно переработали мифы и обогатили их социально-философским содержанием [Мифы II: 58-65]. В силу своей исторической, социальной и художественной ценности мифологические тексты, безусловно, являются прецедентными.

Благодаря античным образам диалог двух видов искусств в стихотворении «Поэзия и Музыка», в котором можно уловить сократовские мотивы, приобретает наивысшую торжественность и величавость. Монолог Музыки выстроен по законам восходящей градации, что придаёт интенсивность, масштабность изображаемому. Музыкаке подвластно возведение стен городов, бурное цветение и активность всего живого, даже царская душа находится в её власти, и, наконец, именно Музыка может «положить страстям предел». Ведущими в этой патетической мифологической картине являются образы певцов (Орфей, Тимотей, Демодок, Фемий). Художественной ценностью для А.П. Степанова обладали произведения живописи, скульптуры, архитектуры, оценку которых можно найти в книге очерков «Енисейская губерния», в романе «Постоялый двор» и в «Путешествии в Кяхту из Красноярска». А.П. Степанов даёт эстетическую оценку современным архитектурным сооружениям или культовым постройкам с точки зрения античного искусства, которое для него является совершенным и непревзойдённым.

В литературе XIX в. мифологические тексты являлись универсальной системой образов и придавали смысловой орнамент поэзии. Христианские тексты также служили источником творческой обработки. Образы христианской культуры занимают особое место в дискурсе А.П. Степанова. Для уточнения своеобразного сочетания античных и библейских текстов, сцепление которых представляет достаточно оригинальный узор в сочинениях енисейского губернатора, обратимся к работе Н.Б. Мечковской «Язык и религия». Автор книги отмечает, что «у истоков христианства были мифопоэтические предания, наглядные, эмоционально насыщенные, художественно-выразительные и поэтому легко проникавшие в душу простых людей» [Мечковская, 1998: 27]. Образы, мифопоэтические предания об Иисусе Христе также лежали в основе раннего христианства до появления сочинений «отцов церкви», которые составляют Священное Предание христианства. Таким образом, мифопоэтичность предшествовала собственно религиозному сознанию [Мечковская, 1998: 35].

Заметим, что обращение А.П. Степанова к образам христианской культуры не свидетельствует о религиозности губернатора. В своих ранних сочинениях он обращается только к Священному Писанию (Библии). Причём, в произведениях А.П. Степанова преобладают цитаты из «Книг Ветхого Завета». Текст «Книги книг» служит источником размышлений над литературно-художественными проблемами, отражает способы аргументации писателя, является стилистическим средством и, конечно, демонстрирует широту кругозора А.П. Степанова, его нравственные и эстетические ориентиры. Однако в своём последнем романе «Постоялый двор» А.П. Степанов всё чаще обращается к тексту «Евангелия». Священный христианский текст вводится на страницы романа именем *Спаситель* и местоимением

Он. В ранних сочинениях встречаются только имена *Бог, Вседержитель.*

Следует отметить, что в романе «Постоялый двор» вводятся знаки православных церковных обрядов: венчания, причащения, благодарственного молебна, домашнего и церковного богослужения. Они являются проявлениями культурных религиозных ценностей в сочинениях А.П. Степанова. При этом обряды значимы не в силу своей традиционности, устойчивости, а в силу духовной природы. Системой художественных образов романа А.П. Степанов выражает мысль о том, что религиозность личности является ценностью. Однако эта культурная ценность характеризуется енисейским губернатором как положительная в том случае, если она далека от фанатизма. В союзе с иступленностью, отрешённостью от земных забот религиозность также пагубна для личности, как и плотские страсти.

В оценке религиозной жизни человека А.П. Степанов придерживается закона античных мудрецов: гармония, мера вещей и единство разнонаправленных начал составляют сущностную, истинную красоту во всех её проявлениях. Безусловно, красива, по мнению А.П. Степанова, не только природа и произведения искусства, но и полезная деятельность хлебопашца, промышленника. Результаты их труда способствуют не только личному благу, но и благу государства. Такое единство общественных и личных интересов значимо для А.П. Степанова. По представлениям Александра Петровича, польза, как и красота, является ценностью, поскольку польза, как и красота, имеет не только внешнее материальное выражение, но и обладает сущностной неконкретно-чувственной основой, которая позволяет связывать пользу с добром. Даже если польза имеет сугубо материальное выражение, в картине мира А.П. Степанова проявление такой пользы связывается с красотой.

Выводы по 2 главе

1. В дискурсе ЯЛ А.П. Степанова ПТ выделяются на основании источников, способов ввода (номинативный и референтный способы, прямое и скрытое цитирование), способов отражения (эксплицитные и имплицитные способы) и уровней реализации интертекстуальных смыслов (смысловая преемственность, смысловая конфронтация, сочетание преемственности и конфронтации).

2. В картине мира языковой личности А.П. Степанова значимыми являются образы прецедентных текстов европейской и отечественной (русской) культуры, события истории России и Европы. История составляет культуру народа, во многом её определяет и, конечно, влияет на судьбу отдельной личности. А.П. Степанов был участником легендарных походов А. В. Суворова, которые определяли судьбы европейских государств. Эти исторические события являются значимыми не только для А.П. Степанова и его современников, хотя для них в большей степени. А.П. Степанов бывал в Европе, для него, как для человека статского, значимыми были события Французской революции, оценка которой дана на страницах романа «Постоялый двор». Эта историческая ситуация также является прецедентной для XIX в.

3. Значимостью для языковой личности Степанова обладают не только события недавней истории, но и факты древней или давней истории (времена завоеваний Чингисхана, время появления кочующих народов на территории Енисейской губернии, завоевание Сибири русскими), которые служат источником его размышлений над нынешними событиями.

Заключение

1. Языковая личность признана ключевым понятием в лингвоперсонологии как отрасли языкознания, которая анализирует индивидуальные и социальные проявления личности в лингвистическом аспекте, устанавливает ценностные предпочтения личности путём исследования созданных индивидом текстов. Исследование многомерного понятия языковой личности осуществляется с точки зрения разных подходов и разных оснований классификации языковых личностей (по степени абстракции объекта исследования, на основании проявления творческого начала, характера речевой культуры). Одним из перспективных подходов к анализу конкретной ЯЛ XIX в. является лингвокогнитивный подход. Материалом исследования послужили художественные и публицистические тексты, анализ которых позволил выявить аксиологические концепты в ИЯКМ личности. В текстах первого енисейского губернатора нашло отражение единство социального и индивидуального. А.П.Степанов был той личностью, которая на протяжении всей своей жизни стремилась к активному познанию (чувственному, научному или понятийному) окружающей действительности. Для енисейского губернатора, верноподданного государя императора, было важно определить свое место и отношение к миру, к родному пространству, к людям, на благо которых он работал, к мировому и национальному культурному наследию, которое он впитал с детства. А.П. Степанов был активен в познании тайн бытия и быта, он успешно совмещал воинскую и гражданскую службу с литературным творчеством, сочетал исполнение долга перед императором с человеческим негорделивым отношением к подчинённым, более того, к политическим заключённым. Собственная художественная одарённость не мешала ему заметить и оценить чужую индивидуальность и даровитость.

2. А.П. Степанова интересовали такие объекты действительности, которые по своей природе, сущности обладали эстетической привлекательностью и / или прагматической значимостью. В оценке предметов, явлений признаков, действий, состояний он руководствовался критериями красоты и / или пользы. Можно сказать, что эстетическая и рационалистическая оценки были доминирующими в восприятии действительности и в отношении енисейского губернатора к миру. Именно концепты «Красота» и «Польза» отражают двойственность и многомерность его натуры. Эти концепты относятся к числу наиболее значимых в концептосфере русского этноса первой трети XIX века – периода, который характеризуется борьбой нескольких культурных тенденций: классицизма, сентиментализма, романтизма и зарождающегося реализма. Названные тенденции оказывают влияние на личность А.П. Степанова. В ИЯКМ концепт «Польза» актуализирует завоевания эпохи просвещения, а концепт «Красота» – эпохи сентиментализма и романтизма. Исследование данных концептов приводит нас к установлению типа ЯЛ А.П. Степанова как личности деятельностно-созерцательной. Деятельностная сторона личности А.П. Степанова проявляется в его рациональном взгляде на устройство общества, на торгово-экономические, хозяйственные взаимоотношения людей во внутренней и внешней политике. С одной стороны, А.П. Степанов как государственный человек оценивает степень полезности деятельности правящих органов для страны и для отдельного гражданина. С другой стороны, А.П. Степанов как человек, не лишённый поэтических способностей, воспринимает красоту мира и красоту человека во всём их многообразии.

Анализ ЛСП «Красота» и «Польза» в русском языке XIX в. показал, что в языке русского этноса идеи красоты и пользы имеют большое значение. Вербализация данных полей отра-

жает эстетические и утилитарные представления носителей языка, для которых понятия «красота» и «польза» были ценностно окрашенными. Языковые данные позволяют утверждать, что при всей своей противопоставленности названные понятия были актуальны для этноса в XIX в.

3. Представления А.П. Степанова о равноправии или противопоставленности красоты и пользы являются отражением связей прекрасного и полезного в индивидуальном сознании. Утверждения А.П. Степанова о неразрывном единстве и противоположности концептов «Красота» и «Польза» отражают противоречивое совмещение утилитарных и эстетических установок его личности. Восприятие А.П. Степановым красоты явлений действительности, с одной стороны, не зависит от утилитарных оценок. С другой стороны, его эстетическая оценка конкретных явлений основана на опыте и практике, которые связаны с представлениями о пользе. По представлениям А.П. Степанова, красота и польза стимулируют созидательные и познавательные способности личности и общества, тогда как безобразие и вред подавляют их. Возвышенное понимание пользы как ценности – характерная черта ЯЛ А.П. Степанова. Для А.П. Степанова важно, чтобы гражданин страны испытывал чувство любви к своему отечеству и усиливал это чувство в себе. В его сочинениях содержится важнейшая продуктивная, можно сказать, национальная идея, реализация которой могла способствовать укреплению страны, улучшению благосостояния отдельной личности в составе государства. Речь идёт об осознании своей пользы как части общей пользы и общей пользы как своей собственной.

4. Концепты «Красота» и «Польза» представляют ядерную зону концептосферы ЯЛ А.П. Степанова. Установлено, что эстетическое восприятие енисейского губернатора свободно от утилитарного восприятия, которое лежит в основе

эстетической оценки конкретных явлений действительности. Концепты «Красота» и «Польза» актуализируются как эксплицитным, так и имплицитным способом. В вербализации данных концептов он в полной мере использовал лексические ресурсы русского языка. Анализ концептуализации таких ценностей, как «красота» и «польза» показал, что их репрезентация в сочинениях А.П. Степанова имеет индивидуальные черты. Рассмотренные средства репрезентации концепта «Польза» в сочинениях А.П. Степанова позволяют сделать вывод о высокой степени значимости пользы для его личности. Для первого енисейского губернатора служение отечеству было высочайшим смыслом жизни, оно осознавалось как сохранение и приумножение духовных и материальных богатств отчизны. В отличие от многих авторов художественной литературы первой половины XIX в., А.П. Степанов никогда не использовал эпитет «презренная» по отношению к лексеме «польза». Польза, по А.П. Степанову, есть единство личного и общественного положительного результата. Личная польза признаётся ценностью только в том случае, если она направлена на благо общества и не вступает в противоречия с интересами окружающих. В репрезентации концепта «Красота» у А.П. Степанова больше общих черт с вербализацией данной ценности в русской культуре. Частотными являются контексты, в которых внутренняя красота доминирует над внешней. К дворянину он предъявляет значительно больше моральных требований, чем к крестьянину. В его сочинениях чаще встречается подробное описание внешней красоты женщин высшего общества, нежели описание красоты мещанок или крестьянок. Природа европейской части России не занимает его внимания. А.П. Степанова привлекает мощь и совершенство сибирской природы, красоты которой он сопоставляет с красотой итальянского ландшафта. Губернатора отличает художественный взгляд на природу, творения ко-

торой он признаёт наивысшим мастерством. Представление о красоте произведений искусства, в том числе прикладного, связано в его сознании с шедеврами античного искусства и архитектуры.

5. Своеобразие использования А.П. Степановым прецедентных текстов как художественных ценностей заключается в том, что совокупность христианских представлений (в виде образов, символов) глубоко связана в его дискурсе с античными мифологическими традициями. В ходе исследования установлено, что обращение А.П. Степанова к образам христианской культуры свидетельствует о его православном сознании. Это проявляется в выражении милосердия и сострадания к ближнему, в стремлении осудить грех, а не человека, в желании обрести успокоение в приобщении к церковным таинствам. Текст «Библии» служит источником размышлений над литературно-художественными проблемами, помогает аргументировать авторскую позицию, является стилистическим средством и, наконец, демонстрирует широту кругозора А.П. Степанова, его нравственные и эстетические ориентиры. К числу безусловных художественных ценностей А.П. Степанова относится литературное наследие Античности, а также русская и западноевропейская литература XVIII – нач. XIX вв. Используемые им прецедентные тексты, авторами которых являются Гесиод, Овидий, Аполлоний Родосский, Ферекид, Платон, Пиндар, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Г.Р. Державин, Шиллер, Гёте и др., свидетельствуют об интеллектуальных и эстетических предпочтениях енисейского губернатора.

Исследование ЯЛ А.П. Степанова может и должно быть продолжено в разных направлениях. Необходимо осуществить комплексный подход к изучению ЯЛ А.П. Степанова, который позволил бы выявить качественный и количественный состав лексики, установить типологические классы еди-

ниц лексикона и характер системных связей слов. Нуждается в дальнейшей разработке и лингвокогнитивный уровень структуры ЯЛ А.П. Степанова, комплексный анализ которого даст возможность приблизиться к воссозданию более полной ИЯКМ личности. К числу важных задач дальнейшего изучения ЯЛ А.П. Степанова относится выявление особенностей вербализации прецедентных ситуаций, строения его текста, определение стилистического своеобразия его дискурса, характеристика использования средств языковой выразительности. С целью выявления своеобразия ЯЛ енисейского губернатора возникает также необходимость в исследованиях сопоставительного плана: научный интерес представляют сочинения чиновников из окружения А.П. Степанова. Сопоставительный аспект позволит установить новый объект исследования – ЯЛ крупного государственного чиновника XIX в. Подобные исследования позволят решить такую проблему, как выявление особенностей метаязыкового сознания личности русского человека. Перспективным представляется и создание словаря ЯЛ А.П. Степанова, который даст более полное представление о его языковом существовании.

Литература

1. Абрамова, Е. В. Антропонимический фрагмент языковой картины мира Н. И. Кочина [Текст] / Е. В. Абрамова // Русские народные говоры: история и современность: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящённой 50-летию диалектологической работы в Арзамасском гос. пед. ин-те. (Арзамас, 6-8 октября 2005 г.) / отв. ред. Л. А. Климкова; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 11-14.
2. Агеева, С. В. О роли фреймов знаний в интерпретации метафорических выражений [Электронный ресурс] / С. В. Агеева. Режим доступа: http://www.amursu.ru/8101/vestnik/7/6_7_99.html – 1999.
3. Актуальные проблемы изучения языка и литературы [Текст]: языковая личность в межкультурной коммуникации: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 ноября 2005 г., Абакан / [редкол.: Танков Е. В., к. филол. н., доц. (отв. ред.) и др.]. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2005. – 396, [1] с.
4. Андреева, Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова [Текст] / Е. В. Андреева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; [СПб. гос. ун-т]. – СПб., 2004. – 23 с.
5. Андреева, Л. С. Языковая личность автора: (На материале «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина) [Текст] / Л. С. Андреева // Учен. зап. Казан. гос. ун-та / [Сост. В. И. Шишкин и др.]. – Казань : Изд-во КГУ, 1998. – Т 136. – С. 165-170.
6. Андреева, С. М. Формирование коммуникативной культуры «вторичной» языковой личности иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку [Текст] / С. М. Андреева: автореф. дис. ... канд. п. н.: спец. 13.00.02; [Рос. ун-т дружбы народов]. – М., 2004. – 20 с.: ил.
7. Аникин, Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Аникин Д. В.; [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2004. – 19 с.: ил.
8. Анисимова, Е. Е. Коммуникативно-прагматические нормы [Текст] / Е. Е. Анисимова // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. – М., 1988. – № 6. – С. 64-69.

9. Аниськина, Н. В. Языковая личность современного старшеклассника [Текст] / Н.В. Аниськина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Аниськина Н. В.; [Ярослав. гос. педагог. ун-т им. К. Д. Ушинского. Каф. рус. языка]. – Ярославль: Б.и., 2001. – 19 с.
10. Антропова, М. В. Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественных текстов) [Текст] / М. В. Антропова: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01. – М., 1996. – 21 с.
11. Алпана, Даш. Сопоставления внутренней и внешней речи языковой личности [Текст] / Алпана Даш: автореф. дис. ... к.филол.н.: спец. 10.02.01; [Рос. ун-т дружбы народов]. – М., 1996. – 18 с.
12. Апресян, Ю. Д. Избр. Труды: в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русск. культуры; Восточная литература; РАН, 1995. – 472 с.
13. Аржаных, О. Сын отечества [Текст] / О. Аржаных // Красноярский рабочий. – 1988. – 18 октября. – С. 3.
14. Аржаных, О. Был губернатор в наше время [Текст] / О. Аржаных // Красноярский рабочий. – Красноярск, 1992. – 1 мая. – С. 8.
15. Армина, С. Т. Фукидид как языковая личность (логика построения парных речей) / С. Т. Армина // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф., 28-30 сент. 1994 г. / [Редкол.: В. И. Шаховский и др.] / Ин-т языкознания Рос. АН, М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 11.
16. Арская, М. А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке [Электронный ресурс] / М. А. Арская: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М.: РГБ, 2002. – 185 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
17. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – М., 1987. – № 3. – С. 3-19.
18. Арутюнова, Н. Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие

- концептов [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного [Текст] : [Сб. ст.] / РАН. Ин-т языкознания; сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 5-29.
19. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. – М., 2000. – С. 7-19.
 20. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
 21. Атрощико, А. Ф. Семантика оценки в художественной речи А. Гайдара: (К характеристике языковой личности писателя) [Текст] / А. Ф. Атрощико // Человек и его язык: антропологический аспект исследований : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования РФ. Нижегород. гос. пед. ун-т; [Редкол.: Ю. С. Язикова (отв. ред.) и др.]. – Н. Новгород : НГПУ, 1997. – С. 33-40.
 22. Бабаян, Т. Г. Проблемы социологического изучения феномена «языковой личности» в речевых коммуникациях [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. н.: 22.00.06 / Бабаян Т. Г.; [Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. – Тамбов, 2003. – 19 с.
 23. Бабий, С. Н. Личность и языковая картина мира [Текст] / С. Н. Бабий, А. В. Бастриков, С. П. Васильева // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе : Материалы 8-й Твер. межвуз. конф. ученых-филологов и шк. учителей, 8-9 апр. 1994 г.; Гос. ком. РФ по высш. образованию, Твер. гос. ун-т. – Тверь : ТГУ, 1994. – С. 8-15.
 24. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 52-57.
 25. Бабушкин, А. П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности [Текст] / А. П. Бабушкин // Воронежского государственного университета. Серия 1, Гуманитарные науки : Науч. журн. – Воронеж : Б. и., 1997. – Вып. 2. – С. 114-118.
 26. Баженова, Е. А. Интертекстуальность [Текст] / Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русско-

- го языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука. – 2003. – С. 104-108.
27. Баженова, Л. С. Эстетические концепты «прекрасное» / «безобразное» в англоязычном сознании [Электронный ресурс] / Л. С. Баженова: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.04. – М.: РГБ, 2005. – 201 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
 28. Байбулатова, Е. Н. Лексическая структура текста и проблема языковой личности: (На материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот») [Текст] / Е. Н. Байбулатова: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01; [Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – СПб., 1998. – 18 с.
 29. Балакишиева, Е. Ю. Устойчивые сравнения в речи носителей диалекта [Текст] / Е. Ю. Балакишиева // Живое слово в русской речи Прикамья : Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького; [Редкол.: Ф. Л. Скитова (гл. ред.) и др.]. – Пермь : ПГУ, 1992. – С. 116-124.: граф.
 30. Банкова, Т. Б. Народное представление о «красивом»: этический и эстетический аспекты (на материале «Полного словаря сибирского говора») [Текст] / Т. Б. Банкова // Свременные образовательные стратегии и духовное развитие личности: Материалы Всерос. науч. конф. Секция «Язык в социально-культурном пространстве». – Томск: ТГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 80-83.
 31. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов: учеб. пособ. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
 32. Баранов, А. Н. Концептуальная модель значения идиомы [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики. Немецкий язык : сб. науч. тр. – Тверь, 1991. – С. 3-13.
 33. Барков, А. Ю. Язык науки и языковая личность: (На материале терминологии теории этногенеза Л. Гумилева) [Текст] / А. Ю. Барков // Духовная сфера деятельности человека : Межвуз. сб. науч. тр. аспирантов / [Редкол.: С. В. Никитин (отв. ред.)]. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1996. – С. 77-90.
 34. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М., 1994. – С. 413-423, 462-518.

35. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 356 с.
36. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. [Текст] / В. Г. Белинский ; АН СССР, Ин-т русск. лит. (Пушкинский дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. II. Статьи и рецензии, 1836 – 1838. – С. 51-64; 362.
37. Белякова, И. Е. Концепт «Красота» в системе национальных ценностей (на примере России и США) [Текст] / И. Е. Белякова // Духовная культура русской словесности: материалы 29 научно-практической конференции. Тюмень, 24 мая 2006 г. / под общ. ред. академика РАЕН, АРЭ, РАГН Н. К. Фролова: В 2 ч. Ч. 1. – Тюмень: Изд. Тюмен. гос. ун-та, 2007. – С. 61-64.
38. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / В. П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 121, [2] с.
39. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова и др.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 444, [1] с. – (Лингвистическое наследие XX века).
40. Бердников, Л. П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822 – 1916). Факты, события люди [Текст] / Л. П. Бердников, администрация г. Красноярска. – Красноярск: Кн. изд-во, 1995. – С. 14-37; 222-234.
41. Бердников, Л. П. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822 – 1917) [Текст] / Л. П. Бердников. – Красноярск: КИ «Изд. проекты», 2003. – 288 с.
42. Богин, Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов [Текст] / Г. И. Богин: автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.19; [ЛГУ им. А. А. Жданова, филол. фак.]. – Л., 1984. – 31 с.: граф.
43. Богомолов, А. Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопэтики: (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Богомолов А. Ю.; [Череповец. гос. ун-т, каф. рус. языка и общего языкознания]. – Череповец, 2005. – 22 с.
44. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкоз-

- нанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ : в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
45. Болотнов А.В. Изучение языковой репрезентации тезаурусного подстиля публичной языковой личности в медиадискурсе [Текст] / А.В. Болотнов // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 11-15.
 46. Болотнова, Н. С. Коммуникативная компетенция и духовная культура личности [Текст] / Н. С. Болотнова // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее : [Материалы Духов.-ист. чтений / Редкол.: О. Н. Бахтина и др.]; Администрация Том. обл., Том. епархия, Совет ректоров вузов Томска. – Томск : Изд-во НТЛ, 1998. – С. 189-190.
 47. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск: ТГУ, 1992. – 312 с.
 48. Бондарчук, Н. С. Описание языковой личности в историческом аспекте [Текст] / Н. С. Бондарчук, Р. Д. Кузнецова // Семантика русского языка в диахронии : межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т; [Редкол.: С. С. Ваулина (отв. ред.) и др.]. – Калининград : КГУ, 1994. – С. 92-99.
 49. Бондарчук, Н. С. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII-XIX веков [Текст] / Н. С. Бондарчук, Р. Д. Кузнецова // Тверской языковой регион в историко- функциональном и лингвогеографическом аспектах : Коллектив. моногр. / [Т. В. Кириллова, Р. Д. Кузнецова, Н. С. Бондарчук и др.]; Твер. гос. ун-т. – Тверь : ТГУ, 1995. – С. 91-118: схем.
 50. Боннар, А. Греческая цивилизация [Текст] / Андре Боннар: в 2 т.; [вступит. ст. к 1 т. Ю. В. Журавлёва]. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс», 1994. – Т. 1. От Илиады до Парфенона. – 448 с.
 51. Борев, Ю. Б. Эстетика [Текст] / Ю. Б. Борев. – 4-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.: ил.
 52. Борисов, А. Наш первый губернатор – «Демосфен» [Текст] / А. Борисов // Городские новости. – Красноярск, 2001. – 4 мая. – С. 5.
 53. Боссонова, В. В. Формирование «языковой личности» – задача обучения русскому языку в школе [Текст] / В. В. Боссонова // Вузовская наука 50-летию Великой Победы : (Материалы науч.

- конф., посвящ. 50-летию Победы сов. народа в Великой Отеч. войне, 5 мая 1995) / [Редкол.: С. В. Иванова (отв. ред.) и др.]; Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1995. – С. 143-135: ил.
54. Бубнова, И. А. Формирование языковой личности как основная цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе [Текст] / И. А. Бубнова // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2004. – № 1. – С. 250-251.
 55. Букирева, Т. А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова [Текст] / Т. А. Букирева: автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01; [Куб. гос. ун-т]. – Краснодар, 2000. – 18 с.
 56. Буланков, В. В. Енисейск: Очерки по истории развития и заселения города. 1619 – 1999 [Текст] / В. В. Буланков, К. Ю. Шумов. – Красноярск: Кн. изд-во, 1999. – 214 с.
 57. Бурлаков, Ю. А. Механизмы речи и мышления [Текст] / Ю. А. Бурлаков: Учеб.-метод. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 63, [1] с.
 58. Быконя, Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. [Текст] / Г. Ф. Быконя. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – 248 с.
 59. Быконя, Г.Ф. История Красноярска. Документы и материалы [Текст] / Сост. Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 2000. – 197, [2] с.
 60. Быконя, Г. Ф. История Приенисейского края XVII – первой половины XVIII вв. [Текст] / Г. Ф. Быконя. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – 248 с.
 61. Быконя, Г. Ф. Первый губернатор. Комментарии [Текст] / Г. Ф. Быконя // А. П. Степанов. Енисейская губерния ; ред. сост. А. П. Статейнов – Красноярск : Горница, 1997. – С. 5-15, 195-223.
 62. Быконя, Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – нач. XIX вв.: Формирование военно-бюрократического дворянства [Текст] / Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 297, [2] с.
 63. Быконя, Г. Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII – XIX вв.) [Текст] / Г. Ф. Быконя [и др.]. – Красноярск: Кн. изд-во, 1990. – 304 с.

64. Варфоломеева, О. В. Формирование эффективного психотерапевта как развитой языковой личности [Текст] / О. В. Варфоломеева: автореф. дис. ... канд. психол. н.: спец. 19.00.13; [Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации]. – М., 1998. – 21 с.
65. Василюк, И. П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности: (На материале афористики) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Василюк И. П.; [Рос. ун-т дружбы народов]. – М., 2004. – 20, [1] с.
66. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая; Центр.-Европ. ун-т. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 288 с.
67. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая; Центр.-Европ. Ун-т. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – [1], XII, 777 с.: портр. – (Язык. Семиотика. Культура).
68. Вендина, Т. И. Прекрасное и безобразное [Текст] / Т. И. Вендина // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик. – 2004. – С. 143-162.
69. Викторова, Л. Г. К вопросу о языковой личности в образовательных системах [Текст] / Л. Г. Викторова // Человек и его среда : науч.-практ. конф. : сб. ст. / [Редкол.: Г. Я. Белякова (отв. ред.) и др.]; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Краснояр. гос. технол. акад. – Красноярск : КГТА, 1997. – С. 188-191.
70. Виноградов, В. В. О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов ; АН СССР, Отделение литературы и языка. – М.: Наука, 1971. – С. 100-108.
71. Виноградов, В. В. О художественной прозе [Текст] / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избр. труды : О языке художественной прозы / отв. ред. Г. В. Степанов, А. П. Чудаков ; АН СССР, Отделение литературы и языка. – М.: Наука, 1980. – С. 56-175.
72. Винокурова, У. А. Полилингвизм в стратегии формирования языковой личности в Республике Саха (Якутия) [Текст] / У.

- А. Винокурова // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М. : Б. и., 1994.
73. Власова, Н. А. Историко-педагогические аспекты формирования ценностной ориентации личности через общение [Текст] / Н. А. Власова // Историко-педагогическое измерение в образовании : сб. материалов науч.-практ. межрегион. конф. (май 1998 г.); [Науч. ред. В. Г. Воронцова]; С.-Петербург. гос. ун-т пед. мастерства. Каф. истории педагогики. – СПб. : СПбГУПМ, 1999. – С. 90-92.
74. Волкова, Т. Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Волкова Т. Ф.; [Том. гос. ун-т]. – Томск, 2004. – 30 с.
75. Волкова Т.Ф. Теоретические и прикладные аспекты изучения публичной языковой личности [Текст] / Т.Ф. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1-1. – С. 60-63.
76. Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. [Текст]. – Томск: ТГУ, 1978. – 144 с.
77. Воркачѳв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачѳв // Филологические науки. – М., 2001. – № 1. – С. 64-72.
78. Ворожбитова, А. А. О «национальной принадлежности» произведений русских двуязычных писателей как маргинальных языковых личностей [Текст] / А. А. Ворожбитова // Этнонациональная ментальность в художественной литературе : Материалы Всерос. науч. конф., [Ставрополь, 22-24 сент. 1999 г. / Редкол.: Л. П. Егорова (отв. ред.) и др.]; М-во образования Рос. Федерации, Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1999. – С. 209-214.
79. Воронцова, Ю. А. Реминисценции в текстах современных средств массовой информации [Текст] / Ю. А. Воронцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; [Белгород. гос. ун-т]. – Белгород, 2004. – 22 с.
80. Воспитание языковой личности и изучение литературы [Текст]: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 2-4 нояб. 2001 г.) / [Науч. редактор М. П.

- Воюшина]; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2002. – 123 с.
81. Выготский, Л. С. Психология искусства [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1986. – 572 с.
 82. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого: Опыт диахронич. описания [Текст] / Н. И. Гайнуллина; Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби. – Алматы: Казах. университети, 2002. – 139, [2] с.
 83. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
 84. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – Москва: УРСС, 2004. – 137, [2] с. – (Лингвистическое Наследие XX века).
 85. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.
 86. Гиль, О. Г. Устная речь как источник информации о личности [Текст] / О. Г. Гиль // Вестник Тюменского государственного университета; М-во общ. и проф. образования РФ; Вестник ТГУ. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1998. – № 4. – С. 122-119.
 87. Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения [Текст]: Материалы Междунар. науч.-метод. конф., (Санкт-Петербург, 26-28 февр. 2001 г.) / [Редкол.: В. Д. Черняк (отв. ред.) и др.] / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 541 с.
 88. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства [Текст] / Н.Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Филология / Отв. секр. ред. журн. Д. А. Катунин. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
 89. Головенкина, Л. Х. Ребенок Севера. Языковая личность [Текст] / Л. Х. Головенкина // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: Материалы респ. науч.-практ. конф. (17-22 нояб. 1996 г.). Материалы регион. науч. конф., посвящ. 600-летию помор. с. Ненокса (22-24 мая 1997 г.) / [Редкол.: Н. В. Дранникова, (отв. ред.) и др.]; М-во общ. и проф. Образования Рос.

- Федерации, Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Северодв. гуманитар. ин-т. Лаб. фольклора и древнерус. книжности. – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1998. – С. 111-115.
90. Головин, Б. Н. «Лингвистика текста» или «лингвистика речи»? [Текст] / Б. Н. Головин // Термины в языке и речи: межвуз. сб. / отв. ред. Б.Н. Головин. – Горький, 1984.
91. Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска [Текст] / под ред. Г. Ф. Быкони. – Красноярск: Кн. изд-во, 1986. – С. 5-22.
92. Горшков, А. И. Русская стилистика [Текст] : учеб. пособие / А. И. Горшков. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 367, [1] с.
93. Горшман, А. Первый красноярский губернатор [Текст] / А. Горшман // Енисей. – 1991. – № 5. – С.78-80.
94. Григорьева-Голубева, В. А. Гуманистические ценности в образовании и развитие языковой личности педагога [Текст] / В. А. Григорьева-Голубева; М-во образования Рос. Федерации, С.-Петербург. гос. мор. техн. ун-т. – СПб.: СПбГМТУ, 2001. – 272 с.
95. Гудков, Д. Б. Лингвистические и методические проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков // Лингвистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. – С. 45-57.
96. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности [Текст] / Д. Б. Гудков. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1999. – 221 с.
97. Гужвенко, О. В. Религиозно-мифологические представления региональной топонимической личности [Текст] / О. В. Гужвенко // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2003. – Вып. 5. – С. 212-213.
98. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / Вильгельм фон Гумбольдт; пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – 396, [1] с. : портр. – (Филологи мира).
99. Гуц, Е. Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка [Текст] / Е. Н. Гуц // Жанры речи / Ин-т рус. яз. и рус. лит. при филол. фак. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского; [Редкол.: Гольдин В. Е. (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 131-137.

100. Гынгазова, Л. Г. Жанр оценки в языке личности [Текст] / Л. Г. Гынгазова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвуз. сб. ст. – Томск: ТГУ, 1998. – С. 40-49.
101. Гынгазова, Л. Г. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» как источник изучения идиолекта в синтаксическом аспекте [Текст] / Л. Г. Гынгазова // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. – М., 2002. – С. 239-243.
102. Гынгазова, Л. Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности [Текст] / Л. Г. Гынгазова // Филология: Язык. Текст. Коммуникация : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Томск: ТГУ, 2003 а. – С. 151-155.
103. Гынгазова, Л. Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности [Текст] / Л. Г. Гынгазова // Актуальные проблемы русистики : Материалы Междунар. науч. конф. (Томск, 21-23 октября 2003 г.) / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: ТГУ, 2003 б. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 103-111.
104. Гынгазова, Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) [Текст] / Л. Г. Гынгазова // Актуальные направления функциональной лингвистики : Материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». – Томск: ТГУ, 2001. – С. 167-174.
105. Гынгазова Л.Г. «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры [Текст] / Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология / Отв. секр. ред. журн. Д. А. Катунин. – 2013. – № 4 (24). – С. 5–18.
106. Дамашек, Л. М. Коренное население Енисейской губернии по данным ревизии 1840 – 1841 годов [Текст] / Л. М. Дамашек // Очерки истории Сибири. Вып. 3. – Иркутск, 1973. – С. 147-158.
107. Демешкина, Т. А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) [Текст] / Т. А. Демешкина // Явление вариативности в языке. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 21-25.
108. Демешкина, Т. А. Способы описания концептов диалектной культуры [Текст] / Т. А. Демешкина // Картина мира: модели, методы, концепты. – Томск: ТГУ, 2002. – С. 59-68.

109. Дементьева, И. Е. Лексико-семантическое поле «прекрасное – уродливое» в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Дементьева И. Е.; [Тюмен. гос. ун-т]. – Тюмень, 2002. – 22 с.
110. Демьянков, В. З. Пленительная красота [Текст] / В. З. Демьянков // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 169-209.
111. Дерягина, Е. В. Языковая личность автора: подходы изучения [Текст] / Е. В. Дерягина // Семантика слова, образа, текста : [сб. науч. ст.] / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Пом. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Северодв. гуманитар. ин-т; [Редкол.: к. филол. н. А. А. Камалова (отв. ред.) и др.]. – Архангельск : Изд-во Пом. гос. ун-та, 1998. – С. 78-81.
112. Десяева, Н. Д. Типовые модели речевого поведения учителя-филолога и способы их реализации [Текст] / Н. Д. Десяева // Филологические заметки : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Морд. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева; [Редкол.: И. А. Анашкина, О. Е. Осовский, (отв. ред.) и др.]. – Саранск : Морд. гос. пед. ин-т, 1999. – С. 114-117.
113. Диденко, Л. В. Высказывания с выражением чувств в языке личности : к вопросу о языковой картине мира [Текст] / Л. В. Диденко // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 2001. – С. 157-161.
114. Дридзе, Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов [Текст] / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976. – 205 с.
115. Дридзе, Т. М. Текст как иерархия коммуникативных программ [Текст] / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976. – 140 с.
116. Дружинина, В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев) [Текст] / В. В. Дружинина, А. А. Ворожбитова; М-во образования Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Сочин. гос. ун-т туризма и курорт. дела. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. – 151, [1] с.

117. Дуров, А. А. «До третьих петухов» В.М. Шукшина как модель мира народной культуры (метафизический аспект) [Текст] / А. А. Дуров // Текст как объект многоаспектного исследования; Научно-методический семинар «TEXTUS». – СПб., 1998. – Вып. 3. Ч. 2. – С. 156-169.
118. Дядечко, Л. П. Лингвистическая характеристика цитат-реминисценций в современном русском языке [Текст] / Л. П. Дядечко: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01; [Киевск. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко]. – Киев, 1989. – 16 с.
119. Иванов, А. «Воспеваю тебя, Енисей...» К 150-летию со дня смерти русского писателя А.П. Степанова [Текст] / А. Иванов // Знамя Ильича. – 1987. – 11 июля. – С. 4.
120. Евтюгина, А. А. Прецедентные тексты в поэзии В.Высоцкого (к проблеме идиостиля) [Текст] / А. А. Евтюгина: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.
121. Ейгер, Г. В. Язык и личность [Текст] / Г. В. Ейгер: Учеб. пособие / Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Харьков : ХГУ, 1991. – 79, [2] с.
122. Елистратов, В. С. «Текст», «клип» и «прецедент»: (СМИ и мы) [Текст] / В. С. Елистратов // Вопросы русского языкознания. – М., 2004. – Вып. 11. – С. 134-139.
123. Емельянова, З. В. Формирование интерактивной компетенции языковой личности при обучении иностранным языкам в неязыковом вузе [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. н.: спец. 13.00.01 / Емельянова З. В.; [Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова]. – Якутск, 2000. – 18 с.
124. Енина, Е. Первый губернатор (к 175-летию Енисейской губернии) [Текст] / Е. Енина // Вечерний Красноярск. – 1997. – 26 марта. – С. 3.
125. Енисейская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. [Текст]. – СПб., 1864. – 210 с.
126. Ерофеева, Т. И. Речевой портрет говорящего [Текст] / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города: сб. науч. тр. / отв ред. Н. А. Купина. – Свердловск, 1990. – С. 90-91.
127. Ерофеева, Т. И. Тип темперамента человека и его речь [Текст] / Т. И. Ерофеева, О. В. Марамзина // Живое слово в русской речи Прикамья : Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А.

- М. Горького; [Редкол.: Ф. Л. Скитова (гл. ред.) и др.]. – Пермь : ПГУ, 1992. – С. 55-61.
128. Жинкин, Н. И. Механизмы речи [Текст] / Н. И. Жинкин. – М., 1958. – 370 с.
 129. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин / [Предисл. Р. Г. Котова, А. И. Новикова] / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
 130. Жунусбекова, А. К. Билингвальная языковая личность в когнитивно-прагматическом аспекте [Текст] / А. К. Жунусбекова // Научные труды Международной научно-практической конференции учёных МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ, 5-6 января 2004 года. – М.; Луганск; Смоленск, 2004. – Т. 4. – С.31-36.
 131. Жура, В. В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности: (На материале англояз. худож. лит.) [Текст] / В. В. Жура: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.04; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2000. – 23 с.
 132. Закирова, Г. Ш. Формирование языковой личности школьника в процессе развития иноязычной речевой деятельности [Текст] : автореф. дис. ... канд. п. н. : спец. 13.00.01 / Закирова Г. Ш.; [Казан. гос. пед. ун-т]. – Казань, 2005. – 25 с.
 133. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелёв // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.htm/
 134. Залогина, Е. М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Залогина Е. М.; [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. – СПб., 2004. – 20 с.
 135. Замалетдинов, Р. Р. Национально-языковая картина татарского мира [Электронный ресурс] / Р. Р. Замалетдинов: дис. ... д-ра филол. н. : 10.02.02. – М.: РГБ, 2005. – 499 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
 136. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации [Текст] / Е. Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2001. – С. 299-469.
 137. Захарова, М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имён собственных: (на материале англоязычных художествен-

- ных и публицистических текстов) [Текст] / М. А. Захарова : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04; [Самар. гос. пед. ун-т]. – Самара, 2004. – 18, [1] с.
138. Звёзды над Енисеем: Очерки, статьи, интервью [Текст] / под ред. Ю. П. Авдюкова. – Красноярск, 1997. – С. 3-6.
139. Зеленская, В. В. Репрезентативная сущность языковой личности в коммуникативном аспекте реализаций [Текст] : автореф. дис.... д-ра филол. н. : спец. 10.02.19. / Зеленская Валентина Васильевна; [Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2000. – 32 с. – Библиогр.: с. 30-32 (33 назв.).
140. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1979. – 213 с.
141. Иванова, Г. А. Педагогические основы формирования языковой личности посредством культуры иноязычного чтения [Текст] / Г. А. Иванова: автореф. дис. ... канд. п. н.: спец. 13.00.01.; [Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова]. – Якутск, 2000. – 22 с.: ил.
142. Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка : первая половина XVIII века : на материале писем и распоряжений А.Н. Демидова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Иванова Евгения Николаевна; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. – Екатеринбург, 2008. – 270 с.
143. Иванова, С. В. Языковая личность сквозь призму гендера [Текст] / С. В. Иванова // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа, 2003. – Ч. 1. – С. 87-92.
144. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Многозначное слово в художественном тексте [Текст] / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой: сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; ред. Е. В. Красильникова, А. Г. Грек. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 113-122.
145. Иванцова, Е. В. Идиолектный словарь сравнений сибирского сторожила [Текст] / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та. – 2005. – 162 с. Иванцова Е.В. Методологические проблемы создания словаря языковой личности [Текст] / Е.В. Иванцо-

- ва // Вопросы лексикографии / Отв. секр. ред. журн. Д. А. Катунин. – 2012. – № 1. – С. 27-51.
146. Иванцова, Е. В. О речевом этикете диалектоносителя [Текст] / Е. В. Иванцова / Том. гос. ун-т. – Томск, 1994 – 24 с. Деп. в ИНИОН РАН 14.03.95, 50165.
147. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования [Текст] / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология / Отв. секр. ред. журн. Д. А. Катунин. – 2010. – № 4 (12). – С. 24-32.
148. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии [Текст] / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология / Отв. секр. ред. журн. Д. А. Катунин. – 2008. – № 3 (4). – С. 27-43.
149. Иванцова, Е. В. Речевой портрет личности : Особенности строения текста [Текст] / Е. В. Иванцова // Человек – коммуникация – текст. – Барнаул, 1997. – Вып. 1: Человек в свете его коммуникативного самоосуществления. – С. 169-173.
150. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности [Текст] / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 2002. – 312 с.
151. Ивина, Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) [Текст] / Л. В. Ивина ; РГНФ, Институт Человека РАН : учебно-методич. Пособ. – М. : Академический проект, 2003. – 304 с.
152. Ивушкина, Т. А. Речь английского аристократа как характеристика языковой личности [Текст] / Т. А. Ивушкина // Языковая личность и семантика [Текст] : Тез. докл. науч. конф., 28-30 сент. 1994 г. / [Редкол.: В. И. Шаховский и др.] / Ин-т языкознания Рос. АН, М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 51.
153. Игнатова, И. Б. Обучение грамматическому строю русской речи иностранных студентов-филологов как основа формирования языковой личности будущего учителя [Текст] / И. Б. Игнатова : автореф. дис. ... канд. п. н.: спец.13.00.02; [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. – СПб., 1997. – 34 с.

154. Игнатова, И. Б. Формирование грамматико-коммуникативной компетенции языковой личности иностранных студентов [Текст] / И. Б. Игнатова, С. Б. Мордас; М-во образования и науки Рос. Федерации, Белгор. гос. ун-т, [Федер.-целевая прогр. «Федер.-регион. политика в науке и образовании» (подпрогр. «Совместная реализация науч.-образоват. прогр. с регионами»)]. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 171 с.: ил.
155. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
156. Исламшин, Р. А. Андрагогика: историко-педагогический процесс и языковая личность XXI века [Текст] / Р. А. Исламшин, В. Ф. Габдулхаков: уч. пособ. для системы доп. проф. пед. образ.; Рос.акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т. – М.: Изд-во Московского психолого- социального института; Воронеж: МОДЭК, 2005. – 287 с.
157. Исследования по структуре текста [Текст] : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. Т. В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – 301, [1] с.: ил.
158. История Красноярского края [Текст] : учеб. пособие по краеведению для учителей истории / под ред. М. Б. Шейнфельда. – Красноярск, 1967. – 142 с.
159. История Красноярского края [Текст] / Н. И. Дроздов, Г. Ф. Быконя, М. Б. Шейнфельд, П. Н. Мешалкин; общ. ред. М. Б. Шейнфельда. – Красноярск: Кн. изд-во, 1981. – 141 с.: ил.
160. История Сибири с древнейших времён до наших дней [Текст]. – Т. 2. – Л., 1968. – С. 457-458.
161. Ишкова, Т. Н. Концепт языковой личности в английском языке в сопоставлении с русским языком: (На примере анализа вариантов пер. пьесы Б. Шоу «Пигмалион») [Текст] / Т. Н. Ишкова : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.20; [Рос. ун-т дружбы народов]. – М., 2002. – 14 с.
162. Казакова, О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Казакова Ольга Анатольевна; [Томск. гос. ун-т]. – Томск, 2005. – 22 с.
163. Кайда, Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию [Текст] : учеб. пособие / Л. Г. Кайда. – М.: Флинта. – 2004. – 208 с.

164. Калугин, В. В. Языковая личность и особенности стиля князя А. М. Курбского / В. В. Калугин // Русский язык за рубежом. – М., 1999. – № 1. – С. 76-87.
165. Каменская, О. Л. Тест и коммуникация [Текст] / О. Л. Каменская. – М.: Высш. шк. – 1990. – 152 с.
166. Канчер, М. А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса: (На материале игровых программ) [Текст] / М. А. Канчер: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01.; [Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького]. – Екатеринбург, 2002. – 20 с. : ил.
167. Каракуц-Бородина, Л. А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект: (На материале русскоязыч. прозы) [Текст] / Л. А. Каракуц-Бородина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01; [Башк. гос. ун-т]. – Уфа, 2000. – 20 с.
168. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность [Текст] / В.И. Карасик // Филология. – Краснодар, 1994. – С. 2-7.
169. Карасик, В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / Н.-и. лаб. «Аксиол. лингвистика» / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
170. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю. Н. Караулов / РАН. Науч. шк. «Рус. языковая личность» Рос. фонда фундам. исслед. – М., 1999. – 180 с.
171. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. С. Г. Борхударов ; АН СССР, отделение литературы и языка, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
172. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов; отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1987. – 261, [2] с.
173. Караулов, Ю. Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи её изучения [Текст] / Ю. Н. Караулов // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1989. – С. 3-8.
174. Караулов, Ю. Н. «Четыре кита» современной лингвистики, или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке: (От содержания науки – к ее истории) [Текст] /

- Ю. Н. Караулов // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке : сб. науч. тр. / Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР; [Отв. ред. Э. Ф. Володин, В. П. Нерознак]. – М. : ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1986. – С. 33-52.
175. Караулов, Ю. Н. Языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. – С. 671.
176. Караулов, Ю. Н. Языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 671-672.
177. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы [Текст] / П. А. Катышев ; под ред. Л. А. Араевой. – Томск: Изд. Том. Ун-та, 2005. – 260 с.
178. Кашина, М. А. «Вещный мир» И. Бродского (на материале сборника «Части речи»: к вопросу о языковом мире поэта) [Текст] / М. А. Кашина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; [Череповец. гос. ун-т]. – Череповец, 2000. – 21 с.
179. Киуру, К. В. Референт как профессиональный коммуникатор : (Анализ стереотипного речевого поведения) [Текст] / К. В. Киуру: автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.19 / Киуру К. В.; [Перм. гос. ун-т]. – Пермь, 1999. – 22 с. – Библиогр.: с. 20 – 22 (22 назв.).
180. Клименко, Л. П. Лексико-семантическая характеристика понятия «красоты» в старославянских сакральных текстах X – XI вв. [Текст] / Л. П. Клименко // Пятые Поливановские чтения: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений. – Смоленск, 2000. – Ч. 2. – С. 22-28.
181. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал – УРСС, 2000. – 352 с.
182. Колесникова, Л. Н. Языковая личность в аспекте диалога культур [Текст] / Л. Н. Колесникова; М-во образования РФ, Орлов. гос. ун-т, Орлов. фил. Ин-та общ. сред. образования Рос. акад. образования. – Орел: ОГУ, 2001. – 286, [1] с.: портр.
183. Колчина, О. Н. Диалог культур в структуре языковой лично-

- сти: (на материале поэзии Б. Гребенщикова) [Текст] / О.Н. Колчина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Колчина Ольга Николаевна; [Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского]. – Н. Новгород, 2004. – 17 с.
184. Коммуникативно-функциональное описание языка [Текст]: сб. науч. статей / М-во образования Рос. Федерации, Башкир. гос. ун-т; [Редкол.: д. филол.н., проф. В. М. Калимуллина (отв. ред.) и др.]. – Уфа: БашГУ, 2003. – 221 с.
185. Кормилицына, М. А. Языковая личность В. В. Виноградова в его письмах к жене // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26: Язык и человек. – С. 63-71.
186. Косивцова А.В. Лингвопрагматический анализ языковой личности заводчика Н.А. Демидова (на материале частно-деловых писем XVIII в.) [Текст] / А.В. Косивцова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 258-264.
187. Косивцова А. В. Речевой портрет адресанта : на материале частно-деловых писем Н.А. Демидова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Косивцова Анастасия Владимировна; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. – Тюмень, 2011. – 308 с.
188. Костомаров, В. Г. Символы прецедентных текстов в коммуникации [Текст] / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней : Материалы конф. и семинаров / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Волгоград. гос. ун-т; [Редкол.: С. П. Лопушанская (отв. ред.) и др.]. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – С. 7-14.
189. Костомаров П.И. Прецедентные тексты в дискурсе личности – носителя немецкого народно-разговорного языка Сибири [Текст] / П.И. Костомаров // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 334. – С. 15-17.
190. Котов, А. А. Лексикографический взгляд на русскую языковую личность 1970-х – начала 90-х гг. [Текст] / А. А. Котов // Ситуации культурного перелома : Материалы науч.-теорет. семинара (24-26 апр. 1997 г.) / [Редкол.: А. М.Сергеев (отв.ред.) и др.]; Петрозав.гос. ун-т, Гуманит. науч. о-во. – Петрозаводск : Изд-во Петрозав. ун-та, 1998. – С. 78-89.

191. Котюрова, М. П. Научный текст и стиль мышления ученого [Текст] / М.П. Котюрова // Лингвистика : [Сб. ст.] / гл. ред. проф. Р. В. Комина. – Пермь : Перм. ун-т, 1996. – С. 32-48. – 24 см. – (Вестник Пермского университета : Науч. журн; Вып. 2).
192. Кочеткова, Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры в аспекте концептов русской культуры [Текст] / Т. В. Кочеткова // Античный мир и мы : [Вып. 5] : Материалы и тез. конф., 16-17 апреля 1998 г. / [Редкол.: Н. А. Демина и др.]; Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов : Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 1999. – С. 21-29.
193. Кочеткова, Т. В. Языковая личность в лекционном тексте [Текст] / Т. В. Кочеткова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 212 с.: портр.
194. Крайникова, М. Н. Контактостанавливающие единицы языка как средство развития языковой личности учащегося [Текст] : автореф. дис. ... канд. п. н.: спец. 13.00.02 / Крайникова М. Н.; [Нижегор. гос. пед. ун-т]. – Нижний Новгород, 2005. – 23 с.
195. Крапивец, Е. А. Средства выражения экспрессивности в лексиконе одной языковой личности [Текст] / Е. А. Крапивец // Juvenilia : сб. студ. и аспирантских работ. – Томск: ТГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 126-128.
196. Крапивец, Е. А. Ценностная картина мира диалектной личности (на материале экспрессивных лексических единиц) [Текст] / Е. А. Крапивец // Язык. Картина мира : Материалы Всерос. науч. конф. – Омск, 2000. – Ч. 1. – С. 114-118.
197. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : Монография [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
198. Красных, В. В. О tempora, о mores! Новые структуры русской когнитивной базы [Текст] / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. – С. 107-120.
199. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 374 с.
200. Красных, В. В. Прецедентные феномены [Текст] / В. В. Красных // Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – С.169-229.

201. Красных, В. В. Человек говорящий [Текст] / В. В. Красных // Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 40-70.
202. Кривецкая, Е. С. Оказиональная фразеологическая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Кривецкая Е. С.; [Ставроп. гос. ун-т]. – Ставрополь, 2006. – 24 с.: ил.
203. Крицкий, И. Первый Енисейский губернатор [Текст] / И. Крицкий // АИФ – Енисей. – 1994. – № 4. – С. 4.
204. Крюкова, И. В. Рекламное имя: изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19; [Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 2004. – 40 с.
205. Кубиц, Г. В. Профессионализация языковой личности: (На прим. юридического дискурса) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19 / Кубиц Г. В.; [Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск, 2005. – 19 с.
206. Кубрякова, Е. С. Концепт [Текст] / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 90-93.
207. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / [Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный]; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – 238, [1] с.
208. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова ; РАН, Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура.)
209. Кудинова, Т. А. Просторечие и диалект в языке А. П.Чехова: (К характеристике языковой личности писателя) [Текст] / Т. А. Кудинова: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Кудинова Таисия Анатольевна; [Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2000. – 24 с.
210. Кузьмина, Е. А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка) [Текст] / Е.

- Н. Кузьмина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.04 / Кузьмина Е. А.; [Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. – Тамбов, 2002. – 23, [1] с.
211. Кузьмина, Г. Ш. Синергетика концептосферы С. Т. Аксакова как русской языковой личности в диалогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» [Текст] / Г. Ш. Кузьмина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01; [Башк. гос. ун-т]. – Уфа, 2005. – 24 с.: ил.
212. Куликов, Д. В. Становление двуязычной личности в условиях искусственного билингвизма (лексический и лексикографический аспекты) [Текст] / Д. В. Куликов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; [Саратов. гос. акад. Права]. – Саратов, 2004. – 26 с.
213. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме [Текст] / Л. В. Куликова ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Монография. – Красноярск, 2006. – 392 с.
214. Кулишова, Н. Д. Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик (на материале письменных текстов) [Текст] / Н. Д. Кулишова: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19; [Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2001. – 23, [1] с.: ил.
215. Кустова, О. Ю. Ключевые концепты авторской картины мира (на материале произведений А. П. Чехова) [Текст] / О. Ю. Кустова // Мир и язык: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005 а. – С. 115-121. – (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).
216. Кустова, О. Ю. Признаки стихий у концепта «ДУША» в картине мира К. Д. Бальмонта [Текст] / О. Ю. Кустова // Грамматика. Семантика. Концептология : Сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005 б. – С. 209-215. – (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).
217. Левашкина, О. Ю. Текст как репрезентат языковой личности в межкультурной коммуникации [Текст] : автореф. дис. ... канд. культур. н.: спец. 24.00.01 / Левашкина О. Ю.; [Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева]. – Саранск, 2005. – 18 с.
218. Левоненко, О. А. Языковая личность в электронном гипертексте (на материале экспрессивного синтаксиса ведущих электронных жанров) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.:

- спец. 10.02.01 / О. А. Левоненко; [Таганрог. гос. пед. ун-т]. – Таганрог, 2004. – 26 с.
219. Ле, Дык Тху. Национальная языковая личность в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании: (На материале русской и вьетнамской культур) [Текст] : автореф. дис. ... д. филол. н.: спец. 10.02.01 / Ле Дык Тху; [Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина]. – М., 2003. – 40 с.
220. Лемяскина, Н. А. Развитие языковой личности и её коммуникативного сознания: (на материале речевого поведения младшего школьника) [Текст] / Н. А. Лемяскина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2004. – 38 с.
221. Леонтьев, А. А. Личность, культура, язык [Текст] / А. А. Леонтьев // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения : Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т; [Редкол.: А. Н. Портнов (отв. ред.) и др.]. – Иваново : ИвГУ, 1994. – 235, [1] с.
222. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во АПН РСФСР. – 1959. – 495 с.
223. Леонтьев, А. Н. Психология образа [Текст] / А. Н. Леонтьев // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 3-13.
224. Леонтьев, В. В. «Похвала», «Лесть» и «Комплимент» в структуре английской языковой личности [Текст] / В. В. Леонтьев: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.04; [Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 1999. – 26 с.
225. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – М., 1996. – № 4. – С. 23-24.
226. Летова, А. Д. Лингвокультурологический концепт «английская национальная личность» в сопоставительно-контрастивном описании афористики / А. Д. Летова [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.20). – Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2004. – 20 с.
227. Летуновская, Н. В. Лексико-семантическая репрезентация концепта «красота» в немецком и русском языках [Электронный ресурс] / Н. В. Летуновская: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: РГБ, 2005. – 173 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>

228. Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков [Текст] : [Сб. статей / Редкол.: Н. В. Бессмертная (отв. ред.) и др.]. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1981. – 174 с.
229. Лингвистика текста и обучение ознакомительному чтению в средней школе: пособие для учителя [Текст] / М. Д. Городникова [и др.]. – М., 1987. – 160 с.
230. Лингвистика текста и обучение иностранным языкам [Текст] : сб. научн. ст. / отв. ред. В. А. Бухбиндер. – Киев, 1978. – 151 с.
231. Лингвистические единицы, конструкции и текст [Текст] : сб. научн. ст. / отв. ред. М. Н. Валл. – Новосибирск, 1989. – 145 с.
232. Лингвистические закономерности организации текста [Текст] : сб. научн. тр. – М., 1991. – Вып. 379. – 235 с.
233. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории текста к структуре текста: антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280-287.
234. Лихачёв, Д. С. Текстология: краткий очерк [Текст] / Д. С. Лихачёв. – М.; Л., 1964. – 136 с.
235. ЛАЯ – Логический анализ языка : Культурные концепты [Текст] : [Сб. ст.] / АН СССР. Ин-т языкознания; [Редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1991. – 203, [1] с.
236. ЛАЯ – Логический анализ языка : Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного [Текст] : [Сб. ст.] / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; Сост. и отв. ред. чл.-кор. РАН Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2004. – 717 с. : ил., портр.
237. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 184 с.
238. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст]: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – 480 с.
239. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1994. – 560 с.
240. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] : [Курс лекций, прочит. на фак. психологии МГУ] / А. Р. Лурия; Федер. целевая прогр. книгоиздания России. – [2-е изд.]. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 335 с. : ил., портр.
241. Лысенко, Н. Е. Развитие языковой личности при обучении рус-

- скому и иностранному языкам в неязыковом вузе [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.02 / Лысенко Н. Е.; [Орлов. гос. ун-т]. – Орел, 2006. – 22 с.: ил.
242. Лютикова, В. Д. Языковая личность и идиодialeкт [Текст] / В. Д. Лютикова: Монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 188 с.
243. Лютикова, В. Д. Словарь диалектной личности [Текст] / В. Д. Лютикова; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. – 188 с.
244. Макаров, М. Л. Человеческий фактор и проблемы коммуникативного обучения иностранными языкам [Текст] / М. Л. Макаров // Гуманизация процесса обучения иностранному языку : Межвуз. сб. науч. тр. / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова; [Редкол.: В. А. Иванов (отв. ред.) и др.]. – Чебоксары : ЧГУ, 1991. – С. 28-33.
245. Макарова, Е. В. Региональная топонимическая личность: (на материале русской топонимии Алтая) [Текст] / Е. В. Макарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2004. – 2004. – 18 с.
246. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении [Текст] / Н. А. Максимчук; М-во образования Рос. Федерации, Смол. гос. пед. ин-т, Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 346 с.
247. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. н.: спец. 10.02.01 / Максимчук Н. А.; [Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2003. – 45 с.
248. Мальцева, О. Н. Описание языковой личности: (Конструктивный подход) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19 / Мальцева О. Н.; [Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2000. – 19 с.
249. Мальшева, В. А. Идиодialeкт как лингвистическая реальность [Текст] / В. А. Мальшева // Антропоцентрический подход к языку : Межвуз. сб. науч. тр. : в 2 ч. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Перм. гос. ун-т; [Редкол.: В.В. Васи-

- льева (отв. ред.) и др.]. – Пермь : Перм. ун-т, 1998. – Ч. 1. – С. 66-79.
250. Маркелова, Г. Е. Язык, языковая личность, текст в социально-функциональном аспекте (И. А. Крылов, М. Е. Салтыков-Щедрин) [Текст] / Г. Е. Маркелова, В. Н. Ерохин // Тверской языковой регион в историко- функциональном и лингвогеографическом аспектах : Коллектив. моногр. / Т. В. Кириллова, Р. Д. Кузнецова, Н. С. Бондарчук и др.; Твер. гос. ун-т. – Тверь : ТГУ, 1995. – С. 120-175: схем.
251. Маркова, Н. А. Из опыта реконструкции языковой личности персонажа [Текст] / Н. А. Маркова // Германистика : Межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена; [Редкол.: В. В. Кабакчи (отв. ред.) и др.]. – СПб. : Образование, 1992. – С. 65-73.
252. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой [Текст] / В. А. Маслова: учеб. пособие. – М.: Флинта : Наука, 2004. – 255,[1] с.
253. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / В.А. Маслова : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 293, [1] с.
254. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – Минск, 2004. – 256 с.
255. Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования [Текст] : Материалы Всероссий. науч.-практ. конф., 1-3 нояб. 2001 г., г. Уфа / [Редкол.: Саяхова Л. Г., проф. (отв. ред.) и др.]; М-во образования Рос. Федерации, Башк. гос. ун-т, Гос. ком. Респ. Башкортостан по науке, высш. и сред. проф. образованию, Рос. о-во преподавателей рус. яз. и лит. – Уфа: Башк. ун-т, 2001.
256. Менькова, Н. Н. Языковая личность Бориса Акунина [Текст] / Н. Н. Менькова // Вопросы филол. наук. – М., 2004. – № 1. – С. 7-9.
257. Менькова, Н. Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей: (по материалам Б. Акунина) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Менькова Н. Н.; [Моск. городской пед. ун-т]. – М., 2005. – 16 с.: ил.

258. Меньшикова, С. И. Смысловая структура учебного текста как средство формирования лингво-когнитивного уровня языковой личности [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01.: спец. 13.00.02 / Меньшикова С. И.; [Твер. гос. ун-т]. – Тверь, 1995. – 16, [1] : ил.
259. Мечковская, Н. Б. Язык и религия [Текст] / Н. Б. Мечковская: пособ. для студ. гуманитарн. вузов. – М.: Агенство «ФАИР». – 1998. – 352 с.
260. Мешкаускас, Г. Енисейская губерния на рубеже XIX – XX вв. [Текст] / Г. Мешкаускас // Ангарская правда. – 1997. – 8 апреля. – С. 4.
261. Мещеряков, В. Н. Модальность текста и формирование личности читателя // Понимание менталитета и текста [Текст] / В. Н. Мещеряков: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т; [Редкол.: Г. И. Богин (отв. ред.) и др.]. – Тверь : ТГУ, 1995. – С. 95-108: ил.
262. Мещерякова, Ю. В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах / Ю. В. Мещерякова [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: РГБ, 2004. – 232 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
263. Милованова М.В. Методы изучения языковой личности современного диалектоносителя [Текст] / М.В. Милованова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 135-139.
264. Милосердова, Е. В. Прагматика языка как основа изучения языковой личности в контексте взаимодействия языка и культуры [Текст] / Е. В. Милосердова // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки»: Науч.-теорет. и прикл. журн. широк. профиля Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 1998. – Вып. 2. – С. 56-60.
265. Минский, М. Фрейм для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М., 1988. – 205 с.
266. Мирзоев, В. Историография Сибири. Первая половина XIX в. [Текст] / В. Мирзоев. – Кемерово, 1965. – С. 41-56.
267. Михеева, Т. Б. Совершенствование языковой личности учителя-русиста [Текст] / Т.Б. Михеева. – М.: Русское слово, 2005. – 207 с.: ил.

268. Модзалевский, Б. А. П. Степанов [Текст] / Б. Модзалевский // Русский биографический словарь. Смеловский – Суворина. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39, 1909. – С. 382-385.
269. Мордас, С. Б. Формирование грамматико-коммуникативной компетенции «вторичной» языковой личности франкоговорящих иностранных студентов при изучении предложноподлежащих конструкций с пространственным значением [Текст] : автореф. дис. ... канд. п. н. : спец. 13.00.02 / Мордас С. Б.; [Рос. ун-т дружбы народов]. – М., 2004. – 19 с.
270. Мордовин, А. Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика: (На материале дискурса Г. Киссинджера) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.04 / Мордовин А. Ю.; [Иркут. гос. лингвист. ун-т]. – Иркутск, 2004. – 19 с.
271. Москальская, О. И. Грамматика текста : (Пособие по грамматике нем. яз. для ин-тов и фак. иностр. яз.) [Текст] / О. И. Москальская. – М. : Высш. школа, 1981. – 183 с.
272. Московская, Г. Л. Профессиональная языковая личность лингвиста-преподавателя и структура её компетентности [Текст] / Г. Л. Московская // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион: Обществ. науки. Прил. – Ростов-на-Дону. – 2004 а. – № 1. – С. 78-84.
273. Московская, Н. Л. Коммуникативная компетенция профессиональной языковой личности лингвиста-преподавателя [Текст] / Н. Л. Московская // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион: Обществ. науки. Прил. – Ростов-на-Дону. – 2004 б. – № 2. – С. 76-82.
274. Мухаммад, Л. П. Языковая личность иностранного студента-нефилолога начального и среднего этапов обучения: (Медицинский профиль) [Текст] / Л. П. Мухаммад; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М.: Гос. ИРЯ, 2003. – 238 с.: схем.
275. Мухачева, А. А. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира / А. А. Мухачёва [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; [Том. гос. ун-т]. – Томск, 2003. – 28 с.
276. Мухина, Н. М. Репрезентация идеи красоты в поэзии Н. С.Гумилева и А. А. Ахматовой [Текст] : автореф. дис. ... канд.

- филол. н. : спец. 10.02.01 / Мухина Наталия Михайловна; [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького]. – Екатеринбург, 2000. – 19 с. : ил. – Библиогр.: с. 18-19 (9 назв.).
277. Национальный менталитет и языковая личность [Текст]: Межвуз. сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации, Перм. гос. ун-т; [Редкол.: Г. С. Двинянинова (отв. ред.) и др.]. – Пермь: ПГУ, 2002. – 232 с. – (Межкультурная коммуникация).
278. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины [Текст] / В. П. Нерознак // Сборник научных трудов / Моск. гос. лингв. ун-т; М-во образования Рос. Федерации. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. – № 462. – С. 112-116.
279. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методологии преподавания иностранных языков. – Омск: Изд. Омского гос. пед. ун-та, 1998. – С. 80-85.
280. Николаева, Т. М. Текст [Текст] / Т. М. Николаева // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 555-556.
281. Нифантьев, Е. Город на Енисее [Текст] / Е. Нифантьев. – Красноярск, 1973. – С. 16-17.
282. Ничипорович, Е. А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Ничипорович Е. А.; [Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина]. – М., 1999. – 22 с.
283. Новое в зарубежной лингвистике [Текст] : [Сб. ст. Переводы]. – Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. статья Т. М. Николаевой. – М., 1978. – 500 с.
284. Новосельцева, В. А. Концепт как объект анализа авторской картины мира А. П. Чехова [Текст] / В. А. Новосельцева // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы Международной научной конференции. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. – С. 181.
285. Ножкина, Э. М. Письма одного лица в разных ситуациях [Текст] / Э. М. Ножкина // Проблемы культуры речи : [Сб.

- ст.]. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – С. 72-80. – (Вопросы стилистики : Межвуз. сб. науч. тр; Вып. 25).
286. Общение. Текст. Высказывание [Текст] / [Т. Я. Андриющенко, В. И. Батов, В. П. Белянин и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1989. – 172, [3] с.
287. Одинцов, В. В. Стилистика текста [Текст] / В. В. Одинцов. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 261, [2] с.
288. Омарбаева, Г. С. Авторская речь как отражение языковой личности писателя (на материале произведений Ю. Трифонова) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Омарбаева Г.С.; [Каз. нац. унт им. аль-Фараби]. – Алматы, 2001. – 28 с.
289. Осипова, А. А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980-1990-х гг. [Электронный ресурс] / А. А. Осипова : дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01. – М.: РГБ, 2005. – 216 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
290. Орлова, Г. В. Письменная личность – персонология ментальности российской провинции [Текст] / Г. В. Орлова // Российское сознание: психология, культура, политика : Материалы II Междунар. конф. по ист. психологии рос. сознания «Провинц. ментальность России в прошлом и будущем» (4-6 июля 1997 г., Самара) / [Редкол.: Г. В. Акопов и др.]; Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем. Российское сознание; Рос. психол. о-во, М-во общ. и проф. образования РФ, Ин-т психологии РАН, Самар. гос. пед. ун-т, Ин-т соц. и пед. проблем. – Самара : Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1997. – С. 230-231.
291. Осуга, Сэцуо. Обработка знаний [Текст] / С. Осуга; перевод с яп. В. И. Этова. – М. : Мир, 1989. – 292 с. : ил.
292. Падерина Л.Н. Компоратив как средство передачи народного мировоззрения (на примере произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба») [Текст] / Л.Н. Падерина // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. – 2012. – Т. 3. – № 3. – С. 23-25.
293. Панасенко, Н. И. Структура представления знаний в номина-

- тивном пространстве фитонимов [Текст] / Н. И. Панасенко // Сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 429. – М., 1994. – С. 76-83.
294. Панова, М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 / Панова Марина Николаевна; [Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2005. – 32 с.
295. Панова, М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования [Текст] / М. Н. Панова. – М.: изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. – 322 с.: граф., ил., табл.
296. Панченко, О. Н. Виктор Шкловский : Текст – миф – реальность (к проблеме литературной и языковой личности) [Текст] / О. Н. Панченко. – Чешин : Б. и., 1997. – 348 с.
297. Парсамова, В. Я. Языковая личность учёного в эпистолярных текстах [Электронный ресурс] : На материале писем Ю. М. Лотмана : дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01. – М.: РГБ, 2004. – 223 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
298. Первушина, Г. П. Динамика значений слова «красота» в истории русского языка [Текст] / Г. П. Первушина // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всерос. Академической школы-семинара. – СПб. : Наука, 2005. – С. 63-69.
299. Первый енисейский губернатор – А.П. Степанов [Текст] // Енисейския губернска вѣдомости. – 1893. – № 27. – С. 3.
300. Перфилова, Н. Первый Енисейский губернатор [Текст] / Н. Перфилова // Земля боготольская. – 1998. – 20 мая. – С. 2.
301. Петров, Б. Улица губернатора Степанова [Текст] / Б. Петров // Красноярский рабочий. – 1990. – 5 мая. – С. 11.
302. Пешковский, А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык [Текст] / А. М. Пешковский // Пешковский А. М. Избранные труды [Подгот. к печати, вступит. ст. и примеч. И. А. Василенко и И. Р. Палей] / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 50-62.
303. Пименова, М. В. Концептуализация и объективация в языковых картинах [Текст] / М. В. Пименова // Сибирский фило-

- логический журнал. – Новосибирск: НГУ, 2003. – № 3. – С. 208-217.
304. Пименова, М. В. Эволюция функциональной системы лесических средств выражения эстетической оценки [Текст] / М. В. Пименова // Человек и его язык: антропологический аспект исследований : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Нижегород. гос. пед. ун-т; [Редкол.: д. филол. н., проф. Ю. С. Язикова (отв. ред.) и др.]. – Н. Новгород : НГПУ, 1997. – С. 58-63.
305. Пименова, М. В. Эстетическая оценка в древнерусском тексте [Текст] / М. В. Пименова : автореф. дис. ... докт. филол. н. : спец. 10.02.0; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2000. – 38 с. – Библиогр.: с. 34-38 (57 назв.).
306. Плотникова, А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) [Текст] / А. М. Плотникова: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 140 с.
307. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности [Текст] / Л. И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 329, [1] с. : ил.
308. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности (порождение, функционирование, узуализация нового слова) [Текст] / Л. И. Плотникова : автореф. дис. ... докт. филол. н. : спец. 10.02.01 / Плотникова Лариса Ивановна; [Белгор. гос. ун-т]. – Белгород, 2004. – 42 с. – Библиогр.: с. 38-42 (51 назв.).
309. Позднякова, Н. В. Штрихи к языковому портрету Емельяна Пугачева [Текст] / Н.В. Позднякова // «Благословенны первые шаги...»: сб. работ молодых исследователей / М-во высш. проф. образования Рос. Федерации, Магнитог. гос. пед. ин-т; [Ред. проф. И. В. Петрова, проф. С. Г. Шулежкова]. – Магнитогорск : МГПИ, 1997. – С. 59-70.
310. Полный словарь диалектной языковой личности [Текст] / Авт.-сост. О. И. Гордеева, Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова и др.; под ред. Е. В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006; ГОУВПО «Томский государственный университет». – Т. 1. А – З. – 358 с.

311. Полякова, В. Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности: (На материале произведений худож. лит.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Полякова В. Н.; [Ростов. гос. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2002. – 19 с.
312. Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания [Текст] / Е. А. Попова // Филологические науки. – М., 2002. – № 3. – С. 69-77.
313. Попова, О. В. Языковая личность Ивана Грозного : (На материале деловых посланий) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Попова Оксана Вячеславовна; [Ом. гос. ун-т]. – Омск, 2004. – 19 с. – Библиогр.: с. 19 (4 назв.).
314. Попова, З. Д. Полевая модель концепта [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Введение в когнитивную лингвистику / З. Д. Попова, И. А. Стернин [и др.]; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 12-45. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
315. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.
316. Портнов, А. Н. Слово в текстах М. Хайдеггера : языковое сознание и языковая личность [Текст] / А. Н. Портнов // Творчество писателя и литературный процесс : Слово в худож. лит. : типология и контекст : Межвуз. сб. науч. тр. : [К 75-летию П. В. Куприяновского] / Иван. гос. ун-т; [Редкол.: В. П. Раков (отв. ред.) и др.]. – Иваново : ИвГУ, 1994. – С. 117-132.
317. Потылицина, И. Г. Теория интертекстуальности в современной лингвистике [Текст] / И. Г. Потылицина // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 127-133.
318. Проблемы и перспективы воспитания языковой культуры и формирования языковой личности молодого журналиста и филолога евразийского пространства [Текст] : труды международной научно-практической конференции / IV Молодежный информационный форум «Кольцо Евразии», 17- 20 мая 2006 г., Масква; [Редкол.: У. М. Бахтикиреева и др.]; Рос. ун-т дружбы народов, Молодеж. МедиаСоюз Казахстана, Обществ.

фонд «Вост. Проект» [и др.]. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2006. – 408 с.

319. Проблемы формирования современной языковой личности в образовательной системе вузов негуманитарного профиля [Текст] : Всерос. Науч.-практ. конф., 20-21 марта 2001 г., Санкт-Петербург: Тез. докл. / [Науч. ред. И. Г. Проскурякова]; М-во образования Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. гор. ин-т им. Г. В. Плеханова (техн. ун-т), Междунар. акад. наук высш. шк., Петерб. отд-ние Рос. ритор. ассоц. – СПб.: СПбГГИ, 2001. – 98, [1] с.
320. Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста [Текст] : Тез. докл. и сообщ. IV междунар. конф., 12-14 мая 1993 г. / [Науч. ред. и сост. Н. Ф. Алефиренко]. – Волгоград: Перемена, 1993. – 161, [1] с.: ил.
321. Прокудина, О. Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности [Текст] / О. Н. Прокудина : (На материале рус. и англ. диалог. речи) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 : спец. 10.02.19 / Прокудина О. Н.; [Кемер. гос. ун-т]. – Кемерово, 2002. – 19 с.
322. Проскурина, А. А. Прецедентные тексты в англоязычном дискурсе [Текст] / А. А. Проскурина : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.04 / Проскурина Анна Александровна; [Самар. гос. пед. ун-т]. – Самара, 2004. – 18 с. – Библиогр.: с. 17-18 (10 назв.).
323. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] : [Учеб. пособие] / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 221, [1] с.
324. Прохоров, Ю. Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте [Текст] / Ю. Е. Прохоров // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (1999; Братислава). Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999 г. : Докл. и сообщ. рос. ученых / [Ред. коллегия: Ю. Е. Прохоров (отв. ред.) и др.]. – М. : Б. и., 1999. – С. 450-464.
325. Прохоров, Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации [Текст] / Ю. Е. Прохоров : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Прохоров Юрий Евге-

- ньевич; [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького]. – Екатеринбург, 2006. – 38 с. – Библиогр.: с. 34-38 (33 назв.).
326. Прохорова, И. О. Языковая личность российского политика [Текст] / И. О. Прохорова: учеб. пособие: [Развитие навыков чтения и уст. речи на материале публицист. текстов для иностранцев, изучающих рус. яз.]. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 86, [1] с.
327. Пшенина, Т. Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла [Текст] / Т. Е. Пшенина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19 / [Казах. гос. нац. ун-т им. аль-Фараби]. – Алматы, 2000. – 31 с.: ил.
328. Разинов, Ю. А. К вопросу о роли языка в конструировании его говорящего [Текст] / Ю. А. Разинов // *Философия и культура : сб. к 60-летию Владимира Александровича Конева / М-во общ. и проф. образования РФ, Сам. гос. ун-т, каф. философии, гуманитар. фак.*; [Редкол.: Л. А. Конева (отв. ред.)]. – Самара : Сам. ун-т, 1997. – С. 205-219.
329. Разноуровневое речевое развитие языковой личности [Текст] : Материалы межвузов. семинара, 27 янв. 1994 г.; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: Образование, 1995. – 82 с.
330. Рубе, В. Добрый путь, дорогой, любимый начальник! [Текст] / В. Рубе // *Вечерний Красноярск*. – 2000. – 7 июня. – С. 14.
331. Рудакова, А. В. Концепт «БЫТ» в русской концептосфере [Текст] / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // *Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК» : Коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова*. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 14-29.
332. Руднева С.Ф. Репрезентация языковой личности через текстовую категорию пространства делового эпистолярия XVII века (на материале отписок Сибирского приказа) [Текст] / С.Ф. Руднева // *Вестник Университета Российской академии образования*. – 2009. – № 3. – С. 16-18.
333. Русский язык. Текст как целое и компоненты текста [Текст]. – М., 1982.
334. Савчук, С. Первый красноярский губернатор [А. П. Степанов] [Текст] / С. Савчук // *Сегодняшняя газета*. – 1998. – 21 июля. – С. 6 ; 28 июля. – С. 6.

335. Салимова, Л. М. Языковая картина мира А. С. Пушкина как русской языковой личности в романе «Евгений Онегин» [Текст] / Л. М. Салимова : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Салимова Л. М.; [Башк. гос. ун-т]. – Уфа : Б.и., 2000. – 22 с.: ил.
336. Самотик Л.Г. Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; Под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1: А–З; Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, К.В. Гарганеева и др.; Под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 2: И–О. [Рец. Л.Г. Самотик] [Текст] / Л.Г. Самотик // Вестник Томского государственного университета. Филология / Отв. секр. ред. журн. Д. А. Катунин. – 2008. – № 2 (3). – С. 102–108.
337. Сафаров, Ш. Речевые действия этноспецифической личности [Текст] / Ш. Сафаров // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; [Редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 61-66.
338. Сахарова, С. Ю. О коннотациях красоты у наименований наблюдаемых объектов [Текст] / С. Ю. Сахарова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 573-585.
339. Севбо, И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования [Текст] / И. П. Севбо. – М., 1969.
340. Севрюгина Е. В. Языковое отражение концептов «любовь» и «красота» в поэзии Ф. И. Тютчева и У. Вордсворта [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01, 10.02.20. – М.: РГБ, 2003. – 250 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
341. Седов, К. Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: Граммат. и паралингвист. аспекты [Текст] / К. Ф. Седов; Ин-т рус. яз. и рус. лит. при филол. фак. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. – 111 с.: ил.
342. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты [Текст] /

- К. Ф. Седов; Ин-т рус. яз. и лит. при филол. фак. Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 179 с. : схем.
343. Седых, А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности: (на материале фр. яз. личности) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. н.: спец. 10.02.19 / Седых А. П.; [Сарат. гос. ун-т]. – Саратов, 2005. – 43 с.: ил.
344. Седых, А. П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов): монография / А. П. Седых. – М.: Спутник+, 2004. – 268 с.
345. Семенец, О. П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50 – 90-х годов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Семенец Ольга Павловна; [Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – СПб., 2004. – 22 с. – Библиогр.: с. 22 (6 назв.).
346. Семеновская, С. А. Словообразовательная модель и языковая личность : (На материале произведений К.Бальмонта и И.Северянина) [Текст] / С. А. Семеновская // Предложение и слово : Докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. С. Юрченко / [Редкол.: О. В. Мякшева (отв. ред.) и др.]; Головной совет по филологии М-ва образования РФ, Пед. ин-т Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1999. – С. 144-148.
347. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сэпир / Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс. Изд. Группа «Универс», 1993. – 654, [1] с. : ил.
348. Сергеева, Е. Н. Репрезентация концепта «Судьба» [Электронный ресурс] / Е. Н. Сергеева : Языковой и лингвокультурологический аспекты : На материале русского языка : дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01. – М.: РГБ, 2005. – 263 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
349. Сидоров, Е. В. Коммуникативный принцип исследования текста [Текст] / Е. В. Сидоров // Изв. АН СССР. Сер. лит. 1986. – Т.45. – № 5. – С. 425-432.

350. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности [Текст] / Е. В. Сидоров. – М., 1987. – 140 с.
351. Сиротинина, О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление [Текст] / О. Б. Сиротинина // Термин и слово : Межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б. Н. Головина / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Каф. соврем. рус. яз. и общ. языкознания; [Редкол.: Р. Ю. Кобрин (отв. ред.) и др.]. – Н. Новгород : ННГУ, 1997. – С. 7-12.
352. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. н. : спец. (10.02.19) / Слышкин Геннадий Геннадьевич; [Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 2004. – 39 с. – Библиогр.: с. 34-39 (48 назв.).
353. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.19 / Слышкин Г. Г.; [Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 1999. – 18 с. – Библиогр.: с. 17-18 (8 назв.).
354. Смирнов, В. А. Исторический очерк Приенисейского края: триста лет жизни города Красноярска [Текст] / В. А. Смирнов. – Красноярск, 1996. – 130 с.
355. Смирнов – Сокольский, Н. П. Моя библиотека: Библиографическое описание [Текст] / Н. П. Смирнов – Сокольский: в 2 т. / общ. ред. И. М. Кауфмана. – М.: Изд. «Книга», 1969. – Т. 1. – 532 с. – Т. 2. – 576 с.
356. Смирнов – Сокольский, Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв.: Предварительный список [Текст] / Н. П. Смирнов – Сокольский. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. – 164 с.
357. Смыкунова, Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному [Текст]: автореф. дис. ... канд. п. н.: спец. 13.00.02 / Смыкунова Н. В.; [Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина]. – М., 2003. – 19 с.
358. Соколова, Т. В. Психолингвистические методы и их возможности в изучении языковой личности ребенка дошкольного возраста [Текст] / Т. В. Соколова // VI Ломоносовские чтения : Progr. и тез. науч. конф., 16-19 нояб. 1994 г. – Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1994. – С. 88-90.: ил.

359. Соколовская, Т. Б. Языковая личность политического лидера: (На материале газет новейшего времени) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Соколовская Т. Б.; [С.-Петербург. гос. ун-т]. – СПб., 2002. – 20 с.
360. Солганик, Г. Я. Стилистика текста [Текст] / Г. Я. Солганик: учеб. пособие. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 253 с.
361. Солнышкина, М. И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. н.: спец. 10.02.20 / Солнышкина Марина Ивановна; [Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина]. – Казань, 2005. – 53 с.
362. Сорокин, Ю. А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология [Текст] / Ю. А. Сорокин // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М., 1979.
363. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста [Текст] / Ю. А. Сорокин : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : (10.02.19) / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – 52 с. – Библиогр.: с. 47-52 (50 назв.).
364. Сорокин, Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания [Текст] / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98-117.
365. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Едиториал – УРСС, 2004. – 256 с.
366. Спутник по городу Красноярску [Текст]. – Красноярск, 1911. – С. 26.
367. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – 4-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 310, [1] с. : ил.
368. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 991 с.: ил. – (Единый гуманитарный мир. Культурология).
369. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры : Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Шк. «Яз. рус. Культуры», 1997. – 824 с.
370. Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути пре-

- образований. Вступит. ст. [Текст] / Ю. С. Степанов // Бенвенист, Эмиль. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова и др.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 444, [1] с. – (Лингвистическое наследие XX века).
371. Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры [Текст] / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – М., 1993.
372. Стратегия и технологии развития языковой личности: методический, лингвистический, психологический аспекты [Текст] : Тезисы / Межрегион. науч.-практ. конф. к 30-летию науч.-метод. лаб. фак. иностр. яз.; [Отв. ред.: к.п.н., проф. Б. П. Годунов]; М-во образования Рос. Федерации, Коми гос. пед. ин-т. Фак. иностр. яз. Науч.-метод. лаб. – Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2002. – 97 с.
373. Структура и семиотика художественного текста [Текст] : [Сб. статей / отв. ред. Ю. Лотман]. – Тарту : ТГУ, 1981. – 148 с. : ил. нот. – (Ученые записки Тартусского государственного университета; Вып. 515. Труды по знаковым системам; 12).
374. Сугоняева, Л. П. Роль прецедентных текстов в формировании языковой личности [Электронный ресурс] / Л. П. Сугоняева. – МГТУ, 2000. – Режим доступа: webmaster@mstu.edu.ru.
375. Сун, Биньбинь. Проявление черт языковой личности в речи персонажей пьес А. Островского [Текст] / Сун, Биньбинь // Голоса молодых ученых : сб. науч. публ. иностр. и рос. аспирантов-филологов / МГУ им. М. В. Ломоносова, Филолог. фак.; [Отв. ред. д. ф. н., проф. Б. С. Бугров]. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 3. – С. 183-192.
376. Сусов, И.П. Личность как субъект языкового общения [Текст] / И. П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; [Редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 9-16.
377. Сухих, С.А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций [Текст] : учеб. пособие / С. А. Сухих, В. В. Зеленская; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Кубан. гос. ун-т. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1997. – 71 с. : схем.

378. Сухих, С. А. Черты языковой личности [Текст] / С. А. Сухих // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т; [Редкол.: Л. П. Рыжова (отв. ред.) и др.]. – Тверь : ТГУ, 1993. – С. 85-91.
379. Сухих, С. А. Языковая личность в диалоге [Текст] / С. А. Сухих // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; [Редкол.: И. П. Сузов (отв. ред.) и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 82-87.
380. Табурова, С. К. Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения: (На материале пленар. дебатов бундестага) [Текст] / С. К. Табурова: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19 / [Моск. гос. лингвист. ун-т]. – М., 1999. – 24 с.: ил.
381. Тарасов, Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е. Ф. Тарасов / отв. ред. Ю. А. Сорокин; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1987. – 168 с.
382. Тарасова, И.А. Концептуальное поле «прекрасное» в идиосфере Г. Иванова [Текст] / И. А. Тарасова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик. – 2004. – С. 388-396.
383. Таунсенд, К. Проектирование и программная реализация экспертных систем на персональных ЭВМ [Текст] / К. Таунсенд, Д. Фохт / перевод с англ. В. А. Кондратенко, С. В. Трубицына; предисл. к русс. изд. Г. С. Осипова. – М. : Финансы и статистика, 1990. – 318, [1] с. : ил. Перевод изд.: Designing and programming personal expert systems / Carl Townsend, Dennis Feucht (TAB books).
384. Текст в функционально-стилевом аспекте [Текст] : [Сб. ст.] / Гос. ком. СССР по нар. образованию ; отв. ред. К. М. Ирисханова. – М. : Б. и., 1988. – 172 с. – (Сборник научных трудов / Моск. гор. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза; Вып. 309).
385. Текст и его компоненты как объект комплексного анализа [Текст] : Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; [Редкол.: И. В. Арнольд (отв. ред.) и др.]. – Л. : ЛГПИ, 1986. – 149, [2] с.

386. Текст и культура: общие и частные проблемы [Текст] : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Ю. А. Сорокин (отв. ред.) и др.]. – М. : ИЯЗ, 1985. – 295 с.
387. Текст как единица коммуникации [Текст] : Сб. науч. тр. / отв. ред. А. М. Антипова. – М., 1991. – Вып. 371. – 138 с.
388. Текст как инструмент общения [Текст] : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Ю. А. Сорокин (отв. ред.) и др.]. – М. : ИЯЗ, 1983. – 184 с.
389. Текст как объект лингвистического и психолого-педагогического исследования [Текст] : Тез. докл. науч.-теорет. конф. / [Редкол.: Гейхман Л. К. (отв. ред.) и др.] ; Перм. обл. отд-ние Пед. о-ва, Перм. гор. метод. об-ние преподавателей иностр. яз. вузов и техникумов, Каф. иностр. яз. Перм. политехн. ин-та. – Пермь : Б. и., 1982. – 98 с.
390. Текст как отображение картины мира [Текст] : [Сб. ст.] / Гос. ком. СССР по нар. Образованию ; отв. ред. И. Г. Леонтьева. – М. : Б. и., 1989. – 136 с. : ил. – (Сборник научных трудов / Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза; Вып. 341).
391. Текст как психолингвистическая реальность [Текст] : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Ю. А. Сорокин (отв. ред.) и др.]. – М. : ИЯЗ, 1982. – [1], 146 с.
392. Текст как явление культуры [Текст] / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 194, [2] с.
393. Текст: семантика и структура [Текст] : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [Отв. ред. Т. В. Цивьян]. – М. : Наука, 1983. – 302 с.
394. Текстовый и сентенциональный уровень стилистического анализа [Текст] : Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; [Редкол.: И. В. Арнольд, Е. А. Гончарова (отв. редакторы) и др.]. – Л. : ЛГПИ, 1989. – 159, [1] с.
395. Тимофеев, В. П. Фразеология диалектной личности [Текст] : Словарь / В. П. Тимофеев. – Шадринск. : Изд-во Шадр. пединститута, 2003. – 176 с. : портр.
396. Тингаева, О. О. Эмотивная языковая картина мира личности (на материале рифмованных конструкций) [Текст] / О. О. Тин-

- гаева // Русские народные говоры : история и современность : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящённой 50-летию диалектологической работы Арзамасском гос. пед. ин-те. (Арзамас, 6-8 октября 2005 г.) / отв. ред. Л. А. Климова ; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 234-237.
397. Титенков, А. Первая книга о нашем крае [Текст] / А. Титенков // Красноярский комсомолец. – 1965. – 11 июня. – С. 4.
398. Титенков, А. Первая книга о Енисейской губернии [Текст] / А. Титенков // Красноярский рабочий. – 1972. – 22 января. – С. 4.
399. Титоренко, М. Ю. Сленг как составляющая языковой личности подростка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.19 / Титоренко М. Ю.; [Моск. гос. лингвист. ун-т]. – М., 2003. – 25 с.: ил.
400. Тихонов, Р. В. Языковые детерминанты китайского человека [Текст] / Р. В. Тихонов // Российская провинция: история, культура, наука : Материалы II-III Сафаргалиевских науч. чтений : [В память об ученом-ориенталисте профессоре М. Г. Сафаргалиеве : Сборник / Отв. ред. Н. М. Арсентьев]. – Саранск : Красный Октябрь, 1998. – С. 580-581.
401. Толстова Г.А. Общепринятая лексика в идиолекте старообрядческой языковой личности (по данным «Словаря Агафьи Лыковой») [Текст] / Г.А. Толстова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2006. – № 6. – С. 413-422.
402. Томашевская, К. В. Лексическое представление языковой личности в современном экономическом дискурсе [Текст] / К. В. Томашевская; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. Каф. рус. яз. и лит. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. – 134 с.
403. Трещалина, И. В. Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов [Текст] / И. В. Трещалина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / [Твер. гос. ун-т]. – Тверь, 1998. – 18 с. – Библиогр.: с. 18 (6 назв.).
404. Трипольская, Т. А. Нравственные концепты в ценностной картине мира (по данным русского ассоциативного словаря) [Текст] / Т. А. Трипольская // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии : Материалы всерос.

- конф. : Посвящ. 120-летию Том. ун-та / [Редкол.: О. И. Блинова (отв. ред.) и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 182-183.
405. Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области [Текст] / О.В. Трофимова. – Тюмень: Изд-во Тюменского го. ун-та, 2002а. – 828 с.: 16 илл.
406. Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762-1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста [Текст] / О.В. Трофимова. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2002б. – 232 с.
407. Трошев, Ж. Словом и примером [Текст] / Ж. Трошев. – Красноярск, 1975. – С. 17-30.
408. Трошев, Ж. «...быть полезным отечеству и народу...» (О первом енисейском губернаторе) [Текст] / Ж. Трошев // Красноярская газета – 1997. – 30 сентября. – С. 3.
409. Трошина, Н. В. Ядерные языковые концепты в учении русского славянофильства 30 – 60-х годов XIX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Трошина Наталья Викторовна; [Орл. гос. ун-т]. – Орел, 2004. – 22 с. – Библиогр.: с. 22 (6 назв.).
410. Труфанова, В. Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка [Текст] / В. Я. Труфанова // Аспекты изучения звучащей речи : Сб. науч. ст. к юбилею Е. А. Брызгуновой / [Сост.: М. Г. Безяева, В. Я. Труфанова; отв. ред.: М. Л. Ремнева]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 197-212 : портр. – (Вопросы русского языкознания; Вып. 11).
411. Тураева, З. Я. Лингвистика текста : Лекции [Текст] / З. Я. Тураева / Рос. гос. пед. ун-тим. А. И. Герцена. – СПб. : Образование, 1993. – 38 с.
412. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика) [Текст] / З. Я. Тураева: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
413. Уварова, Н. Р. Эволюция языковой личности персонажа в когнитивном аспекте: (На материале романа Т. Моррисон «Песнь

- Соломона») [Текст] / Н. Р. Уварова // Языковое общение и его единицы в лингвистических и лингводидактических исследованиях : Межвуз. сб. науч. ст., посвящ. 10-летию основания Сургут. гос. ун-та /Ханты-Мансийс. автоном. Округ Тюмен. обл. Департамент образования и науки ХМАО, Сургут. гос. ун-т ХМАО. Каф. лингвистики и межкультур. коммуникации; [Редкол.: В. М. Глушак (отв. ред.) и др.]. – Сургут : Изд-во СурГУ, 2003. – С. 94-99.
414. Успенский, Б. А. Поэтика композиции [Текст] / Б. А. Успенский. – СПб., 2000. – 352 с.
415. Фадеева, Е. Н. Фоносемантическая характеристика индивидуального стиля автора : (на прим. поэт. речи XX века) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Фадеева Елена Николаевна; [Таганрог. гос. пед. ун-т]. – Тула, 2004. – 32 с. – Библиогр.: с. 32 (6 назв.).
416. Фасенко, Т. А. Специфика этнопсихолингвистической характеристики носителя языка [Текст] / Т. А. Фасенко // Связи языковых единиц в системе и реализации : Межвуз. сб. науч. тр. / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; [Редкол.: Н. Н. Болдырев (отв. ред.) и др.]. – Тамбов : ТГУ, 1998. – С. 164-169.
417. Федорченко, И. А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В. В. Виноградова [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 / Федорченко И. А.; [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2002. – 23 с.
418. Федотова Т. Н. Экстралингвистические факторы в исследовании слов лексико-семантического поля красоты [Текст] / Т. Н. Федотова // Реальность, язык и сознание : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 1999 – . – 1999. – Вып. 1. – С. 131-135.
419. Фельде, О. В. А. П. Степанов / О. В. Фельде // Сто знаменитых красноярцев. – Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 2003. – 512 с.
420. «Феномен прецедентности и прецедентные феномены»: Дискуссия, которая состоялась в ИЯ РАН 28.01.98 [Текст] // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М. : Филология, 1998. – Вып. 4.

421. Фесенко, Т. А. Этнокультурный контекст и концептосфера языка [Текст] / Т. А. Фесенко // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК» : Коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 30-43.
422. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52-92.
423. Фокин, А. А. Этническая ментальность и проблема перевода: (На материале творчества Иосифа Бродского) [Текст] / А. А. Фокин // Этнонациональная ментальность в художественной литературе : Материалы Всерос. науч. конф., [Ставрополь, 22-24 сент. 1999 г. / Редкол.: Л. П. Егорова (отв. ред.) и др.]; М-во образования Рос. Федерации, Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1999. – С. 214-227.
424. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности [Текст] / А. Г. Фомин; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Кемер. гос. ун-т. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 234, [1] с.
425. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. н. : спец. 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич; [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2004. – 46 с. – Библиогр.: с. 43-46 (25 назв.).
426. Формирование активной языковой личности в современных социокультурных условиях [Текст] : Материалы международной научно-практической конференции / [сост. и науч. ред.: Л. И. Коновалова; под общ. ред.: к.п.н., доц. Н. Н. Чекмарева]; Санкт-Петерб. акмеол. акад., Нев. ин-т языка и культуры. – СПб.: Санкт – Петербургская акмеологическая академия: Невский институт языка и культуры, 2002. – 337 с.
427. Фрикке, Я. А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора: (На материале языка худож. лит.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01; спец. 10.02.19 / Фрикке Я. А.; [Ставроп. гос. ун-т]. – Ставрополь, 2003. – 25 с.
428. Фролов, Н. К. О концепте «Лингвономастическое пространство» (к постановке проблемы) [Текст] / Н. К. Фролов // Про-

странство и время в языке, язык в пространстве и времени: сб. ст. / под ред. Н. К. Фролова, С. М. Беляковой; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – С. 5-12.

429. Хабарова, О. В. Триада Добро – Истина – Красота как ядерный компонент концептуального пространства «Прекрасное» в древнерусских текстах XI-XIV вв. [Электронный ресурс] / О. В. Хабарова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Калининград, 2006. – 187 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
430. Хализев, В. Е. Текст [Текст] / В. Е. Хализев // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. – М., 2000. – С. 405-414.
431. Халина, Н. В. Эпистемология В. М. Шукшина [Текст] / Н. В. Халина // Провинциальная экзистенция : К 70-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина : Тез. докл. V Всерос. науч. конф., 21-23 июля 1999 г. / [Редкол.: Н. В. Халина (отв. ред.) и др.]; М-во общ. и проф. образования, Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 159-162.
432. Хорошунова, И. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле: (На материале лексико-семантического поля утилитарной оценки «польза / вред») [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.19 / Хорошунова Ирина Васильевна; [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2002. – 24 с. – Библиогр.: с. 22-24 (14 назв.).
433. Хрусталева, О. Н. Формирование языковой личности школьника в условиях полилингвального образования [Текст] : автореф. дис. ... канд. п. н. : спец. 13.00.01 : спец. 13.00.02 / Хрусталева О. Н.; [Казан. гос. пед. ун-т]. – Казань, 2002. – 23 с.: ил.
434. Художественный текст и языковая личность [Текст] : Материалы III Всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию каф. соврем. рус. яз. и стилистики Том. гос. пед. ун-та (29-30 окт. 2003 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой; М-во образования Рос. Федерации, Том. гос. пед. ун-т. Каф. соврем. рус. яз. и стилистики. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. – 274 с.
435. Художественный текст и языковая личность [Текст] : Материалы IV Всерос. науч. конф., (27-28 окт. 2005 г.) / под ред. проф.

- Н. С. Болотновой; Федер. агентство по образованию, Том. гос. пед. ун-т, каф. соврем. рус. яз. и стилистики. – Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2005. – 325 с.: ил., табл.
436. Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения [Текст] : Материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Том. гос. пед. ун-та (11-12 окт. 2001 г.) / [Редкол.: Н. С. Болотнова (отв. ред.) и др.] / М-во образования Рос. Федерации, Том. гос. пед. ун-т, каф. соврем. рус. яз. и с. Посвящ. 100-летию Том. гос. пед. ун-та. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. – 181 с.
437. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. – М., 1983. – С. 35-73.
438. Черкасова, И. С. Гендер как характеристика языковой личности: Опыт анализа объявлений о знакомствах [Текст] / И. С. Черкасова // Единицы языка и их функционирование : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Саратов. гос. акад. права. – Саратов : СГАП, 1997. – Саратов, 2004. – Вып. 10. – С. 215-221.
439. Чернышова, Н. К. Общественно-политическая жизнь в Сибири (XVII – нач. XIX в.) [Текст] / Н.К. Чернышова. – Новосибирск, 1978. – С. 252-281.
440. Черняк, В. Д. Синонимические ресурсы в словаре и лексиконе современной языковой личности [Текст] / В. Д. Черняк // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики : [Сб.] / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [Науч. редактор З. И. Комарова]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 175-183.
441. Черняк, В. Д. Функциональные аспекты синонимии и проблемы текстового воплощения языковой личности [Текст] / В. Д. Черняк // Функциональная семантика слова : сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т; [Редкол.: А. П. Чудинов (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Урал. ГПИ, 1993. – С. 47-54.
442. Чурилина Л. Н. Концепт «Любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира: ассоциативный аспект [Текст] / Л. Н. Чурилина // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособ. / Л. Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 219-320.

443. Чурилина, Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте [Текст] / Л. Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 236, [2] с.
444. Шабес, В. Я. Событие и текст [Текст] / В. Я. Шабес. – М. : Высш. школа, 1989. – 175 с. : ил. – (Библиотека филолога).
445. Шаповалова, М. В. Прецедентные тексты в дискурсе Петровской эпохи на примере произведений Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева [Текст] / М. В. Шаповалова // Русский язык: Теория. История. Риторика. Методика: Материалы науч.-метод. чтений памяти Р. Т. Гриб (1928-1995) / под ред. Б. Я. Шарифуллина; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2004. – Вып. 4. – С. 26-29.
446. Шарданова, М. А. Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное / безобразное» в разносистемных языках : (на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.19 / Шарданова Мадина Аниуаровна; [Кабард.-Балкар. гос. ун-т]. – Нальчик, 2006. – 21 с. – Библиогр.: с. 21 (5 назв.).
447. Шаталова, О. В. Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века (лингвокультурологический аспект) [Электронный ресурс] / О. В. Шаталова : дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01. – М.: РГБ, 2005. – 250 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss>
448. Шахнарович, А. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики : На материале онтогенеза речи [Текст] / А. М. Шахнарович / отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1990. – 165, [2] с.
449. Шаховский, В. И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы : (Межкультур. понимание и лингвоэкология) [Текст] / В. И. Шаховский, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашева; Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.- исслед. лаб. «Язык и личность». – Волгоград : Перемена, 1998. – 148 с.
450. Шашлова, Г. С. Теоретико-познавательные и методологические аспекты проблемы вторичной языковой личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук : спец. 09.00.01 / Шашлова Г. С.; [Соврем. гуманитар. акад.]. – М., 2006. – 30 с.
451. Шведова, Н. Ю. Лексическая система и её отражение в тол-

- ковом словаре [Текст] / Н. Ю. Шведова // Русистика сегодня : Языковая система и её функционирование: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – 221 с.
452. Шведова, Н. Ю. Результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания – М., 1999. – № 1. – С. 3-16.
453. Швец, А. В. «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Швец А.В.; [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. – СПб., 2005. – 20 с.
454. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19 / Шевченко О.Н.; [Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 2005. – 22 с.
455. Шестак, Л. А. Прецедентный текст в структуре русской языковой личности: когнитивная природа и структурные модели [Текст] / Л. А. Шестак // Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия : Тез. докл. Междунар. науч. конгр., г. Волгоград, 6-8 апр. 1998 г. / [Редкол.: А. Н. Бугреев (отв. ред.) и др.]; М-во культуры Рос. Федерации, Рос. фонд культуры, Рос. отд-ние ЮНЕСКО «Новые имена» и др. – Волгоград : Изд-во ВоГУ, 1999. – С. 448-452.
456. Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса [Текст] / Л. А. Шестак; М-во образования Рос. Федерации, Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2003. – 311 с.
457. Шестак, Л. А. Русская языковая личность: тексты как элемент тезауруса и как эвристическая модель : (На материале образов литературы и искусства) [Текст] / Л. А. Шестак // Взаимодействие искусств: методология, теория, гуманитарное образование : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25-29 авг. 1997 г. ; Деп. общ. и проф. образования, Деп. культуры, театра и кино, Адм. Астрах. обл. – Астрахань : Астрах. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1997. – 239 с.
458. Шилина, С. А. Языковая личность Ивана IV: (На материале XVI-XVII вв.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / Шилина С.А.; [Орлов. гос. ун-т]. – Орел, 2003. – 18 с.

459. Шмелёв, А. Д. Виды эстетической оценки в представлении русского языка [Текст] / А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004 а. – С. 303-312.
460. Шмелёв, А. Д. Ключевые идеи русской картины мира и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / А. Д. Шмелёв // Тезисы пленарного доклада на II Международной конференции РКА «Коммуникация: Концептуальные и прикладные аспекты» («Коммуникация – 2004»). – 2004 б. – Режим доступа: http://russcomm.ru/rca_biblio/sh/shmelev.shtm/
461. Шмелёв, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А. Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 495 с.
462. Шмульская, Л. С. Особенности женской языковой личности в сопоставлении с мужской: (На материале сравнительных конструкций в речи жителей г. Лесосибирска) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01. / Шмульская Л.С.; [Кемер. гос. ун-т]. – Кемерово, 2003. – 21 с.
463. Шорохов, Л. Пользовался уважением сограждан [Текст] / Л. Шорохов, К. Попов // Красноярский рабочий. – 1988. – 6 мая. – С. 3.
464. Эйнуллаева, Е. А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации: (На прим. англ. и рус. яз.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.20 / Эйнуллаева Е. А.; [Моск. гос. лингвист. ун-т]. – М., 2003. – 24 с.
465. Эстетические ценности предметно-пространственной среды [Текст] / А. В. Иконников, М. С. Каган, В. Р. Пилипенко [и др.] / под общ. ред. А. В. Иконникова; ВНИИ техн. эстетики. – М.: Стройиздат, 1990. – 335 с.: ил.
466. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов [Текст] / Карл Густав Юнг; пер с англ. А. А. Юдиной. – М. – К.: ЗАО «Совершенство» – «Port-Royal», 1997. – 384 с.
467. Юрьева, А. В. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя [Текст] : автореф. дис. ... канд. п. н.: спец. 13.00.08 / Юрьева

- Анна Валентиновна; [Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела]. – Сочи, 2002. – 22 с.: ил.
468. Ягубова, М. А. Оценочное слово и культура речи говорившего // Проблемы культуры речи [Текст] / М. А. Ягубова: [Сб. ст.]. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 80-89. – (Вопросы стилистики : Межвуз. сб. науч. тр; Вып. 25).
469. Язикова, Ю. С. Константы художественной речевой системы писателя [Текст] / Ю. С. Язикова // Человек и его язык: антропологический аспект исследований : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Нижегород. гос. пед. ун-т; [Редкол.: Ю. С. Язикова (отв. ред.) и др.]. – Н. Новгород : НГПУ, 1997. – С. 5-11.
470. Язык, дискурс и личность : Межвуз. сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т; [Редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) и др.]. – Тверь : ТГУ, 1990. – 133, [1] с.
471. Язык – система. Язык – текст. Язык – способность [Текст] : [Сб. ст.] : К 60-летию Ю. Н. Караулова / Рос. АН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [Редкол.: Ю. С. Степанов и др.]. – М. : ИРЯ, 1995. – 287 с. : портр.
472. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики [Текст] : сб. науч. тр. / [Редкол.: В. И. Карасик, проф. (отв. ред.) и др.]; Волгогр. гос. пед. ун-т. Науч.-исслед. лаб. «Язык и личность». – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
473. Языковая личность в современном социуме: (региональный аспект) [Текст] / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии; отв. ред. Г. А. Дырхеева]. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2006. – 108, [2] с.
474. Языковая личность: жанровая речевая деятельность [Текст] : Тез. докл. науч. конф., Волгоград, 6-8 окт. 1998 г. / [Редкол.: В. И. Шаховский и др.]. / Волгогр. гос. пед. ун-т. Научн.-исслед. лаб. «Язык и личность». – Волгоград: Перемена, 1998. – 108 с.
475. Языковая личность и семантика [Текст] : Тез. докл. науч. конф., 28-30 сент. 1994 г. / [Редкол.: В. И. Шаховский и др.] / Ин-т языкознания Рос. АН, М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 1994. – 142, [1] с.
476. Языковая личность как предмет теоретической и прикладной

- лингвистики [Текст] : Материалы Всероссийской научной конференции, 18-20 марта 2004 года / [Редкол.: М. Ф. Чикурова (отв. ред.) и др.]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Тул. гос. ун-т. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. – 298 с.
477. Языковая личность: культурные концепты [Текст] : Сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т. Науч.-исслед. лаб. «Язык и личность», Помор. междунар. пед. ун-т. Центр концептол. исслед.; науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград ; Архангельск: Перемена, 1996. – 259 с.
478. Языковая личность на рубеже веков [Текст] // Язык и социум. – Минск, 2003. – Ч. 1. – С. 254-272.
479. Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте [Текст] : Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ун-т; [Редкол.: Т. А. Трипольская (отв. ред.) и др.]. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1994. – 121, [2] с.
480. Языковая личность: проблемы значения и смысла [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т. Н.-и. лаб. «Яз. и личность» [Науч. ред. И. В. Сентенберг, В. И. Карасик]. – Волгоград: Перемена, 1994. – 203, [1] с.
481. Языковая личность: проблемы изучения и формирования [Текст] / И. А. Рапопорт, М. М. Гохлернер, Г. В. Ейгер [и др.] // Вопросы лингводидактики : [Сб. ст.] / НИИ педагогики ЭССР; Сост. Р. Сельг, Э. Сепп. – Таллин : НИИП, 1990. – С. 54-90.
482. Языковая личность: проблемы креативной семантики [Текст] : сб. науч. тр. к 70-летию д.филол.н., проф. И. В. Сентенберг / Волгогр. гос. пед. ун-т. Н.-и. лаб. «Яз. и личность»; [Редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др.]. – Волгоград: Перемена, 2000. – 214 с., [1] л. портр.
483. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики [Текст] : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность»; [Редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др.]. – Волгоград: Перемена, 1999. – 271 с.
484. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания [Текст] : Тез. докл. науч. конф., Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. / [Науч. ред.: проф. В. И. Карасик] / Волгогр. гос. пед. ун-т. Н.-и. лаб. «Яз. и личность». – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 1997. – 143 с.
485. Языковая личность: система, нормы, стиль [Текст] : Тез. докл.

- науч. конф., Волгоград, 5-6 февр. 1998 г. / [Науч. ред.: В.И. Карасик] / Волгогр. гос. пед. ун-т. Н.-и. лаб. «Язык и личность». – Волгоград: Перемена, 1998. – 131 с.
486. Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты [Текст] : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т. Н.-и. лаб. «Яз. и личность», Саратов. гос. ун-т. НИИ рус. яз. и лит.; [Редкол.: В.И. Карасик (отв. ред.) и др.]. – Волгоград: Перемена; Саратов: СГУ, 1998. – 232, [2] с.
487. Языковая личность специалиста XXI века [Текст] : Материалы 1 межвуз. студен. конф. / [отв. ред. В. В. Иванова]; Федер. агентство по образованию, Твер. гос. техн. ун-т. – Тверь: Твер. гос. техн. ун-т, 2005. – 87 с.: ил., табл.
488. Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе) [Текст] : Материалы межвуз. семинара (С.-Петербург, 20-21 апр. 1995 г.) / [Редкол.: Т. Г. Рамзаева и др.]; Сев.-Зап. отд-ние Рос. акад. образования, Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: Образование, 1995. – 93 с.
489. Яковлева, Е. С. К описанию русской языковой картины мира [Текст] / Е. С. Яковлева // Синтаксис: изучение и преподавание [Текст] : сб. работ учеников В. А. Белошапковой / [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак.; отв. ред. И. В. Галактионова]. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 14-32.
490. Яковлева, Е. С. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике [Текст] / Е. С. Яковлева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология: Науч. Журн. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – № 3. – С. 96-105.
491. Ясинская, М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность: (На материале ист.-биограф. прозы князя Б. И. Куракина) [Текст] / М. Б. Ясинская: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01; [Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина]. – М., 2004. – 25 с.: ил.
492. Яценко, Е. Ю. Специфика культурологически мотивированных номинаций в дискурсе личности [Текст] / Е. Ю. Яценко // Номинация и дискурс : Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина; [Редкол.: Л. А. Манерко (отв. ред.) и др.]. – Рязань : Изд-во РГПУ, 1999. – С. 131-134.

Словари, энциклопедии

493. БЕ – Брокгауз Ф. А. А. П. Степанов [Текст] / Ф. А. Брокгауз и Ефрон // Энциклопедический словарь [Ф.А. Брокгауза и Ефрона]. – Т. 31 А, 62 полутом. – Статика – Судостроительство. – СПб. : Тип. Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз и Ефрон, 1901. – С. 594-595.
494. Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. – Т. 1 : А – З. – 800 с. – Т. 2 : И – О. – 784 с. – Т. 3 : П. – 560 с. – Т. 4 : Р – В. – 688 с.
495. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.: ил.
496. КСЭ – Краткий словарь по эстетике: кн. для учителя [Текст] / под ред. М. И. Овсянникова. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с.
497. Мифы – Мифы народов мира : [Энциклопедия] [Текст] : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – Т. 1: А – К. – 671 с. : ил. – Т. 2: К – Я. – 719 с. : ил. – (Золотой фонд).
498. РусФраз – Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов [Текст] / СПбГУ; Межкаф. Словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926, [2] с.
499. САР 2 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст] : Ч. 1 – 5. – СПб., 1806-1822. – Ч. 1. – 1806. – 1310 столб. – Ч. 2. – 1809. – 1178 столб. – Ч. 3. – 1814. – 1443 столб. – Ч. 4. – 1822. – 1536 столб. – Ч. 5. – 1822. – 1142 столб.
500. СДСЯ – Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию [Текст]. – СПб. : Суворин, 1899. – 946 с.
501. СлРЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв.

- [Текст] / гл. ред. Ф. П. Филин ; АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975 – . – Вып. 8 : Крада – Лящина / ред. вып. Г. Я. Романова. — 1981. – 351 с. – Вып. 16: Поднавесь – Поманути / сост. Г. А. Богатова и др. – 1990. – 294 с.
502. СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. [Текст] / гл. ред. Ю. С. Сорокин ; РАН, Ин-т лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 1991 – . – Вып. 10: Касталский – Крпостца / ред. Вып. Е. Э Биржакова, Л. А. Войнова. – 1998. — 256 с.
503. Сло – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : [80 000 сл. и фразелолог. выражений] [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН. Ин-т рус. яз им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
504. СЭС – Советский энциклопедический словарь : [Ок. 80 000 ст.] [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с., [6] л. карт. : ил.
505. СЭТ – Словарь по этике [Текст] / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
506. СЯЗК – Крылов И. А. Басни. Словарь языка басен Крылова [Текст] / Вступ. ст., сост., коммент.; Словарь языка басен Крылова Р. С. Кимягаровой / И. А. Крылов. – М. : Школа-Пресс, 1996. – 704 с.
507. СЯЗП – Словарь языка Пушкина [Текст] : в 4 т. ; АН СССР. Ин-т языкознания [гл. ред. В. В. Виноградова (отв. ред.) и др.]. – М. : ГИС, 1956-1961. – Т. 1: А – Ж / ред. И. С. Ильинская. – 1956. – 806 с. – Т. 2: З – Н / ред. В. Н. Сидоров. – 1957. – 896 с. – Т. 3: О – Р / ред. В. Н. Сидоров. – 1959. – 1070 с. – Т. 4: С – Я / сост. А. Д. Григорьева и др. – 1961. – 1045 с.
508. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст]; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: в 4 т. / М. Фасмер. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 2 : Е – Муж. – 671, [1] с. – Т. 3 : Муза – Сят. – 830, [2] с.
509. Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. / П. Я. Черных. – 6-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медина, 2004. – Т. 1 : А – Пантомима. – 623, [1] с. – Т. 2 : Панцирь – Ящур. – 560 с.

Источники прецедентных текстов

510. Абулгази, Бахадурхан. Родословная тюркского племени. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным [Текст] / Абулгази Бахадурхан. – Казань, 1854. – Т. III, ч. I.
511. Александрийская поэзия [Текст]: пер. с древнегреческого / Сост. и предисл. М. Грабарь-Пассек. – М.: Худож. лит. – 1972. – 430 с. – (Библиотека античной литературы. Греция). Содерж.: Феокрит, Мосх, Бион, Каллимах, Аполлоний Родосский
512. Аполлодор. Мифологическая библиотека [Текст] / Аполлодор: [Переводы] / Аполлодор; изд. подгот. В. Г. Борухович. – Л.: Наука. Ленинградское отд-ение. – 1972. – 215 с., ил.
513. Аполлоний, Родосский. Аргонавтика [Текст] / Аполлоний Родосский / Пер. Г. Ф. Церетели. – Тбилиси, 1964.
514. Апулей, Люций. Апология, или Речь в защиту самого себя. Метаморфозы [Текст] / Апулей Люций: в 11 кн.; Флориды; Переводы М. А. Кузмина, С.П. Маркиша М.: Наука. – 1993. – 434, [1] с., портр. – (Литературные памятники).
515. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида [Текст] / Вергилий ; пер. Шервинского и С. Ошерова. – М., 1979.
516. Волокитин, Н. И. О растительности Сибири : (По Миддендорфу и Гмелину) [Текст] / Н. И. Волокитин. – М. : тип. В. Готье, ценз. 1857. – 11 с.
517. Гесиод. Труды и дни. Теогония [Текст] / Гесиод // Эллинические поэты в переводе В. В. Вересаева. – М., 1963.
518. Гомер. Илиада; Одиссея [Текст] / Гомер; [Вступ. ст и примеч. Н. П. Гринцера; пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковско-го]. – М.: АСТ: Пушкинская библиотека, 2003. – 859, [2] с. – (Золотой фонд мировой классики).
519. Гумбольдт, Александр Фридрих фон. Путешествие барона Александра Гумбольдта по Америке с геологическими и климатологическими исследованиями Азии : [Взгляды на природу с учеными поясн. и доп.] [Текст] / А. Ф. фон Гумбольдт ; пер. с нем. И. Неронов. [Ч. 1-2]. – СПб. : тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. – Ч. 1. – [6], III, [3], 140 с. – Ч. 2. – 152 с.
520. Державин, Г. Р. Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма [Текст] / Г. Р. Державин / Сост. Г. Макогоненко, В. Степанова;

подгот. текста В. Степанова; Вступ. ст. Г. Макогоненко; примеч. В. Степанова. – Л.: Худож. лит. – 1987. – 504 с., 1 л. портр.

521. Еврипид. Трагедии [Текст] / Еврипид ; пер. И. Анненского. – М., 1969. – Т. 1. Сожерж.: Алкеста. Медея. Гераклиды. Ипполит. Андромаха. Гекуба. Геракл. Ифигения в Тавриде. Киклоп.
522. Еврипид. Трагедии [Текст] / Еврипид ; пер. И. Анненского. – М., 1969. – Т. 2. Сожерж.: Электра. Елена. Финикиянки. Ион. Орест. Вакханки. Ифигения в Авлиде. Просительницы. Троянки.
523. Жуковский, В. А. Избранное [Текст] / В. А. Жуковский; [Сост., вступ. ст. и примеч. И. М. Семенко; ил. А. В. Озеревский]. – М.: Правда, 1986. – 557, [1] с.: ил.
524. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника [Текст] / Н. М. Карамзин; [АН СССР]. – Л. : Наука, 1987. – 716, [1] с., [3] л. ил., портр. : ил., портр. – (Литературные памятники / Редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) и др.).
525. Кеппен, Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа [Текст] / Ф. П. Кеппен. – СПб. : тип. В.С. Балашева и К°, 1895. – 54 с.
526. Книги Ветхого Завета [Текст] // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество. – 2004. – С. 9 – 1037.
527. Книги Ветхого Завета [Текст] // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в 2 т.; илл. Г. Доре. – Библейские Комиссии: духовное просвещение. – 1991. – Т. 1. – 573 с.
528. Книги Ветхого Завета. Псалтирь. Книги Нового Завета [Текст] // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в 2 т.; илл. Г. Доре. – Библейские Комиссии: духовное просвещение. – 1991. – Т. 2. – 621 с.
529. Книги Нового Завета [Текст] // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2004. – С. 1041 – 1306.
530. Лукреций. О природе вещей [Текст] / Лукреций ; пер. Ф.А. Петровского. – М., 1946.
531. Маракуев, В. Н. Линней и Бюффон : Чтение для учащихся ст. возраста [Текст] / Сост. В. Н. Маракуев. – М. : О-во распро-

странения полезных книг, 1874. – 120 с., 2 л. портр. – (Знаменитые естествоиспытатели: Линней, Бюффон, Паллас и Кювье).

532. Овидий. Метаморфозы [Текст] / Овидий ; пер. С. Шервинского. – М., 1977.
533. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах [Текст] / Петр Симон Паллас; отв. ред. Б. В. Левшин. – М. : Наука, 1999. – 246 с., [1] л. портр. : ил. – (Научное наследство; Т. 27).
534. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3 ч., в 5 кн. – Ч. 3: Путешествие по Сибири к востоку лежащей, даже до самой Даурии 1772 года [Текст] / Петр Симон Паллас; пер. на рус. яз. В. Ф. Зуева. – СПб., 1788.
535. Платон. Сочинения [Текст] / Платон : в 3-х т. – М., 1970.
536. Повсаний. Описание Эллады [Текст] / Повсаний ; пер. С. П. Кондратьева. – М.; Л., 1938. – 1940. – Т. 1 – 2.
537. Пушкин, А. С. Избранные произведения: Стихотворения. Поэмы. Драммы. Сказки [Текст] / А. С. Пушкин: в 2 т.; вст. ст. К. И. Тюнькина. – М., 1970. – Т. 1. – 640 с.
538. Россия XVIII в. глазами иностранцев [Текст] : [Сборник / Подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова]. – Л. : Лениздат, 1989. – 542, [2] с. : ил. – (Библиотека «Страницы истории Отечества»). Содерж.: Путешествия в Московию / К. де Бруин. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского / Герцог Лирийский. История и анекдоты революции в России в 1762 г. / К.-К. Рюльер. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Л.-Ф. Сегор. Путешествия по разным провинциям Российского государства / П. С. Паллас.
539. Святое Благовествование от Луки [Текст] // Святое Евангелие. – М.: Издательство братства во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» «Лествица» – макет, 1998. – С. 265-433.
540. Спасский, Г. И. Географическое и статистическое описание Сибири и её островов [Текст] / Г. И. Спасский // Азиатский вестник. – 1824-1825.
541. Спасский, Г. И. Изображение обитателей Сибири, или Новое

и достовернейшее описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывания, образа жизни, нравов, обрядов, веры, наречий и проч., издаваемое Григорием Спасским, Императорской Академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом [Текст] / Г. И. Спасский: в 2 кн. – СПб., 1820-1822. – Кн. 1. 1820. [4], 204 с., 5 л. цв. ил. – Кн. 2. 1822. [4], 66, 14, 6 с.

542. Спасский, Г. И. Описание древнего христианского памятника, открытого в Китае 1625 года, с присовокуплением гравированного изображения высеченной на оном китайско-сирийской надписи, изданное Григорием Спасским, Академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом [Текст] / Г. И. Спасский. – СПб. : тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1826. – 52 с., 1 л. факс.
543. Шиллер, Ф. Избранное: Стихотворения. Пьесы [Текст] / Фридрих Шиллер; пер. с нем. [Вступ. ст. С. Тураева; примеч. С. Апта и др. ; ил. Т. Фадеевой] – М.: Правда, 1989. – 574, [1] с.: ил.

Список условных сокращений и обозначений

1. ЕГ – Енисейская губерния [Текст]: в 2 ч. – СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. – Ч. I. [4], II, [2], 7-276. – Ч. II. [2], II, 139, [2], XIV с., [2] л. ил.
2. Пут – Путешествие в Кяхту из Красноярска [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 1-98 пер. сч.
3. ПД – Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н.П. Маловым [Текст] : в 4 ч. СПб. : Типография Александра Смирдина, 1835. – Ч. 1. [4], 317 с. – Ч. 2. [4], 284 с. – Ч. 3. [4], 251 с. – Ч. 4. [4], 251 с.
4. МО – Взгляд на физическое положение Минусинского округа енисейской губернии [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 108-113 пер. сч.
Сув. – Суворов, лирическая поэма Александра Степанова [Текст]. – М.: Университетская типография, 1821. – 228 с.

5. ПНММ – Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною (отрывок из поэмы) [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 83-86 втр. сч.
6. ПМ – Поэзия и Музыка [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 3-17 втр. сч.
7. З – у – З – у («От страсти Вертер застрелился...») [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 71 втр. сч.
8. П – Песня (сочинена во время плавания по Енисею в Туруханск) [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 91-92 втр. сч.

Очерк жизни и деятельности А. П. Степанова

Александр Петрович Степанов – первый гражданский губернатор Енисейской губернии. Его жизненный путь давно привлекает внимание историков и краеведов. В красноярской печати достаточно много публикаций, посвященных губернаторской, просветительской, литературной деятельности Александра Петровича [Аржаных, 1988, 1992; Бердников, 1995; Борисов, 2001; Быконя, 1986, 1997; Горшман, 1991; Енина, 1997; Иванов, 1987; Крицкий, 1994; Перфилова, 1998; Петров, 1990; Рубе, 2000; Савчук, 1998; Титенков, 1965, 1972; Трошев, 1975, 1997; Фельде, 2006; Шорохов, 1988 и др.]. Интерес исследователей к личности А.П. Степанова обусловлен необычностью судьбы первого енисейского губернатора, обширностью его интересов, энергичностью и предприимчивостью его натуры, которая позволила участнику альпийского похода А.В. Суворова превратить уездный Красноярск в развитый губернский город.

В «Русском биографическом словаре» указано, что Степанов Александр Петрович – Енисейский и Саратовский губернатор, писатель, родился в деревне Зеновке Липецкого уезда Калужской губернии 4 мая 1781 года в семье отставного премьер-майора, а затем надворного советника Степанова Петра Семёновича, от брака с дочерью обер-церемониймейстера екатерининского двора Степана Фёдоровича Кашталинского – Пелагеей Степановной [Модзалевский, 1909: 382].

В одиннадцать лет мальчик был отдан в частный пансион известного профессора Московского университета Б.Б. Шадена, а после был переведён в университетский Благородный пансион, где проучился 4 года. В то время этот пансион считался лучшим учебным заведением в России. Благодаря стараниям и заботам родителей до учёбы в пансионе ребёнок получил блестящее домашнее образование; воспитывался Саша

под руководством гувернёра-итальянца. При непосредственном участии родного дяди обер-церемониймейстера Матвея Фёдоровича Кашталинского, мать записала сына сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. При этом он продолжал обучение в пансионе.

После отмены указа Павла I от 18 февраля 1762 года о вольности дворянства Александр Петрович, не закончив учёбу, в возрасте шестнадцати лет вынужден был вступить в свой гвардейский полк в чине подпрапорщика, а через год, в январе 1798 года, был переведён прапорщиком в Московский гренадерский полк. Осенью 1798 года полк вместе с другими частями был отправлен в Италию, где Александр Петрович принимал участие в сражении с французами. П.И. Багратион отметил А.П. Степанова после боевых действий на реке Адда 16-17 апреля 1799 года и взял восемнадцатилетнего юношу к себе адъютантом. Храбрость Александра Петровича в сражении при Треббии 8-10 июня была отмечена Александром Васильевичем Суворовым, который перевёл его в свой штаб. Генералиссимус заметил стихотворный талант А.П. Степанова и стал поручать ему написание иронических ответов в стихах на те многочисленные хвалебные и поздравительные оды, которые получал. По словам Б. Модзалевского, А.В. Суворов, «довольный сочинёнными Степановым словами к одному «польскому», наградил Александра Петровича командорским крестом ордена Иоанна Иерусалимского [Модзалевский, 1909: 382]. Полководец ценил поэтические увлечения А. Степанова и называл его «мой юный Демосфен» [Борисов, 2001: 5]. А.П. Степанов с лёгкостью выполнял и серьёзные поручения А.В. Суворова. В восемнадцать лет Александр Петрович был награждён орденом святой Анны III степени на шпагу и получил чин подпоручика за храбрость при доставлении приказов А.В. Суворова в сражении при Нови 4 августа 1799 года. А.П. Степанов ревност-

но исполнял свой воинский долг и за переход Сен-Готарда, в боях при Урзерне и у Чёртова моста был произведён в поручики, а также награждён Мальтийским командорским крестом. Этот крест был введён Павлом I в число орденов Российской империи с ноября 1798 года. В звании поручика А.П. Степанов был прикомандирован к свите князя Герчакова, который был послан в Баварию с просьбой разрешить русским войскам перезимовать на этой территории.

В боевых действиях у Клейнталя 19-20 сентября А.П. Степанов находился в авангарде при П.И. Багратионе. В этом сражении будущего губернатора вынесли без сознания с поля боя, он был ранен пулями в левую ногу и правую руку. После лечения в звании поручика А.П. Степанова прикомандировали к свите князя Герчакова, который был послан в Баварию с просьбой разрешить русским войскам перезимовать на этой территории.

Вернувшись в Россию и окончательно излечившись от ран, он стал служить адъютантом генерала-майора Быкова в Старооскольском пехотном полку. Александр Петрович был знаком с Быковым в период Итальянского похода. В возрасте двадцати лет А. Степанов женился на Екатерине Федосеевне, дочери генерал-майора Быкова.

В чине штабс-капитана в конце 1802 года А.П. Степанов подаёт рапорт об отставке. Он переезжает с женой в Москву, где после учреждения Министерства юстиции (5 декабря) Александр Петрович служит в чине коллежского советника [Трошев, 1997: 3; Савчук, 1998: 6] в должности столоначальника. По данным биографа Б. Модзалевского, А.П. Степанов выходит в отставку в 1801 году (с чином штабс-капитана), а в 1802 году поступает в департамент министерства юстиции и уже через год заслуживает чина коллежского асессора, который позволяет ему в 1804 году, будучи столоначальником во 2 экспедиции, объезжать губернии [Модзалевский, 1909: 383].

Во время службы в Министерстве Александр Петрович знакомится с поэтом Иваном Ивановичем Дмитриевым, который занимал должность товарища министра юстиции с 1804 года. Поэтический талант А. Степанова способствовал его сближению с Гавриилом Романовичем Державиным, который оценил молодого одарённого человека.

В двадцать три года (1 августа 1804 года) А.П. Степанов становится прокурором Калужской губернии, а в двадцать восемь лет (1809 год) получает чин коллежского советника [Модзалевский, 1909: 383]. В 1806 и 1807 Александр Петрович участвует в формировании отрядов Калужского ополчения (земского войска), которое оказывало помощь военным, сражавшимся с французами в Польше и Восточной Пруссии. За службу отечеству Александр Петрович был награждён золотой медалью земского войска 1807 года на владимирской ленте, а в 1807 году был произведён в надворные советники. В тридцать лет (5 января 1812 года), до начала Отечественной войны, А.П. Степанов уходит с должности губернского прокурора. Во время войны 1812 года Александр Петрович создаёт конный отряд численностью 140 человек из своих крестьян Жиздринского уезда и вступает с ними в Калужское ополчение, которое участвовало в сражениях при освобождении Вереи, при взятии Вязьмы, а после – в преследовании отступивших французов. В 1813 году Александр Петрович был ранен при блокаде Модлина, когда войска отражали вылазки осаждённых французов. Его отвага была отмечена орденами святого Владимира IV степени с бантом, святой Анны II степени и боевой серебряной медалью 1812 года на голубой андреевской ленте. Последняя медаль была учреждена 22 декабря 1813 года, а награждали ей офицеров и генералов в апреле 1814 года.

Излечившись от ран, А.П. Степанов служит при сенаторе П.Н. Каверине, который отвечал за заготовку продоволь-

ствия и фуража для действующей армии. С 1815 года по 1817 годы Александр Петрович служит фуражмейстером в Придворном конюшенном ведомстве и заготавливает фураж для лошадей императорского двора. Во время службы в конюшенном ведомстве А.П. Степанова находит ещё одна награда: дворянская бронзовая медаль в память 1812 года на владимирской ленте. Этой медалью награждали в конце 1815- в начале 1816 года, хотя учреждение медали состоялось 30 августа 1814 года, но второй поход русских войск во Францию весной 1815 года, связанный с возвращением Наполеона с острова Эльбы, не позволил в своё время отметить героев. После войны Александр Петрович уходит в отставку и с семьёй переезжает в своё имение в село Ловати Жиздринского уезда, в школе которого он преподавал русский язык, историю, географию.

Тридцатипятилетний Александр Петрович в 1816 году едет в Москву, чтобы определить в Благородный университетский пансион сыновей – девятилетнего Николая и одиннадцатилетнего Петра. В этом году 26 февраля Степанова принимают в действительные члены «Общества любителей российской словесности». На заседаниях общества Александр Петрович знакомится с будущими декабристами.

Служба фуражмейстером, воспитание детей не помешали литературным занятиям Александра Петровича. В 1820-1830-х годах XIX века А.П. Степанов принадлежал к числу довольно известных литераторов. В альманахе А.А. Писарева «Калужские вечера» он публикует «Предание о городе Калуге» и записки об участии в Итальянском и Швейцарском походах [Горшман, 1991: 79]. В 1821 году в Москве выходит его лирическая поэма «Суворов».

Через своих знакомых в Петербурге (Кушников, князь Кочубей, граф Милорадович) А.П. Степанов ищет возможность послужить отечеству и достигает желаемого: в долж-

ности статского советника отбывает в Енисейскую губернию. Красноярский краевед П.П. Сиротенко обнаружил в семейном архиве Степановых документы, в которых А.П. Степанов выражает готовность поехать на службу в Сибирь: «Есть страна за Уралом, которая вот уже многие годы небольшими горстками смельчаков всё дальше и в больших пространствах присоединяется к государству Российскому. Не окажусь ли и я чем-нибудь полезным как отечеству, так и народу в тех краях?» [Титенков, 1972: 4]. Как отмечает Ж. Трошев, эти строки были написаны Степановым в заявлении, поданном в Сибирский комитет, на текст которого обратил внимание Гавриил Степанович Батеньков, секретарь Сибирского комитета, сотрудник Михаила Михайловича Сперанского и участник сибирской реформы 1822 года. В будущем Г.С. Батеньков – декабрист, член Северного общества, осуждённый на 20 лет каторги. Сенатором и управляющим делами Сибирского комитета в то время был Иван Иванович Дмитриев, с которым А.П. Степанов был знаком уже в 1804 году по службе в Министерстве юстиции. Не без участия И.И. Дмитриева и Г.С. Батенькова, который был отчасти знаком со Степановым как членом «Общества любителей российской словесности», Александру Петровичу присваивают чин статского советника и назначают первым гражданским губернатором образованной Енисейской губернии с центром в Красноярске.

Исследователь А. Титенков отмечает, что сенатский указ об образовании Енисейской губернии увидел свет 28 февраля 1823 года, именно тогда (а не 1822 года) Степанов отбыл с семьёй в Сибирь [Титенков, 1972, с. 4]. Красноярские краеведы приводят другую дату – 1822 год [Аржаных, 1988; Петров, 1990; Есина, 1997].

А.П. Степанов был либерально настроенным чиновником. Как человек честный и энергичный, он объединил во-

круг себя людей, близких по духу. По мнению А.П. Степанова, честность, преданность отечеству и любовь к поэзии являются теми проявлениями личности чиновника, которые способствуют укреплению могущества государства. А.П.Степанов пригласил на службу в свою губернию ряд единомышленников. Среди них такие, как Иван Петров, Иван Варлаков, Пётр Рассказов, Александр Иванович Матрос – сын известного скульптора, Иван Галкин, Владимир Иванович Соколовский, сын томского губернского начальника, впоследствии написавший пасквильные стихи на царя и становивший узником Петропавловской крепости, и, конечно, земляк Александра Петровича – Александр Кузьмич Кузьмин – поэт и минусинский окружной начальник. Единомышленником А.П. Степанова был его сын Николай, будущий политический карикатурист, создатель графического шаржа в России.

В 1893 году газета «Енисейские губернские ведомости» писала о А.П.Степанове следующее: «Принимая новую должность, Александр Петрович сознавал, что его деятельности открывается новое обширное поприще. Он находил время несколько раз объезжать безграничную губернию. Главные занятия Александра Петровича по устройству края сосредоточивались в Красноярске, возведенном в губернский город. В нем он поселился с особенной радостью, так как место приходилось ему по сердцу: климат оказался отличным и здоровым» [Титенков, 1965].

К моменту прибытия первого губернатора и его помощников в уездном Красноярске существовало одно двухклассное училище, которое стараниями Степанова было переведено в городское четырёхклассное. В нём учились дети чиновников и купцов, также были организованы два двухклассных училища, одно из которых было отведено для девочек. При А.П. Степанове началось строительство больниц и театра, происходила перестройка казённых учреждений, необ-

ходимые средства были направлены на строительство домов для малоимущих. Чтобы навести порядок в городе, Степанов увеличивает штат полицейских и пожарных, обновляет необходимое в их работе оборудование.

По словам Л.П. Бердникова, «с приездом Степанова жизнь города, можно сказать, забурлила» [Бердников, 1995: 18]. Население всячески поддерживало начинания губернатора. Более широкое развитие при губернаторе получили различные ремёсла. Было построено несколько так называемых «рабочих» домов, в которых люди осваивали разные специальности: слесаря, плотника, каменщика, кузнеца и т. д. Здесь изготавливали мебель, экипажи и другие изделия. В круг первостепенных дел губернатора входило не только благоустройство города, но и ужесточение контроля над губернскими чиновниками. А.П. Степанов лично объезжал вверенную ему территорию и не жалел сил в борьбе с мздоимством, казнокрадством. Население губернии, в том числе и малые народности (ненцы, эвенки, хакасы и др.), находили поддержку со стороны первого гражданского губернатора. Радея за сохранение самобытности инородцев, признавая равноправие для всех жителей губернии, А.П. Степанов становится руководителем проекта «Степных законов для кочевых инородцев Енисейской и Иркутской губерний». Степанов создал Комитет, разрабатывающий «Предложения для ясачных орд». Проект, в котором была игнорирована туземная знать, не был принят в Петербурге в силу своей радикальности и демократичности. «Предложения» также были отвергнуты Николаем I.

Развитие культуры центра Енисейской губернии определялось стараниями первого губернатора и его окружения (В.И. Соколовский, Н.А. Степанов, И.М. Петров, П. Рассказов и др.). Заметим, что в своей деятельности губернатор Степанов учитывал своеобразие социокультурного положения

вверенного ему региона, а также плодотворно влиял на него. В 1823 году было создано краеведческое общество «Беседы об Енисейском крае», позднее общество «Литературные беседы», началось строительство городской библиотеки.

При первом енисейском губернаторе оживилась культурная и общественная жизнь города. А.П. Степанов организует вокруг себя инициативных литераторов. В этом ему помогает сын Николай, который руководит подготовкой издания сатирического журнала «Минусинский раскрыватель» (талант Николая Александровича будет раскрыт в 60-х годах: он станет редактором известных сатирических журналов «Искра» и «Будильник»).

Для того чтобы эффективно управлять губернией, Степанов стремится к глубокому и всестороннему изучению вверенного ему края. В 1823 году Александр Петрович создаёт краеведческое общество «Беседы об Енисейском крае». Молодой чиновник В. И. Соколовский, много ездивший по делам службы по Восточной Сибири, помогал А.П. Степанову собирать необходимые статистические сведения. Другие красноярские просветители, будучи членами созданного общества, публикуют в столичных журналах интересные материалы о жизни неизведанного края.

После разгрома декабрьского восстания 1825 года от Степанова, как от всех чиновников Российской империи, требовалась подписка «о непринадлежности к какому-либо обществу – естественному, литературному, музыкальному». Несмотря на требование императора, А.П. Степанов подаёт прошение о возможности существования общества «Беседы об Енисейском крае», на что получает отказ. На момент прошения губернатора в Красноярске действовало другое общество, о котором чиновники решили не сообщать в столицу – «Литературные беседы». Как отмечает сотрудник краевой научной библиотеки Е. Енина, губернскими чиновни-

ками был создан кружок «Красноярская литературная беседа», на организацию которого оказали влияние декабристы [Енина, 1997]. Члены общества готовили к 200-летию Красноярска «Енисейский альманах» за 1828 год. А.П. Степанов принял непосредственное участие в подготовке «Енисейского альманаха», инициатором и издателем которого был чиновник Иван Матвеевич Петров, свободное время занимающийся литературным трудом, как и А.П. Степанов. В этом же году на появление «Енисейского альманаха» откликнулся «Московский телеграф» (1828, ч. 19, № 3, с. 431-432). Печать столицы поприветствовала результат творческой активности енисейских чиновников: «Приятно видеть, что и в отдалённой Сибири просвещённые любители словесности посвящают досуги свои занятиям литературным. Приветствуем «Енисейский альманах», как дорогого заезжего гостя, и рады извинить все его недостатки в уважение его дальней дороги, и того, что он – первое литературное явление с берегов Енисея» (цит. по [Сокольский, 1969б 80]).

О необыкновенной деятельной натуре первого губернатора Енисейского края отзывался норвежский профессор астрономии Христиан Ганстен, который, путешествуя по Российской империи, посетил Красноярск в 1828 г. Вот каким увидел учёный губернатора Степанова: «Человек лет сорока семи, весёлый, любезный, окружён в своём кабинете различными предметами искусства и естественной истории, минералами, чучелами птиц и животных. Его рабочий кабинет включал коллекцию минералов, а в шкафах и на стенах помещались гравюры портреты северных племён, виды, книги и самые редкие древности. У него была мастерская обработки камней, где нам отшлифовали два ящика из агата для наших магнитных стрелок. Одним словом, мы были окружены в доме всем, что относится к искусству и природе. Этот человек с высокоразвитым вкусом показал нам план переу-

стройства Красноярска с широкими улицами, общественными учреждениями, садами. По проекту это будет самый красивый город Сибири, природа и искусство будут способствовать этому великолепию» [Трошев, 1997: 3]. В воспоминаниях (рукопись хранится в Красноярском краеведческом музее) старожила И.Ф. Парфентьева Степанов предстает человеком среднего роста: «он ... ходил скоро, говорил громко, глаза огромные, быстрые, брюнет, волосы замечательно курчавые ... слишком гостеприимен и сострадателен, характера вспыльчивого ...». И.Ф. Парфентьев доносит до нас интересные сведения о личности енисейского губернатора, пишет об увлечении А.П. Степанова археологией: «Он ездил в Минусинский, разрывал там древние курганы». Татары считали его за высшего государственного сановника и возили на своих плечах». В рукописи И. Парфентьева отмечен литературный талант А.П. Степанова: «Он плавал в Туруханский край с хором певчих и музыкантами и в то время сочинил песни «Злые люди пусть смеются», «Между гор и Енисеем» и др.». В воспоминаниях красноярца-старожила енисейский губернатор предстаёт человеком тонкой душевной организации: «Оставляя Красноярск, Александр Петрович, целуясь, прощался со всеми и плакал, говоря: «Я Сибирь до своей смерти не забуду»».

По мнению Г.Ф. Быкони, общественно-политические взгляды А.П. Степанова «характеризуют его широкие контакты с декабристами». Известный историк утверждает, что «он был связан с находившимися в Енисейской губернии на поселении Ф.П. Шаховским, С.И. Кривцовым, С.Г. Краснокутским и отчасти с И.И. Пушиным [Быконя, 1997: 10]. А.П. Степанов принимал личное участие в судьбе декабристов, которых провозили через Красноярск в конце 1826 года и в начале 1827 к месту каторжных работ в Иркутскую губернию. Краеведы приводят свидетельства декабристов Николая Ва-

сильевича Басаргина, Ивана Ивановича Пущина, А.А. Беляева, письма Екатерины Ивановны Трубецкой и воспоминания Полины Гебль, жены декабриста И.А. Анненкого, как подтверждение связи гражданского губернатора с опальными [Горшман, 1991; Петров, 1990]. Через Полину Гебль Александр Петрович передаёт поклон осуждённым, особенно барону В.И. Штейнгелю и братьям Николаю и Михаилу Бестужевым. Рискую своей карьерой, Александр Петрович проявлял заботу о государственных преступниках. Это обстоятельство не могло не навлечь гнева Николая I, который был осведомлён о контактах Степанова с декабристами благодаря доносам жандармского полковника Маслова.

26 апреля 1831 года в возрасте 49 лет Степанов отстранён от должности енисейского губернатора. Среди исследователей нет единства относительно причины завершения губернаторской деятельности Степанова. Историки-краеведы выдвигают различные версии. Одни видят причину в гуманном отношении А.П. Степанова к декабристам, другие – в ссоре с петербургскими вельможами, третьи – в обстоятельствах личного плана. Несколько раз Степанову пришлось давать объяснения своего поведения III отделению, так как императору Николаю приходили доклады о неблагонадёжности енисейского губернатора, о его «дружеском расположении к государственным преступникам» [Петров, 1990; Трошев, 1997]. «Именно эти обстоятельства, – по мнению О. Аржаных, – стали причиной отстранения Александра Петровича от должности» [Аржаных, 1988]. И. Потапов убеждён, что причина отставки губернатора была более серьёзная, чем «доброжелательное отношение к декабристам» [Потапов, 1997]. Красноярский историк Г.Ф. Быконя выдвигает свою аргументированную версию. По его мнению, А.П. Степанова отстранили от должности за то, что в 1830 году он заставил городскую Думу выплатить из состоящего в ней запасного капитала 1450

рублей тем бедным, которые не могут уплатить подати [Быко-
ня, 1986: 79]. Н. Перфилова, С. Савчук, Ж. Трошев признают
этот факт формальным поводом для отстранения Степанова
от дел. Сумма 1450 рублей была признана судом как долг, ко-
торый был взыскан за счёт имения А.П. Степанова в Калуж-
ской губернии. А. Горшман же отмечает, что «Степанов про-
должал губернскую службу до конца апреля 1831 года, а затем
попросился в отставку по домашним обстоятельствам и ле-
том того же года выехал в пределы центральной России. Не-
которое время он пробыл в Петербурге по делам своей быв-
шей службы, а затем был зачислен по департаменту героль-
дии и выехал в Калужскую губернию, получив в награду «за
полезные труды по устройству Енисейской губернии» орден
святого Станислава I степени [Горшман, 1991: 80].

Будучи отрешённым от должности, А.П. Степанов оста-
ётся в городе как частное лицо. В этом ему помогли друзья,
которые заняли деньги у купца Новикова, чтобы перестроить
дом губернского секретаря Ивана Родюкова для семьи Степа-
нова [Перфилова, 1998: 2]. Точная дата отъезда А.П. Степа-
нова из Красноярска неизвестна. Одни историки считают, что
это произошло в апреле 1832 года (Н. Перфилова); другие на-
зывают другую дату отъезда – 1831 год [Модзалевский, 1909:
383]. Ежедневная газета «Енисейские губернские ведомос-
ти» от 3 июля 1893 года писала: «При Степанове Красноярск
сделался настоящей столицей богатой губернии. Поселение
ссылных, устройство училищ, заведение хлебных запасных
магазинов, устройство приказа общественного призрения,
многочисленные меры, касающиеся местных народов окру-
га, – вот малая часть занятий Степанова» [Титенков, 1965].

Будучи в имении матери А.П. Степанов завершает книгу
о Енисейской губернии, в основу которой были положены от-
четы Степанова, посылаемые им в Петербург после поездок
по губернии.

Осенью 1834 года А.П.Степанов приезжает в Петербург для того, чтобы издать роман «Постоялый двор» и найти место для службы. В декабре (5 декабря 1835года) его назначают Саратовским гражданским губернатором. В этой должности он прослужил до весны 1837 года. После (27 марта 1837 года) его назначили членом совета при статистическом комитете Министерства внутренних дел. К новому месту службы А.П.Степанов не смог прибыть: в результате болезни он скончался 25 ноября 1837 года в Петербурге. Александр Петрович был похоронен в своем родовом имении, в селе Троицком Мещерского уезда Калужской губернии. Памятник на могиле установлен его сыновьями.

**Схемы, раскрывающие характер отношений
между рассматриваемыми понятиями**

Схема № 1. Категория «ценность»

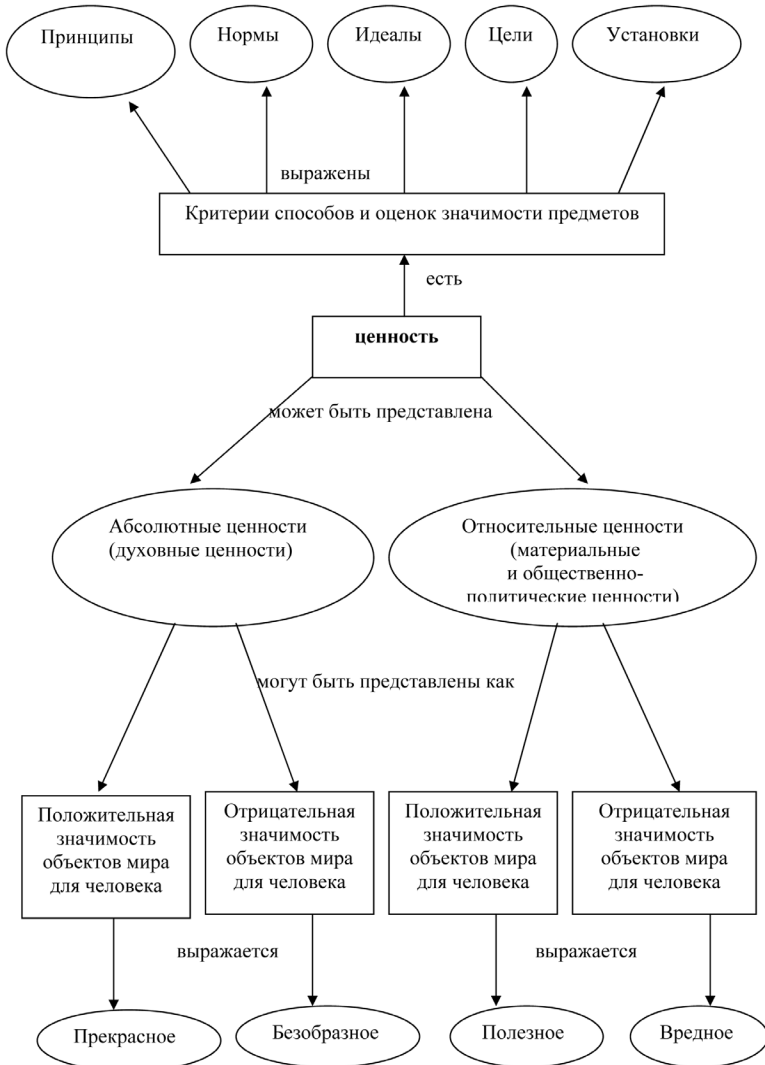

Схема № 2. Категории «эстетическое»,
«утилитарное», «ценность»

Схема № 3. Эстетические категории

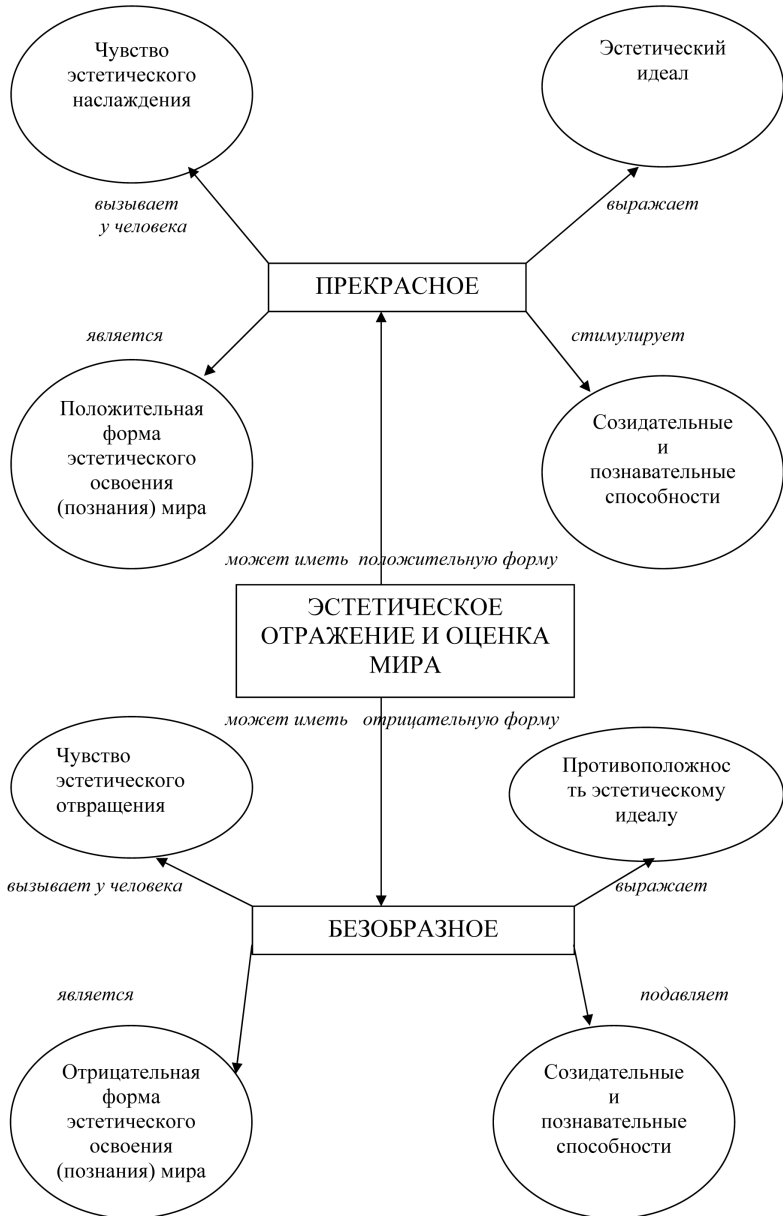
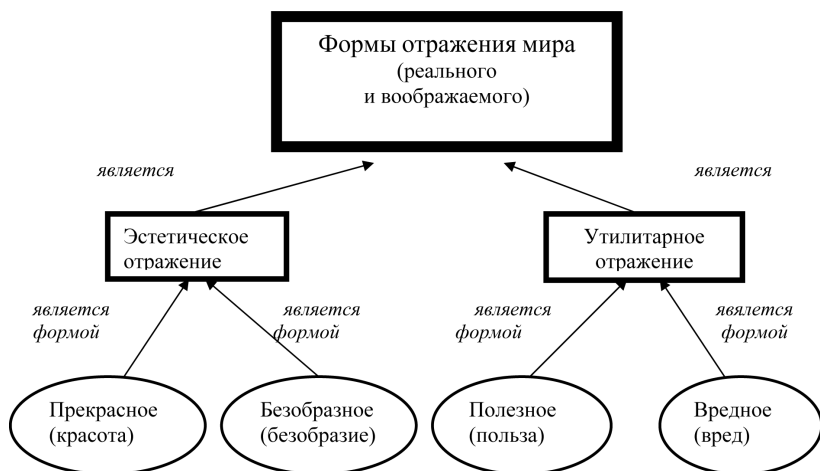

Схема № 4. Категории практического (утилитарного) отражения мира

Схема № 5. Категории «эстетическое отражение»,
«практическое (утилитарное) отражение»

**Вербализация концепта «Красота»
I – Контексты, эксплицитно выражающие
концепт «Красота»**

Суперфрейм “Красота”

Музыка.

*Не я ль среди огромных хоров
Могу истолковать без слов.
Могу изобразить для взоров
Природы ужас и красы,
И сердце пылкое движенье?*

Поэзия.

*О стыд искусств! о заблужденье!
Яви весну, и дар росы
Пролей ты жаждущей долине;
Пускай Аврорина слеза
В цветах горит; пускай гроза,
Бушующая грозно на вершине
Альпийских гор, в огнях зарниц
Красу и ужас образует;
Яви Героев и Цариц:
Пускай смычек твой им дарует
В уста вдруг ненависть и страх:
Будь живописцем ты в струнах [ПМ: 17].*

*Любовь, любовь – подруга **красоты!** <...> нет ничего милее смотреть на супругов, одарённых **красотою**; кажется, это два первенца природы...Вы думаете, что, отзываясь так о **красоте**, я до того безумен, что сам почитаю себя **красавцем**? [ПД IV: 136-137]*

*<...> **красота души** есть единственная подруга любви. Дедова <...> полагает, что **красота** весьма нужна для любви [ПД IV: 136].*

Красота и приятность не для Сибири! [Пут.: 3]

<...> настоящее царство растительное сохраняет всегда свойственную себе силу и **красоту** [ПД IV: 94].

Один владеет <...> **красотою** [ПД IV: 94].

<...> остатки **красоты** [ПД IV: 99].

на вашем лице не лежало никогда печати эстетической. Вы отверженник, изгнанник **красоты** [ПД IV: 100].

<...> княгиня потеряла совершенно заманчивость свою при настоящей **красоте** своей дочери [ПД IV: 100].

Я спросила однажды, к чему такие претензии (в стремлении к красивой одежде – Н.Б.)? Тут всё натурально, мама, отвечала она, я люблю вкус и **красоту** [ПД III: 130].

Я не повторяю о цветущих кустарниках, которые перемешиваются с цветами в образцовой **красоте** для флористов; скажу только, что сие смешение на местности природы величавой, дикой, где, несмотря на пространство, можно окинуть одним взглядом и горы первенствующие, и реку величайшую, равнины, слившиеся с небом и леса вековые: сие смешение **красивейших** даров природы, составляет неизъяснимую прелесть и по собственному своему достоинству и по той противоположности, какую составляют они с колоссальными предметами, и по тому соразмерному количеству их, какое потребно, чтоб составить полное украшение великаго целаго [ЕГ I: 82-83].

На Севере появляются озёра **во всей красоте** своей. <...> по большей части составляют великое хранилище вод, изливая их через реки в море [ЕГ I: 47].

Красота не дана в удаль татарам и татаркам. Весьма редко между последними можно встретить привлекательную [ЕГ II: 167].

(Из татарской баллады – Н.Б.) Башлык был жив: я носила ергак шелковый и ездила на иноходце. Пять лет как умер Башлык, и я стала нищею, как дитя нагое, которое ле-

жит в теплом пепле. На что мне **красота**? На что мне молодость? Только на солнце отрастает хвост и грива у кобылицы [ЕГ II: 170].

Мещанки г. Енисейска в своей губернии славятся **красотою**, как саксонки в Германии, как ревелянки в Остзейских губерниях [ЕГ II: 172].

Мне представляется **природа** (Енисейской губернии – Н.Б.) в ее дикой **красоте** и мужественном могуществе: первостатейные хребты гор, выбрасывая в пределы воздушные гордые скалы свои, сохраняет в недрах богатейшие породы металлов и камней, до коих едва прикасалась любопытная рука искусства, вековые кедры, лиственницы, пихты, сосны занимают неизмеримые полосы земли, нивные, красильные растения, луга сочные, солончаки... [ЕГ II: 193].

<...> но песцы белые далеко отстают от голубых, и не могут равняться с ними **ни красотою, ни нежностью**. Эти последние никогда не меняют своей шерсти [ЕГ I: 104].

<...> настала весна; вскрылась река <...> Не в последний ли раз вижу я эту **красоту природы**? [ПД IV: 85].

Артисты говорят, что **красота** определяется по той пропорции, которая необходима для тех преднамерений, для которых природа устроила части и целое, например: ноги и руки очень маленькая **некрасивы**, потому что первая слаба для поддержания всего состава тела; а вторья не имеют свободной возможности обхватывать, удерживать, распоряжаться как бы хотелось тому, кому она принадлежит; например: маленькая губка или носик **некрасивы** потому, что не имеют надлежащей пропорции допускать необходимое дыхание; например: полные высокие формы **некрасивы** потому, что выходят из пропорции необходимой для естественных потребностей или нарушают экономию природы [ПД IV: 87-88].

Согласен с гг. артистами и очень верю, что <...> рука

удобная обхватывать толстое древко заступа красивее, потому что пропорциею более способствует преднамерениям природы; потому же верю, что составляют красоту и переносица широкая и большой разрез рта; верю также, что маленькия груди имеют отличную красоту; ибо для потребной суммы питательной драгоценности не нужны великолепныя казнохранилища, которыя вовсе не способствуют преднамерениями Природы; однако же известны ли артистам в точности сии преднамерения с их разделениями и подразделениями? Ежели он, удовлетворят меня ответом <...>, тогда поверю я, что артистам известно в полной мере таинство преднамерения [ПД IV: 88-89].

<...> собрание красот эстетических в наружных достоинствах человека [ПД IV: 76].

<...> одарены приятностями и красотою [ПД IV: 148].

<...> увядающая красота лица [ПД IV: 167].

Фрейм “Красота внутреннего мира человека, его морального облика”

Познания украсили ум обширными сведениями [ПД IV: 219].

Муж государственный, известный по уму просвещенному и душе благородной, которому поручено было управление царства сибирского [ЕГ I: 19].

Нельзя так же не вспомнить слов, известного по уму просвещенному, по душе благороднейшего д (ействительно-го. – Н. Б.) с (татского – Н. Б.) с (оветника. – Н. Б.) Слоцова [ЕГ I: 79].

О бывшем крепостном Петрушке, который стал подполковником: благородный дух сообщил всё деликатство уму <...> поступки его обыкновенны, и разве только отличаются плавностию в обращении, вежливостию и кротостию <...> природа великая мастерица образовывать ум и сердце, ежели только ей способствует возвышенный дух человека [ПД II:

161]. **Прекрасный** человек ... искусный в своём деле, добрый и благородный [ПД IV: 197].

<...> это **прекрасная** жена [ПД II: 10]; женился ... на **прелестной** девице (пример кротости – Н.Б.) [ПД II: 252].

«Один владеет **умом**, другой **красотою**, тот **силою**, тот превосходными **талантами**; но где тот, кто бы соединял в себе одном?» «**Ищите, и найдёте, просите и дастся вам, толцыте и отверзется**». Княжна задумалась. «Откуда это изречение?» – спросила она. «Из **Святаго писания**». «Но к чему же вы привели его?» «Чтоб вы отыскали себе супруга вам **достойнаго**» [ПД IV: 94].

Катенев: Если бы я был живописец, я бы написал благочестие в виде моей **милой** сестры. Граф: При вашей сестрице, кажется, **свет** не нужен (в отрывке речь идёт об одной молодой женщине, Катерине Катеневой – Н.Б.) [ПД II: 13]; глаза пылали; щёки были покрыты густым румянцем; улыбка неизъяснимо приятная, лежала на открытых устах ея – всё показывало полноту сердца ея [ПД II: 25]. В ней нет гордости **духовной**... Ежели она увлекается, то увлекается чем-нибудь **духовным**... ея фантазия есть не что иное, как игра чистаго воображения. С каким искусством направлены все её способности, врождённые и приобретённые к началу истин [ПД II: 131]; вы одарены превосходствами души, тела и всех земных благ [ПД II: 177]; **прекрасный** провизор [ПД II: 137].

Он женился на **прекрасной, кроткой** девице [ПД II: 166].

Мечтал о княжне Серпуховской, столь занимательной своими **наружными приятностями, свежим, чистым умом и невинностию души** ... Она чрезвычайно мила... только похожа ещё на первое появление весны: всё в будущем [ПД II: 172-173].

Представил **милой** жене моей [ПД IV: 13]; **прекрасная** англичанка [ПД II: 241]; занимательная девица по своей бла-

городной, религиозной стойкости, **красоте** и страданиям [ПД II: 243]; **прелестная** хозяйка терпеливо и смиренно выслушивала с начала и до конца всё злословие, но сомневалась в справедливости [ПД III: 18]; В ней соединены **прелести** ума, души и тела, и всё это так свежо, так невинно! [ПД III: 179]; **прекрасная** жена [ПД IV: 154]. Княжна ... одушевлена изобретать все возможные средства к **приятному** и разнообразному занятию гостей. (Княжна – Н.Б.) **прелестна** во всех отношениях. Она была душею общества [ПД IV: 170]

Горючий **агат** и **самый сапфир небес**, конечно, уступят цвету ея глаз, через которых отражается в полном блеске **светлая, непорочная, пламенная душа** ея: всё, всё можно прочесть в них; только надобно уметь читать их магический язык [ПД IV: 90].

Брови немного резкия, брошенные смелыми чертами, разграничивают пребывание **Граций** от той части лица, в которой по принятому мнению обитает ум, и ежели это правда, то наружность этого жилища у княжны Серпуховской заставляет уже догадываться о достоинстве хозяина. **Ум** ея бойкий, живой, предприимчивый, **изображается весь на открытом, смелом челе ея, украшенном тёмно-русскими волосами** [ПД IV: 90-91].

Если бы губки были как струнки; тогда отыскивай их кто хочет! Но губки ея развернулись, как **цветная распуколка**, и когда она молчит, оне имеют направление, как будто бы приглашают с улыбкою к поцелую; но когда говорит, кажется оне всё-таки улыбаются, а когда она в самом деле улыбается, то губки ея **похожи на цветок совсем раскинутый**, орошённый жемчужною росой утра; ах! какие зубки! но когда она поёт, когда открывает ротик свой и вторит ему глазами и всеми чертами лица, чтоб **изъяснит восторги своей души**. О! Тогда открывается небо! [ПД IV: 92].

Если бы я был ваятель, сказал я, изобразил бы благоче-

стие в виде **прекраснейшей** женщины без всяких атрибутов (т. е. без канвы в руках – Н.Б.). Катенев: *Если бы я был изобретатель древних богов, я бы вместо Киприды, сделал благочестие*. Горянов: *И это не упущено со стороны древних, сказал я. Венгра, Урания, тоже благочестие [ПД II: 12].*

*Эта **прекрасная** женщина с чистой душою и твёрдыми правилами.*

*Мы застали у него (хозяина дома – Н.Б.) молодого человека, с **приятным** лицом и сколько можно заметить в последствии из разговоров, с **светлым умом** и **правильною образованностию** [ПД II: 66].*

*Одна из дочерей <...> свела знакомство вот с этим **прекрасным** человеком [ПД II: 68]; **превосходный** человек [ПД, II: 166]; **благородная душа** его утешает меня в несчастии [ПД II: 176]; **помечтайте-ка** немного об этом **прекрасном, статном, ловком, молодом** человеке! [ПД III: 63].*

*Взоры ея впились в Долинского, который в полупарадной своей одежде стоял **красиво** и свободно <...>. Бледное от бывшей болезни лицо его осенялось мягкими, густыми, волнистыми волосами; **приятныя** черты лица образовали физиономию, где видны были **соединение ума и доброты и отпечаток тех благородных чувств**, которыя постоянно питал он в душе своей. Нначинал ли он говорить, то все окружности рта: свежая, **прекрасно** обрисованныя губы, ряд белейших зубов и даже усики по обычаю **Генриха IV**, располагали уже слушателей к **приятному** ожиданию, и они не обманывались. **Усладительный** тенор сопровождал слова его, которыя легко и плавно составляли речи, полныя основательных знаний, остроты и огня. Он любил от чистаго сердца смеяться смешному; но этот смех был так нежен, так **приятен**, что если бы он относился на счет какого-нибудь лица, то не только бы не огорчил его, но увлѣк самого, к улыбки удовольствия. Голубые говорящие глаза его с **прекрасны-***

*ми ресницами, довершали его **приятности**: в них не было ни томности, ни живости, но какая-то **ангельская кротость**. Такво было их обыкновенное положение, но когда начинал он говорить, они одушевлялись необыкновенным светом; когда движения души его становились сильнее, тогда свет сей экзальтировался до такой степени, что проникал силою своею глубоко в души людей, без тех, однако, **неприятных** чувств, которыя иногда возбуждаются, необыкновенными также взорами некоторых людей; напротив, самыя преступныя души чувствовали от взоров что-то успокоительное [ПД III: 165-167]; **супруг мой должен быть совершенство** [ПД IV: 210].*

***Превосходный** человек с большими сведениями, твёрдым умом и весьма добрым сердцем [ПД II: 33]; **превосходный** сын [ПД II: 212].*

*Нужно быть образцом всего **земного изящества**, чтоб очаровать её совершенно; а подобный образец не составит ей гибели [ПД IV: 76].*

*Ей хочется иметь супругом человека умного, **красивого**, с хорошим понятием о вещах и с талантами <...>. Брат наш не имеет земного **совершенства**; а ей хочется, чтобы все **красоты изящества** были соединены в одно [ПД IV: 143].*

*Он так стар, так **отвратителен** лицом, что его пора в доскутный ряд. – Чем бросать старика с **отвратительным** лицом, лучше его оборотить наизнанку. Посмотри-ка его с этой стороны! Ты увидишь **превосходную душу** [ПД II: 10-11].*

*Какая **восхитительная картина**: объятие двух молодых девиц! Я разумею не такое, где участвует притворство или какое-нибудь приличие; но в котором нежится, без всякой примеси, одна только **взаимная привязанность души** [ПД III: 105]. Мужчины, наблюдающие за прелестной группой женщин, отмечают наружные атрибуты в проявлении чувства*

женской дружбы: *облекают его (чувство – Н.Б.) неизъяснимою прелестью* [ПД IV: 12].

О несчастном человеке лет 30: лице, искажённое страстями, выказывало ещё прекрасныя черты [ПД IV: 34].

<...> граф не более 28 лет, хорош и складен, только в красивых глазах его бездна лукавства, несмотря на благородные черты. Одежда его проста, но опрятна и щеголеватая. Он чрезвычайно богат <...> прекрасный белый лоб [ПД II: 6, 13]; *Граф, как видно, человек умный, но страсти помирают ум* [ПД II: 33].

(Младший брат Баров – Н.Б.) пренебрегая совершенно всеми познаниями, всеми добродетелями, он пользовался красотой, статностию и здоровьем [ПД II: 35].

Дочь <...>, имея острый ум, выросла на руках французенки, без всякаго понятия о нравственности и религии. Умея бегло и красиво говорить и писать по-французски, танцуя легко, бойко и брэнча кое-как на фортепьяно, девица Барова почитала уже себя в 14 лет наилучшим образом воспитанною. Окружённая богатством, изобилием, любимая страстно матерью, она была избалована, однако же, имела доброе сердце [ПД II: 36]; *воспитание дочерей ограничивалось системою прошлаго столетия, то есть, оне болтали по-французски, прыгали и брэнчали на клавишах. Ей, однако же, и то казалось дивом, потому что сама ни в дудочку ни поплясать; она с трудом даже подписывала имя своё и фамилию* [ПД II: 70].

- Она – *прелесть!* <...> *Жена, его Дарья, конечно, прекрасная женщина лицеем, но поведением...* [ПД IV: 159].

- *всё лице её пылало пурпуром неприятным; волосы были растрёпаны; коса вилась*

Всякая наружность перед внутренностью – мелочь. Всякое наружное достоинство перед умом и душою ничтожны. Дворянин без добродетелей и талантов, хуже всякаго кре-

стьянина, который в трудах добывает себе пищу и содержит господина и государство <...> однако же наружность много значит <...>: фасад – это наружность внутренности дома, есть есть наружность финансов хозяина; а финансы – наружность деятельных сил его. Сколько существует наружностей, пока доберёшься до квинтэссенции внутренняго? Ежели почитать все сии наружности ничтожеством то необходимо усредоточиться в самого себя; но много ли есть подобных, высоких людей? ... мы игрушки мира, дети наружности. Как же нам не признавать элемента своего? [ПД II: 115-116].

*Наружность, по моему мнению, необходима в политическом государстве для народа. Храмы и дворцы должны быть **великолепнейшей архитектуры**, чтоб возбуждать чувства к уважению, чтоб посредничать между гражданским обществом и святынею и властью землею* [ПД II: 11-117].

*По платью встречают, а по уму провожают; пришло мне в голову, когда услышал я звон колокола в ночь перед **праздником Воскресения Спасителя**. **Великолепная** наружность облакает здесь важныя мистерии натуры и ея **Создателя**. Есть люди, которые в пословице сей, взятой в пространном смысле, находят истину и наоборот; но между теми и другими две крайности сходятся (благодаря эстетической образованности – Н.Б.) <...> Как торжественно в час глубокой ночи гудят колокола за рекою! Призывный глас их ведёт меня к молитве общей, радостной. В непроницаемой тьме седое зарево от бесчисленных плошек окружает храм Божий; гимны возрождения оглашаются в сводах его [ПД III: 1, 3].*

Фрейм “Внешняя красота окружающей действительности, внешняя красота человека”

*Он (Лейтенант Прончищев – Н.Б.) возвращался к устью Оленека, где погиб с **прекрасною** женою, всегдашнею спутницею его путешествий* [ЕГ I: 52].

Они отлично трудолюбивы, жены их искусны в отделке платья красивого и спокойного. Ничего нет **милее** и вместе забавнее молоденькой якутки, в подвязанной своей шапочке, опушенной хвостами голубых песцов, между которыми выглядывает красненькое личико, с быстрыми, сверкающими зрачками, из полных, но прищуренных век [ЕГ II: 158].

Поют песни **девушки красные** [ЕГ II: 179].

Расплясался красная девушка [ПД IV: 172].

Это **игрушечка!** <...> поставить на столик и **любоваться** [ПД II: 23].

Княгиня протянула свою **прекрасную** шейку [ПД II: 138].

Свежее личико, **щеголеватый** стан [ПД II: 255]; **красивенькая** вдова [ПД II: 276].

Она меня **совсем обворожила**, несмотря на своё студенчество (активный интерес к наукам – Н.Б.) [ПД II: 266].

Как она похорошела с тех пор, как мы не виделись! Она **расцвела** совершенно [ПД III: 4].

Катенева пришла. **Стройная, свежая**, она похожа была на лилею после дождя. За нею Картукова: **роза в распулке** [ПД III: 34].

Катенева сидела между ними (малютками – Н.Б.) точно пчёлы облепили весь **цветок** [ПД III: 76].

Она любит с большим вкусом одеваться и **красуется** в зеркало [ПД III: 130].

<...> иной **привлекает** вблизи, другой в отдалённости. И княжна была **привлекательна** в тесной беседочке, на барке <...>; нечего уже и говорить о лице её, известно, что оно, чем ближе к любопытным глазам, тем **восхитительнее**; <...> вся она <...> явилась **прелестнее**, без всякого сравнения [ПД IV: 87].

<...>**прекрасно** одетая, свежая, разрумяненная солнцем, в **красивых** башимачках. Вы так **нарядны**... [ПД IV: 8].

В этот день отец с сыном отправляются в дом невесты.

Сват предлагает им показать товар. Драгоценность появляется, и глаза гостя молодого разбегаются на **прелести**. Невеста садится возле матери, жениху позволяют сесть возле невесты, отцы и сват пьют круговую [ЕГ II: 178].

Княжна – этот образчик всех **прелестей** природы [ПД IV: 193].

Одна из маленьких ножсек (Машеньки – Н.Б.) была протянута и **прекрасно** драпировалась с платьем. <...> как **хороша** ваша Марья Андреевна [ПД IV: 21].

Я желал бы возвысить количество продовольствия, разложив оное по тяглам, которых, по всем хозяйственным расчетам, находится вполовину против ревизских душ, но относительно продовольствия вином **прекрасный** пол заступает уже место малолетних и число употребляющих остается неизменным [ЕГ I: 129].

«Вот для тебя невеста», – говорил, и скося губы, богатырь, показывая на дочь свою, **девицу прекраснейшую**. Уродец слушал и ел. После обеда, когда все вышли вон из чума, кроме **красавицы**, уродец воспользовался в шутку словами отца и сделался мужем дочери [ЕГ II: 156].

Брося перчатку в глаза **красавицы**, оставил её навсегда [ПД II: 164]. увидя свою **красавицу** в таинственном разговоре <...>, ретировался [ПД IV: 82].

Преследовал **красавицу** [ПД IV: 118]; руки сельских **красавиц** [ПД IV: 177].

Она утратила небесную простоту, зато приобрела **прелести земные** [ПД IV: 118]; **прекрасные** глаза [ПД IV: 145, 152]; **прелестные** ручки [ПД IV: 214].

Молодые дамы сидели в **прекрасных** группах [ПД IV: 183].

(Княжна – Н.Б.) **роскошно** лёжа на кушетке, тормошила розовые губки свои [ПД IV: 183]; **прелести** земные (княжны – Н.Б.) [ПД IV: 213].

<...> **прелестная** женщина [ПД II: 183]; *Теперь она похожа на левкой в полной зрелости с раскинутыми до невозможности лепесточками, и как этот пышный цветок, томясь, некоторое время, засыпанный песком в стеклянном сосуде, сохраняет на долго, освобождаясь из заключения своего, и яркий колер и цеголеватую форму; так и она в самой старости, истомлённая бедами и горем, сохранит ещё остатки своей красоты* [ПД IV: 188].

Эта женщина имеет столько **приятностей**, что один мимолётный взгляд её, есть уже полное **очарование**. Она **превосходная** супруга и мать. (Говорить – Н.Б.) о женщине **очаровательной** [ПД IV: 188].

Что может **обворожать** её в мужчинах? **Наружность** **вождей древности** была, без сомнения, **несравненно лучшие** нынешней [ПД III: 131].

Молодые казаки **красивы**, ловки, проворны, понятливы и сметливы... [ЕГ II: 171].

Из сибирской песни, записанной А.П. Степановым: **Молодец, молодец! / Хороший, пригожий, / Кудрявый, маганный, / Холост, не женатый! / Сшей два баумачка / Из желта песочка** [ЕГ II: 180].

<...> **обворожительный** человек (в оценке девушки – Н.Б.) [ПД III: 138].

<...> сказала **видному** воину [ПД IV: 159].

Он имел **привлекательную** наружность, лета сообщали ей важность; но оставили, ежели только не прибавили ту занимательность, которая **нравится** иногда женщинам. <...> *Мои лета не имеют уже той занимательности <...>. Барову должно было быть в то время не более 38; следственно, к нему старость ещё не прикасалась обветшалыми крыльями своими* [ПД II: 40].

<...> на бумаге была изображена княжна **в прелестном** положении <...> [ПД IV: 124].

чудовище, гигант, изображение могучего **Атласа**... [ПД IV: 122-123]. **Прекрасно! Прекрасно!** Больше волос, больше кудрей! [ПД IV: 125]. **Обнажите лоб! Да, это Антиной!** нос длиннее! губы шире!...давайте больше огня! Что глаза без него? Однако же это уже много! Это глаза адские! брови, лоб, губа, могучие плечи. Это ужас, закричала княжна, он убьёт меня! <...> Генерал вскричал: это нескладный урод! Карикатура! [ПД IV: 126-127].

<...> **красивых** хорьков очень мало [ЕГ I: 104]; горностаи... **прекрасные белые** зверьки [ЕГ I: 104].

Ничего нет **приятнее видеть** флотилии белок, когда оне целыми стаями переправляются через большую реку, с поднятыми вверх, как паруса, пушистыми хвостами [ЕГ I: 104].

<...> **прекрасная черно-бурая пленница** со всем семейством своим спокойно может дожидаться хозяина [ЕГ I: 73].

Это (добыча чёрной лисы – Н.Б.) так редко, что делается известным из края в край о поимке **красавицы-лисицы**, т. е. совершенно черной, пушистой, с лоском [ЕГ I: 78]; ... чёрные зайцы **прекрасны!** [ЕГ I: 108].

Между сими ослабшими татарскими конями находится еще много иноходцев и даже скакунов и рысаков. **Прекрасные** воронье, темно-гнедые и рыжие, четверки и тройки не сделали бы стыда блестящим упряжкам столиц и доставили бы удовольствие любителям русской упряжи. Не смотрите, что этот конь держит голову по-ланьи! Набросьте удило, и лоб его делается перпендикулярен к земле [ЕГ I: 81]; **прекрасных** лошадей [ПД III: 173]; достал **прекрасного** английского жеребёнка [ПД III: 209].

<...> **красивыя** сои (jaser) с пунцовыми и палевыми оконечностями крыл [ЕГ I: 100]; **прекрасныя** синегрудки и красногрудки [ЕГ I: 98]; **превосходный** имбрим [ЕГ I: 93]; **наипрекраснейший** сукруру [ЕГ I: 93]; **прекраснейший** турпан [ЕГ

I: 92]; *нередко на долинах встречаются прекрасныя зуйки <...>, у которых спина и крылья имеют цвето-оранжевый с чёрным, расположенные в виде сетки* [ЕГ I: 96]; *красивенькие птички* [ПД II: 170]; *Здесь замечательнейшая маленькая гагара le petit grele, прекрасная рогатая le petit grele cornu* [ЕГ I: 94]; *Замечательна одна порода сих плачущих птиц – это фрегат <...> с тёмнопепельным цветом* [ЕГ I: 94].

<...> манерка, ей подобная, чрезвычайно красивая, в Мане. <...> В особенности в реке Писиде, караси и налимы чудесные [ЕГ I: 89]; *Раздолье, пища и спокойствие сообщают ей (рыбе – Н.Б.) тучность, величину и блеск наружной* [ЕГ I: 88].

<...> мошки кусаки: они так малы, что простым глазом рассмотреть нельзя. Увеличенная в микроскоп, является в виде простой мухи, но с красивейшей наружностью: ножки и всё тело их имеют прекраснейшую пропорцию и, кажется, будто выделаны со тщанием из чёрной кости искусным художником [ЕГ I: 86-87].

Долины между сих (Восточный Саян) гор и Енисеем, между Енисеем и Абаканом, украшены превосходнейшими растениями. Там находятся во множестве душистые палевья лилеи, пионы розовые, анемоны разных цветов, орлики синие, дельфины высокие, лазуревые мартагоны или царские кудри, сарана пунцовая, лихнис, различные роды колокольчиков и горошков, и множество других наипрелестнейших [МО: 111]; *купол порос мхом, прекрасною зеленью и багрянными ягодами эфедры* [ЕГ I: 23]; *прекрасные полевые цветы* [ПД IV: 130].

<...> бор, который так живописно свешивается над крутыми берегами Оки [ПД II: 277].

Как очаровательно рисуется вы, сонныя деревья моего сада, освещаемыя светом полного месяца! [ПД II: 281]; *прекрасное произведение древности, что за дубы!* [ПД IV: 178].

Лишай **наикрасивейшие** на скалах [ЕГ I: 84]; купол порос мхом, **прекрасною** зеленью [ЕГ I: 23].

<...> встречаю далее с левой стороны, у подножия крутых зеленеющих холмов, озеро, опушенное цветущими кустарниками, из-под которых выбегает луг, украшенный по местам **кунами превосходных цветов**; а с правой стороны подлежит к дороге другое озеро [ЕГ I: 23].

(В Енисейской губернии – Н.Б.) флора отличается с такою **роскошью** [ЕГ I: 94]; **прелестнейшая флора** покрывают наиболее плодороднейшую почву земли [ЕГ II: 193].

От устья Эрбы горы вправо; дорога начинается равниною: равнина и дорога поросли бесчисленным множеством **прелестных бледно-фиолетовых и белых ирис**; но эта **прелесть**, так точно, как и всякая в свете, не вовремя и неуместна, **делается неприятною**. Густая кустистая трава с ирис так же тверда, как обыкновенные кочки, корень их расплзается очень скоро на большое пространство и портит дорогу и самые улицы в селениях. Изрезанный в мелкие куски заступом и сохою, он раздражается в еще большем изобилии [ЕГ I: 27].

Перед кем же ты хочешь **блеснуть**? <...> Твой дух должен приготовляться теперь не к наряду, но к **великому таинству**. <...> Зачем удивлять гостей не своим? Зачем допустить обман под брачный венец твой? А притом, неужели ты думаешь что **алмазы придадут более прелестей тебе** в глазах жениха? [ПД III: 88].

Енисейские (буряты – Н.Б.) имеют ещё одну странность – вышивать лоб и щеки разными узорами. Чтобы украшать этими вечными кружевами лицо маленького овена, мать продевает иглою под кожищею (*epidermis*) струну самую тончайшую, натёртую порошком каменного угля, который, оставаясь во внутренности, просвечивается через кожищу **прекрасным голубым цветом**. Откуда <...> обычай пестрить себе лицо? [ЕГ II: 162].

Посетив одного татарина в его юрте, я заметил сестру его, и нельзя было не заметить ее! Едва ли Дарда не **красивее всех** татарок своего племени. Возвышенности щек ее менее выдались наружу, и нос, сохраняя родовые черты, был несравненно правильнее и выказывался смелее. Высокая, тонкая, она опиралась локтем на полку юрты и перстами шевелила по губам своим. Другой бок ее обрисовывался легкой выдававшейся дугою, по которой покоилась опущенная вниз рука. Шелковая пурпуровая рубашка с золотыми затканными цветами, облипаясь вокруг стана, спускалась в мелких, но густых сборках на груди ее, в ушах висели большие корольки. Из-под колпака выбегали черные густые косицы, которые в разных направлениях вились по плечам и тянулись почти до колен. Татарки не понимают по-русски, или по крайней мере, не хотят понимать. Я сказал, впрочем, тихо одному из моих спутников, что не верю **прекрасной** длине волос Дарды, что косицы, вероятно, приколоты к внутренности колпака... Через минуту колпака уже не было на голове татарки. Какой слух! Какая поспешность! И что же этому виною? Решительно желание нравиться. И где же? На диких берегах Енисея, между народом, близким по своему просвещению к **временам Авраама!** После этого я не верю, чтоб Дарда и облокотилась, и выгнула **щеголеватый стан** свой, и нарумянилась даром [ЕГ II: 167].

Я мог бы **полюбоваться дикою природою**, которая здесь в развал жары летней намекает что-то о пустынях Африки, в особенности приближаясь к прибрежным горам Енисея, синеющимися вдали сквозь трепетные струи знойного воздуха, между острыми высотами холмов песчаных, из которых лучи солнца отражаются в смешении цветов радужных [ЕГ I: 26]; желала видеть **великолепную дикую природу** этого края (Сибири – Н.Б.) [ПД IV: 127].

Дремучие леса с их шишковатыми плодами, в особенно-

сти кедр и лиственница; изобилие в сочных растениях; во мхах, в ягодах; в птицах водяных и породы куриной; **прекраснейшая** воды, чистой воздух, самая стужа – всё это как бы нарочно соединено здесь для роскошной жизни зверей [ЕГ I: 108].

Минусинский край есть один из **наипрекраснейших** во всей Сибири [МО: 108].

<...> смешение **красивейших** даров природы составляет неизъяснимую **прелесть** [ЕГ I: 83].

Оно (поколение киргизов – Н.Б.) занимало земли **чрезвычайно приятныя**, которые были наполнены лесами и долинами [ЕГ I: 18].

Эта **прелестная набережная**, или терраса в шесть аршин, возвышенная над озером до трех сажень, простирается более двух верст. Она с левой стороны прилегает к своему утесу, а с правой стороны имеет ровный крутой скат в воду, покрытый влажной зеленью, испещренную с изобилием малиновыми пионами, фиолетовыми расписными ирисами, белыми анемонами, алыми аврикулями, трехцветным клевером и палевым опрятным бобовником. На поверхности ската, возле самой дороги, опушается она душистыми тополями, кустарниками жимолости красноцветной, каприфолиовидной, кустами душистой пижмы, божьего дерева так густо и в самое то же время с таким искусством, что все растения сии могут служить живою надолбою (преградой – Н.Б.), не заслоняя ни цветного партера на скате, ни вод озера, ни противоположной цепи гор [ЕГ I: 24].

<...> **замечательное** место (по своей оптической необычности – Н.Б.) <...> **очарование** существует во всякое время дня [ЕГ I: 26].

Простертую за ним долину пересекает малый хребет Туран. С одной из высот его открывается Енисей между большими обрывами, под красными утесами левого берега

и величавой скалой Тепсея, которая, опершись в него с правой стороны, заслоняет собой отдаленности. На противоположном небосклоне **рисуются** хребет гор Сайбура, а за ним, в отдалении, облачатся высоты степей Байкальских. <...> взор погружается в необозримое пространство степей татарских [ЕГ I: 33].

Все цепи, которые обнимает взор, имеют равные вершины и все одеты хвойным лесом. **Правильное их расположение**, различная зелень, смешанная с дикими цветами утесов; резкая близь и мерцающая даль; тень и свет, меняющиеся от обращения земли – все придает месту сему в течение дня **разнообразную очаровательность**, которую довершает гора Борус, как **мастерская черта художника в величественной картине** его [ЕГ I: 39].

Места, которые занимают станицы, могут почитаться **прекраснейшими** во всей Енисейской губернии. Природа наделила их всем в изобилии: полями плодородными, лугами цветущими, рыбой, дичью, зверем, рогатым скотом и конями. За то и жители не остаются неблагодарными. Они занимаются рачительно хлебопашеством и скотоводством; живут чрезвычайно опрятно, смирно, покойно, прославляя Бога и царя [ЕГ I: 43].

Утесы и скалы, которые выбирались для сих надписей и других знаков, представляют из себя **места видные и живописные**. Поселяне дают им общее название писанок. Они оканчиваются у прибрежной деревни Кривошейной [ЕГ I: 45].

Вам известен уже водный путь вниз по Енисею, вы встречали между **превосходнейшими местоположениями берегов** деревни, принадлежащие волости Анцы-феровской, и за **великолепными воротами, которые устроила природа из утесов**, что бы положить естественные пределы краю Туруханскому, вы **любовались** маленькими селениями, распо-

ложенными в 25 или 30 верстах друг от друга, до самого Туруханска: этой колонией, устроенной умным и попечительным губернатором Марченко в самое короткое пребывание его в Сибири [ЕГ I: 51].

Первая (дорога из Ачинска в Минусинск – Н.Б.) прелестна по своим окрестностям [ЕГ I: 66].

Отведена 15- десятинная пропорция прекраснейшей земли в Ачинском округе двум поселениям (ссыльных – Н.Б.) [ЕГ I: 124];

Здесь всякий год производится построение судов для сплава по Чулыму хлеба и мест с чаями. Ачинск час от часу лучше выстраивается; он весь как будто перенизан старыми и новыми зданиями. Он имеет приятное местоположение; стоит на высоте при опушке леса; перед ним большая река, за нею пространные луга. С правой и левой стороны синеют горы [ЕГ I: 22].

Крестьянин едет верхом и полегоньку пускает дым из маленькой своей трубочки. У него за плечом винтовка, у стремени собака. Он видит поляну, обнесенную от севера горами, увенчанными лиственницею. Из утесов стремится источник и образует быстрый, неиссякаемый ручей, который он только что переехал, он глядит вдаль по его течению, и там, где ручей впадает в речку, богатою рыбой, открываются ему луга, покрытые травой сочною. «Здесь будет моя заимка», – говорит он и через год обстраивает место наипрекраснейшее. Это его хутор, прибавок к сельскому участку. Здесь живет часть его семейства всю рабочую пору, в легких трудах и наслаждениях [ЕГ II: 176].

Чудное местоположение! Какие высоты! Какое романтическое ущелье! [ПД IV: 156].

Все виды из города прелестны весной, летом и осенью. Енисей, быстро вырываясь от запада, из гор мрачных и утесистых, с шумом разливается весной перед городом <...>.

Острова, покрытые молодой зеленью, как будто плавают, колышутся в желтых валах игривого Енисея. За ним к югу простирается на 7 верст долина до подножия гор, которые, тянутся к востоку с некоторым уклонением на юг [ЕГ I: 57].

*На западе стоит Черная сопка – **властительница** всех окрестностей и дали, простирающейся к востоку на 60 верст. На севере тянутся красные утесы покатой возвышенности, а на востоке продолжают колыхаться воды Енисея под **пенистыми венцами**. Вид с Черной сопки на Красноярск **обворожителен**. Одним взглядом вы объемлете видимые окрестности юга и севера, между ними Красноярск, представляющийся одним из величайших городов. Сначала взоры ваши разольются по длинным и прямым улицам его, на которых по местам возвышается несколько церквей, но концы сих улиц погружаются в сады. За ними несколько вправо появляются снова строение и в тумане церковь. Река мелькает там и сям, среди садов и строений [ЕГ I: 57].*

*Я следовал по левому берегу Ангары. Она текла навстречу ко мне в снежных берегах своих при морозе 25 градусов. Такое необыкновенное явление происходит естественно от чрезвычайной быстроты, которая однако же не приметна для глаз: река даже не струится, но катится **плавно** и **величественно**. Источник ея, или всё равно озеро Байкал, лежит в 60 верстах от Иркутска. Я видел его прежде весною, и тогда, **очарованный видами, переносился мечтою к Швейцарии** [Пут.: 23]*

*<...> я мог бы, наконец, через **живописные деревеньки** Сону и Эрбу достигнуть берегов Енисея, – но возвращаюсь прежним путем в Копьево [ЕГ I: 26].*

*Путешественники садятся на карбас, переплывают реку, и по правому берегу ее тянутся на бичеве три версты, вверх по течению, до **прекрасного** и **богатого села** Абаканска [ЕГ I: 33].*

Все изменились в той же степени, как **прекрасное село** Абаканское [ЕГ I: 33].

Малое родоначалие кайбальцев, заключающееся в 594 душах, имеет **кочевье приятнейшее** между правым берегом Абакана и левым Енисея, на равнине, расстилающейся у подножия гор Сабинских. Густая, высокая трава, кусты и перелески составляют, по-видимому, **хороший приют** для родовичей, для их стад и табунов. Это и справедливо; но **приятность** наружная и **удобство** хорошее должны уступить действительности и превосходству. Несмотря на то, что степи татар, живущих на западе за Абаканом, с первого взгляда кажутся бесплодными, они заключают в себе самую удобнейшую пищу для скота и защиту от солнца: в низком западном хребте, о котором было уже упомянуто, слоистые утесы красного песчаника образуют природные кровы и помещения для многочисленных табунов и стад, а на самой равнине и в долине хребта растут в изобилии солонцовые **травы**, лакомые для скота [ЕГ I: 35].

У подножия гор лежат **прекрасные деревни** Торгошино и Базаиха, над сей-то последней чернеет в воздухе Кызыл [ЕГ I: 57].

Зимой на светло-голубом чистом небе часто солнце унылое появляется по середине бледных кругов; чаще является в них луна огненная, посреди неба, усеянного **блистательными** звёздами, между которыми ярко и беспрестанно пролетают ночные огни; но, бесспорно, Северное сияние составляет **наипревосходнейшее** явление. Оно начинает быть видимо близ устья Турухана. В 1824 году было одно из **прекраснейших**. В 5 часу по полудни под 64 широты усмотрена в глубокой тьме на Севере белая полоса, как будто бы предвестница зари. Она распространялась по горизонту и обнимала Восток и Запад. Из середины её показалось бледное пламя, и, разливаясь мало-помалу в обе стороны, поспешно дела-

лось ярче, и, приняв красно-огненный цвет, стало свиваться в конусы по середине и с концов от Запада и Востока; но когда средние конусы прекратили вертенообразное своё движение, когда они отделились резко друг от друга, и, расплывшись при высотах, образовали точное подобие правильных колонн; тогда такие же колонны образовались на Востоке и Западе. Быстро понеслись они в середину, и сомкнулись вместе так, что явление осталось только на Севере. Столбы горели розовым пламенем; а на каждом из них теплоилось светлоголубое пламя. Небесная колоннада начала приходить в движение и потом толпиться. Скоро отразилась на ней другая, третья, четвёртая, одна другой бледнее, и вдруг самая верхняя распалась на все стороны; столбы загнулись вниз дугами; образовалась корона. Всё явление занимало на Севере пространство от горизонта почти до зенита [ЕГ I: 64-65].

Светлое небо Востока так же **прекрасно**, как небо Италии. Последнее имеет более блеска; первое более свежести. <...> Яркость неба звёздного придаёт здесь **великолепие** ночам, и нигде солнце не показывается с такую славою как здесь, на Восточном горизонте [ЕГ I: 65].

На западе видны горы Саксар; но вот у подножия одного возвышения белеют снега пушистые. Как **приятен** этот покров зимы тогда, как термометр показывает (хотя на солнце) 40° тепла! Я приближаюсь, я хочу, как белый медведь, зарыться в сугроб отрадный; но моя нога скользит по кристаллам. Это солончаки, это соль, рассыпанная по всей почве сих богатых пастбищ; она скопилась здесь в большом количестве, горит под лучами солнца, заиндевила на поверхности земли и по растениям, ее покрывающим [ЕГ I: 34].

Синеватый туман стелется между ним (утёсом — Н.Б.) и ближайшими горами; и **красиво** союзнится с желтобагровыми утесами [ЕГ I: 39].

Нежная зелень, мешаясь с темным багрянцом угрюмых

камней, составляют **пленительную** противоположность [ЕГ I: 44].

Из Селенгинска в Иркутск выехал я на санях в один из тех **прекрасных** весенних дней, когда **лучи солнечные**, переломляясь в каждой снежинке, в каждой капле водной, как будто бы от миллионов разсыпанных зеркал, и пекут с отличным усердием и нос и щеки [Пут.: 95-96].

Весною можно было находить мне сравнения и подобия, переноситься воображением во **времена приятнейших** в моей жизни; но теперь **нет ничего подобного**; никогда во всю жизнь мою, не может уже ничто сравниться с тем, что мне представлялось во время переезда через Байкал [Пут.: 24-25].

Он повёл свою жизнь сначала **эстетически**, потом экономически [ПД IV: 49].

Однажды в **прекраснейшее** утро жаркаго лета [ПД II: 45]; какая **превосходная** ночь! [ПД III: 225]; ночь **превосходная**; утро **торжественное** [ПД III: 225]; вечер был **прекрасный** [ПД IV: 118].

Прекраснейшия воды [ЕГ I: 108]; **превосходные** воды [ЕГ I: 88]; **превосходными** водами [ЕГ I: 17].

Мне представляется пространство земли, которое составляет наивеличайшую губернию между всеми в Российской империи, исключая Тобольскую, и самую отдаленнейшую, за исключением Иркутской. **Великолепнейшая река**, после знаменитой Лены, орошает ее от Монголии до моря Ледовитого, на несколько тысяч верст не уделяя вод своих губерниям сопредельным и принимая в себя подобные тем, которые в Европе обращают внимание народов [ЕГ II: 193]; высказывали **хорошенькие** фонтанчики [Пут.: 96].

10 верст до Саянского форпоста, который стоит на правом берегу реки и на рукаве ее, углубленном в материк наподобие **прекрасного канала**, над которым навислые деревья составляют густой свод [ЕГ I: 39].

Спустился на Селенгу, любовался прекраснейшими её берегами, которые **свешивались надо мною в виде разноцветных утёсов**, покрытых сверху изредка хвойными деревьями, а внизу кустарником, похожим на **вишняк** [Пут.: 27-28].

Посредине его (Минусинского округа – Н.Б.) протекает Енисей, выходя из гор малаго Алтая сквозь Саянские и вливаясь в пределы Округа Красноярскаго. Всегда **великолепный**, от источника своего до самага моря Ледовитаго, стремится на пространстве 4 т. верст с быстротою неимоверною [МО: 108].

<...> **очарованный** видами (речь идёт о видах Байкала – Н.Б.) [Пут.: 23].

Слевой стороны впадает в Енисей Абакан, уроженец гор Саянских; все в Абакане переменчиво: берега, окрестности, дно, течение воды. Вы удивляетесь непостоянству Абакана и сим непостоянством остаетесь **очарованы!** [МО: 109].

Спускаюсь на лодке вниз по Абакану на север, между берегами его, иногда **величественными**, но всегда дикими и живописными [ЕГ I: 37].

Теперь, возвращаясь в Енисейск между теми же **постоянными красотами населенных берегов** Енисея, вы встретите всю реку, покрытую судами [ЕГ I: 51].

На берегах Ангары **красный** карандаш, молибдена, **наипрекраснейший** мягкий аспид, на дне реки толстыми и тонкими слоями; **алебастр розовый**... [ЕГ I: 68-69]; **превосходнейший** Мрамор **чёрный**, в смешении с белым и оливковым; **песчаный солонец рухлый зелёный с диким** [ЕГ I: 67-68].

Левый берег Енисея усвоил себе шиферный сланец, между коим попадаютя **чрезвычайно красивыя плиты**, дикя с розовым или тёмно-серья с прожилками блестящими сернаго колчедана, или белыми известковыми и даже кварцовыми. <...> возле Красноярска **прекрасный гранит**. В Каче находятя бурья сердолики; <...> превосходные селениты [ЕГ

I: 69].

Простирается **превосходнейшая равнина**, которая, как кажется, в иных местах на горизонте упирается в горы, а в иных скользит между ними и утомляет взоры, увлекая их отыскивать черту, разграничивающую ее с небом, но взоры вдруг ожитворяются, обратясь в противоположную сторону. На юге стоит хребет малого Алтая, резко на первом плане отделяются горы от небосклона; они образуют амфиладу (анфиладу, т. е. ряд сообщающихся, почти закрытых пространств по одной оси – Н.Б.), глубоко вдающуюся во внутренность хребта. Груды ближайших гор чернеют соснами и кедрами, из которых выбегают голые скалы, увенчанные седыми мхами; за ними являются вершины горы Эртем и шестихолмистого Боруca; далее амфилада исчезает в пространстве; туманы волнуются между раздавшимися утесами; кажется, слышен шум вод [ЕГ I: 38]; переселяться к подножию горы Афонтовой, на **долину прелестную** [ЕГ I: 60].

К правому берегу его (Енисея – Н.Б.) расстилаются от гор **луга прекрасные**, усеянные купами дерев и кустарников [ЕГ I: 38]; **прекрасный** луг [ПД II: 155].

Далее, близ устья Калы, возвышается перпендикулярно из вод утёс, называемый **городовою стеною**. Название совершенно приличное. На вершине его расстилается пространная равнина, покрытая зеленью, что издали сообщает этой стене вид террасы **великолепного** замка [ЕГ I: 23].

Фортост сей называется иногда Абаканским потому, что стоит на р. Абакан; а по урочищу – Арбатским, что значит по-русски «жертвоприношение». Ежели действительно здесь приносимы были жертвы древними, то, конечно, уже они не могли выбрать **места лучшего**. Утесы гор составляют **великолепную ротонду** (круглую постройку, перекрытую куполом. – Н.Б.), на которой покоится лазурный купол неба, озаряемый в известное время дня присутствием

Божественного Света [ЕГ I: 37].

<...> пристраиваются и сени к зимовью из **прекрасных продолговатых** кубов льда [ЕГ II: 157].

<...> подножие **прекраснаго** бульвара [Пут.: 22]; **хорошенький** городок [Пут.: 27]; **переезжаю по мостам прекрасным** через речки <...> [ЕГ I: 22]; строения **прекраснаго** [Пут.: 4]; много **прекрасных** домов [Пут.: 37]; **прекраснейшия** избы [Пут.: 2]; здание **великолепное** [Пут.: 3].

Я видел уже на большой дороге **прекрасных пять селений** (для ссыльных – Н.Б.) **оконченными и не мог ими налюбоваться** [ЕГ I: 125].

<...> **самое строение** делает Енисейск **лучшим** из уездных городов не только в Сибири, но и в России европейской. Он имеет **прекрасный каменный гостиный двор**, в коем до 114 лавок <...>. Все сии общественные и казенные здания с частными такими же домами, будучи между 1.075 деревянными, сообщают целому значительный вид, которому еще более придают важности ограды двух монастырей и кресты 8 храмов. Исключительно монастыря мужского [ЕГ I: 47].

Площадь новая, очерченная, так сказать, легкими постройками, чтоб сообщить ей **надлежащую форму**, будет одной из **лучших площадей**, если окружится каменными зданиями по плану предназначенному. В настоящее время с южного фасада закладывается каменный гостиный двор легкой архитектуры [ЕГ I: 60].

Доколе не исполнится назначение по плану, все Окружные Присутственные места рассыпаны еще по городу. Городовой суд и Дума помещаются в **прекрасном доме**, пожертвованном благотворительным купцом [ЕГ I: 61].

От Ачинска до Красноярска выстроены **прекрасные почтовые дома**. Более нет нигде спокойных [ЕГ I: 67].

У татар **прекрасные дома**, в семействах несколько более основательности [ЕГ II: 148]; **...прекрасную** квартиру [ПД

IV: 68]; **великолепные** конюшни [ПД III: 172]; *возвышаются* две **прекрасныя** беседки [ПД IV: 22]; *а кладовая-то, точь-в-точь, магазин: <...> приборно, красиво, укладисто* [ПД III: 95]; *в каждом помещении было всё необходимое соединено с отличною чистотою и удобством* [ПД III: 222]; *в прекрас-но убранных залах* [ПД IV: 87].

Фонари <...> просты, чисты, щеголеваты и прозрачны, как янтарь. Для слабого света в комнате прекрасны (о китайских фонарях из дерева с резьбой – Н.Б.) [Пут.: 67-68]; *накупили прекрасного приданого* [ПД III: 175].

Обширная квартира с прекрасною мебелью [ПД II: 48]; *протянулся на прекраснейшей кровати* [ПД III: 185].

Поставлена была прекрасная кровать с мягким пуховиком и тёплым одеялом. Вся она (комната – Н.Б.) была чрезвычайно красиво убрана, и имела всё нужное для покойного помещения [ПД II: 53]; *наложу руки на эту великолепную дрянь* (новые обои, за которыми скрывался преступник – Н.Б.) [ПД II: 155]; **прекрасный** быт крестьян [ПД IV: 151]; *княжне дали прекрасную корзинку крестьян* [ПД IV: 176]; **чудесные** грибные пороги стояли уже на столе [ПД IV: 178]; *лежала на роскошной кровати* [ПД IV: 215].

Самоеды редко украшают свои платья бисером и шитьем, но белые сапоги, заменяющие в виду всю нижнюю одежду, и коротенькая парка составляют убор простой, легкий, довольно красивый, в особенности если колчан за плечами и лук в руке. Одно дурно, что не употребляют рубашек. Я не видал ни женицин, ни их одежды. Якуты, в особенности их жены и дочери, изыскательны в убранстве своего платья, и хотя разрезные кафтаны их с фалдами из кож бурых ланей, вывороченных кверху мехом, очень похожи на старинные крестьянские закупы и покроем не очень щеголеваты, но с широкой каймой по оконечностям, с прошивами сзади и с нарукавниками – нарядны чрезвычайно... [ЕГ II: 161]; **красивые** баш-

маки [ПД IV: 75]; племянницу одевали как можно **красивее и пышнее** [ПД II: 47]; без сомнения **щеголеватость** одежды придаёт много [ПД II: 266]; **красивенькой** (о кичке русских женщин – Н.Б.) и в особенности на поселяночке **смазливенькой** [ПД III: 14]; мальчик в **прекрасной** одежде [ПД III: 223]; чучелы туруханов? Ни дать, ни взять! [ПД III: 130].

Яркий цвет прозрачной материи (китайского фонаря – Н.Б.) разливаает по комнате **пленительный свет** [Пут.: 67]; в **прекраснейшем** орудии [Пут.: 33]; **превосходныя** ружья [ПД IV: 22].

<...> ягоды **прекраснейшия** <...>, **превосходный** сбитень с липцом и взварцы **щегольские** [ПД IV: 171].

<...> подкинуло ещё снегу, и **великолепный** поезд (зимняя карета, откидная кибитка, повозка для кухни и повозка для гардероба – Н.Б.) пустился в Москву [ПД II: 47-48].

Барка! **Прекрасная! Чудная** барка! <...> увидел <...> **красивую** барку [ПД IV: 85]; **превосходная** гондола. Наружность её вся освещённая горела позолоченною резьбою; верх и занавески были из пунцового атласа с золотою бахромою [ПД IV: 138-139].

Поднос уставлен был 16 чайными блюдичками, наполненными разными кушаньями, по которым для **прикрасы** разбросан был яичный белок [Пут.: 52-53].

Китайцы выделывают из агатов разные **прелестныя** вещицы, применяясь к природному их образованию: из похажога на лист выделывают лист пригодный для блюдичка, или из камня союзного шлифуют две какихнибудь фигуры для **украшения** [Пут.: 64-65].

Пляски их не имеют ничего **привлекательного**. Нет в них ни **легкости**, ни **приятных движений**, ни характеристики чувств, свойственных радости или сладострастному влечению души, напротив, они передразнивают бессловесных тварей, уподобляясь медведям, козам, волкам, сохатым. Гораздо

приятнее смотреть на кочевых гладиаторов: <...>. Скачка также составляет любимое их увеселение [ЕГ I: 169].

Здесь (в танцах невзначай – Н.Б.) нет ничего натяжного, всё натурально, и ежели кто захочет выказать своё искусство, то, конечно, уже для собственного удовольствия, и тогда-то является оно со всеми приятностями. В моей молодости, я подстерёг однажды, из тёмного коридора, русскую пляску двух молодых дам, когда третья играла на арфе и пела. <...> большие зеркала выказывали все их движения со всех сторон. Оне думали, что нет ни одной живой души в доме, поблизости. Надобно было видеть эту прелесть: какая беззаботность, смелость, сила и в танцах и в пенье! Оне забыли искусство; оно только действовало исподтишка, заглушённое духом веселия. <...>Нет! это не было кокетство и даже не была репетиция для него, потому что всё мешало им так петь и плясать в залах общества, как оне пели и плясали наедине; это было тем для меня пленительнее, что в свете оне играли большую роль и никто бы не мог подумать, чтоб известныя скромницы могли так развеселиться [ПД II: 20-22].

Музыка загремела и Польской протянулся по всей амфиладе. Как хорошо смотреть на эту процессию плавно танцующих! Издали кажется она прекраснейшим ужом Америки; вытягивается, сжимается в своих звеньях, блещет и пестреет; вблизи, когда она проходит возле самых глаз, каждая чета обращает на себя внимание <...>.

Фрейм “Красота искусства и творческой деятельности личности”

Я не вывожу её никуда, кроме театра, в избираемая мною пьесы. согласитесь, что хорошая сцена развивает понятия и чувства к изящному [ПД II: 274].

Музыка.

Но дух порядка возматает;

С небес: да будет свет! Бог
рек,
И бысть. **Согласие** грядет
В хаос, и мира зиждет век.
Музыка.
Мира и веков начало
Стройность миру даровало
Промыслом благим, чудесным,
Чтоб **согласием** небесным
Все творить и оживлять.
Поэзия.
И так, совечна миру, Богу:
Но власть твоя и сила в чем?
Музыка.
Я к творческому веду чертогу
Людей **приятнейшим** путем;
Я их способность образую,
Я верность мужеству дарую,
Музыка.
Захочу – и строю грады.
Заиграет Амфион, -
И гранитныя громады,
Исполняя струн закон,
Стройно делятся, ложатся,
Равновесие хранят;
Музыка.
Не я-ль свои благодаянья
Уже с начала мира лью?
Не я-ли в храмах птиц пою?
Свирелью Марсиас несчастный
Давно уже людей **пленял,**
Когда Латоны сын **ужасный**
С золотою лирою предстал.

Поэзия.

В руках Фригийского Сатира

Когда свирель была,

Она к нему народ **влекла**;

Но возгремела звучна лира,

И выпала свирель из рук.

Не думай мстью Аполлона,

Свирепством Марсиаса мук,

Искать постыдного урона

Во славе истинной моей!

Пророку страшен свет без грома!

Искусство – казнь уродству злomu

Лучем изящности своей.

Музыка.

Я чувства все живописую,

Я жизнь веселую дарую,

Веселье скукою творю;

Мои сыны по всей вселенной

Собирают в дань себе сердца,

С начала мира до конца.

Там Царь и Пастырь **вдохновенный!** –

Во всех веках, по всем странам,

Еще его органы зрятяся,

Еще он жив. Его струнам

Внимает тот, пред кем родятся

Согласны пения духов.

Поэзия.

Ничтожен всякий гимн без слов.

Давида гусли – **не пленяют**;

Давид-Пророк – еще в живых.

Твои все чада умирают;

Их жизнь есть только **слава** их,

Им чужда дивна власть преданья.

Твой музыкант едва **пленился**,
И флейту в гроб с собой сокрыл,
То мог-ли он кому оставить
Искусство, кто бы выражал
Все то, чем он себя **прославить**
Возмог в теченьи дней своих?
При напряженьи уст других;
Лишь настоящее возможно
Ему себя заставить чтить,
А не в потомстве жить.
Я возгремлю
В мраморных сводах,
И в хороводах
Быстрых велью
Юношам, девам
Стройно скакать,
И подражать
Скрылки напевам,
Грому рогов,
Флейты стенанью (ПМ: 3-10).

Лишь только выехал я из ворот Кяхты, вновь построенных и украшенных прилично Архитектурой, как очутился перед Май-ма-ченом [Пут.: с.37]; картина искусной живописи [Пут.: 2].

Между ними (домами главной улицы Воскресенской – Н.Б.) по местам возвышаются дома каменные и два из них прекрасной архитектуры. Улица сия имеет тротуары, другие украшаются мало-помалу и пользуются очень хорошей и естественной мостовой, ибо материк так тверд, что нужно очень мало усилий поправлять его дресвой [ЕГ I: 60].

О красоте произведений искусства Франции: Охотники искусств, художеств, конечно, знают музеумы, галереи со

всем их **богатством**, со всем **великолепием**, и ежели не были очевидцы, то, конечно, получали сведения через описания, рисунки, очерки [ПД IV: 57].

<...> скоро надеемся ...видеть **дивную картину** русскаго артиста, которой ожидают из Италии [ПД IV: 65].

(Слова песни – Н.Б.) были также **очаровательны**, как в песнях Мерзлякова, Дельвига. Но кто сообщил им душу? Автора не было в гондоле – это Шебаров [ПД IV: 139].

При моих глазах выкопано одно (зеркало из кургана на территории Енисейской губернии, зеркало применялось в религиозном обряде освящения воды – Н.Б.), состоящее из металлической смеси, имеющей вид платины, к сожалению, разбитое заступом, но с **превосходным барельефом**, которого **искусная обработка** сделала бы честь новейшим временам. Полковник Мейндорф, проезжая через Красноярск в Кяхту, видел его у меня и снял слепок. Нет никакого сомнения, что отделка его не могла не принадлежать к тем временам, когда Великий Алтай славился своими искусствами в художестве [ЕГ I: 28].

Енисейск славится усердием жителей к церкви и богатыми утварями храмов. Действительно, в некоторых из них, и в особенности в женском монастыре, находятся **хорошие поникадилы и ризы** на образах. Не знаю, можно ли церковные утвари города Енисейска почитать богатыми, но не могу не упомянуть, что они заключают в себе более 40 пуд серебра [ЕГ I: 47-48].

В Туруханске недавно выстроена новая деревянная церковь по **красивому фасаду** [ЕГ I: 48].

Новый собор (Рождественский – Н.Б.) назначен по плану на большой площади (Новособорной. – Н.Б.). Как **великолепен** мог бы быть этот храм! Яшмы, мрамор, порфиры, граниты падали бы из любых утесов в карбасы и подвозились по Енисею к месту сооружения [ЕГ I: 59].

<...> *выписывал красиво отделанные гравюры, произведения литографии* [ПД II: 172]; увидели *красивую пирамиду, ярко освещённую пунцовыми шкаликами* (на арке мостика – Н.Б.) [ПД IV: 139]; *из осьми (серёг – Н.Б.) выйдет прекраснейшая цепь* [ПД II: 46]; как *прекрасно* у вас кольцо [ПД II: 114]; *прелестное изумрудное кольцо* <...> *знак дружбы одной милой женщины* <...> *наружный знак сердечной дружбы* [ПД II: 119]; *гиацинтовой савиньи, так искусно осыпанный бриллиантами* <...> *знак дружбы* [ПД II: 119].

Очертание всех фигур (в бумажных китайских картинах – Н.А.) *чрезвычайно нравится* [Пут.: 68].

На бумаге была изображена княжна в **прелестном** положении: она сидела боком на стуле (рядом с ней был изображён мужчина – Н.Б.). *Да это Антиной!* [ПД IV: 125].

Я слышала артистов, которые удивляли глубоким искусством... Он творит чудеса! Совершенство игры ввергло меня в восхищение, которого не могу вам изъяснить [ПД IV: 63-64].

Фрейм “Безобразие”

Слот “Внешнее безобразие явлений действительности, внешняя некрасивость человека”

Ему всё было **отвратительно**, кроме одной меня [ПД IV: 236].

Уродец слушал и ел. <...> **уродец** воспользовался в шутку словами отца и сделался мужем дочери [ЕГ II: 156].

Красота не дана в удадь татарам и татаркам. <...> *зубы-жемчуг не могут заменить общей уродливости в очерке лица. Все почти они толсты, малы, со всеми принадлежностями подобного сложения* [ЕГ II: 167].

<...> она покровительствует и защищает всегда с жаром людей ограниченных и **уродливых** как тварей несчастных, угнетённых природою; но зато любимцы природы во всех царствах её, конечно, уже и её любимцы [ПД III: 131].

Камергер Шебаров ... **дурной** собою, ... невозможно было без **отвращения** смотреть на него, <...> **неприятна** была его улыбка. <...> (Княжна – Н.Б.) обращается с Шебаровым, странная вещь! – лучшие всех. Он имеет свои **приятности** [ПД IV: 67, 114]. Природа и оспа меня **изуродовали** [ПД,IV: 112]; его лице кажется ей **отвратительнее**, чем нам [ПД IV: 112]; он **ужасно гадок** [ПД IV: 144].

<...> вместо колонны стоял человек **чудовище** ростом. Он был в чёрном казакине <...>. Чёрные густые волосы развевались по воле ветра. Он был **страшен**: ужас овладел мною; но сердце влекло меня к **ужасу**. <...> Высокая грудь его, широкия плеча и саженый рост представляли его вблизи ещё более **чудовищем**, но гибкий, тонкий стан и ловкое **приятное** движение смягчали чувство **ужаса**, изменяя его в то ощущение, которое рождается при взгляде на **изящное**. Чёрныя кудри и густыя бакенбарды осеняли его лице, загорелое от солнца... <...> **отрадная** улыбка на широких устах его запечатлелась в моей памяти [ПД IV: 228-229]. Я видел этого **исполина адскаго**, эту высокую грудь, широкия плеча [ПД IV: 239].

О, как он хорош, этот Зарембский. Как **идёт к нему этот рубец** (клеймо преступника, каторжника, убийцы – Н.Б.), этот почётный знак брани! [ПД IV: 232]. В нём ровно 15 вершков. Какой стан!... великанская стать [ПД IV: 239]. ты (о ссыльном Зарембском – Н.Б.) **мастерское** произведение **красоты** и силы [ПД IV: 235]. К твоим ногам готова бросить знатность, богатство и своё доброе имя. – Доволен ли ты, **Флегонт**? <...> **Флегонт** целовал руки мои... [ПД IV: 239]. Разве с помощью друзей, родных, заслуживших милость царскую, не простят моего **Флегонта**, моего спасителя (спас несколько человек от пожара в беседке – Н.Б.)? [ПД IV: 240]. **Флегонт** вошёл, так сказать, сам в себя и в полном виде повелителя был неизъясним, неподражаем! [ПД IV: 246].

Паганини такой **урод**, что уродство ... от **очарования**, которое наводит на людей **талант** его [ПД IV: 67].

Шестерня быстро несется по степи необозримой, не разбирая ни кочек, ни рытвин, косматые волосы полунагих седоков становятся дыбом, рукава и верхняя часть тулупа развеваются по воздуху, и все вместе представляет их какими-то **гнуемыми центаврами** [ЕГ II: 163].

Нос этого кулика чёрной, прямой и толстой, вовсе **несоразмерен** с его сложением, и маленькими красными ножками; но всё это **безобразие** заменяется **прелестнейшими** цветами его перьев [ЕГ I: 96]; **гагары** <...> **уродливья** на сухом пути, она дерзко носятся по рекам вверх по течению, против бурь [ЕГ I: 93]; (утка – Н.Б.) **дзынга** <...> с наростом на красном клёве с **уродливым** своим зевом; <...> **кок-сун** <...>, с **уродливым** клёвом или, лучше сказать, **пастью** [ЕГ I: 92].

Оно (озеро – Н.Б.) наполнено **отвратительными** вшами, которые, так сказать, кишат в нем [ЕГ I: 48-49].

Проглядывают зонтичные <...> **страшной** **цикуты** [ЕГ I: 82].

Увидя себя **изуродованного** пылью и следами пальцев, бросился вон из комнаты [ПД III: 232].

Гроза будет **ужасная** [ПД III: 232].

Дурной воздух во время лета, гнилые воды, местоположение плоское, строение ветхое и удаление от мест населенных делают Туруханск одним из **неприятнейших** селений. В нем есть однако же одно замечательное озеро, о котором я забыл упомянуть в статье о водах [ЕГ I: 48-49].

Вы встретите всю реку, покрытую судами: <...> **спешат** на ярмарку Туруханска; <...> для продажи свободной: словом, страна пустынная, ужасная вам покажется страшной промышленности и деятельности народной, и ваше возвращение будет не путешествие, но гуляние [ЕГ I: 51].

Высокие холмы приметно обращаются в горы; ветви их сближаются; густые тени, *спасительные от жары*, распространяются повсюду; сочные травы стелются по глубоким долинам и, несмотря на то, *местоположение мрачно и неприятно*; зрение упирается в повсеместные преграды; но вдруг они мгновенно разрушаются с поворотом дороги на север. Взор быстро обрушивается в неизмеримость, обнимая в одно и то же время *правильные цепи высоких гор*, равнину необозримую и озеро Уйрат [ЕГ I: 23].

Мне оне (кички русских баб – Н.Б.) кажутся чрезвычайно *уродливы*, впрочем, может быть, из тысячи различных видов и есть какой-нибудь *красивенькой* и в особенности на поселяночке *смазливенькой* [ПД III: 14].

Что это за *гнузность*? Криво, запачкано, из серой бумаги; подпись на ходулях; печать: П.Л.У. [ПД II: 278].

Сделанный из овчины тулуп *довольно безобразен* [ЕГ I: 96];

Есть чрезвычайно *безобразные* (дома для постоя – Н.Б.) между Енисейском и Ачинском, есть малые, состоящие из 4-5 домов, есть, наконец, (исключительно зимовья) жилища из одного дома, которые называются заимками [ЕГ II: 176].

Показалась наконец Усть-Кяхта, в виде села Руссаго. Каменная церковь, каменный дом домашней архитектуры, и несколько *уродливых* беседок заставили думать, что здесь живёт степной помещик, который, ограничив себя от соседей угленными своими межами, ограничился от всех условий, сообщаемых *правильностию и хорошим вкусом* [Пут.: 29-30].

Что за костюмы с вырезанными клочками спереди? Что за шлемы, согнутые левашиками? Одежда людей частных есть решительное *уродство*, насмешка над благородною осанкою мужчин: у вас, кажется, есть чучелы туруханов? Ни дать, ни взять! [ПД III: 130].

Иногда вскакивал, сгибал свой высокой, сутуловатый стан; подпрыгивал вперёд на каблуках и в то же самое время вытягивал свой длинный острый нос, обнимая его всеми пятью пальцами. **Гнусное творение!** – подумал я<...> [ПД III: 121].

Ужаснейший рёв поражает их слух. <...> Тораторин кричал **ужаснейшим** образом [ПД III: 186].

Чернеет она (морская сорока – Н.Б.) в воздухе и наполняет его **ужасным** криком [ЕГ I: 95].

Иногда, как все семейство сидит возле затопленной печи, вдруг огонь погасает с шумом, густой дым бросается в избу, **ужасный вопль** раздаётся по всему зимовью – это волк или росомаха, рыская по сугробам, проваливаются в трубу [ЕГ II: 157].

Не лучше чаек поёт морская сорока <...>. Они (кроншнепы – Н.Б.) составляют вечерний хор во всех полях, и ежели по случаю мешается он с хором чаек, то можно себе представить **приятность** этой гармонии! [ЕГ I: 94-95]; **Отвратительный визг и писк** (умирающей крысы – Н.Б.) [ПД III: 160].

Ветер продолжал гудеть **ужаснейшим** образом [ПД III: 161].

Слот “Безобразия внутреннего мира человека,
его морального облика”

От **страшного имени Сибири** выступает градом пот на висках его [ПД IV: 237].

Случаются **ужасы** на этом свете <...>. Он убил его обухом топора <...>, злодей сжёг невестку живую. Какая **лютовость, гадость, безумие!** <...> Спросите у **Гюго**, ежели мне не верите, он мне сам рассказывал эту плачевную повесть. **Мишение ужасное!**

Если у человека нет возвышенности духа, то образование похоже будет на какую-нибудь одежду, прикрывающую **уродливые** члены дикаго зверя [ПД II: 162].

(Князь Таракутов – Н.Б.) *так худ, как его душа <...> имел ум весьма расчётливый* [ПД IV: 107].

*Ежели же грамота кажется **необходимой** для того только, чтобы читать **Священное Писание**, то кому так же неизвестны те **ужасные заблуждения**, которые могут извлекаться из самых **Божественных вещей**, без истинно **просвещенных** руководителей?* [ЕГ I: 64].

*Ежели терпимость правительства дозволяет им (раскольникам – Н.Б.) существовать, то пусть существуют! Их **бессмысленная уродливость** не производит в умном народе сибирском никакого соблазна* [ЕГ I: 64].

***Ужасныя** мысли (о возможном отравлении невинных людей – Н.Б.)* [ПД III: 159].

*Всё лице её пылало пурпуром **неприятным**; волосы были растрёпаны; коса вилась* [ПД IV: 215].

*Пара **уродцев**, пара **великолепных**... Не так ли проходят четы брачныя по паркету жизни? Не так ли сталкивает их случай? Не так ли в нравственном и физическом отношении <...> **красота** мешается с **уродством*** [ПД III: 99-100].

*Катенева совершенно изнемогала <...> от пламенных желаний, которая пожирала её. Открылись признаки **ужаснейшей болезни**: сильное воображение начинало представлять ей **чудовищные образы**; она убежала мужчин. Перестала молиться* [ПД III: 49].

*Уведомить о своём браке сестру, по моему, значит насмешка над нею; лютая насмешка; ругательство над её приязанностью; обида кровная для всего семейства. Выпусти до капли всю кровь этого отродия **ужасных** убийц (убийца в моральном смысле – Н.Б.)* [ПД II: 195].

Слот “Безобразия искусства
и творческой деятельности личности”

*Оно (искусство – Н.Б.) поражает в **приятном и отвратительном** через точное сходство с истиною..., всякое худое имеет своё хорошее* [ПД IV: 112]. *Я не для того вы-*

ставляю **выгодные стороны дурнаго**, чтобы прикрыть свою наружность [ПД IV: 113].

Взошед на двор, мне представилась в дали высокие шесты, на которых развевались флаги, и два **престрашной величины** льва, сделанные из глины и выкрашенные зелёною краскою – там преддверие ведущее в храмы [Пут.: 43-44].

Как можно рисовать подобные **гадости**. Нет ничего гадкого в природе, ...только бы ум и искусство умели облагородить его. Карикатура имеет своё **очарование**... **не может не нравится**... несмотря на то, что лица **отвратительны** [ПД IV: 112].

Наконец появилось **чудовище**, которое с быстротою понеслось на зрителей и разрушилось у ног княжны с шумом и густым дымом. <> когда дым исчез, перед княжною стоял **Шебаров**. Фантасмагорическое его действие возбудило **ужас** и удивление [ПД IV: 140].

II – контексты, имплицитно выражающие концепт «Красота» в текстовой ситуации эстетического оценивания

Там, под небом чистым, безоблачным, в знойные дни лета, дикая пустыня, является оживотворённую крылатыми жителями её. Всё в движении между почвою земли и пространством воздушным, где теряется зрение. Синицы весенняя, желтоголовья; овсянки, ужайки, угольнички; зиньки, подкрапивницы, чеканчики, шмелёвки, вьются в дремучем для них лесе растений, прыгают по стеблям и ветвям, гоняются за разноцветными кузнечиками, плавают друг за другом; пересекают одна другую; качаются на поверхности аконитов, солидаго и не смеют выше: над ними стоят в воздухе с распущенными Нередко в сочинениях А.П. Степанова епельно-голубыми крыльями, быстророглазые красноногие чеглоки; над ними быстро, как молния, крестят воздух сарычи и копчики [ЕГ I: 101].

Где хребты гор, как рёбры огибают со всех сторон пространную площадь земли, по которой, извиваясь великия реки, проникают во внутренность гор сих своими испарениями, и составляют бесчисленные родники для быстрых потоков, рек и ручьёв; где встречаются беспрестанно обширныя углубления и утёсистыя препоны; где находятся во множестве разнаго рода провалы от воздуха, или вод, или огня; – там следует быть необходимо и великому числу озёр [ЕГ I: 45].

Восточная сторона Енисея к Иркутской Губернии, наверхенная высочайшими горами, поросла дремучим, красным лесом. Недра гор заключают в себе знатное количество превосходной железной руды и сернаго калчедана [МО: 110-111].

Енисей <...> мчится, с быстротою, осыпая пеною окрестности. <...> Переход сей называют обыкновенно камнем. Я назвал бы его воротами Туруханска, потому что сия ветвь гор, через которую так могущественно пробирался Енисей, составляет естественный предел полярному краю [ЕГ I: 29].

<...> воздух имеет оба первыя начала свои в том соразмерном количестве с теми смешениями, которыя необходимы для лучшей умеренной атмосферы [ЕГ I: 61-62].

Манна пробегает на северо-запад изобильнейшими пастбищами и долинами [ЕГ I: 39]; Вообще округ Минусинский превосходит все другие в губернии по своему климату, плодородию и местоположением. Он есть житница Енисейской губернии, как сама она может почитаться житницей всей Сибири Город сей (Минусинск – Н.Б.) совершенно сельский (*ville champetre*), ибо округ, ему принадлежащий, изобилует, как я сказал, всем нужным для сельского хозяйства, и самые мещане управляютя в работах, крестьянам свойственных [ЕГ I: 44].

Узел семантической сети “Красота цвета”

Лицо её чисто и бело, как ярый воск; глаза сомкнуты, как у сонной [ПД II: 57].

Она приставила перстник к жемчужным зубкам [ПД IV: 24].

В нынешних казачках нельзя отыскать быстроглазых чернобровых обитательниц Дона [ЕГ II: 171].

Волки везде. Они бывают серыя, желтоватые; но лучшие всех белые по Тундре [ЕГ I: 105].

Там (к югу – Н.Б.) долбят усердно древесную кору дятлы: большой чёрный с красным на голове пятном, пепельный с крыльями оливкового цвета и очень малый серый с чёрными пятнами. <...> замечательна зеленоватая с сизым отливом, чёрною головою и пёстрым зобом. Ореховка, <...>, кофейного цвета с белыми ячаистыми пятнами. <...> Жолна левая с чёрными крыльями. Хлёсты <...> разноцветные: все малиновые, с жёлтым, с белым, с чёрным. [ЕГ I: 97]; (фрегат – Н.Б.) отличается <...> тёмно-пепельным цветом <...> морская сорока с красным длинным и прямым носом и красными перепончатыми лапами [ЕГ I: 94].

Высокая щеголеватая шея, поддерживая уютную голову, составляет с шилообразным продолговатым клёвом его, бока... Вершина головы от клёва до спины покрыта перьями пепельного цвета, из-под которых на зоб и на бока выбегают чёрные и белые струи, которые на спине сливаются с чёрными, а на зоб с белыми пятнами. С передней стороны шеи во всю длину её пристёгнута как будто за углы, к пепельному заднему покрову чёрная широкая полоса, так, что бока между ними и ею, кажется, распахиваются и выказывают чёрно-белые струи, спадающие с головы на грудь. С передней стороны маленькая, туповидная, белая пёрушки оканчиваются на оплечье чёрных крыл белыми четвероугольниками, расположенными так, что составляют четыре ряда

шахмат. Остальные части крыл усеяны в беспорядке белыми пятнами [ЕГ I: 93].

Вершина головы (сукруру – Н.Б.) прикрыта чёрною полосой, из-под которой выходят палевая, зелёная, чёрная и белая ленты. Оне обвивают нижнюю часть головы, шею и скрываются в перьях, покрывающих зоб и спину. Тот и другая глинистаго цвета, но спина несравненно темнее, с голубоватым отливом, а зоб краснее, и весь усыпан мелкими тёмными пятнами [ЕГ I: 93].

(Турпан – Н.Б.) весь яркокоричневый с красноватым отливом; только хвост и крылья сизочёрные; только слегка белые перья прикрывают оплечье крыл, а на шее лежит ожерелье тёмнаго цвета, ноги и клёв тодорна красные: то и другое у турпана чёрное, но всё это не мешает обеим птицам быть одного рода [ЕГ I: 92]; имя одно ему по ярко-коричневому цвету, который господствует на его крыльях [ЕГ I: 91].

<...> бабочки: Аполлон, Пантиона, чёрная с белою каймою, белая, голубая с чёрным, оранжевая с чёрным ... [ЕГ I: 86].

Из поростов в особенности занимателен один из цветорогов на толстых ножках, сросшихся до пяти вместе с чашечками кофейнаго цвета, в которых расположены голубые шарики [ЕГ I: 84].

Астры разнаго цвета и видов купами гнезятся по зелени атласистой. <...> В берёзовой просвечивающейся роце горят оранжевые цветы тролли. <...> Близ утёса возвышаются цветные пирамиды синяго и палеваго аконита [ЕГ I: 82].

Она (природная набережная – Н.Б.) с левой стороны прилегает к своему утесу, а с правой стороны имеет ровный крутой скат в воду, покрытый влажной зеленью, испещренную с изобилием малиновыми пионами, фиолетовыми расписными ирисами, белыми анемонами, алыми аврикулями,

трехцветным клевером и палевым опрятным бобовником. На поверхности ската, возле самой дороги, опушается она <...> кустарниками жимолости красноцветной, каприфолиовидной, <...> все растения сии могут служить живою надолбою (преградой – Н.Б.), не заслоняя ни цветного партера на скате, ни вод озера, ни противоположной цепи гор [ЕГ I: 24].

Равнина и дорога поросли бесчисленным множеством **прелестных бледно-фиолетовых и белых ирис** [ЕГ I: 27].

На вершине (горы Боруса – Н.Б.) лежат снега, под навесами которых раскидываются палевые цветы рододендрона [ЕГ I: 39].

Есть <...> глинисто-известковый красный солонец, которого длинные гребни растянуты по степи Сагайской. На правом берегу Енисея солонец чёрный блестящий; гранит мелкозернистый зелёный, с красным и розовым; оранжевый с диким. Яшма зелёная с пятнами и полосами; порфир серый; кремнистая бреция. В горе Тон есть порода фиолетового цвета, имеющая пластинковатое сложение. <...> порфир кирпичного цвета <...> [ЕГ I: 68-69].

Вся ветвь Сабинская состоит их порфира зелёного, <...> находятся породы <...> Миндальаго камня, по большей части кофейного цвета с зелёным и Аммита красно-бураго. Возле того места, где является Енисей из гор на долинах, есть серый порфир; зелёная Яшма; <...> В Саянском хребте и его окрестностях существует Мрамор очень хороший белый и возле него Селенит; Мрамор зелёный порфириовидный, дикий, чёрный с красноватым; Брециовидный с красноватыми пятнами. По берегам Абакана и Арбата глина голубая, красная, жёлтая; чёрная известь [ЕГ I: 67-68].

Багульник, спира, шиповник, розовый и белый, украшают горные скалы и крутые обрывы [ЕГ I: 84]; выдавшиеся и углублённые кубообразные камни шифера, украшаются на-

вислыми ветвями кустарников или плетёнками вьющихся цветов [ЕГ I: 22].

Цвет лица смуглый, но живой, пламенный, пунцовый... Ах! Это румяна! Румяна татарские: ингыска. Это действие корня *oposta simplex echioides*! Итак, татарские женщины не чужды кокетства! А может быть, **румяниться** между ними есть не что иное, как обычай, освященный древностью? Едва ли! [ЕГ II: 167].

Подвески, кольца, серьги, погремушки, блязыки или наручники, подобные тем, какими в настоящее время украшаются казанские татарки [ЕГ I: 30].

<...> округлости ея тела (княжны Серпуховской – Н.Б.), исключая шеи, стана, рук и ног от ступни до колена, выходят из преднамерений природы, из ея строгой экономии: оне являют расточительность, мотовство, **роскошь**. Княжна имеет глаза, которых орбиты обрисовываются **как миндаль**: у неё **нет** больших век, подобных зонтикам колясок, ни длинных ресниц, **похожих на кисти золотарей**; но светлокариые озрачки ея скрываются одною третью под **чёрною нежною опушкою** [ПД IV: 90].

Горючий **агат** и **самый сапфир небес**, конечно, уступят цвету ея глаз, через которья отражается в полном блеске **светлая, непорочная, пламенная душа** ея: всё, всё можно прочесть в них; только надобно уметь читать их магический язык [ПД IV: 90].

Если бы губки были как струнки; тогда отыскивай их кто хочет! Но губки ея развернулись, как **цветная распуколка**, и когда она молчит, оне имеют направление, как будто бы приглашают с улыбкою к поцелую; но когда говорит, кажется оне всё-таки улыбаются, а когда она в самом деле улыбается, то губки ея **похожи на цветок совсем раскинутый**, орошённый жемчужною росой утра; ах! какие зубки! но когда она поёт, когда открывает ротик свой и вторит

ему глазами и всеми чертами лица, чтоб **изъяснит восторги своей души**. О! Тогда открывается небо! [ПД IV: 92].

Узел семантической сети “Приятность”

<...> **люблю** смотреть, когда веселятся, танцуют незначай. <...> **Любуюсь** <...> и припоминаю старое. <...> я **любил** только смотреть. <...> замечать ... **любимое** занятие [ПД II: 21-22].

Спустился на Селенгу, **любовался** прекраснейшими ее берегами [Пут.: 27-28].

Очертание всех фигур (в бумажных китайских картинах – Н.А.) чрезвычайно **нравится** [Пут.: 68].

Человек (иносказательный образ человека в буддийском храме – Н.Б.) средних лет **наслаждается** ея (аллегорический образ Природы в храме буддистов – Н.А.) любовью [Пут.: 93]; **полюбоваться** невесткою хочется [ПД III: 93].

Надобно было видеть, как она **любовались** сами собою в зеркала и оставались на долгое время в том положении, которое **им нравилось**; надобно было слышать, как она вторили звукам певицы [ПД II: 21].

(Татары – Н.Б.) **любуются** играми или пляскою молодежи... [ЕГ I: 169].

Ежели подробность в описании, как ты отзывается, тебе **нравится**, то в настоящем письме надеюсь поподчивать ея досыта, в особенности при исчислении Китайских кушаньев [Пут.: 21].

<...> **любоваться** страдательному положению <...> переносить докучливость своего жениха [ПД III: 58].

Заргучей (китайский чиновник – Н.Б.) **восхищался** единственно Чингис-Ханом [Пут.: 47].

<...> **наслаждаться** приятностию пустынной жизни [Пут.: 30].

Я **люблю** деревню, – сказала она мне. ... в ней больше энергии, чем в городах [ПД IV: 94]; **люблю** деревню [ПД IV: 50-51].

Мне здесь (в Петербурге – Н.Б.) всё **нравится**, и может быть, по той господствующей во мне идеи, которая вам известна [ПД IV: 69].

Я <...> **нравлюсь** ему (мужу – Н.Б.0 более **духовною, чем земною**: он боготворит меня [ПД IV: 73].

<...> **любовался** ея **белым личиком**, <...> которое выглядывало из чёрной мягкой шерсти медведя [ПД IV: 84].

<...> в **приятной простоте** [Пут.: 64] (о вещах из камней – Н.Б.).

<...> во времена **приятнейших** в моей жизни [Пут.: 24-25]; **наслаждаться приятностию** пустынной жизни [Пут.: 30]; разговор о **приятностях** деревенской жизни [ПД IV: 21].

Приятное воспоминание носилось у меня в голове, когда, сидя преспокойно в уголку, смотрел я на Катеневу и Серпуховскую [ПД II: 22]; Стол кончился **приятно** и весело [ПД II: 97].

Мне **приятно**... быть с вами в переписке [ПД II: 275].

Приятно быть обмануту, как я обманулся на счёт всех заведений здешняго края; приятно за б тысяч вёрст от столицы, в Восточной Сибири встретить не только колыбель промышленности, но и такую степень ея совершенства, которая со всею вероятностию заставляет надеяться в скором времени увидеть её на ряду с тою, которая существует в средоточии Государства [Пут.: 20].

Это было ему чрезвычайно **приятно** [Пут.: 47]; путешествие было **приятно** [Пут.: 97]; **приятное** известие [ПД III: 113]; **приятное** уныние [ПД III: 216].

Ничто для меня так не **приятно**, как согласие генерала на брак его дочери [ПД III: 129].

Катенева находилась в **приятном** рассеянии [ПД III: 129].

Светское **обращение** здешних жителей высшего круга гораздо **приятнее**, чем в Москве [ПД IV: 72].

Мы провели целый день **приятно**. Когда здоровы ум, душа и тело, чистая, бескорыстная взаимность... [ПД IV: 83].

Нам **приятны** вещи, служащая чему-нибудь памятником. Например, я **люблю** перстень матери моей. Я **люблю** ветку с надгробной ивы человека бурного, но великаго. ...Как не **любить**, например, какому-нибудь генералу вазу с разными надписями, которую корпус офицеров подарил ему в память знаменитой победы? [ПД II: 122].

Любовь для неё **приятное** времяпрепровождение [ПД II: 166].

Мне было грустно (от расставания с приятным человеком – Н.Б.), ...несмотря на то, что душа моя загрубела от ударов рока и сделалась нечувствительною ко всему **приятному и неприятному** [ПД II: 216].

Кича: так называется турецкая высокая шапка с лопастью. Кичка составляет памятник не слишком **приятного** знакомства нашего с тем скуластым народом турецкаго происхождения, котораго отрасли, с такою назойливостию, впились в Калифаства Сарацын и в наши княжения [ПД III: 216].

Я принимаю на себя **приятную** обязанность (сообщить о предложении руки сердца – Н.Б.) обратиться к самой Катерине Михайловне [ПД III: 33].

Всякий знает, что когда вдруг почувствуешь какое-нибудь слишком **приятное** ощущение; то лишаешься возможности изъясняться словами. <...> Было **невозможно отвести взгляды** от дочери, и, однако же, **хотелось смотреть** на мать [ПД IV: 86];

Тихо и **приятно** провели мы время до вечера [ПД IV: 147]; подстрекаемая **приятными** увеселениями [ПД IV: 148].

Я чувствую в душе моей ... благодарность за те **приятные** минуты, которья вы мне доставили дружескими разговорами [ПД IV: 184].

Происшествия оставили навсегда **приятныя** воспоминания [ПД IV: 150].

Задумчивость облеклась приятностию... казалось, что она ... колышется в лёгких, **приятных** воспоминаниях [ПД IV: 204].

Малова (разговоры с ней – Н.Б.) для неё **приятнее** [ПД IV: 207]; вечер был тихий и **приятный** [ПД IV: 227].

Иные <...> никак не могут понять, что **можно угощать зрение, слух, обоняние и осязание**. Они, кажется, не признают другого чувства, кроме вкуса [ПД III: 105].

Воды Енисея мягки и **приятны**; воды Ангары – известь [ЕГ I: 36].

Золотой крот <...> запасает для себя коренья, макарти, **приятные** для вкуса... [ЕГ I: 103].

Светлая, углекислая вода его (минерального источника – Н.Б.) имеет **вкус приятно освежающий**, едва приметно кисловатый; особенного запаха никакого не издаёт [ЕГ I: 50]; (вода Енисея – Н.Б.) **приятна** и здорова [ЕГ I: 34].

Острова и луга покрыты душистыми и блистательных цветов горшками и подбористыми бобовниками с сетью хмелевых лоз <...>; вас обдаёт **приятным** запахом, ароматическим испарением: это собрание **благовонных** ирис, душистых лилий, ночных фиолей, донника, душицы, тимона, просяники, мяты, пижмы, божьего дерева. <...> из глуши кустарников проглядывают зонтичные цветы **благовонной** валерианы и страшной цикуты, или выставляются **красные или жёлтые** гранаты кордуса [ЕГ I: 82]; опускается она душистыми тополями, кустарниками жимолости красноцветной, каприфо-лиовидной, кустами душистой пижмы, божьего дерева [ЕГ I: 24].

Воздух Италии, в особенности при заре вечерней, обдает **душистыми испарениями**; воздух от гор Саянских до Турухана всегда одинаковый, слабо, очень слабо принимает

в себя даже *бальзамическое дыхание берёзовых распукалок при наступлении весенних дней*; но *чистотую* подобен ключам, истекающим из недр кремнистых [ЕГ I: 65].

Между разными сушеными плодами были мёрзлые *баргамоты* и виноград, а также растение называемое по-китайски в переводе «благословенная ручка». Его не едят: но только от времени до времени берут в руки и нюхают, *улаждая тем своё обоняние*: запах сходен с лимонным. [Пут.: 46]; растворились в тот *приятный оживотворяющий запах* [ПД IV: 28].

“Идея красоты, реализованная в прецедентных текстах и прецедентных ситуациях”

Почти всегда зеленоватый цвет Енисея и струи, подернутые пеной, сообщают ему *пленительный тон картин Вернета*. Я говорил уже, что *вода его здорова и приятна*, однако же советовал бы осенью для употребления процеживать ее через песок и мелкий бульжник [ЕГ I: 56].

Слабый свет утра распространялся по всему пространству, заключающемуся между цепями гор, которыя окружают озеро; ни одной порошинки снега не было на сем прозрачном, необозримом помосте, на котором, как в зеркале, изображалось всё, что было на поверхности, и под которым, как будто сквозь чистейший кристалл, видно даже колебание вод. Рубиновая поверхность восточнаго хребта предвараля уже о скором появлении солнца; но когда первый луч его блеснул через высоты и распростёрся мгновенно по гладкой поверхности Байкала, тогда – тогда, любезный друг, запылали все предметы меня окружающие, небо, горы и вода! Ежели бы я был *живописец*, или твой *любимый Пушкин*, то, может быть, имел бы силы сообщить понятие о том явлении, которое мгновенно озарило меня, о парчовых наметах покрывающих горы, о берилловых кристаллах льдин, разбросанных колоссальными штуфами по трещинам озера; о том

радужном перламутре, который покрывал всю поверхность Байкала; но я не в состоянии в сём случае совершенно удовлетворить тебя... [Пут.: 25-26].

Формы не имеют никакой правильности новых времён и изящества **древних Греков и Римлян** [Пут.: 63].

Наружные знаки необходимы при разных образах правления, в различных веках и не только в религиях, но в самом атеизме. **Римляне республиканцы** раздавали почётные кольца воинам; учредили различные венцы для отличившихся и подали первый повод к изобретению наград, наружным знакам за доблести. В начале между **христианами** изобретение знаков имело условием братство, дружбу, общину; но в последствии условие сие переменялось на памятники доблестных подвигов... [ПД II: 121].

Имплицитно о красоте нитей во время прядения: *от чего это нитки не ровны, да бель волокниста, да холст суров, да шерсть коробится? Сядет сама за самопрялку, вернёт веретеном, выведет нитку – чудо! Шлёнская!* [ПД III: 95]. Согласно словарю В.И. Даля, «шлёнская, шлёнка» – порода овцы, ‘вывезенная Петром I из Силезии’ [Даль IV: 639]. В контексте название породы используется как признак красивой, чистой, высококачественной нити.

Эти няяды для того прячутся, чтобы лучше их видели. <...> Катенев шаль отдал **няядам** [ПД IV: 128-129].

Я видела **Филиппа**, когда он проезжал верхом с наследником. Как он **хорош Фердинанд**, молодой герцог Орлеанский! Сам государь довольно **свеж**. <...> представились королеве **Марии Амалии** и королевской сестре **Аделаиде** <...> В отделении принцессы Аделаиды и в самой той комнате, где мы представились, **всё дышало предметами искусств и наук**... Она расспрашивала нас о нашей литературе, о **степени совершенства живописи и скульптуры** [ПД IV: 65].

Имя художника Грёза, знамя Парижа, наименования гре-

ческих богинь – спутниц, упоминания итальянских художников, русских раскольников: *Грёзовой* кисти можно единственно изобразить **прелесть** той картины, которая представлялась глазам нашим (семейственный круг королевы – Н.Б.). Королева была в простом кисейном дульете, достоинство матери составляло всё её украшение [ПД IV: 66]; сидели дочери, как **три грации** и рассматривали рисунки с **превосходным** изображением цветов... [ПД IV: 65].

Итальянцы мне не нравятся ... изнурились, обветшали, исхудали, третья похожа **на раскольников** [ПД IV: 65].

Паганини такой **урод**, что уродство ... от **очарования**, которое наводит на людей **талант** его [ПД IV: 67].

(Княжна – Н.Б.) увлекается до безумия игрою **Паганини**; стоит над пропастью; первый соблазн толкнёт её в погибель [ПД IV: 76].

Он в этом полку служил и **любуется** оградой церкви (Преображенский собор – Н.Б.), которая составлена из пушек [ПД IV: 74].

Не существует ещё точного условия, чтобы собрание **красот** эстетических в наружных достоинствах человека, было верным признаком таких же душевных. **Сатана** должен иметь <...> такие же **прелести** как **Ангел** [ПД IV: 76].

Брови немного резкия, брошенные смелыми чертами, разграничивают пребывание **Граций** от той части лица, в которой по принятому мнению обитает ум, и ежели это правда, то наружность этого жилища у княжны Серпуховской заставляет уже догадываться о достоинстве хозяина. **Ум** ея бойкий, живой, предприимчивый, **изображается** весь на **открытом, смелом челе** ея, украшенном **тёмно-русыми волосами** [ПД IV: 90-91].

Носик – но кто смеет описывать этот член лица, изображённый с такою смелую гиперболою в **песнях песней великаго поэта древности** и отверженный почти всеми поэ-

тами настоящих времён? Кто займётся, например, переносицею, изгибами, выгибами, ноздрями? Фуй! Фуй!.. О! Это последнее считается даже предосудительным, смешным, **отвратительным** [ПД IV: 91].

Странная вещь! Главная фигура (нос – Н.Б.) на гербе человеческого состава, то есть на лице его, ускользает всегда из-под руки литератора портретиста, и только разве достаивается всегдашней отметки в плакатных паспортах: “нос прямой”, а спросите-ка у **Лаватера!** У него всё что-нибудь да значит, и в особенности **ноздри**; но, – но как описать их у Серпуховской. Видите что? Возьмите хорошее семечко дули, перережьте его вдоль через широкую сторону: форма разреза будет их формою, которая в **эстетическом предположении** не может уже принадлежать носу **Роксоланы** и, стало быть, у Серпуховской он **глядит** немного к низу; но где же ротик? [ПД IV: 91-92].

Все молодые девицы и даже дамы... и все мужчины, включая **Шебарова**, были ...одарены **приятностями** и **красотою**. **Тораторин** в кругу их был как молодой **Силен**, **Сатир** или **Мом**: все шутили над ним... [ПД IV: 148].

“Смежные концепты”

Связь концепта «Красота» с концептом «Моральные качества». Имплицитно выражены свойства характера и поведения жителей енисейской губернии: *Они остры, смешливы, несмотря на свой флегматический характер. Ничего нет кротче их, когда они в спокойном положении: это озеро, лежащее в глуши лесов кедровых, освещаемое иногда лучезарным солнцем, иногда **приятным светом луны**; но ничего нет противнее их в злых умыслах: это озеро такое же тихое, пустынное, но покрытое колючими сучьями ели, гнилое, испускающее удушительный запах на большое от себя расстояние, прибежище всех пресмыкающихся гадин* [ЕГ II: 174].

Чем выше капиталы, чем **блистательнее заведения** при

малых благотворениях, тем **хуже** приказы общественного призрения, тем больше они похожи на **великолепные гробницы с трупами**, преданными гниению [ЕГ I: 129].

Связь концепта «Красота» с концептом «Мужественность / женственность». «Как тебе не совестно, Аннета, сказала я, заниматься, то шитьём, то вязанием; неужели дух твой находит в этих работах какую-нибудь пищу? Не то чтобы пищу, но спокойствие; внимание к работе удерживает ум от полёта, в котором, признаться, я задыхаюсь удерживает и поставляет в положение только думать, обдумывать и рассуждать. Впрочем, женщина должна быть женщиной; я бы не хотела быть знакома с такою, которая обратила себя в мужчину и презирала бы мужчину, который походил своими занятиями на женщину. А лицом? – спросила я. И лицом то же, мама, женоподобное птичье лицо на геркулесовом стане то же, что **кадка мёду и ложка дёгтя**. Помилуй, Аннета! где ты научилась таким присказкам? Эту слышала я от старого агронома Гумова, который всё умеет делать, у которого <...> **всё приносит доход в сто процентов на сто**; всё пример и диво, и который хоть немножко, да во всём солжёт». Красота по А.П. Степанову, в речи его персонажей заключается в развитии природного начала (мужского или женского). В этом проявляется пересечение концептов «Красота», «Мужественность / женственность». Мужская и женская суть проявляет себя во внешности и характере, а также в роде занятий, в практической реализации своей природной сущности в обществе. В связи с такой концепцией женщине прилично и полезно заниматься рукоделием, а мужчине хозяйством, которое приносило бы доход от эффективной деятельности.

Связь концепта «Красота» с концептом «Польза». Ироничное описание внешности именитого губернского чиновника, который приехал в имение на Пасху: *Круглое, жёлтое*

лицо..., с каким-то **медным отблеском**, сверкающими глазами и **улыбкою, поздравляющею с бедами**; маленький обточенный **стан его, виляющий** во все стороны и **кошачья**, облическая **походка**, предупреждали уже каждого **в пользу** умственных и душевных способностей г. Каремова [ПД III: 17].

Дела **необходимыя, приятныя, полезныя** для всего семейства, а также и распутица удерживали Долинскаго и Катенева в столице [ПД III: 220].

Фонари их вообще **красивы**, но мало **полезны** [Пут.: 67].

После бытности моей в Иркутске в 1823 году, в нём всё переменилось, всё нравственно и физически. В нём ныне царствует дух деятельности, бескорыстия и строгой подчинённости. В нём всё для службы и ничего для прихотей. В нём ничто не дышит празднествами, но везде водворено С. 22 спокойствие; никакое **великолепие** не даёт заметить присутствие главного начальника; но везде личное присутствие его распространяет совершенный порядок. В Иркутске наблюдается отличная чистота по улицам, которых не имеют никакой мостовой; деревянные дома на главных улицах все обиты **тёсом**; снабжены архитектурными **украшениями** и раскрашены. Городовой берег реки Ангары **украшен** тесовым камнем и составляет подножие **прекраснаго** бульвара. Гаубт-вахта, две церкви: общественныя здания украсили совершенно город и сообщили как будто, мастерскую черту панораме целаго [Пут.: 22].

<...> польза сия могла иметь **приятную** наружность [Пут.: 3].

Шёлки и шёлковыя материи **самыя лучшия** Пекинския; Китайцы не менее изобретательны Французов и Англичан, относительно шёлковых фабрик. Их материи отличаются разнообразностью форм, замысловатостью рисунков и яркостью цветов. За то все они **не прочны** и все почти, как впрочем и следует, носят на себе **печать Азиатскаго вку-**

са, С. 63 кроме канчи, канфы, крепу и фанзы, которые могут быть **пригодны** для одежды Европейской; между тем, как все прочи **годятся** единственно для убранства наших комнат [Пут.: 62-63].

Местоположение Енисейска **нельзя назвать живописным**, а еще более **выгодным**. Он затопляется всегда при большом разливе реки с немалым **вредом** для жителей [ЕГ I: 47].

Лисиц добывают известными капканами и срубам: это западня в виде продолговатого ящика, где иногда **прекрасная черно-бурая пленница** со всем семейством своим спокойно может дожидаться хозяина, который с готовностью и усердием выкармливает маленьких и мать. Такой счастливый улов может промышленнику составить **порядочный капитал**, ибо все гнездо с матерью может заключаться в 6-ти зверях, каждый по 300 рублей [ЕГ I: 73].

Мне представляется пространство земли, которое составляет наивеличайшую губернию между всеми в Российской империи, исключая Тобольскую, и самую отдаленнейшую, за исключением Иркутской. **Великолепнейшая** река, после знаменитой Лены, орошает ее от Монголии до моря Ледовитого, на несколько тысяч верст не уделяя вод своих губерниям сопредельным и принимая в себя подобные тем, которые в Европе обращают внимание народов. Мне представляется природа в ее дикой **красоте** и мужественном могуществе: <...> **прелестнейшая флора**, <...> богатство в превосходной рыбе, – все, все изобилие. <...> Я вижу их (народы Енисейской губернии – Н.Б.) на этом пространстве, как группу младенцев, играющих на помосте Ватикана в Риме. <...> Я обнимаю их промышленность, торговлю и прибыли, но, взвешивая их **собственную пользу с пользой государственною**, нахожу, что вся **выгода склоняется на пользу жителей**, а не казны, которая, получая несколько более миллиона, употребляет половину **на расходы** [ЕГ II: 193].

Связь концепта «Красота» с концептом «Образование».

Эстетическая только образованность соглашает умеренное влечение к наружности и ожесточённое к ней презрение. Она уравнивает аналогию внутренняго с наружным; устраивает между ними **гармонию** и совокупляет **законы изящества** видимой и невидимой природы [ПД III: 3].

Однажды Аннета вдруг захотела ехать в Сибирь. <...> «Я хочу видеть природу, не испорченную рукою человека. Я хочу видеть неизмеримыя трясины берегов Ледовитаго моря, Алтай, хребет Становой, в диком их состоянии. Туда или в среднюю Африку, что мы будем делать в Европе?» Её остановило только то, что я не могу за нею следовать. **Эстетическое образование** произвело странное действие над нею [ПД III: 210].

Связь концепта «Красота» с концептом «Религия».

<...> как **усладительно зазвучит** скоро призывный **ко-локол** к молитве полунощной! Как радостно огласится вос-кресение **Спасителя мира!** [ПД II: 281].

Мы работаем в первый день праздника (Воскресения спасителя – Н.Б.); но работа наша посвящена **Ему**, как **мо-литва**. Вы видите членов маленькаго (богоугодного – Н.Б.) заведения. Мы судим и рядим о принятии новых семейств. <...> Девуца Катенева (главная распорядительница бого-угодного заведения – Н.Б.) сделала несколько шагов к двери <...> два семейства упали к ногам ея <...>. Два смуглых гре-ченка завладели **прекрасными** ножками Катеневой [ПД III: 11].

«Кормилица ты наша! – сказала одна разгоревшееся от вина крестьянка, – что же ты по сию пору не выходишь замуж? Ведь я чаю тебе...» Катенева обмерла, **чистая душа** ея оскорбилась **гнусным выражением Вакханки**, она хоте-ла удалиться; но переломила себя, чтоб не огорчать других. Она велела только ей замолчать, и священник три воскресе-

ния сряду говорил просто и ясно проповедь из текста: **«Источник жизни в сердце праведного; уста же нечестиваго покрывает пагуба»** [ПД III: 16].

<...> для неё нужно было необыкновенное, она искала его в **красотах и в могуществе натуры**; мать, парализованная **блеском ума** дочери своей, перешла от строгости в слабость. Она не могла и не умела перелить в неё **истинного света религии**; а потому всё стремление дочери её обращено было к **Идеалам временной жизни**: для них передавалась она самоотвержению и вместо того, чтобы ощущать в духе беспрекословную преданность и твёрдую веру в могущество, премудрость **Творца**, она передавалась **очаровательному увлечению чувственности**. Она меняла идею о незримой, но непреложной истине, на видимое явление призрака. Так видит Поэт **великолепный перекаат солнца по голубой тверди от востока на запад**; между тем, как оно составляет постоянную точку, вокруг которой певец, вместе с голубою твердью своею, чертит беспрестанно Периферию [ПД IV: 220].

<...> продолжая беспрестанно и постоянно **возвышаться духом к милосердию Предвечнаго**, она пришла в **положение несравненно изящнейшее** против прежняго. **Характер** сделался **светлым**: она познала цену истинного спокойствия [ПД III: 78].

Мне хотелось видеть храм языческий – нечто, может быть, подобное знаменитым храмам древности, ежели не по великолепию (ибо где его искать в маленьком торговом городке), то, по крайней мере, по религиозным установлениям [Пут.: 71].

Я не позволю себе судить о взаимном отношении пастырей к паствам, с удовольствием скажу только, что крестьяне привержены к религии, любят украшать храмы и доставлять изобильное содержание священникам и священнослужителям церкви [ЕГ I: 133].

Связь концепта «Красота» с концептом «Любовь».

Как *оне* сходны и как различны [Долинская и Серпуховская – Н.Б.!] *Всё, что касается изящества земного* – душа в душу; *небесного* – не понимают друг друга. Идеал одной – *любовь* небесная; другая составляет его по произволу. *Религия* подкрепляет одну; другая не знает её [ПД IV: 132].

Любовь, любовь – подруга *красоты!* Я уверен, что все вы будете согласны со мною [ПД IV: 136].

«... если бы мой муж был очень, очень *дурён* и имел все те свойства, которые имеет теперь; то я предпочла бы его всем». Долинская призналась, что *красота души* есть единственная *подруга любви*. Дедова <...> полагает, что *красота* весьма нужна для *любви* [ПД IV: 136].

Одна мысль в летах зрелых, что в подругу жизни моей перешло всё моё <...> подливает масло в *лампу любви*, и увядающая *красота* лица принимает какое-то неизъяснимое сладострастие <...> вспоминая победы свои, оживотворяется на новые подвиги. Да, *любовь ветеранов любви* имеет свои *приятности* [ПД IV: 167];

Я чувствую себя под властью *красот* эстетических, под властью *совершенства*, выше которого природа не в состоянии ничего произвести. слышали ли вы о *Фениксе*? *Счастливым вымысел!* Я *Феникс*; я беспрестанно обращаюсь в пепел через огонь, всё пожирающий; обращаюсь для того только, чтобы приходить к жизни и гореть в пламени до пепла (о состоянии девушки, которая переживает пылкую страсть к мужчине, который для неё есть воплощение внутренней и внешней красоты – Н.Б.) [ПД IV: 213-214].

«*Это она!* – говорит он, увидя её в отдалённом покое – она моя!» *Восхитительнейшая* мысль (о взаимной любви – Н.Б.) сопровождает его ещё несколько шагов [ПД II: 165].

Да, если б вы были молоды, она за вас не пошла. <...>

Потому, что на вашем лице нет **печати изящества** [ПД IV: 165].

Убеждения его были полны благоразумия, **любви** и красноречия. Сфизмы её ответов, проникнутая сильною любовью к Долинскому и нежностью к графу, имели **обворожительную привлекательность** [ПД II: 206].

Вы опростали сердце своё от чистой **любви** и пустили в него порок <...> высокие чувства гораздо **опрятнее** низких; после первых кроме чистоты остаётся ещё ароматный отзыв их пребывания; но, сколько труда мыть, чистить и окуривать жилище последних; зато какое облегчение, свежесть, успокоение? Какая отрада, чистая, непорочная, продолжительная при встрече с прежним другом своим – **чистой любовью** к Долинскому. Не отчаивайтесь! <...> Что это вы напустили на себя, попросту сказать, дурь? Ведь вы оскорбляете человечество, семейство, Бога. Войдите в сферу **эстетическую!** Опомнитесь! [ПД III: 65].

Связь концепта «Красота» с концептами «Вкус», «Правильность», «Искусство», «Совершенство», «Мастерство», «Величие».

<...> и все почти (материи – Н.Б.), как впрочем и следует, носят на себе **печать Азиатского вкуса...** [Пут.: 62].

<...> ограничился от всех условий, сообщаемых **правильностью** и хорошим вкусом [Пут.: 29-30].

Статные здоровые работники сидели за станками своими (в машинной, где готовится шерсть для суконной фабрики – Н.Б.). <...> Во всём **порядок, изобилие и даже причуды** вкуса [Пут.: 5].

Бронзовые вещи совершенно в **Азиатском вкусе**. Я видел кумирню и жирандоль: то и другое обременено полудрагоценными камнями, **богато, но без вкуса**. Другая вещь показывает **странность вкуса и мало ума**: крылатый <...> от малейшего сотрясения стола падает [Пут.: 66-67].

<...> гладкой мостовой правильной улицы [Пут.: 4].

Формы не имеют никакой правильности новых времён и изящества древних Греков и Римлян [Пут.: 63].

<...> гладкая поверхность вод <...>, которые лежат как зеркало у подножия амфитеатра, образованного рукою природы с удивительным великолепием и со всею правильностью [ЕГ I: 28].

<...> берега Енисея, <...> простираясь в виде правильных дуг направо и налево, смыкаются впереди, образуя круглое озеро [ЕГ I: 27].

<...> ветвь (гор – Н.Б.) менее возвышенная, более правильная <...>, осенённая лесом; взор быстро обрушивается в неизмеримость, обнимая в одно и то же время правильные цепи высоких гор, равнину необозримую и озеро Уйрат [ЕГ I: 23].

Не менее достойны примечания – резьба на дереве, прозрачная и барельефная. Та и другая употребляется в сосудах, ширмах, экранах, комодах, шкафах и ящичках и состоит из арабесков, где фигуры птиц, драконов и зверей перемеживаются с различными завитками и листиками, правильно и со вкусом. Барельефная порезка не высока; но замечна отличною точностью в отделке, гладкостью и намерением отличиться затруднительнейшим производством искусства [Пут.: 65].

На поверхности ската, возле самой дороги, опушается она (природная набережная – Н.Б.) душистыми тополями, кустарниками жимолости красноцветной <...> с таким искусством, что все растения сии могут служить живою надолбою (преградой – Н.Б.), не заслоняя ни цветного партёра на скате, ни вод озера, ни противоположной цепи гор [ЕГ I: 24].

Правильное их (расположение гор – Н.Б.) расположение, различная зелень, смешанная с дикими цветами уте-

сов; резкая близь и мерцающая даль; тень и свет, меняющиеся от обращения земли – все придает месту сему в течение дня **разнообразную очаровательность**, которую довершает гора Борус, как мастерская черта художника в **величественной** картине его [ЕГ I: 39].

Гораздо превосходнее вещи, сделанные из композиции, так называемой лютик или литик и из агатов Первья примечательны по точной подражательности халцедонам и маховикам; а последняя, заключааясь по большой в чашах, по тончайшей шлифовке и **приятной простоте**. Вы видите терпение в искусстве и природу во всём **совершенстве** [Пут.: 64].

Искусственные цветы из разных камней в горшках **чрезвычайно хороши**, в особенности луковичные. Надобно удивляться Китайскому терпению в шлифовке; но как эти купы цветов, будучи предназначаемы для обмана взоров не могут совершенно тому способствовать (ибо утверждение лепесточков на чашечках, а листов на стеблях, и самая прозрачность камней разочаровывает зрителя); то **искусство** сие, будучи трудным, не может называться **совершенным** [Пут.: 69-70]. (О шлифовке камней для изготовления искусственных цветов у китайцев – Н.Б.).

Стрела бьет зверя на выстрел винтовки, а иногда и далее, смотря по устройству лука, сил и **искусству** стрелка [ЕГ I: 73].

Им давно уже было знакомо **искусство** делать железные и медные вещи... [ЕГ II: 159].

<...> искусство поваров заключает в себе таинство **изящества** [ПД IV: 33].

Напротив того, барельефы, изображающие цветы из камней на досках, мастикою наведённых, есть, по моему мнению, работа **мастерская**, окончательная; самый рисунок, самая компоновка не принадлежат, кажется, к той степени **рисовальнаго несовершенства**, какая существует

в Китае. Сердолики, халцедоны, лапис-лазури, жёлтая яшма для цветов и нефриты разных теней для листов употреблены с знанием и вкусом. Каждая часть отшлифована отдельно и столь хорошо соединена в целом, как будто всё произведено из союзного, разных цветов камня; здесь не видно **спаек** мозаических и барельеф довольно высок, так, что некоторые листы отделяются совершенно от основы своей [Пут.: 70].

<...> на высоте появляется **величественный** пизар (орёл – Н.Б.). Он постепенно подымается выше: солнце, кажется, единственная его цель [ЕГ I: 102].

Нередко случается видеть как стая **величественных** лебедей носится на раздольных волнах Енисея... [ЕГ I: 95].

Спускаюсь на лодке вниз по Абакану на север, между берегами его, иногда **величественными** [ЕГ I: 37].

Поворачиваю на юго-восток; спускаюсь со ската, и древний Уйгур-Муран является из-за гор Саянских; но мысль о бурном Енисее по грозной, **величественной** наружности, окружающей его в отдалении, не свершилась: он течет плавно и спокойно по долине, лобызая мураву, прилегающую к водам его [ЕГ I: 38].

<...> сие смешение на местности природы **величавой**, дикой, где, несмотря на пространство, можно окинуть одним взглядом и горы первенствующия, и реку **величайшую** [ЕГ I: 82-83].

На Севере появляются озёра **во всей красоте** своей. <...> по большей части составляют **великое** хранилище вод, изливая их через реки в море (ЕГ I: 47); кажется, Енисей оканчивает своё течение в сём **великом** хранилище вод (в озере – Н.Б.) [ЕГ I: 27].

Величественные утёсы встречаются ему (Енисею – Н.Б.) на пути. В иных местах, в особенности от Запада, выдавшиеся и углублённые кубообразные камни шифера, укра-

шаются навислыми ветвями кустарников или плетёнками вьющихся цветов [ЕГ I: 22].

Это была крышка и стенки ящика из тончайших пальмовых фанерок с прорезными насквозь арабесками так **искусно**, что казались кружевами. В особенности привлекала внимание крышка, на которой расстилалась искусственная паутина [ПД II: 9].

Нигде нет полей, на которых бы волны золотых колосьев терялись в неизмеримости, нигде нет лугов, где бы **стройно** шли косари, взмахивая **ровно блестящими** косами своими, и толпа **опрятных** поселянок загробала сено. Во внутренности России сенокос – праздник, здесь — работа, на которую поселянин одевается в **самое дурное платье**. Здесь не община трудов, но каждое семейство по себе [ЕГ I: 92]; Обращение свободное, веселость, смешливость, вид воинственный и не только опрятность, но щеголеватость отличают племя тунгусов от других бродячих племен [ЕГ II: 158]; там и сям одетые **опрятно** женщины [ЕГ II: 161].

Наружный вид юрт **чрезвычайно приятен**, в особенности когда взгляд обнимает несколько стойбищ на равнине. Белизна юрт и дым, который беспрестанно из них тянется, представляют издали степь как бы населенную **опрятными** каменными хижинами. Вблизи напоминают они времена патриархальные [ЕГ II: 165]; загляните в эту степную ротонду богатого татарина! Против самого входа стоит диван с сафьяновым красным тюфяком, за шелковую занавескою китайской материи. От него по обеим сторонам вокруг стен поставлены в два ряда сундуки, обтянутые сафьяном разных цветов, окованные в решетку белым железом. Над ними, ближе к входу, развешены седла и узды с серебряным прибором. Ближе к дивану стоят на полках фарфоровые чашки, чайники, медная чистая посуда, самовары. Посредине несколько возвышенная площадка из дикого камня с костром

дров, который так опрятно уничтожается огоньком, что ни одной ниточки дыма не путается по сторонам, но весь он дружно тянется вон в верхнее отверстие. Все пространство между сундуками и костром покрыто кошмами, коврами и сафьяновыми подушками [ЕГ II: 165]; Разбросанные **опрятные** домики с тесовыми крышами, между ними купы деревьев, группы рогатого скота и лошадей [ЕГ II: 161].

Часто случается слышать в разговорах и читать в книгах, о знаменитом фарфоре Китайском: однако же я не видал **ни одной вещи**, в которой бы глина была **чище** Саксонской. **О рисовке** нечего и говорить: она **мила** по своей странности; относительно же **колеров**, столь перевозносимых – право не знаю – а кажется, наши **лучше** [Пут.: 63].

<...> деревянные дома <...> снабжены **архитектурными украшениями и раскрашены** [Пут.: 22].

Китайцы выделывают из агатов разные **прелестныя** вещицы, применяясь к природному их образованию: из похощаго на лист выделывают лист **пригодный** для блюдишка, или из камня союзнаго шлифуют две каких нибудь фигуры для украшения [Пут.: 64-65].

Кумирня сия похожа на памятник мужу знаменитому, не по **богатству украшений**, не по замыслам художника, но по тону, который в ней царствует; от образа расположения всех предметов, кажется, С. 76 что видишь наскоро зделанное могильное украшение в степи кочующих над прахом какого-нибудь потомка Мунгул-ханова [Пут.: 75-76].

Лишь только выехал я из ворот Кяхты, вновь построенных и украшенных приличною Архитектурою, как очутился перед Май-ма-ченом [Пут.: 37].

В Минусинском Округе оmyвает он (Енисей – Н.Б.) наивысочайшие обнаженные утесы, багрянаго шифера, увенчанные соснами, пихтою и лиственницею, **украшенные** иероглифами и письменами древних [МО: 108-109].

Абакан быстрый, игривый, украшенный разнообразием берегов, удобен к плаванию в самых горах, и впадая в Енисей, увеличивает, конечно, его воды [ЕГ I: 37].

Городовой берег реки Ангары украшен тесовым камнем <...> [Пут.: 22].

Долины между сих гор и Енисеем, между Енисеем и Абаканом, украшены превосходнейшими растениями [МО: 111].

<...> деревянные дома <...> раскрашены [Пут.: 22].

Гаубт-вахта, две церкви: общественныя здания украсили совершенно город [Пут.: 22].

Таинственная флейта выражала нежно, плавно отрадное чувство любви. <...> мне, по краснейшей мере, страстному олхотнику до музыки, опытному в ней через личное знакомство с многими из лучших музыкантов Европы, мне никогда не удавалось слышать подобной флейты. Какое глубокое знание искусства! Какая поэзия! И какая свобода в поступке! <...> озадачить нас наипрятнейшим образом, не искав ни похвал, ни благодарности. <...> что может сравниться с силою дарований? Мне кажется, я его (невидимый проезжий флейтист – Н.Б.) вижу. Кажется весь он могущественная гармония! <...> я думала, что одна я, слабая, растаяла от его голоса! [ПД IV: 190-192].

Имплицитное выражение узла семантической сети “Безобразия”:

1. Неприятность обонятельных, осязательных, тактильных ощущений; неприятность событий, действий и т.п.

<...> тело (некоторых рыб – Н.Б.) <...> безвкусно; у других с отвратительным отзывом [ЕГ I: 90]; Икры и сельдей ежели достать можно, то весьма недостаточно и почти всегда с отвратительным вкусом [ЕГ I: 95].

Тебе, конечно, известно, что торговля с Китаем есть меновая; но знаешь ли, как она происходит и можешь ли вообразить, чтобы посредником сей знаменитой мены была

вещь, не имеющая никакой цены в Европе? Это кирпичный чай, т. е. листья какого-то кустарника, **преотвратительные** вкусом, сжатые в формах и высушенные так, что получили вид дощечки длиною в две четверти, шириною и толщиною в $\frac{3}{4}$ вершка. Этот чай и сам по себе служит предметом торговли; ибо его пьют все Буряты, многие крестьяне Сибирские и даже Татары Казанские [Пут.: 57-58]; почивал всех **дрянным** своим чаем [ПД II: 244].

<...> мясо их (кроншнепов – Н.Б.) вкусное везде, до того **неприятно** здесь (в Сибири – Н.Б.), что нет возможности употреблять его в пищу [ЕГ I: 94].

Самое **лучшее** у мужчин и женщин – **свежесть лица**, самое **худшее** у мужчин – **неопрятность ног**, и вообще у всех **неприятный** отзыв дыхания. Впрочем, во всем есть исключение [ЕГ II: 172].

На конце трости моей был острый наконечник, я взял её и ударил с такою силою, какая у меня только оставалась. **Отвратительный визг и писк** ознаменовал мою победу. <...> Не худо, сказал я, держа припиленного зверя к стене, очистить замок ваш, Катерина Михайловна, и от этих зверей; но что же мне делать? Я испортил обои и между тем **запах будет преотвратительный** [ПД III: 160].

<...> как **отвратительно** должно быть для неё прикосновение его сиятельства и, наоборот, восхитительна смерть! [ПД II: 210]; постигаете ли **неприятность** вашего прикосновения (молодой человек случайно прикоснулся к девушке – Н.Б.) [ПД II: 210]; сказала с **неприятною** улыбкою [ПД III: 69].

Не можно полагать, чтобы древние жители берегов Таза, Анабара, Нижней Тунгуски, Хатанги и вообще тундры, избрали без всякой нужды местом своего пребывания жилища зверей, лютую стужу и почти полугодовую ночь. Надлежало их побудить к тому, или событием **неприятным**, или какому-то особенному уже пристрастию к жизни зверо-

ловцев [ЕГ II: 134]; *ужасную* новость мы передадим бабушке..(о болезни дочери – Н.Б.) [ПД II: 233]; иногда *говорил* ему *неприятную* истину [ПД II: 254]; *ужасная* рецензия [ПД II: 275]; дама... спешила высказать Катеневой о *дурных отзывах* об ней Тораториной [ПД III: 18]; весёлость без родных, сами посудите, *неприятнее* [ПД III: 18]; ей были оне (скрытность, лукавство – Н.Б.) *отвратительны* [ПД III: 82]; вдруг очнулась в *ужасном* страдании <...> утихло всё. Сделалось так свободно, легко, *приятно* [ПД II: 238].

2. Неопрятность человека, грубость отделки вещей, грубая стать животного.

<...> *осока*, способная выделяться, впрочем, *грубо*, наподобие пеньки [ЕГ I: 85].

Грубые статуи, под названием девки, бабы, старухи, не стоят на могилах, не составляют надгробных памятников, не называются маяками, и составляют предметы чествования для татар-идолопоклонников, как угодники или покровители в хорошем улове зверя или в сохранении и приплоде скота. Статуи сии, или болваны, подобны терминам, приапам, вросшие, так сказать, в землю, погнутые, упавшие, не стоят никакого описания, не только по *грубой отделке* своей, в которой едва заметные глаза, уши, рот и вся выпуклость головы сливаются с телом, т. е. простым плитником или *грубо очеканенным цилиндром*; но потому наиболее, что с идолами сими несоединяются баснословные вымыслы, могущие дать понятие о древней религии. <...> сосуд *грубой работы* <...> (о вещи из могилы Минусинского округа – Н.Б.) [ЕГ I: 30]; на равнине, стоит каменная старушка – *грубый истукан* язычества [ЕГ I: 34].

Ровная, быстрая рысь, рога, закинутые на спину, делают *без* лани *весьма красивым* – несмотря на то, что их *стать* несравненно *хуже* оленей и лошадей [ЕГ I: 85]; *Лани*, с первого взгляда, отличаются от оленя своей *грубой статью*. Большие лани, в сравнении с оленем, как мул к лошади,

малые – как осел к ней. С лосем не имеют лани никакого сравнения ни статью, ни рогами. **Грубый состав лося** сливается как будто вместе, между тем как большая полярная лань обрисовывается довольно хорошо. Рога у первой выемкой, у последней – ветвями [ЕГ I: 84-85].

Вообще сибиряки любят сплетни, любят рассеивать слухи, истинные и ложные. От самой Тюмени до Якутска известно все, что делается и даже что не делается. Прибавки для украшения истины плетутся, как **грубые кружева** их ширинок, клевета разносится весьма часто без всякой злобы, так, для потехи ума, для увеселения сердца [ЕГ II: 174].

Нигде нет полей, на которых бы волны золотых колосьев терялись в неизмеримости, нигде нет лугов, где бы **стройно шли** косари, взмахивая **ровно блестящими** косами своими, и толпа **опрятных** поселянок загробала сено. Во внутренности России сенокос – праздник, здесь – работа, на которую поселянин одевается в **самое дурное платье**. Здесь не община трудов, но каждое семейство по себе [ЕГ I: 92]; **хороша** барышня, да ходит в **запраздных** платьицах [ПД III: 72].

3. Имплицитно выраженная связь со смежными концептами «Безобразие» и «Польза»: *Но постоянный двор звенит как-то **дурно** для слуха. – Точно так же, как ваш навоз на полях **не слишком приятен** для обоняния. Милостивый государь! ничто не может почитаться презрительным в свете, что **доставляет нам пропитание** без обид ближнему [ПД II: 67]; «Безобразипе» и «Удовольствие»: *Не осуждая вовсе танцев, которых существование почти столько же исконно, как и древняя религии, танцев, которые равно общи и дикарям и народам просвещённым, **не могу** только **признать** за **истинное удовольствие** танцы больших балов, которые обращаются в какое-то действие на публичной арене, в должность, обязанность, в муку, и, наконец, в **общественную баню** [ПД II: 20].**

Вербализация концепта «Полезьа»
I – Контексты, эксплицитно выражающие концепт
«Полезьа»

Суперфрейм “Полезьа”

<...> нужно увеличить народонаселение в Енисейской губернии, <...> людьми, <...> которые могли бы приносимой **пользой** пополнять лишения, встречаемые земледельцами. Мысль сия разовьет другую о естественном расположении губернии к фабрикам, заводам, мануфактурам. Учреждение их в большом размере могло бы открыть и новый источник к сбыту хлеба и восстановить денежное кругообращение. Мысли сии очень правдоподобны и предположения соответствуют, кажется, **истинной пользе края** [ЕГ II: 99].

С жадностью бросаются они (остяки – Н.Б.) на рыбу и пожирают ее сырую. Не одна страсть к этой пище возбуждает в них столь сильное побуждение, но **величайшая польза**. <...> едва начинают употреблять сырую рыбу, как получают мгновенное облегчение и совершенно оживотворяются до осени [ЕГ II: 153-154].

Я вижу их (жителей Енисейской губернии – Н.Б.) на этом пространстве, как группу младенцев, играющих на помосте Ватикана в Риме. <...> Я обнимаю их промышленность, торговлю и прибыли, но, взвешивая **их собственную пользу с пользой государственною**, нахожу, что вся **выгода** склоняется на пользу жителей, а не казны, которая, получая несколько более миллиона, употребляет половину на расходы [ЕГ II: 193].

Едва ли какой зверь доставляет пользы в сём крае более серны [ЕГ I: 106]; (лани – Н.Б.) доставляя **величайшую пользу** всей северной Сибири, слыли до сих пор под чужим именем... [ЕГ I: 84].

В селении Тельминском находятся многия фабрики и заводы, <...> всегда продолжалось какое-либо производство, доставляющее более или менее **пользы**, смотря по обстоятельствам и надзору [Пут.: 5]; <...> позволено учреждать всякия фабрики сообразно **пользе казённой** [Пут.: 5].

<...> он (Подполковник Соколовский – Н.Б.) так хорошо умел изложить своё мнение начальству, что фабрику со всем имуществом велено передать из Коммисариата в ведение Генерал-Губернатора Пестеля; что послужило действительно к её **совершенной пользе** [Пут.: 11]; <...> При сем пламенном усердии своём **к пользе** вверенной ему части, он пользуется счастьем служить под начальством Генерал-Губернатора... [Пут.: 18]; Пороками признают они то, что в человеке производит **зло** ощутимое, **добродетелью** ту **пользу**, которую человек приносит. Меньше познаний о вещах, меньше и желаний. Бродячие народы Туруханско-го края ограничиваются необходимыми потребностями [ЕГ II: 152].

Истинная дружба весьма редка между всеми людьми. <...> Где есть **корысть**, где её больше, там и дружбы менее; она бывает действительно между двух лиц, у которых совершенное во всём равенство и нет в цели общей какой-нибудь **пользы**, кроме любви [ПД II: 187-188]; <...> в настоящем же положении дела или довольно успешно, маленькие воеводы были вовсе безопасны для правительства, и хотя прижимали диких, воровали, но не грабили: ибо **собственная польза** состояла в том, чтоб не ожесточать слишком неприятеля, а притом каждый казак, последний житель, самые орды доносили прямо царям... [ЕГ II: 185].

Здесь (в рисовальном гербариуме – Н.Б.) не ищите ни **большой пользы**, ни необходимости [ПД II: 74].

<...> есть <...> все нужное для сего важного производства (производство вина – Н.Б.), которое кроме **убыли** не делает **никакой пользы** казне и существует, как ка-

жется, для того только, чтобы занимать работами 600 человек каторжных [ЕГ II: 53]; бумажная сия фабрика есть значительная, по предполагаемой от нее **пользе** в будущем... [ЕГ I: 98].

Лебеди, по крайней мере, **доставляют пользу** русским промышленникам, которые употребляют для себя или выпускают по малости в продажу [ЕГ I: 95].

Небольшая часть (мещан как сословия – Н.Б.) имеет заводы сальные, кожевенные, мыловаренные, иные **употребляются** на сих заводах как работники, иные под защитой купеческих доверенностей торгуют <...> или **извлекают пользу** из разнообразных предметов и обстоятельств, недоступных в других местах, как то: из содержания заимок, сенокоса, рубки леса и дров <...> [ЕГ II: 102].

Круг сведений европейских крестьян несравненно обширнее в сравнении с сибирскими, и сами действия должны бы быть образованнее, судя по той ломке и обработке воли, которые производятся в школе дворянского управления; но вся обширность их сведений не заключает в себе никакой **пользы**, ибо неправильное понятие о большом количестве предметов, которые им встречались, составляет до того чудовищную смесь в уме их, что они даже затрудняются передавать идеи свои словами [ЕГ II: 174].

Но ссора между Томском и Красноярском едва не повредила **пользе общественной** [ЕГ II: 190].

Царю природному, Самодержавному, нельзя не любить своего государства; ибо Он и оно неразделимы. Какие виды может Он иметь на последнее, как не благо? Ибо государственное благо есть, необходимо, собственное Его. Малейшая **искра пользы**, которую добрый подданный обнаруживает подобно Государю, **разгорается** отеческой любовью и **пылает** посреди политических регионов, как новое солнце многих миров [ЕГ I: 19].

Первый взгляд, <...> располагает нас в **пользу** дальнейшей встречи... [ПД II: 114].

На святках гадают, подслушивают: хорошие речи в **пользу**, дурные не к добру... [ЕГ II: 180].

Фрейм “Благо”

<...> самодержавное управление похоже на то, которым управляется вселенная. <...> люди, не могли никогда достигать возможного **блага** под законами демократии [ПД II: 70];

Император <...> печётся о **благ**е всех и каждого; но сам венценосный властитель, в полной мере сего слова, **пользуется** ли тою свободою, как государи Англии, Франции, Швеции? Ах! нет; все минуты жизни его посвящены быстрой деятельности, которая пылает как солнце [ПД IV: 68].

Губернское управление Енисейской губернии образовано для того, чтоб сблизить надзор и доставить жителям сего края скорейшее **удовлетворение** в их надобностях. Из сего выходит, что Красноярск, по своим бедным, недостаточным доходам, поставлен в страдательное состояние **для блага обывателей Енисейской губернии** [ЕГ II: 118].

Правда ли, что есть люди, которые делают зло не для того только, что увлекаются мщением, не для того только, чтоб **извлечь** какую-нибудь **выгоду** для себя или для общаго **блага** [ПД IV: 53].

<...> спокойствие, во всех отношениях, есть единственное **благо** человека, единственная цель [ЕГ II: 110].

Представя себе всю площадь Государства Российского, <...> приходишь <...> в недоумение о возможности существовать подобной империи <...>. Кто все это содержит и хранит? <...> Но каким образом при сих разнообразных постановлениях существует возможность соблюдать гармонию управления? Одна только самодержавная власть <...> [ЕГ II: 116].

Они (разряды – Н.Б.) установлены не по сословиям, исключая купечество, но по степени хозяйственного **благостояния** [ЕГ: 150]; манчелы уважают женщин и любят их более нежно и **благоразумно**, чем страстно, ибо их удовольствию и **выгоду** предпочитают своим [ЕГ II: 155].

<...> признают <...> **добродетелью** ту **пользу**, которую человек приносит [ЕГ II: 152].

<...> спокойствие, во всех отношениях, есть единственное благо человека, единственная цель. И крестьяне енисейские **пользуются** им в полной мере [ЕГ I: 110].

Я даже не могу согласиться, чтобы грамота могла быть **полезной** для преступников: познание здешнего мира не часто ли обращают во зло? [ЕГ I: 64]; Но Зевс громоносный для мрачного / брата / Дал мяте желанье **полезною** быть: / С желаньем столь добрым несчастная / мята / Любима от смертных не может не / быть [ПНММ: 86].

<...> науки сами по себе не имеют ничего вредного; а всё дело в образе их **употребления** [ПД II: 133].

...здесь чувствуется повсюду уважительная тишина, строгий порядок и неослабеваемая деятельность. Здесь сосредоточие законодательной и исполнительной власти, от которого изливаются оне в отдалёнейшие концы Империи: здесь присутствие велакаго духа земли, наполняющего собою видимые образы государственного мира, здесь император. ...он печётся о благе всех и каждого; но сам венценосный властитель, в полной мере сего слова, **пользуется** ли тою свободою, как государи Англии, Франции, Швеции? Ах! нет; все минуты жизни его посвящены быстрой деятельности, которая пылает как солнце и получает единственную награду в том высоком ощущении, что доставляет подданным все способы к спокойному существованию. Мне здесь всё нравится, ...по той господствующей во мне идеи, которая вам известна [ПД IV: 68].

Я люблю спокойный дух религии, спокойный дух самодержавия, спокойный дух народности. Мне слишком не по сердцу буйныя мысли о бесприютном, бродячем действии общаго разума по вселенной и романтическия происшествия народов, где кровь, огонь и бедствия униженнаго человечества играют главныя роли [ПД IV: 71].

Части не в состоянии **обнимать благо** необходимое для целаго <...>но мы постигаем, однако же, что существует закон, которым управляется всё в правильном, строгом, непоколебимом порядке; и по неволе должны заключать, что находится существо, которое управляет всем одно, законодательно и исполнительно; и потому одно, что бытие двух равносильных с творческим свойством было бы вовсе бесполезно; и потому одно, что в двух равносильных предполагается уже могущество сильнейшаго [ПД IV: 70].

<...> нельзя назвать положение губернии Енисейской ни безденежьем, ни убожеством. Она имеет вполне богатство положительное и пользуется достаточно **избытком** относительным. Необходимо согласиться, что **относительное богатство народа заключается в деньгах, чтобы соответствовать государственному благу**. Податное состояние губернии Енисейской исполняет легко и вполне свои обязанности к казне, но **следует ли необходимо и богатству положительному заключаться в деньгах?** Никакой покров, никакие официальные сведения утаить не могут зажиточного быта крестьян губернии Енисейской [ЕГ I: 110].

Смею спросить, какое из положительного богатства частного лица доставляет владельцу более **блага**: то ли, которое он снискивает с усилиями чрезвычайными для приобретения нужных для жизни вещей, или когда вещи сии приобретаются с малым трудом? **Кажется, последнее** [ЕГ I: 110].

*Кротость и милосердие могущественной царицы поселили отраду в исчезающем остатке народа, страшного древнему миру от востока до запада. Души унылые оживотворились: они почувствовали, что находится в свете существо сильное, которое их знает, **печется о благе** их и к которому возможно воссылать мольбы [ЕГ I: 193].*

*Красноярское купечество полагает свой упадок, во-первых, от уничтожения Енисейской ярмарки, во-вторых, от уничтожения кабалы, через которую порабощали себе татар и крестьян и, наконец, в-третьих, свободной коммерции иногородних крестьян на праве купцов. Первое обстоятельство могло возвысить единственно издержки на провоз товара в Ирбит, но самые сии издержки могли также падать на цену товара. Второе обстоятельство могло, конечно, повредить капиталам, ибо все те задолжения крестьян, которые не имели законных документов, на основании учреждения уничтожены, но спрашивается у всех **благомыслящих** людей: можно ли пенять на дурные успехи последствий, ежели самая причина заключала в себе **вред**? Спрашивается у торгового человека с высшим образованием: может ли правильная коммерция допустить, чтоб основанием ее была незаконность? И чтобы лица, посвящающие себя торговле, пренебрегали **благоразумной** осторожностью? Третье обстоятельство, на которое пеняет красноярское купечество, требует ближайшего рассмотрени [ЕГ I: 113].*

Преобразование красноярского купечества должно заключаться в том, чтобы они поняли истинный дух коммерции, чтобы не полагали, что обманы, лукавство, интриги составляют ее атрибуты, что деятельность заключается не в одном перебегании из одного места в другое, что не следует составлять своего счастья на несчастьи других. Надобно, чтобы они узнали мелочность своих занятий и важность промышленности их края, узнали, что торговля каж-

дой губернии есть основание торговли внешней, познакомились с благородной предприимчивостью, были деятельнее духом и не хвастливы, но основательны умом. Теперь они закупщики, надобно, чтобы они были купцами, теперь они живут коммерцией, надобно, чтобы они жили для нее. Тогда, не перечисляясь лихорадочно из купцов в мещане, из мещан в купцы, могли бы многие из них, снискав полную доверенность от кочующих татар и крестьян, утвердить свои торговые дома в Минусинске и, не производя лоскутной торговли, поставить себя в такое положение, чтобы не отыскивать промышленников, но заставить их отыскивать себя [ЕГ I: 114].

Английские миссионеры живут около 15 лет возле Селенгинска и не могли обратить ни десяти бурят в христианскую веру: стало быть, это нелегко. В Енисейской губернии все остяки, племена самоедь, почитаемые остяками, все якуты и большая часть минусинских татар давно уже приняли христианскую веру: стало быть, это легко. Там тайно препятствует великое количество лам, здесь никто не препятствует, да никто и не призывает. <...> Нельзя также предполагать, что удобнее обратить в христианскую веру не имеющего никакой, чем тех, которые имеют уже понятие о храмах, жертвоприношениях, образах, даже о возрождении, каковы буряты. Обращение в веру христианскую неверующих делается здесь само собою, ежели только может что-нибудь так делаться. Видимая причина заключается, как мне кажется, в том, что благоразумнейшие из них находят в этой вере более порядка, успокоения, какого-то душевного приюта. Замечено, что обращенные в христиан прилепляются более к оседлости: у остяков уже не одни чумы, но землянки, у якутов постоянные зимовья, у татар **прекрасные дома**, в семействах несколько более основательности, но – не далее [ЕГ I: 147-148].

Из церкви приводят (остяки – Н.Б.) невесту в чум к жене или к его отцу и там открыто, в собрании гостей и родных, при шуме, пляске и песнях, при возлиянии **Бахусу**, при пламенеющей костре, довершается брак, **благословенный** в церкви [ЕГ II: 154].

Он приобрёл великое богатство через сельское хозяйство и не гнушался торговлею пеньки. ...Осталось после покойного мужа благоприобретённое имение с крестьянами зажиточными и угодьями превосходными [ЕГ I: 35].

<...> умные эти учредители установили и разные праздники Солнцу, Луне, другим видимым предметам, облекая их в образы иносказания. Многие древние писатели все это приписывали жрецам египетским, но нельзя не согласиться с теми, которые удостоверяют, что начало праздничных постановлений и в других местах **пользуются такою же древностью**, ибо находится величайшее сходство в обрядах и правилах жрецов египетских с древними халдейскими магами, друидами кельтов, браминами, древними гимнософистами. Мудрецы эти, облекая истину наружностью для народа, как бы опасаясь, чтоб слабые глаза их не были помрачены великим светом, сообщали тайны своего учения только своим избранным. В глубокой древности это учение и обряды религии были две вещи разные. **Орфей и Моисей пользовались** учением жрецов египетских и основали религии, несходные с египетскими [ЕГ II: 149].

Они (якуты – Н.Б.) соблюдают, сколько можно, постановления христианского вероисповедания и гостеприимство без буйства. Привыкшие с незапамятных времен к степной, пустынной жизни, образовав сходно с нею нравы свои, занятия прочные, постоянные, они пользуются более общественностью, соединяя зимовья свои по образу деревен [ЕГ II: 158].

Понятия татар-идолопоклонников и христиан ограни-

чиваются вообще теми предметами, которые окружают их. Понятия эти развернуты несколько более против тех, которыми **пользуются** бродячие народы, но все еще находятся в очень младенческом положении [ЕГ II: 166].

Мицение есть не последняя черта их [жителей Енисейской губернии – Н.Б.] нрава, но мицение скрытное, долговременное, обдуманное, **пользующееся** всеми средствами к достижению цели [ЕГ II: 174].

Князь Таракутов один только **пользовался явными почестями** (княгини – Н.Б.) [ПД IV: 150].

Возвратясь к Заргучею (китайский чиновник – Н.Б.), я поблагодарил его за дозволение осмотреть храмы и просил растолковать мне, как боготворятся у них духи, управляющие счастьем и стихиями? – «Они подчинены тем великим благодетелям рода человеческого, которых мы память чувствуем, отвечал старик; человек истинно просвещённый повелевает духом счастья; сохраняя непоколебимое спокойствие и презирая все мирские дары его. Он поставляет сего духа в необходимости **быть** ему действительно **полезным**; ибо он уже не выпрашивает счастья, как милости, но требует, как нечто принадлежащее себе, по непремennomу закону **предвечно**го, которым положено, что победитель страстей, получа небесное спокойствие, приобретает с ним истинное счастье [Пут.: 85].

«Любовь к отечеству, о которой вы упоминаете, есть энтузиазм, исступление, минутная вспышка, иногда весьма **полезная**...» [ПД II: 110].

Он (Шебаров – Н.Б.) говорил, что большая откровенность **не всегда полезна**, что она может навлечь невозвратимыя неприятности и что в важных делах **необходима** благоразумная скромность [ПД IV: 162].

В религии находила она только **полезное учреждение** политических обществ [ПД IV: 219].

Фрейд “Выгода”

<...> *потребна ассигновка значительных сумм, земская повинность потребна: <...> представлялось единственное средство: ближайший надзор, но для учреждения и поддержания его **потребна** была ежегодная ассигновка значительных сумм* [ЕГ II: 194].

<...> *почитаю не излишним **представить** для **удобности** к соображению ту прибыль, которую каждое бы лицо должно получать от сбыта годовой промышленности* [ЕГ I: 101].

*Звериная ловля, по-видимому, **приносит более выгоды** народам бродячим, скотоводство – татарам кочующим, рыбная ловля – сим последним и крестьянам, а хлебопашество...* [ЕГ I: 101].

«*Патент, как свидетельство, следует каждому чиновнику. <...> почему патент доставляет ему такая **выгоды?**»* Источник выгоды в следующем: отставной офицер в будние дни высматривает у Никольских ворот, где бывает большое количество людей, человека бойкого и состоятельного, ставит ему подножку. Упавший бьёт офицера по щекам, а офицер в ответ отправляется с обидчиком в присутственное место, где использует патент, достаёт подготовленную просьбу и бьёт челом о бесчестии: «*иной год придётся более пяти тысяч рублей за всеми издержками и волокитой по суду*». Этот рассказ с иронией был отмечен слушателями: «*Мы смеялись взапуски новой отрасли промышленности, изобретательности Г. отставного офицера, посредством которой, он так благородно, **извлекал выгоды** от своего почётного звания*» [ПД II: 168-169].

«*...прежде (чем делить имение – Н.Б.) надо узнать имение, **выгоды**, которыя оно приносит вообще и частно; через это откроется, на какие участки разделить его можно; а между тем осведомимся о положении родственников*» [ПД II: 30].

(пять участков имения, доставшегося Катеневой в наследство – Н.Б.) «...но какая **выгоды** каждого?» [ПД II: 70].

*До царя Бориса Федоровича дошли сведения о реке Енисее и в особенности о стране, лежащей на берегу Таза, называемой Мокасе, куда приезжают люди торговые русские и зыряне от устья Двины и Печоры и не только торгуют с туземцами, сколько именем царя налагают дань. Такое самоуправство и желание доставить **выгоды** более общей торговле, – понудили царя Федора Иоанновича послать в 1598 году в Мокасе нарочного, чтоб он привез вернейшее сведение об этой земле [ЕГ II: 182].*

*...замечательнейшая маленькая гагара, прекрасная рогатая...кулики...могут ли не посещать сторону, доставляющую им всевозможныя **выгоды** и не жить в ней? [ЕГ II: 94].*

*Таинственная продажа сия (на ярмарке в Туруханске, когда продавец не говорит напрямую, что товар его собственность – Н.Б.) происходит от боязни бродячих обнаружить свою собственность. Они скрываются и от казны, и от купцов. Первая захватит у них долг за хлеб, забираемый в магазейны, последние присвоят их товар за сделанные ими задолжения. Несмотря на то, купцы умеют всегда уладиться с дикарями, успокоя новыми задолжениями и с припиской. Ибо какой дикарь знает цифры или письменность? Ежели он показывает счет сей постороннему, то остается доволен, когда итог счета окажется сходен со словами купца. Разность же, происходящая между истинной ценой красного и пушиного товара ему вовсе непонятна, в особенности при блеске бисера, стекляруса, при яркости шелковых платков, при свежих попушах табаку и при увлекательном запахе вина хлебного, а между тем казна остается непополненной, сам дикарь с половинной **выгодой** против того, что бы должен был получить за свою добычу и притом по беспрестанным задолжениям, вечный данник купечества [ЕГ I: 112-113].*

Таким образом, *результат* (баланс прихода и расхода, который был дан А.П. Степановым выше – Н.Б.) *выказывает возможность государственным крестьянам, кочующим и бродячим народам исполнять обязанность свою относительно казны. Мещане, пользуясь* многочисленными средствами промышленности, *взносят* легко и свободно свои законные подати [ЕГ I: 107-108].

Она имеет вполне богатство положительное и ***пользуется*** достаточно ***избытком*** относительным [ЕГ I: 109].

Дикари *нерасчетливы, нерассудны*, как говорят сибиряки, они любят удовлетворять свои желания, они падки на любимые вещи, они, в особенности тунгусы, пустились в щегольство. Закупщики ***пользуются*** их слабостями и, выставляя цены своим товарам несравненно выше обыкновенных, меняют их так, что вместо 55 рублей, причитающихся на каждого бродячего из общей выручки за товар, приходится, конечно, не более трети [ЕГ I: 111].

<...> с первого взгляда земская повинность в Енисейской губернии и без того *покажется* ***отяготительною***, ибо в сложности приходится на душу 2 руб. 92 коп., однако же и *сего* даже сбора совершенно ***не нужно***, что доказывается тем, что Енисейская губерния ***давно не пользуется*** своими земскими повинностями, давно уже не имеет их в своем распоряжении, *кроме той, которая* ***потребна*** только на почтовых лошадей. Все прочее и самый экономический ***капитал*** ежегодно переводится в Иркутскую губернию [ЕГ II: 119].

(О средствах, которые помогут удержать ссыльных в Сибири – Н.Б.) Предположение *отдать их в половицики чиновникам с наделением этих последних землей* ***слишком неудобно***, ибо если правительство затрудняется в средствах, то какие могут иметь частные владельцы, которые, по сообразному числу женского пола против мужчин, ***не в состоянии даже пользоваться тем пособием***, что-

бы завести чистые колонии, т. е. обзавести семействами ссыльных, что, конечно, сделало бы немалое влияние на привязанность к месту? Подобное учреждение подало бы только возможность к возбуждению новых преступлений. <...> Остается в виду только два средства: **ближайший надзор и занятие** [ЕГ II: 123].

Ему сделалось ясно, что более четырёх тысяч **дохода** иметь не может и не хотел им **пользоваться**, и всё имение своё отдал сестре и матери. «Я ...не должен **пользоваться** ничем, кроме трудов своих» ... ему не верили более в **долг** [ПД IV: 43].

Крестьяне ходят на звериный промысел поблизости, **пользуются проходом** зверя через их или окрестные владения, употребляют время, остающееся от другой какой-либо промышленности. Немногие занимаются постоянно [ЕГ II: 77].

Доставляя вкусную пищу и щетину, мог бы он (домашний кабан – Н.Б.) составлять **хорошую отрасль промышленности в скотоводстве** (т. е. выгодную, полезную отрасль) <...> потомки (русских переселенцев – Н.Б.), **пользуясь** в изобилии говядиной, рыбой, дичью, ленятся вводить что-нибудь новое (имеется в виду активно разводить для Енисейской губернии свиней – Н.Б.) [ЕГ II: 83-84].

Город Онега Архангельской губернии лежит под 60° 53' «36» широты и **пользуется** хлебопашеством <...> [ЕГ I: 88].

Рябчики, куропатки, тетерева, редко бекасы приносятся охотниками в губернский город на продажу. Сами жители **не любят пользоваться** мелкой дичью, они пренебрегают ей, как и мелкую рыбу: ершей, окуней, щук [ЕГ I: 96].

(Семейство – Н.Б.) могло приобрести все те предметы, которыми **пользуется** крестьянин Енисейской губернии [ЕГ I: 110].

На них (заводах молочных, кожевенных и сальных –

Н.Б.) ежегодно **употребляется** произведений для общих работ суммой на 5.175 рублей <...>. [ЕГ I: 98].

Вырученную сумму **употребляют** на покупку нового товара и распродают в Красноярске. Через сей быстрый и деятельный оборот <...> [ЕГ I: 113].

Впрочем, сами для себя крестьяне ловят рыбу в таком количестве, что она составляет их обыкновенную пищу и часто в мясоед, летом и зимой. Они **употребляют** для ловли ее все, что сообразно с местностью и количеством рыбы. <...> Сети здесь **употребляют** не только для рыбы, но и для водяных птиц [ЕГ I: 95].

На продовольствие военных команд **употребляется** крупа ячная [ЕГ I: 91].

Небольшая часть (мещан как сословия – Н.Б.) имеет заводы сальные, кожевенные, мыловаренные, иные **употребляются** на сих заводах как работники, иные под защитой купеческих доверенностей торгуют <...> или **извлекают пользу** из разнообразных предметов и обстоятельств, недоступных в других местах, как то: из содержания заимок, сенокоса, рубки леса и дров, где молчат луга и дубравы. <...> **Лучшая торговля** красноярских мещан скотом и подрядом провоза купеческих кладей, но в Енисейске многие **употребляют себя на дело** кузнечное, отработывая (изготавливая – Н. Б.) земледельческие орудия для крестьян. Часть сих изделий удовлетворяет потребности своей губернии, а другая – продается енисейским купцам [ЕГ I: 102].

Они (лани – Н.Б.) **употребляются** в пищу, дают вкусно, густого молока [ЕГ I: 85].

Порода сибирских коров происходит, кажется, от смешения монгольских с китайскими. Они менее украинских, но более итальянских. Промышленность **извлекает** из них все, что может, исключая, что быки **не употребляются** под ярмо ни для пашины, ни для перевоза тяжестей, и что,

по доброму свойству земной почвы, рогатый скот не считается нужным к правильному удобрению полей [ЕГ I: 81].

Приказу Об. пр. (Общественного призрения. – Н.Б.) должно иметь в соображении возможность уменьшать сумму на милосердие, дабы из этого уменьшения преувеличить капитал. Приказ должен простираться в своих приобретениях до такой только степени, чтоб не упускать делать возможное пособие: он должен отыскать арифметическую черту разграничения, далее которой не мог бы увлекаться за приобретением. Мне кажется, что доходы определительные постоянные и определительные, но в количестве непостоянные должны все потребляться на священный подвиг милосердия и быть масштабом содержания существующих заведений [ЕГ II: 130].

Во время игры в шахматы, Катерина Михайловна села возле отца, уланского генерала, чтобы задобрить его и расположить к себе. «...не входя в дело; она только занимает выгодную наблюдательную позицию над уланскою бригадою» [ПД II: 177-178].

Рано поутру в замочную скважину подсмотрела она выгодного постояльца в военной шинели... [ПД IV: 81].

Я не для того выставляю **выгодныя** стороны дурнаго (в карикатуре, которую он рисовал на Тораторина и его жену – Н.Б.), чтобы прикрыть свою наружность (природа и оспа изуродовали его – Н.Б.). <...> Красота мужчины есть **необходимое** условие для пламенной любви [ПД IV: 112].

Разумеется, что нет никакой возможности определить прибылька каждого лица, но как неимущество одних заменяется безбедным состоянием других, а сие последнее – изобилием третьих, как работа и труды бедных извлекают от богатых частицу их достояния, частицу, **необходимую** для существования, для исправления обязанностей относительно общества и казны, – в таком случае, почитаю не излишним

представить для удобства к соображению ту прибыль, которую каждое бы лицо должно получать от сбыта годовой промышленности [ЕГ I: 101].

*К сим главнейшим предметам торговли присоединяются кожи, овчины, свечи, масло, все отправляется в Иркутск и Томск, не доставляя однако же **прибыли** более 27.900 рублей [ЕГ I: 104].*

*<...> от ввоза большого количества хлеба в Туруханский край купцами енисейскими. Частная торговля, принося **прибыль** купцам, доставляет более изобилия дикарям [ЕГ I: 128].*

*Теперь хотелось бы мне, со всей отчетливостью, показать настоящий улов зверя, но должен совершенно признаться, что сегодня сделать не в состоянии. Дикари, кочующие, крестьяне, купцы – никто решительно не выказывает официально **истинного положения добычи** и закупа. Никакое внушение над ними не действует. Все имеет какой-то покров тайны относительно всей промышленности, и в особенности пушиного товара. Так глубоко вкоренилась старая **боязнь скрывать прибыль** свой от любопытных начальств, а может быть, и от своих кредиторов! Объяснение сему будет ниже [ЕГ I: 78].*

*<...> улучшилось совершенно состояние татар. Постигая в настоящее время свои соотношения к правительству, свои права и обязанности, свободный в вероисповедании, в отправлении судных своих дел по степным обычаям, платя малую часть от своих **прибытков** в казну государственную, избавленный от рекрутской и всякой личной повинности, имея свободную волю поступать в другое сословие и учреждать училища – кочевой народ этот не может не питать священных чувств благодарности к незримому, но милосердному благотворителю их доли [ЕГ II: 126].*

***Наружность очень часто обманчива.** Как государ-*

ственные крестьяне **по результату дохода, выведенному из промышленности**, кажутся очень бедными, так, напротив, бродячий народ довольно вознагражденным **относительно платы за пушной товар**, но последнее также **несправедливо**, как и первое [ЕГ II: 110].

<...> однако же то из них (имений – Н.Б.), в котором поменьше душ, дохода приносит по десяти-летней сложности от хлебопашества 6, 280 рублей... Оно имеет хорошее скотоводства и много дровяного леса... [ПД II: 70].

Ему сделалось ясно, что более четырёх тысяч **дохода** иметь не может и не хотел им **пользоваться**, и всё имение своё отдал сестре и матери [ПД IV: 43].

(Старый агроном Гумов – Н.Б.) всё умеет делать, у которого <...> всё приносит доход в сто процентов на сто; всё пример и диво, и который хоть немножко, да во всём солжёт [ПД II: 213].

Мне кажется, что **доходы** определительные постоянные и определительные, но в количестве непостоянные должны все потребляться на священный подвиг милосердия и быть масштабом содержания существующих заведений, а все неопределительные случайные поступать в оборот приобретения с процентом дотоле, пока не составится из последних сумма, удобная для нового благотворного заведения с тем, чтобы сам капитал сопричислен был к тому, посредством которого извлекается определительный постоянный доход.

Как бы приказ ни действовал, только бы имел главную целью призрение, а не приобретение. Первое душа, последнее материя. [ЕГ II: 130].

доходы ... все должны потребляться на священный долг милосердия..., а все неопределительные случайные поступать в оборот приобретения с процентом... [ЕГ II: 130].

(О доходе имения – Н.Б.) **доход 5584 рубли** от одного хлебопашества [ПД II: 70].

Не позволяю себе однако же кончить сие отделение без особенных замечаний, которые, может быть, необходимы для читателя, готового уже с вопросами: где же народное богатство? Заплачено ли даже земледельцам за свои труды? Есть ли, по крайней мере, значительные капиталы у бродячих народов, судя по возвышенности их доходов против других сословий? Какого преобразования требуется от красноярского купечества? [ЕГ II: 107-108].

Все прочее и самый экономический капитал ежегодно переводится в Иркутскую губернию. Енисейская губерния на содержание Иркутской губернии или Якутской области переслала по распоряжению Главного управления 884.420 рублей. Распорядок сей, говорят, **необходим** в общем соображении Главного управления Восточной Сибири, но при сем соображении должна была родиться первая мысль о том, что **край, нуждающийся сам в пособиях, не должен истощаться для подкрепления другого**. Если сии беспредельные требования, сия, так сказать, **всегдашняя дань** Енисейской губернии к другим странам Восточной Сибири не прекратится (к ограничению чего есть весьма простой и **удобный** способ – уравновесить сметы с собственными **доходами**), то естественным образом средство, мною предполагаемое, не имеет места, в противном случае повинности были бы двумя третями ниже, и губернский город Красноярск обеспечен от пожаров и бродяг [ЕГ II: 118].

Страстный охотник до карт, псовой охоты, рысаков и цыганок, он **издерживал большие доходы** свои, полагаясь на имение брата, в надежде на его долгое безбрачие [ПД II: 34].

она (Барова – Н.Б.) **смешивала доходы имения** своего с **доходами дяди**, не требуя от него никакого отчёта [ПД II: 44].

<...> она обратила **всё внимание на возвышение до-**

ходов и воспитание детей. Оно было бы и хорошо; но первое отвлекало её от последняго. Доходы ея учетверились, не равняясь однако же с доходами знаменитых богачей: они были, так, ни шатки ни валки, полупосредственны, то есть, она могла проживать в Москве и натягивать зубами балы; а воспитание дочерей ограничивалось системою прошлаго столетия, то есть, оне болтали по-французски, прыгали и бренчали на клавишах. Ей, однако же, и то казалось дивом, потому что сама ни в дудочку ни поплясать; она с трудом даже подписывала имя своё и фамилию [ПД II: 70].

*Весьма бы желательно было, если бы **доходы** всей **губернии** могли так возрастать, как **доходы приказа** (О Приказе общественного презрения – Н.Б.), но они слишком постоянны, а это постоянство, при их бедности, заставит губернию продолжительное время стоять на последней ступени финансов империи [ЕГ II: 130].*

*Огороды <...> – **составляют выгоду** крестьянам [ЕГ I: 10].*

*Род промышленности приносит более **выгод** [ЕГ I: 101].*

*Подобный частный завод не может входить, для главных соображений, в общую промышленность губернии, разве только по тем **прикосновенным выгодам**, которыми пользуются работники [ЕГ I: 97].*

*Главное распоряжение состоит в точном и правильном разборе обществ, сообразно с большими или меньшими **выгодами** земли и с постепенностью промышленности [ЕГ I: 106].*

*Надобно отдать справедливость сему хозяину, который, кроме **собственных выгод**, печется и о пользе общественной [ЕГ I: 97].*

*Нельзя также думать, чтоб здешних язычников **обольщали какие-нибудь выгоды**: жители привыкли наблюдать большую терпимость и не оказывать ни преимущества христианам, ни презрения неверующим [ЕГ II: 148].*

<...> Подобный частный завод не может входить, для главных соображений, в общую промышленность губернии, разве только по тем прикосновенным выгодам, которыми **пользуются работники** [ЕГ I: 97].

Пользуясь всеми произведениями тамошней природы, они (дикари и промышленники – Н.Б.) живут в свободе и желанном изобилии... [ЕГ I: 51].

Ярмарка <...> тем более может быть **полезна**, что находится на реке Чулым [ЕГ I: 21].

<...> соединяет в себе любовь ко всему изящному, с глубоким знанием сердца человеческого; потому-то на Тельминской фабрике всё **полезное** соединяется с **прекрасным** [Пут.: 19].

Я беден: одно только **выгодное** супружество могло обеспечить жизнь мою в будущем, и я решился не упустить случая, который мне представился [ПД IV: 177].

<...> передних собак запрягают в лямки, т. е. в шлеи из толстой выделанной кожи ланей <...> положение, кажется, **не слишком выгодное**, но, как уверяют, **не вредное** [ЕГ I: 87].

Дела необходимые, приятныя, **полезныя** для всего семейства, а также распутица удерживали Долинского и Катенева в столице [ПД II: 220].

Одне только обязанности жены, могут меня принудить **пользоваться** земными наслаждениями [ПД IV: 2].

Он избрал последнее (статскую службу – Н.Б.) и, **пользуясь** чином, который позволял ему надеяться на места значительныя, остепенился [ПД IV: 42].

(Княжна – Н.Б.) так приятно и **полезно** умела разнообразить время [ПД IV: 161].

Имение <...> продано с публичного торга... что ж принадлежит до капитала денежного, мне кажется всего приличнее употреблять его там, где в виду возвышеннее **вы-**

годы. <...> Ничто не может почитаться презрительным в свете, что доставляет нам пропитание без обид ближнему [ПД II: 67].

*Кто смотрит на благоденствие государства с другой точки зрения, кто находит его не в одной меркантильной системе, но почитает **денежные выгоды** едиными средствами к доставлению **истинных**, тот может открывать в учреждении Енисейской губернии цель несравненно возвышенную [ЕГ II: 194].*

*О! Ежели бы вы знали, какую она **выгоду имела!** <...> (Учитель – Н.Б.) ставил главный план ученью, в котором существенной целью служила бессмертная истина. Он приступил к зданию на твёрдых основаниях религии; <...> науки сами по себе не имеют ничего вредного; а всё дело в образе их употребления [ПД II: 133].*

*<...> я придумал для себя **повыгоднее**: оставил хлопоты и суеты; пусть делают, что хотят! Я занял под себя чердак или так называемый мезонин и расположился в нём по своему, как в келье... [ПД II: 92-93].*

*На святках гадают <...> Падают спиною на снег: хороший отпечаток – **выгодно**, не совсем – плох. [ЕГ II: 180].*

*<...> Заводы, впрочем, **не приносят большой прибыли** ни мещанам, ни купцам, ибо от всех 29, которые находятся в городах Енисейской губернии, не очищается **дохода** более 3.000 рублей [ЕГ I: 102].*

*<...> если бы татары и буряты Восточной Сибири, подобно киргизам и башкирам, любили собственных коней своих, а не ту **прибыль**, которую от них получают, то верно бы кони сии не уступили ни силой, ни быстротой, ни огнем, ни гордостью башкирским и киргизским, представляющим остаток породы древнемонгольской [ЕГ I: 82].*

*Разумеется, что нет никакой возможности **определить прибыль** каждого лица [ЕГ I: 101].*

Я не говорю уже о харче, содержании малолетних детей. Я полагаю даже, что как сии предметы, так вообще относительно до содержания всего дома, могут лежать на **прибыли**, получаемой от скотоводства, огородов и трудов женского пола... [ЕГ I: 109]; преступники, составляющие работников сей фабрики, страшные некогда проходящим караванам, обратились ныне в кротких фабричных людей, а угнетающая их скудость не только в совершенное довольство, но даже в самый **избыток** [Пут.: 19].

<...> прибыль в убыток: Это значит ... **прибыль в убыток** (о строительстве загона – Н.Б.) [ПД II: 92].

Она (Енисейская губерния – Н.Б.) имеет вполне богатство положительное и **пользуется** достаточно **избытком** относительным [ЕГ I: 109].

Выстроить можно прекрасное помещение для **прибылых** лошадей и коляски [ПД II: 92].

Эта любовь (между родителями и детьми – Н.Б.) <...> менее чиста перед **бескорыстным** чувством дружбы, которое облагораживает людей и может единственно облагородить любовь между родителями и детьми [ПД II: 187-188].

Посредством сей работы крестьянин получает <...> должен будет употребить (потратить – Н.Б.) за 37 работников <...> употребив (потратив – Н.Б.) на работников <...> – получит **барыша** 1 руб. 99 коп. Хлебопашец, выруча капитал свой, находится еще в **необходимости из барышей**, т. е. из 1 руб. 99 коп., иметь следующие **расходы**: купить ржи для посева на полторы десятины и для продовольствия собственного своего, положить в кассу волостных **расходов** и внести причитающуюся на него сумму земской повинности, а притом, в течение года заготовлять для себя одежду или поддерживать ее и, наконец, **употребить** на поправку дома и земледельческих орудий. Я не говорю уже о харче, содержании малолетних детей. Я полагаю даже, что как сии предметы,

так вообще относительно до содержания всего дома, могут лежать на **прибыли**, получаемой от скотоводства, огородов и трудов женского пола, но где **нужны чистые деньги**, как например, на хлеб для своего продовольствия, на волостные **расходы**, на земские повинности – откуда возьмет он, **употребя свой барыш**, т. е. 1 руб. 99 коп., откуда возьмет на пополнение **необходимого расхода для взноса государственных податей?** [ЕГ I: 108-110].

Здесь открывается большая разница между истинной добычей и продажей, но все это потому, что неверны показания как продавцов, так и покупателей. <...> цена определительная только в первых руках, делается непостоянной в руках купечества. Я уверен, что купец туземный от черной лисицы мало возьмет **барыша** [ЕГ I: 100].

Для удобнейшего сличения **дохода** от промышленности и **расхода** по разным обязанностям, помещаю то и другое вместе [ЕГ I: 107].

Из сего выходит, что **расходы** превышают его (хлебопашца – Н.Б.) **доходы** [ЕГ I: 110].

Мне кажется, что **доходы** определительные постоянные и определительные, но в количестве непостоянные должны все **потребляться** на священный подвиг милосердия и быть масштабом содержания существующих заведений... [ЕГ II: 130].

Из сего видно, что по восьмилетней сложности ежегодный **приход** состоит из 1.838.574 руб. 78 3/4 к., **расход** из 800.286 руб. 76 1/3 к. [ЕГ II: 130].

Заводы, впрочем, не приносят большой <...> не очищается **дохода** более 3.000 рублей [ЕГ I: 102].

Для точнейшего определения **прихода и расхода и чистого дохода** принимаю восьмилетнюю сложность... [ЕГ II: 130].

Фрейм “Вред”

*Красноярское купечество полагает свой упадок, во-первых, от уничтожения Енисейской ярмарки, во-вторых, от уничтожения кабалы, через которую поработали себе татар и крестьян и, наконец, в-третьих, свободной коммерции иногородних крестьян на праве купцов. <...> но спрашивается у всех **благомыслящих** людей: можно ли пенять на дурные успехи последствий, ежели самая причина заключала в себе **вред**? Спрашивается у торгового человека с высшим образованием: может ли **правильная** коммерция допустить, чтоб основанием ее была незаконность? И чтобы лица, посвящающие себя торговле, пренебрегали **благоразумной осторожностью**? [ЕГ I: 113].*

*Воеводы эти были самовластные. Ссорились между собой за орды завоеванные: каждый приписывал победы себе, чтобы иметь право собирать дани и **пользоваться** при сборе. <...> Они попускались правительством, может быть, от того, что в самовластии одного воеводы в странах отдаленных предполагалось не только сильнейшее **злоупотребление**, но и важный **государственный вред** [ЕГ II: 185].*

*<...> откуда возьмет он (хлебопашец – Н.Б.), <...> для взноса государственных податей? <...> подати легли уже на капитале крестьян. **Важный общественный вред!** которому, кажется, не иначе можно пособить, как через приведение в равновесие цены на хлеб и **необходимых потребностей** хлебопашца, <...> чтобы поселянин имел возможность **существовать для общества и казны** [ЕГ I: 108-110].*

*Воровство наказывается или телесно, или пенею, вообще все то, что предполагает **ущерб**, влечет за собою пенею [ЕГ II: 170]; (казна – Н.Б.) употребляет половину **на расходы** [ЕГ II: 193]; ... всё это (материальная помощь молодой паре крестьян – Н.Б.) сопряжено с **убытком** [ПД IV: 155].*

Такая хозяйственность (трата казны на расходы и рост личной выгоды граждан – Н.Б.) не может не удивлять ме-

лочных счетчиков, подобных тем, которые <...> выпускают между тем из виду **важнейшую потерю** [ЕГ II: 194].

Одно только **зло** состоит в **ущербе казны**, ибо содержащие в тюрьме беглецов и их пересылка лежат на ее суммах, но **это зло есть уже необходимое**, каких много в свете, **это зло по хозяйственной части** [ЕГ II: 122].

Разумеется, правительство сделало все, что можно для предупреждения **зла** <...> **злоупотребление** торговли столь же вредно для государства, как и ее стеснение [ЕГ I: 112-113].

Нет другого средства избавиться от сей **вредной** неприятности (песчаной бури – Н.Б.), как переселяться к подножию горы Афонтовой [ЕГ I: 60].

Болезнь <...> есть общая всему скоту по обстоятельствам, которые **вредят** каждому [ЕГ I: 81]; умственные занятия более **вредят** составу физическому [ПД II: 209]; может быть неудовольствие и **повредишь** делу [ПД IV: 31].

Вредно... намочить ноги; **вредно** высушить на них обувь [ПД IV: 233].

<...> нет ничего хуже невежества, когда человек не сознаётся в нём. В таком случае всеми поступками его руководствую надменность и хвастовство, которые дают ему толчки на пути и **заставляют** иногда толкать других, **наносить вред** и обвинять их же в вине своей [ПД II: 69].

<...> староста не очень аккуратный человек; можно сказать **вредоносный** [ПД IV: 158 и др.].

II – Контексты, имплицитно выражающие концепт «Польза» в текстовой ситуации утилитарного оценивания

<...> на величайшем пространстве, и все на дороге большой, отличительно – коммерческой, вынуждают по **необходимости** обращать особенное внимание на успокоение караванов и всех проезжающих [ЕГ I: 67].

<...> *обстоятельство сие, как необходимое для ближайшего надзора, входило в разряд новой администрации* [ЕГ I: 19].

Надобно признаться, что звероловство Енисейской губернии заслуживает менее внимания, чем число самих зверей. Очень заметно, что кочующие татары и крестьяне, будучи подкреплены другой промышленностью, не столько успевают в звероловстве, как бродячие Туруханского края. Чем ближе и сии последние будут спознаваться с хлебопашеством, с крестьянами, с образованностью, чем скорее вдадутся они в населенную землю и будут обзаводиться домами, тем скорее спадать будет их звероловство, но тем более станут умножаться звери [ЕГ I: 79]. (О пользе в развитии хлебопашества для Енисейской губернии и для её природы).

Сбыт приобретений, получаемых от всяких отраслей промышленности, есть результат народного богатства. Приступаю к извлечению общего итога всей суммы из доходов от промышленности Енисейской губернии, продолжая иметь в виду, по необходимости, официальные сведения [ЕГ I: 99].

Было время, что в могилах Минусинского края находили множество серебряных и золотых вещей. Тогда собирались целые артели, и под названием могильщиков, ходили нарушать спокойствие мертвых. Теперь очень редко можно отыскать могилу неприкосновенную. Но где же те вещи, которые достались в добычу могильщикам? Большая часть из них растоплена в слитки; другая разбрелась по рукам. Археология много утратила; желательно было бы, чтоб, по крайней мере, в настоящее время какой-нибудь государственный музей обратил на сии вещи особенное внимание и сберег рассыпанные остатки. Европейцы почли бы сие собрание одной из величайших древностей, отдаленное потомство было бы ему благодарно [ЕГ I: 31].

– ...для неё (дочери Кутерминой – Н.Б.) довольно хотя маленького наставления от сельского священника, чтобы заставить её **употреблять** поваренную соль с умеренностью. Но вашей дочери, готовой сделаться провизором всех наук, необходимо иметь глубокия сведения.

– Без него (врача – Н.Б.) ... провизор или аптекарь не могут распоряжаться никакими целебными средствами.

– не могут и не должны..., но весьма нередко распоряжаются, а потому-то и **необходимо**, чтоб ваш прекрасный провизор имел врача, под руководством котораго делал точное **употребление** своим солям.

– Да кто же этот врач?

– Он, ... Тот, кто имеет силу спасения. Имеет ли она его? [ПД II: 137].

Ежели не существует более лошадей диких, то подобие их можно видеть в табунах. Татары предоставляют все природе и счастью. Солоноватые растения составляют всегдашний корм их лошадей, утесы – защиту от зноя и бурь, выездки никакой. Никаких особенных средств к размножению, заводские лошади истощаются. Может быть, приобретение жеребцов другой породы могло бы улучшить табуны татарские, может быть, – но к чему это? В таком случае переменится совершенно порода удалых коней монгольских, а ее надобно поддерживать, возвысить, что и действительно исполнилось бы при лучшей внимательности татар к образу размножения, в который должны входить большая разборчивость и постоянное наблюдение, как водится у арапов [ЕГ I: 31].

Иркутский гражданский губернатор выписывал от г. Гаврея из Москвы 12 мериносов для опыта. Могут ли они разводиться в Иркутской губернии? Но г. Гаврей вместо 12 отправил в 1831 году целое стадо, заключающееся в 480 овцах. Когда овцы сии прогонялись через Красноярск, под надзором

англичанина Менне-да и ветеринара Бергера, их осталось уже 300. Но если взять в соображение 5.000 верст, чрезвычайно различную для них температуру воздуха и воды, частые изменения в атмосфере и особенности дожди, дорогу не везде удобную и степь Барабинскую, страшную по ее сибирской язве, то нельзя не отдать должной справедливости иностранцам, Меннеду и Бергеру, сохранившим до Красноярска 300 мериносов. Если иностранцы сии заслуживают всякую похвалу за свое усердие и искусство, то как не удивляться самому г. Гаврею, который на свой страх послал за тридцать земель мериносов, из коих только 12 должны быть куплены необходимо, а продажа прочих остается сомнительной? К сему должно присовокупить и то, что упадок мериносов во время пути, довольствие, жалование доверенным лицам, падая на цену оставшихся овец, возвысили их до того, что каждая стоит 250 рублей, а баран 300 и более. Вероятно, что правительство Иркутское употребит все пособия через подписку ли, через другие ли какие меры к усиленному сбыту присланных туда мериносов. За всем тем, основательно можно сомневаться в удовлетворительном вознаграждении его предприятия, которое может исполниться разве в таком случае, если (по сделанному опыту на разведение мериносов, что, кажется, должно получить успех: ибо температура воздуха едва ли будет вредить им) все они будут куплены для Тельминской суконной фабрики, с предположением основать на ней производство тонких сукон. Во всяком случае, смелая хватка г. Гаврея имеет право на благодарность жителей Сибири. Ибо, как бы то ни было, посланные один раз мериносы на берега Байкала не возвращаются уже назад, и обстоятельство сие останется эпохой улучшения овцеводства не только в Северной Азии, но, может быть, и во всей Монголии [ЕГ I: 83].

Ачинск в непродолжительном времени, по его местно-

му положению, может сделаться хорошим портовым городом, но Канск и Минусинск, в которых по сию пору нет еще ни одного купца, останутся еще на долгое время в сельском своем состоянии. Для первого нельзя решительно определить сего времени, для последнего назначаю эпохой преобразования красоярского купечества, т. е. когда оно само себя удостоверяет, что одна только **правильная торговля может возвысить и капитал, и собственное достоинство** [ЕГ I: 106].

Приказу Об. пр. (Общественного призрения – Н. Б.) должно иметь в соображении возможность уменьшать сумму на милосердие, дабы из этого уменьшения преувеличить капитал. Приказ должен простираться в своих приобретениях до такой только степени, чтоб не упускать делать возможное пособие: он должен отыскать арифметическую черту разграничения, далее которой не мог бы увлекаться за приобретением.

Мне кажется, что доходы определятельные постоянные и определятельные, но в количестве непостоянные должны все потребляться на священный подвиг милосердия и быть масштабом содержания существующих заведений, а все неопределятельные случайные поступать в оборот приобретения с процентом дотол, пока не составится из последних сумма, удобная для нового благотворного заведения с тем, чтобы сам капитал сопричислен был к тому, посредством которого извлекается определятельный постоянный доход.

Как бы приказ ни действовал, только бы имел главную целью призрение, а не приобретение. **Первое душа, последнее материя** [ЕГ I: 130].

<...> но все езжалые собаки сибирские до Восточного океана породы одной, с некоторым изменением роста и цвета шерсти. Они известны в Петербурге по той стае, кото-

рую **г. Голенищев** привез с собой из Камчатки. <...> В них нет ни наглости, ни жестокости, ни полудикости, как описывает **Бюффон**. И может ли быть иначе в том положении, в каком они находятся при беспрестанном надзоре от самого гнезда, при учены, при всегдашнем обращении с хозяином и трудных далёких путях? **Бюффон** путается в породе сих собак, называя их то камчатскими, то сибирскими, или просто русскими, присваивая им также неопрятность и жадность, но они, ежжальные собаки, так же неопрятны, как лошади и лани. <...> **Коллисон** уверяет, что сибирские собаки мешаются с волками и лисицами, и потому на них похожи. Конечно, могут быть похожи, как и все собаки, которые более приближаются к ним величиной, цветом шерсти, косматостью и более или менее длинным и острым рылом [ЕГ I: 86].

Не надобно полагать, чтобы собак (в нарты – Н.Б.) запрягали с какой-нибудь симметрической правильностью, наблюдается только **необходимость и облегчительные способы для собак**. Например, впереди передовая, за ней две сворных, за ними две или три подтяжных, которые прицепляются уже не за общий ремень, а за передок саней. Иногда передовая запрягается рядом с сворными и бежит посредине. Передовая управляет всеми. <...> Самое любопытное относительно передовой собаки заключается в том, что она бежит, оглядываясь беспрестанно на своего хозяина, и ежели заметит, что он по какому-нибудь случаю вывалился из саней, то, не в силах будучи вдруг остановить задних собак, начинает исподволь, на всем бегу, делать круги и, увлекая их таким образом за собой, прибегает к хозяину. Передовая собака с таким достоинством называется оборотятная. (Они стоят иногда 50 и 100 белых песцов, т. е. от 200 до 400 или от 250 до 500 рублей.) [ЕГ I: 87].

<...> упоминал (ранее – Н.Б.) слегка о заводе стеклян-

ном г. Коновалова – теперь нахожу приличным описать его несколько подробнее. Хотя он построен после учреждения губернии, но находится уже в возможности снабжать стеклянными изделиями не только свою, но Томскую и Иркутскую губернии. <...> в настоящее время, благодаря стеклянному заводу г. Коновалова, везде место слюды и пузырьрей заступило стекло. В заводе сем делают разную посуду, которая до того крепка, что без всякого опасения выдерживает кипяток. Недавнее учреждение его не помешало заводчику учредить гранильню, на которой **порядочно** гранится кристалльная посуда, жаль только, что он за всеми усилиями не может довести массу до настоящей чистоты, а потому вазы, лотки и другие подобные вещи производятся из стекла, приблизительного цвета к самородным камням: жаль тем более, что в сих поделках для грани приготовляемых масса так плотна, что никогда не бывает ни одного пузырька и малые сосуды, имеющие цвет аквамарина и берилла, могут мистифицировать (вводить в заблуждение – Н. Б.) многих. Ежели бы **чистота стекла** доведена была до **совершенной**, то смело можно поздравить г. Коновалова, что граненая посуда не уступила бы тем, которые производятся на гранильнях великороссийских. Желательно бы еще было, чтобы рисунки форм имели более **вкуса** [ЕГ I: 97].

Впрочем, у всякаго ум царь в голове, осуждая большое тщеславие хозяев, не осуждаю балов. Пусть себе они гремят и блещут: чем бы дитя не тешилось, только бы оно не плакало; а притом, деньги богача всё-таки переходят в руки честных ремесленников [ПД II: 79-80].

Ничто не может быть лучше, как образ хлебного закупя, который производится в Енисейской губернии не только в магазины эти, но и для винокуренного завода и по другим требованиям. Нет подрядчиков или крестьяне все подрядчики. Все они допускаются к торгам за законными свиде-

тельствами и круговою порукою общества. Является до 200 поверенных от разных волостей со списком доверителей, с их правами на торги, но никто не может торговать на количество, превышающее 50 пудов на душу. Таким образом, каждый крестьянин имеет свою часть и деньги разбегаются по всему сословию поселян. Превосходное распоряжение это должно приписать единственно генерал-губернатору Лавинскому. По окончании торгов и утверждении их высшим начальством крестьянам из казначейств раздаются деньги и назначаются от начальства места для своза, которые обыкновенно бывают и пристанями, где получается хлеб сплавщиками для доставления по принадлежности [ЕГ I: 128].

Встрепенулись все воеводские канцелярии, великое начинается приуго-товление к отпору (китайцам на границе в 1775 году – Н.Б.) и обороне; со всех сторон стекаются предписания <...> – чтоб каждый имел недремлемую осторожность, как обыватели, так и казаки в силу данной Богу и государю присяги, и буде кто что заметит, давал знать другим, со всевозможной поспешностью и аккуратностью, чтобы каждый имел ружье, порох, свинец и другие орудия, у кого какие есть [ЕГ I: 41].

<...> роца, сохранныя от назойливого стада граждан. (На том месте, где ныне существуют новые кварталы, был до 1822 года выгон скота) [ЕГ I: 61].

Из Минусинска идет горами дорога прямо в Рыбинскую волость Канского округа, но она годна только для прогона скота, и в особенности нравится беглецам [ЕГ I: 68].

Ход по Чулыму извилистому был бы очень хорош: нет ни порогов, ни камней, ни постоянных корчей, если бы во время полноводья не разливался он по плоским берегам, что во время бури довольно опасно для судов, ибо под разливом сим образуются мели [ЕГ I: 69].

Из Иркутска по Ангаре отправляются в начале июня суда и карбасы, из которых первые поднимают не более 2 тысяч, а последние до 700 пудов, потому столь мало, что они должны встречать на сей реке беспрестанные препятствия от порогов, подводных камней, водоворотов. Препятствия сии до того затруднительны, что заставляют выгружать клади, перевозить их берегом через места опасные и снова нагружать их [ЕГ I: 70].

Невозможность узнать истинный улов зверя <...>. Нельзя не сожалеть, что по сию пору существуют закоренелые привычки не только в Сибири, но и в других местах не только между простым народом, но и дворянами и людьми коммерческими. Иные хотят себя выказывать немущими, бедными. Другие, к стыду в настоящие времена, боятся изурочить себя, третьи не понимают сами собственных своих отзывов, будучи согласны и не согласны с любопытными изыскателями, четвертые, наконец, по глубокой какой-то надменности не хотят удовлетворять случающиеся требования и тем лишают возможности благонамеренных путешественников и правительство узнавать истину. Далее А.П. Степанов вводит цитату из сочинения статского советника Словцова: «Он говорит в сочинении своем «Тобольск в разных отношениях»: «Статистические таблицы 1) пишутся не в порядке понятия или без всякого понятия на удачу, 2) объемяют обороты го смешанно о предмете по сказкам, то отдельно... Все убеждает, что числовые выражения народного богатства, изображаемые грифелем скорописцем и не поверяемые ученой методой, часто бывают обоюдными логарифмами» [ЕГ I: 78].

Надобно признаться, что звероловство Енисейской губернии заслуживает менее внимания, чем число самих зверей. Очень заметно, что кочующие татары и крестьяне, будучи подкреплены другой промышленностью, не столько успева-

ют в звероловстве, как бродячие Туруханского края. Чем ближе и сии последние будут спознаваться с хлебопашеством, с крестьянами, с образованностью, чем скорее вдадутся они в населенную землю и будут обзаводиться домами, тем скорее спадать будет их звероловство, но тем более станут умножаться звери [ЕГ I: 79].

Нельзя противоречить, что табуны Сагайской степи привыкли к холоду и ко всем изменениям сибирской температуры, но за всем тем, беспрестанная изневага, привычки, не обуздываемые надзором хозяев, повергают их общим болезненным припадкам, открывающимся весной в виде колики и рези. <...> Холмы, поросшие в изобилии люцерной, журавлиным горошком, равнины высокие или солончаковые, климат, способствующий пастись на свободе почти целый год, исключая случайную жестокость стужи или гололедицы – все, кажется, в Минусинском округе способствует хорошему овцеводству, только не достаёт знания и прилежности. От того частые вертежи, гады, ножные боли [ЕГ I: 82-83].

К промышленности, относительно естественных воспроизведений, не достаёт еще рыбной ловли: она могла бы быть одной из главнейших ее отраслей. Изобилие рыбы так велико <...>. <...> для продовольствия городов губернии можно было бы заготавливать большое количество икры, балыков, соленых сельдей, вяленой рыбы, сушеных тузунгов, но, к сожаленью, ничего этого нет, и только Анциферовская волость, последняя к северу, расположенная по Енисею, бедная в хлебопашестве, и татары кызыльские, кочующие по берегам своих озер, выпускают в продажу рыбу свою [ЕГ I: 94-95].

Овцы продаются по всей губернии, рогатый скот по своей и двум соседним. При сей торговле нельзя не заметить в особенности одной непростительной черты: крестьяне знают необходимость Иркутской губернии в их товаре, зна-

ют, что рано или поздно закупащики должны приехать в их край, и, не дожидаясь, гоняют сами стада и табуны за 1.000 верст. От этого скот приходит в худшее состояние, хозяева становятся невольниками покупащиков и цена, естественным образом, делается низкой. Крестьяне сами сознаются в худом расчете и между тем не перестают увлекаться нетерпением [ЕГ I: 100].

Нельзя не отдать справедливости как нижнему классу жителей города Енисейска, так и крестьянам его округа. Они весьма рукодельны, чему примером служить может промышленность простыми сукнами, холстом, сумма, за них выручаемая, далеко превосходит сумму, выручаемую от сих изделий другими уездами [ЕГ I: 102].

Красноярское купечество занимается торгом скота, пушного товара, хлеба. Я хотел бы сказать – доставкой китайских товаров сухим и водным путем до Нижнего Новгорода, но это принадлежит одному только частному лицу (Купцу Коростелеву), следовательно, не может входить в общий состав промышленности. (Этот деятельный и умный гражданин г. Красноярска снискал доверие знаменитого купечества, торгующего в Кяхте, и постоянно оправдывает его в течение многих лет) [ЕГ I: 103-104].

<...> весь закуп из первых ли рук или через мелочных купцов ограничивается закупом 3 тыс. рогатого скота и 5 тыс. овец, что все расходятся в Красноярске и Енисейске, и так почти всегда удачно, что капитал, употребляемый на сей закуп, возвращается с процентами к ноябрю месяцу [ЕГ I: 104].

Порядочный гостиный двор с красным и мелочным товаром и в особенности деятельная торговля купца Родионова – все это позволяет возвышаться обороту внутренней торговли до той степени, в которой он показан выше. Торговля производится: красным товаром в городе, а маслом, салом, кожами – в Иркутскую и Томскую губернию и в осо-

бенности хлебом, сплаваемым на судах в разные места Западной Сибири, вдоль по соединению вод [ЕГ I: 106].

Ачинск в непродолжительном времени, по его местному положению, может сделаться хорошим портовым городом, но Канск и Минусинск, в которых по сию пору нет еще ни одного купца, останутся еще на долгое время в сельском своем состоянии. Для первого нельзя решительно определить сего времени, для последнего назначаю эпохой преобразования красоярского купечества, т. е. когда оно само себя удостоверит, что одна только **правильная торговля может возвысить и капитал, и собственное достоинство** [ЕГ I: 106].

ОБЯЗАННОСТЬ ПОДАТНОГО СОСТОЯНИЯ К КАЗНЕ

Через промышленность и торговлю жители политического общества в состоянии только исполнить свою обязанность к сему последнему относительно общего хозяйства. Но может ли Енисейская губерния удовлетворить на сей счет требования государства, и в какой мере?

ПОДАТИ, ДАНЬ

Обязанность государственных крестьян и мещан, включая рекрутской и других повинностей личных, существует во взносе мещанами: подушных, земских и общественных повинностей, а крестьянами – оброчных, подушных, земских и общественных повинностей.

Татары вносят ясак, подушные и повинности. Бродячие – один ясак шкурами и деньгами.

ПОВИННОСТИ

В Сибири повинности разделяются на 5 разрядов: в первом купечество, в четырех – мещане, крестьяне и инородцы. Главная цель сих разрядов есть уточненное попечение об участи народов. Они установлены не по сословиям, исключая купечество, но по степени хозяйственного благосостояния. Каждый разряд не только помещается особо в окру-

ге, но особо в волости из разных уездов, и в важных случаях, особо сами деревни. В разряды сии могут входить изменения при новой раскладке повинностей. Главное распоряжение состоит в точном и правильном разборе обществ, сообразно с большими или меньшими **выгодами** земли и с постепенностью промышленности [ЕГ I: 106].

<...> рассматриваются частные жалобы и определяется им надлежащий ход <...>. Существенный предмет общего губернского управления есть надзор и разрешение [ЕГ II: 117].

Ссылные вообще не имеют от правительства никакого пособия для пропитания и должны вдобавок с того же года, когда прибудут в место назначенное, платить подушные. При возведении же поселений, избавя рабочих от подушных, дав большое пособие на первое обзаведение, правительство не должно уже почитать себя в **обязанности** изменять общее постановление о ссыльных, содержа их на своем пропитании, или награждать их такими предметами, которые они в возможности приобрести сами, получа достаточное уже пособие, ибо и без него должны были бы выработать взносы в казну, но как нет возможности ссыльному, во время общих поселенческих работ, сыскивать для себя пропитание частными средствами и возделание полей могло бы оставаться на долгое время без всякого действия, то и в этом случае правительство на пособие ссыльным для двухгодичного продовольствия закупа семян ассигновало сумму 210.835 рублей [ЕГ II: 125].

Относительно продовольствия хлебом, я полагаю непростительно в Енисейской губернии довести обывателей до скудости. <...>. Кроме сельских запасных магазинов, на ходятся еще для бродячих народов казенные <...> [ЕГ II: 126-127].

<...> возродились неудовольствия между ним и началь-

ством. ... донесение о худом положении фабрики о беспре-
станных побегах. Управление Г. Коха и его предместника
не имеет в себе ничего особенного, разве только то, что при
них все **фабричныя строения** пришли, от времени, в вет-
хость [Пут.: 9].

Крепость Троицко-Савская, где теперь находится одно
только селение, была основана на узкой долине, окружён-
ной горами. Почитая память основателя ея, нельзя не заме-
тить, что **дурное** место было выбрано для крепости; ибо
она **подчинялась** со всех сторон **выстрелам**, при действии
всякаго рода орудий, даже стрел [Пут.: 31].

Несмотря на сии, по видимому уже определятельные
торговья сношения обоих народов, обоюдныя действия ку-
печества находились в слабом положении; таможня переносилась до 1784 года из места в место, и только в 1792 году.
при дополнительных трактатах, всё пришло в **стройный**
порядок и торговля **облеклась настоящим своим достоинством** [Пут.: 36].

Старый Родищев: «Правда ли, Алексей Павлович, что
есть люди, которые делают зло не для того только, что
увлекаются мщенем, не для того только, чтоб **извлечь**
какую-нибудь **выгоду** для себя или для общаго блага; но что
гибель и огорчение другаго, даже приятеля ...доставляют
им просто уладу, как бы например тигру мучение серны».

«Правда», отвечал я.

Родищев: «...от чего же это было?»

Горянов: «От кошачьей, злобной натуры, от неправиль-
ного, низкаго образа мыслей, от того, что их облекает **эго-**
изм нагольной».

Родищев: «То есть, от **злости** и глупости, однако же
кошки не глупы».

Горянов: «Мало ли кто умён и даже очень умён; но
увлекаемый любимую потребю сердца, отступает часто

от правильного образа мыслей и ввергается в безумие» [ПД IV: 53-54].

<...> слабость его (Карла X – Н.Б.) выказывает душу ангельскую. ...нельзя сказать, чтобы доверенность его употребили во зло... Желая государю своему блага, он (Полиньяк – Н.Б.) обозревал его с другой точки зрения: он может быть ошибался, а государь увлекался ошибками любимца. По совету его особенным постановлением уничтожилась палата избирательная, конечно, вспыхнул Париж! [ПД IV: 61-62].

<...> нужен человек расчётливый... себе на уме. <...> Князь Иван Гордеевич (Таракутов – Н.Б.) имел точно ум весьма расчётливый во всех отношениях. ... по расчётливости, он привязан был к одной расчётливой женищине ..., но она умерла. <...> Однажды по утору после виста, когда генерал, окончив расчёт, положил в кошелёк свой кучку империалов и остался ещё за столом, подседа к нему Серпуховская [ПД IV: 106-107, 109].

Точная правда ... вы изволил расчесть, что овчинка не стоит выделки. (Слова Родищева были обращены к генералу Ивану Гордеевичу, который не захотел состязаться в скачках – Н.Б.): ...не знаю приездки здешних лошадей ... и не могу даром сломать себе шею [ПД IV: 114].

<...> сено ... сбудем....., пополним издержечки [ПД IV: 180].

Научное издание

Наталья Алексеевна Бурмакина

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
ПЕРВОГО ГУБЕРНАТОРА
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

*Лингвокогнитивные и прагматические проблемы
лингвоперсонологии*

Монография

Электронное издание

Редактор *Н.А. Агафонова*
Корректор *С.А. Бовкун*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.09.13.

Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 24,37